Т3(2Р-6МО)я54
М 792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ТРУДЫ

ВЫПУСК XXVII

Серия историческая

53109

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. К. Инжеватов, К. А. Котков,
Л. Г. Филатов, С. О. Циркин

М. Г. Сафаргалиев

ПРИСОЕДИНЕНИЕ МОРДВЫ К РУССКОМУ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМУ ГОСУДАРСТВУ[1]

В результате объединения в XIV—XV веках русских земель вокруг Москвы происходило становление русского централизованного государства. Этот объединительный процесс русских земель в централизованное государство вызван социально-экономическими причинами и был подготовлен ходом исторического развития. Как указывал Ф. Энгельс, «в России объединение русских земель путем покорения удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, завершенного при Иване III»[2].

Некоторая часть мордовского населения еще в самом начале объединительного процесса русских земель вошла в состав Московского (великого) княжества. Часть мордвы, заселявшая мещерские места, оказалась под властью московских князей в связи с их покупкой у крещеного татарского князя Александра Уковича; другая часть мордвы просто была отнята у татар.

Из договорной грамоты великого князя Дмитрия Ивановича Донского с великим князем рязанским Олегом Ивановичем от 1382 г. мы узнаем, что купленная князем великим мещера, как было при Александре Уковиче, должна была принадлежать князю великому Дмитрию, «а князю великому Олегу не вступатися по тот разъезд. А что татарская места отоимал князь великий Дмитрий Иванович за себя от татар до сего до нашего заключения, та места князю великому Дмитрию, а что князь великий Олег отоимал татарская от до толе им, а то князю великому Олегу та места»[3].

Из договора 1402 г. московского великого князя Василия Дмитриевича с великим князем рязанским Феодором Ольговичем, подтверждающего договор 1382 г., выясняется, что в дого-

[1] Печатается в сокращенном виде. Ред.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 450.

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв., 1960, изд. АН СССР, стр. 29.

воре 1382 г. речь шла о местах, татарских и мордовских в Мещерской земле, расположенной по Оке, Цне и заселенной по преимуществу мордвой-мокшей[1]. Когда эта часть мордвы оказалась под властью московских и рязанских князей, не установлено, во всяком случае это произошло не в 1382 г., а гораздо раньше, быть может, в период междоусобицы в Орде, происходившей в 1359—1379 гг.

Вслед за мордвой-мокшей, жившей в бассейнах нижнего течения Мокши и Цны, в состав Московского великого княжества вошла та часть мордвы-эрзи, которая раньше находилась в пределах Нижегородского и Муромского княжеств. В 1392 г. великий князь московский Василий Дмитриевич, бывший в Орде, вскоре после поражения хана Тахтамыша Тамерланом, воспользовавшись денежными затруднениями Тахтамыша, купил ярлык у него на владения Нижегородским и Муромским княжествами. В связи с приобретением прав на владения этими княжествами Москвою мордовское население, «что к Мурому потягло», а также мордовское население, жившее по Кудьме, Пьяне, Теше, вошло в состав Московского великого княжества[2].

С переходом в состав Московского великого княжества (частично и Рязанского) мордовское население, освободившееся из-под власти золотоордынских ханов, вместе с русским населением принимает участие в борьбе с Золотой Ордой. Об этой совместной борьбе русского и мордовского населения с татарскими феодалами сообщается в русских летописях. В 1444 г. золотоордынский царевич Мустафа совершил поход на Рязанское княжество, учинив тяжелое разорение последнему. Татары пытались зимовать в самой Рязани. Против Мустафы великий князь московский послал войско с воеводами Василием Оболенским и Андреем Голятовым, с войсками московскими была и «мордва на ртаж (лыжах), с сулицами, рогатинами и с саблями». Под ударом соединенных сил Рязанского и Московского княжеств, в котором принимала активное участие мордва, татары были разгромлены. В сражении погибли царевич Мустафа и татарские князья[3].

Правда, победа над отрядами Мустафы не привела еще к освобождению мордвы из-под власти ханов. Хотя к тому времени сама Золотая Орда распалась на более мелкие новые татарские государства, однако на ее развалинах образовалось в 1438 г. не менее агрессивно настроенное Казанское ханство, претендовавшее на наследство Золотой Орды.

---

[1] Там же, стр. 53—54. М. К. Любавский. Образование основной государственной территории и великорусской народности, 1926, М.—Л., стр. 90.

[2] М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 93—94. Очерки истории СССР XIV—XV вв., изд. АН СССР, 1953, стр. 138.

[3] ПСРЛ, т. XII, А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. 1, 1889, СПБ, стр. 166.

Основатель Казанского ханства Улук-Мухаммед в 1445 г. совершил новый поход на Москву, закончившийся пленением великого князя Василия Васильевича Темного. При освобождении великого князя из плена в 1445 г. был заключен чрезвычайно тяжелый для Москвы договор, одна из статей которого (сам договор не сохранился) косвенно касалась и судьбы некоторой части мордовского населения в Мещерах. По этому договору, как можно судить из сообщения Сигизмунда Герберштейна, великий князь уступил Касиму — сыну казанского хана Улук-Мухаммеда ту часть мещерских мест, где жила мордва, чтобы образовать новое татарское (правда небольшое) ханство Касимовское[1].

С образованием Касимовского ханства мордовское население в мещерах, жившее в пределах Касимовского ханства, было подчинено ханам касимовским. Впоследствии эта часть мордовского населения в числе других была обязана по договору платить ясак царевичу «Касиму и его преемникам»[2].

Остальная часть мордовского населения, жившая на востоке от Касимовского ханства, по-видимому, была покорена Улук-Мухаммедом в 1439—1445 гг., в период его походов на Русь. Число мордовского населения в Казанском ханстве должно было быть значительным. Князь Андрей Курбский, называя людей Казанского ханства многоязычными, говорит о существовании там, кроме татарского, «пяти разных языков: мордовского, чувашского, черемецкого (марийского), вотяцкого, аборского, пятого — башкирского»[3]. В этот перечень языков, на которых говорили в Казанском ханстве, князь Курбский ставит мордовский язык на первое место после татарского, что свидетельствует о значительности мордвы в Казанском ханстве[4].

До каких пределов доходили границы Казанского ханства

---

[1] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, 1908, СПБ, стр. 103.

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв., стр. 288—289. В состав Касимовского ханства вошла лишь та часть мордвы, которая согласно договору 1382 г. принадлежала Москве. Мордовское население, по этому же договору принадлежащее Рязанскому княжеству и занимавшееся бортничеством, рыболовством, звероловством, оброк по старине платили рязанским князьям. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв., стр. 334).

[3] Кн. А. Курбский. История великого князя Московского, 1839, СПБ, стр. 47.

[4] Любопытен тот факт, что среди мордвы существует интересное предание об основании Казани. В Мордовском предании говорится о том, как одно мордовское селение задумало построить город Казань и начало советоваться, на чем же основать, т. е. что положить в основание Казани: если положить живую рыбу, то город будет текучим, трудно будет удержать его на месте, если положить корову—город будет скучным, вялым, нежизненным, если — собаку—город будет злым. Тогда решили положить в основу Казани красную девицу, единственную дочку у отца-матери, чтобы город был красив и весел, как девица. (Евсевьев М. Е. Мордва в Татреспублике. Материалы по изучению татарстана, вып. II, 1925, Казань, стр. 180).

на западе, на этот счет в источниках нет определенных указаний. Князь Курбский, участник казанского похода в 1552 г., говорит о городе Муроме: «Аще лежит от поле уже крайное к Казанским пределам», как о пограничном пункте между Московским государством и Казанским ханством[1].

Мордовское население, жившее по Суре и в верхнем и среднем течении Мокши, вследствие этого оказалось в зависимости от Казанского ханства. Большая часть мордовского населения была переселена ханами из районов реки Мокши и Суры к центральным и восточным районам Казанского ханства. Длительное пребывание мордвы в составе Казанского ханства, безусловно, оставило отпечаток на быте мордвы. Выдающийся мордовский ученый филолог-этнограф М. Е. Евсевьев констатирует, что головной убор женщин-мордовок сел Сабаева, Морд. Давыдова, Кочелая бывшего Саранского уезда сильно напоминает головной убор татарок и также называется колпаком. В свадебных обрядах мордовок указанных деревень и селений Дракина, Вечкинина, Парапина бывшего Наровчатского уезда, по словам М. Е. Евсевьева, до начала XX века сохранились свадебные обряды «он-ава» (жена хана), воспринятые от татар в тот период, когда мордва была в составе Казанского ханства[2].

Мордовское население Казанского ханства, как и другие народы ханства, было закрепощено феодальным государством — Казанским ханством, платило ясак хану. Сохранились следы уплаты мордвой «казанского ясака» в позднейших писцовых и переписных книгах. Мордва деревень Пермис, Ингелей, Тулуцова, Заозерья бывшего Алатырского уезда платила «казанский ясак»[3] пушниной, мехом, медом, хлебом.

Драгоценные меха, полученные от мордвы в качестве ясака, были главной статьей дохода казанских ханов, последние снабжали ими соседние рынки. «Город Казань, лежащий на левом берегу реки Ирделя (Волги)... производит значительную торговлю, снабжая Россию, Польшу, Персию и Фландию мехами,— писал итальянский путешественник XV в. Иосифато Бабаро,— которые сами получают с севера... и моксов-мокшов мордвов»[4].

[1] А. Курбский, указ. соч., стр. 17.

[2] По свидетельству М. Е. Евсевьева, мордва указанных сел при проводах невесты в дом жениха устраивала на обыкновенной телеге или санях кибитку из прутьев, сверху кибитка покрывалась рубашками невесты, украшалась разноцветными лентами, внутри вывешивались зеркальце и туалетные принадлежности невесты. Эта кибитка называлась непонятным теперь мордве словом — он-ава (жена хана). (М. Е. Евсевьев, Мордва, Татреспублика, Материалы по изучению татарстана, вып. II, К., 1925, стр. 181).

[3] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института № 479, Список писцовых книг, ключей и мер. Д. Пушечникова и подьячего А. Костяева за 133—134 (1624—1626 гг.), лл. 181, 194.

[4] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, 1836, СПБ, стр. 60.

Кроме уплаты «казанского ясака», некоторая часть мордвы, насильственно переселенная ближе к Казани, обязана была выполнять сельскохозяйственные повинности в вотчинах ханов и казанских князей. Об этом свидетельствуют данные писцовых и межевых книг по городу Свияжску и его уезду 1565—67 гг., в которых отражено положение мордвы в Казанском ханстве не только после «Взятия Казанского», но и до «Казанского взятия». «В татарско-чувашской деревне Нурдаведтого порожняя земля,— говорится в писцовой книге Свияжского уезда,— что была царская Магамет-Амекская, да в той же деревне порожняя земля, что была мордовская, а пахали прежде они земли царские»[1]. Составителем писцовой книги как бы объясняется причина незасеянных земель в деревне Ларине и Белой Волошке: «Да к деревне же к Ларину в Белой Волошке приписано ряду одного порозже пустые земли и по другой стороне речки Кутелмы на беловолжской стороне пашни перелогом в три поля 300 четей да зарослей 66 десятин, а пахали ту землю наездом мордва сурская, а ныне разошлись по своим старым землям, а ту землю покинули»[2].

В 1521 г. хан Сахиб-Гирей в союзе с другими татарскими государствами и Турцией, нарушив «вечный мир» с Москвой, напал на восточные окраины Русского государства, «приходит на Муромские места и на мещерские»[3]. Разорительный набег Сахиб-Гирея на Русь вызвал ответные мероприятия со стороны Василия III, в виде похода на Казань в 1523 г., закончившегося довольно удачно. Итогом успешного завершения похода явилось строительство города на отвоеванной у татар территории, в устье Суры — Васильсурска, впоследствии ставшего опорным пунктом в борьбе с Казанью[4].

Строительство Васильсурска одобрительно было встречено со стороны местного населения: чувашей, мордвы и других народов, бывших подданых казанских ханов. Как только закончилось строительство города, к нему стало приходить «из Казани много людей... до государя...» в подданство[5].

Ответные меры со стороны Русского государства не ограничились строительством Васильсурска, они были гораздо шире. Еще в 1521 г. при отражении похода татар в Мещерах на границах Казанского ханства строится ряд опорных пунктов Русского государства. В 1521 г. «На Мокше в Наровчате» — одном из древних мордовских городов, когда-то являвшемся улусным центром Золотой Орды по управлению мордвой, запущенном в

[1] Список с писцовой и межовой книг города Свияжска и уезда 1565—1567 гг., Казань, 1909, стр. 104.

[2] Там же, стр. 71.

[3] Сборник Русского исторического общества, т. 31, стр. 682.

[4] И. И. Смирнов, Восточная политика Василия III, Исторические записки АН СССР, т. 27, стр. 40.

[5] Сборник Русского исторического общества, т. 31, стр. 682.

связи с распадом Золотой Орды, впервые появляются русские воеводы князь Иван Троекуров и Василий Кривоборский[1].

Наряду с восстановлением Наровчата тогда же по Мокше строится ряд новых городов, еще больше укрепляющих позицию Москвы в Мещерах. Во время набегов татар на Русь в 1521 г. из Рязани бежал последний князь рязанский Иван Иванович в Литву, где он умер в 1523 г. Рязанское княжество, покинутое своим князем, было присоединено к Москве, что еще больше усилило позицию Русского государства в районе Цны, нижнего течения Мокши, заселенных мордвой[2].

С устранением власти Рязанского княжества в Мещерах установилось единовластие Москвы, имевшее большие последствия в судьбе мордовского народа. Мещеры, ранее подчиненные рязанскому князю, вошли в состав Мещерского уезда, над уездом был установлен «наместник» Москвы, упомянутый в жалованных грамотах Василия III, данных князю Тенишу в 1528 г.

Вводя в Мещерах своего наместника (тиуна волжского), Василий III в то же время сохранял права и преимущества местных татарских князьков. Раздавая им новые села и деревни, Василий III привлекал их на свою сторону. Для примера можно привести отношения Василия III к князю Тенишу: «в 1528 г. были пожалованы князю Тенишу сыну «в Мещерах в Подлесной волости (ныне Зубово-Полянский район Мордовской АССР) сельцо Верхнее Пыжово да деревня Козлово со всем тем, что к тому сельцу и к деревне из старины потягло, потому как то сельцо и деревни были за Иваном да за Русаном да за Окинфом, а кто у него в том сельце деревне учнет жати людей и наши наместница и мещерские и их тиуна, тех его людей не судять ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличными,— говорится в грамоте,— и владеть тех своих людей князь Тенишев сам со всем или кому прикажет, а случится суд с местной тем его людям с городскими людьми или волостниками и наши наместницы и волостными и их тиуны тех его людей судят, а князь Тениш или его приказчики с ними же судит, а посудом делятся наполи. А кому будет чего искати на князе на Тенише или на его приказчика, ино его сужу азь, князь великий или наш боярин наместник Московский»[3].

Мы почти полностью привели жалованную грамоту великого князя, ярко рисующую положение администрации уезда, а также иммунитетные права татарских феодалов в этом районе.

Одновременно с пожалованием земельными угодиями и привилегиями местных татарских князьков правительство Василия III сажает в этот район более надежных русских дворян, как бы опору и рассадник великокняжеских интересов. Незадолго перед своей смертью Василий III «пожаловал Микиту Васильевича сына Ознобищина мордвою Кирдяновскую в кормление, чтобы было под Митько под Паном все люди тое мордвы» должны были «чтить и слушать его» и «ходит по старой пошлине, как было преж сего»[1].

Местонахождение кирдяновской мордвы пока не установлено, А. А. Гераклитов помещает кирдяновскую мордву в верховья реки Теши, к югу от Арзамаса[2]. Бассейн Теши, как и другие районы, расположенные южнее Арзамаса, вошел в состав Русского государства только во время казанского похода Ивана IV, поэтому Василий III (не говоря уже об Иване III) не мог распоряжаться районами, еще фактически ему не принадлежащими. Нам кажется, кирдяновскую мордву надо искать в Мещерах.

Для укрепления позиций Русского государства в Мещерах недостаточно было только раздачи земель верным правительству людям, нужно было иметь постоянные опорные пункты, где можно держать гарнизоны. Поэтому правительство приступает к строительству городов. Начиная с 1536 г., в источниках появляются упомянутые названия городов Кадома, Елатьмы, несколько раньше упоминалось о Темникове, Наровчате, существовавших еще в период господства Золотой Орды. Кадом, Елатьма, хотя и носят название татарское, но о существовании их до 1536 г. нам неизвестно. Утверждение И. Н. Смирнова, поддержанное П. Н. Черменским, о существовании Кадома еще в 1209 г.[3] основано на сомнительном упоминании о нем в Никоновской летописи под 120 г.[4]. Оно не подтверждается более ранними летописными сводами или другими данными[5]. До строительства Шацка, Кадома и Елатьмы в западной части Ме-

---

[1] П. Н. Милюков, Древнейшая разрядная книга офиц. редакции, 1901, М., стр. 70.

[2] М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, стр. 129 и след.

[3] Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. XXIV, 1889, стр. 31—32.

[1] Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. XXV, стр. 42—43. В грамоте стоит дата 7046 (1538 г.), Василий же III умер в 1533 г., следовательно, грамота могла быть дана до 1553 г. Кроме того, имеется опубликованная Н. Н. Новиковым в Древней Российской вивлиофике (т. XV, стр. 12—13). Буквально аналогичная грамота была дана тому же лицу Иваном III 1491 г. тоже 9 мая, как и вышеприведенная грамота Василия III, содержание их аналогично, следовательно, одна из грамот должна вызвать подозрение. (Но во всяком случае не грамота Василия III, поскольку имеются другие грамоты, данные тому же Никите Ознобикину Василием III на кормление Дубенской волости и Мурома.).

[2] Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области, т. II, Саратов, 1927, стр. 131.

[3] П. Н. Черменский. Наступление на мордву. Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края, № 3, 1928, стр. 63.

[4] ПСРЛ, т. X, стр. 60. «Того же лета» (1209) убиен бысть в Кадоме тысяцким рязанский Матвей Андреевич».

[5] В. А. Марков. Отношения между русскими и мордвою в истории и области народной поэзии, 1914, стр. 16.

щер, кажется, единственным городом был Касимов — резиденция касимовских ханов и, быть может, еще один незначительный мещерский городок, административный центр Мещерского уезда.

Академик М. Н. Тихомиров в 1952 г. опубликовал список русских городов, составленный между 1387 и 1406 годами. В числе других городов списка указывается несколько городов, существовавших в Мещерах, а именно: «Мещерский, (Мещерский городец-Касимов), Камень могила на Дчене (Цне), Муром на Оце»[1].

В указанном перечне мещерских городов не упоминаются названия не только Кадома и Елатьмы, но и других. Правда, в одном довольно сомнительном акте, опубликованном А. И. Юшковым, упоминаются Елатьма, Кадом, якобы пожалованные в 1426 г. Василием Васильевичем Темным Ивану Григорьевичу Рослу[2], но названия их не упоминается ни в одном источнике, не упоминаются они и в духовной грамоте Ивана III (1504 г.).

Только с 1536 г. Кадом, с 1538 г. Елатьма постоянно упоминаются в источниках. Очевидно, они были построены в том же году, что и г. Темников (современный), поскольку старый Темников, основанный еще монголами в начале их господства, по словам летописца, стал к 1536 г. «мал и некрепок», поэтому в 1536 г. на другом (правом) берегу Мокши недалеко от старого города был срублен новый (современный) город Темников[3].

Местные татарские князья, господствовавшие раньше в этих краях, с основанием новых русских городов и, следовательно, введением русских гарнизонов, вынуждены были признать над собой власть великого князя, став его вассалами, и сохранили лишь некоторые свои права. Так, например, в том же 1536 г. князь Еникей Тенишев получил право «судить и вязать» местное население тарханов (тюреханов — М. С.), башкирцев и маджарцев, которые живут в Темникове,— «по старине, по тому ж как наперед сего судил и вязял отец его Тениш»[4].

В фондах поташной конторы Ленинградского Центрального Исторического архива Н. П. Руткевичем была обнаружена грамота, данная в 7044 (1535 г.) Иваном IV темниковским служилым мурзам Тювею Асбердинову и его сыновьям Тенишу, Кудашу и Иесею. По их челобитной Иван IV пожаловал им большие земельные угодья вблизи г. Темникова, разрешал им «дворы себе ставити и пашни пахати». «А кто у них в том починке учнут жити,— говорится в грамоте,— и тем их людей не надо боя моего, великого князя дани, посошной корм не принять, им посошная служба, ни наместничь корм, ни мордовских князей пошлины; а наместники мещерские у них и мордовские князья тех их людей не судить, ни с чем не всилать к ним ни по что, а владеют и судят тех своих людей Тювея и его детей сами во всем или кому прикажут, а кому будет чего искати на Тювея и на его детям, и на их приказикам ино их сужу язь великий или мой дворецкий»[1].

Сохраняя за татарскими феодалами их прежние права, как это мы видим в только что приведенной грамоте, великий князь в то же время стал заступаться за мордву, подчиненную татарским феодалам, постепенно ограничивая произвол со стороны татарских князей и мурз.

Доказательством служит грамота Ивана IV, данная по челобитной кадомской мордвы. Кадомская мордва, находящаяся под властью татарского князя Янгалычева, пожаловалась великому князю, «что де им от Янглыча князя, от Бедишева и от его братьи, бой и грабежи и насильства великие, и приставов своих по них посылает в безвестных делах, да от поруки де емлют на них деньги многие, и им за вперед от них прожити не можно, а ухожи де все от них пусты». Великий князь пожаловал «Поромзу да Волкита, да Видяса, да брата его Дидея, да Вячкоша, да Аекеймана, да Пуресала и его детей Вячкоша да Сологая, да Надея, кто у них в их ухожеях и в деревнях учнет жити людей, и он, Янгличь князь, и его братья приставов своих на них не дают и не судят их ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным. И кому будет до них какова дела ни буди, ино их судит наш дворецкий»[2].

Ограничение судебных прав татарских князьков и мурз, передача этих функций дворецкому, вместе с тем учреждение мещерского наместника, осуществлявшего власть великого князя на местах, приводившие к полному подчинению мордовского населения великой княжеской власти, имели большое историческое значение. Великокняжеская власть в тех условиях, говоря словами Ф. Энгельса, «была представительницей порядка в беспорядке»[3].

---

[1] М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки АН СССР, т. 40, стр. 248—251.— Возможно, что г. Мещеры и Городец (Касимов) было не одно и то же, имелись два города, близко стоявшие друг к другу: Городец (Касимов) и Мещеры (П. Н. Черменский. Некоторые вопросы исторической географии Рязанщины, журнал «История СССР», № 2, 1959, стр. 173.)

[2] Акты представлены в разряд Чтения в Обществе Истории древнероссийских, 1898, кн. II, № 73.

[3] П. Н. Черменский, Указ. соч., стр. 63. АСРЛ, л. XIII, стр. 105, П. Н. Черменский, указ. соч., ПСРЛ, т. XX, стр. 438.

[4] П. Н. Черменский, указ. соч., стр. 65. Упоминание башкир вблизи г. Темникова не должно вызывать сомнения, башкирские горы упоминаются в Шацком уезде в 1684 г. (Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. XIV, стр. 24).

[1] Ленинградское отделение Центрального Исторического архива, фонд I. Поташная контора, л. 271, л. 33. За пользование грамотой автор выражает благодарность Н. П. Руткевичу, который нашел эту грамоту. Большое татарское село Татарское Тювеево существует ныне в Темниковском районе Мордовской АССР, расположено километров 5 от г. Темникова.

[2] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1940, стр. 148.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 445.

С подчинением Мещерской местности Москве большая часть мордовского населения, обитавшая в бассейне Мокши и ее притоков, как об этом сообщает С. Герберштейн, полностью вошла в состав Русского государства, под властью казанских ханов осталась лишь та часть мордвы, которая жила на востоке от Суры: «К востоку и югу от реки Мокши встречаются огромные леса,— пишет С. Герберштейн,— в которых живет народ мордва, который имеет особый язык и подчинен государю Московии. По одним известиям, они — идолопоклонники, по другим — магометане. Они живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются звериным мясом и медом, изобилуют драгоценными мехами, это очень сильные люди, ибо они часто храбро отражали от себя даже разбой татар, почти все они пехотинцы, замечательны своими длинными луками и отличаются опытностью в стрельбе»[1].

Мордовское население, обитавшее в бассейне реки Мокши и к тому времени вошедшее в состав Русского государства, в 1536 г. вместе с татарами касимовскими да темниковскими участвовало в походе русских войск на Литву[2].

В 1547 г., готовясь к войне с Казанским ханством, правительство Ивана IV выбрало путь в Казань через Мордовию, рассчитывая на поддержку мордвы, как народа дружественного и расположенного к России. Из Мурома государь велел итти воеводам своим: «большому полку и передовому полку и правой руки и левой со всеми людьми к Казани прямо на Тешу, а из Теши велел сниматься с царем Шигалеем и с мещерскими воеводами, а с собой государь князь великий велел сниматися им на Лыскове. А из Мещеры велел государь итти к Казани ж на Тешу царю Шигалею, а еще он горною стороною за Цывили»[3].

Поход 1547—1548 гг., хотя и кончился неудачно, но тем не менее Иван IV значительно укрепил свои позиции. В районах Теши, Пьяны, Суры, заселенных мордвою, чувашами, черемисами (мари), Иван IV чувствовал большую опору. Ногайский князь Юсуф в своей грамоте, направленной в Москву в 1549 г., рассматривает перечисленные племена как народы, подвластные русскому государству: «Да сколько ни будет чюваши, и черемиси и рзян (эрзян), и мордвы, всех бы еси с Шагилеем царем Казани послал»[4].

Приводимая грамота представляет большой интерес для историка. Впервые в архивных материалах встречается название эрзи, тогда как название мокши в источниках употребляется часто.

[1] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, 1908, СПБ, стр. 102.

[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 299—300. Исторический архив, т. V, 1951, стр. 13.

[3] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, 1863, стр. 330.

[4] Продолжение Древней Российской вивлиофики, ч. III, 1793, стр. 145.

В Казани хорошо знали сочувствие нетатарского населения ханства Русскому государству. Хан Сафа-Гирей после вторичного возвращения в Казань, по изгнанию его из Казани в 1548 г., особенно обрушился на нетатарскую часть ханства, которая была благосклонно настроена по отношению к Москве. «От царя ныне казанским людям вельма тяжело, у многих князей ясак поотнимал, да Крым подавал, а земским людям великая продажа»,— писали из Казани[1]. Возможно, тогда были казнены с другими и представители мордовской феодальной аристократии, занимавшие высокие посты в Казани. Так, например, «Мордвинова Расовы дети»[2], имена которых после 1549 г. не упоминаются в источниках.

Еще до разгрома недовольных элементов, учиненного в 1549 г., значительная часть служилых людей из Казани приехала служить в Москву. Вслед за ними «горные черемисы», марийцы и чуваши «прислали к великому князю бити челом... чтобы государь пожаловал прислал рать на Казань, а они с воеводами государю служити хотят»[3].

Когда в результате успешного похода 1550 г. на устье реки Свияги был заложен город Свияжск, «горные люди» Казанского ханства, марийцы, чуваши, мордва, обитавшие на правобережье Волги, «твердо к государю укрепилися». Иван IV дал указание своим воеводам «всю Горнюю сторону» к «правду» и «воеводы горных людей, князей и мурз, и сотных князей, и десятных, и чувашу, и черемису, и мордву, и можаров, и тарханов (тюреханов — М. С.) привели к правде на том, что им государю, царю и великому князю служить и хотети в всем добра, и от города от Свияжского неотступным быти, и дани и оброки черным людям всякие платить, как их государь пожалует и как прежним царям платили, а полону им русского никак у себя не держать, весь освобожати»[4].

Во время похода на Казань в 1550 г. крымцы совершили набег на юго-восточную окраину государства, пройдя по реке Шачи, зашли в мещерские места, что убедило правительство Ивана IV в необходимости построить на этом участке новый город Шацк (1552 г.), ставший вскоре центром вновь учрежденного Шацкого уезда, вместо прежнего Мещерского[5].

При подготовке к последнему казанскому походу в 1552 г. правительство Ивана IV предпочло путь по району мордовской

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 295.

[2] Продолжение Древней Российской вивлиофики, ч. VIII, стр. 146, 295.

[3] М. Н. Тихомиров, Присоединение Чувашии к Русскому государству, Советская этнография, № 3, 1950, стр. 102.

[4] ПСРЛ, т. XIII, стр. 165, т. XX, стр. 482—484. Очерки истории СССР, конец XV в.— начало XVII в. Изд. АН. СССР, 1955, стр. 361—362.

[5] Действия Нижегородской (губернской) ученой архивной комиссии, т. XIII, вып. III, 1912, стр. 1.

оседлости, как и при первом походе в 1547 г. Оно рассчитывало на помощь и поддержку мордовского населения.

Продвижение русского войска в Казань подробно описано в «Царственной книге» и довольно подробно рассматривается в статье И. А. Милотворского «Путь Ивана Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г.»[1].

При обсуждении плана похода встал вопрос: «как итти на Казань и по каким местам»? Было установлено двинуться двумя путями: самому царю со своею дружиною, всей левой руки и запасному полку — итти на Муром, передовому полку и всей правой руки во главе с Милославским и Еникею князю Темниковскому итти на Мещеру, соединиться обоим войскам «на поле за Алатыром»[2]. Как и прежде, войско должно было двинуться в Казань по территории, занятой мордовским населением, по «Теше, Пьяне, Алатырю к Суре. На пути следования войска от Мурома до Суры было подготовлено 13 станов для стоянки войск; пройти 30 километров по дороге после Мурома, в Саконском лесу войска остановились на отдых в районе реки Велатьмы (левом притоке реки Теша), пройдя по речке Шелокса (левый приток Теши, где был расположен северный стан), войска двинулись дальше на пятый стан, находящийся в устье реки Акши, вернее в месте впадения Акши в Тешу, где впоследствии возник город Арзамас»[3]. Продолжая двигаться по Пьяне, круто повернув к югу в район рек Медянки, Миня, Алатыря, своим правым флангом войско вышло в «дикое поле». Когда основные силы русских во главе с царем пришли на Алатырь-реку, «пришел к государю Еникей князь Темниковский со всеми темниковскими татарами и мордвою, а на Алатыре сделал до государя три моста»[4]. В селе Игнатове Ардатовского уезда предание сохранило подробности о встрече царя Ивана с мордвином Игнатом, основателем села Игнатово, встретившим царя с медом и хлебом, изъявляя тем самым мир и покорность, за что он получил от царя в награду серебряный ковш, бочонок (чиряс) и некоторые другие вещи»[5].

Русские войска на всем пути следования от Мурома до Суры встречали поддержку и помощь со стороны мордовского населения, строили на реках мосты, станы для стоянки войск[6]. Об этом сохранились местные легенды и предания, в которых говорится об оказании помощи войску мордовским населением,

[1] И. В. Милотворский. Путь Ивана Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г., стр. 2—3.
[2] Там же, стр. 4 и след.
[3] ПСРЛ, т. XIII, стр. 199.
[4] Там же.
[5] В. Э. Красовский, Трехсотпятидесятилетие города Алатыря, Симбирск, 1902, стр. 14.
[6] И. А. Милотворский, Указ. соч., стр. 6.

исполнявшим обязанности проводников, строителей мостов и охраны коммуникаций русских. В преданиях с большой гордостью рассказывается о мордвинах: Ичалке, Ардатове, Арзае и Масае, особенно отмечаются заслуги Арзая и Масая, высоко оцененные царем, назвавшим вновь построенную крепость на Теше по их имени — Арзамасом[1]. «Живущи же в тамошних странах черемиса и мордва и прочии,— говорится в царственной книге,— иже прежде враждебни, тогда же покоряхуся и приходяще к благочестивому царю великому князю, дающиеся во всю его волю государеву, и вся потребная приношаху, хлеб, и мед, и говяды ова дарованием, иная же продаваху, и мосты на реках делаху, и везде станы стороны бяху, и все бесчисленное воинство всякими потребами изобиловаху»[2].

Мордовское население не только строило мосты, снабжало армию «всякими потребами», но также непосредственно участвовало в осаде Казани и в закреплении занятых районов под Казанью[3]. Об участии мордвы в осаде Казани в народе сложилась легенда, особенно ярко отразившаяся в мордовской песне о Саманьке — дочери мордвина Вавайко. Узнав о длительной стоянке воинов Ивана IV под Казанью,— рассказывается в этой песне,— она хвасталась перед подругами, что могла бы сразу взять Казань, которую царь не может взять в семь лет; люди, послушавшие ее слово, доложили царю. Царь послал за Саманькой зеленую коляску. Саманька, прибывшая под Казань, взяла у царя 50 бочонков с порохом, закопала их под казанскую стену, воткнула в порох восковую свечу и взорвала, за что щедро была вознаграждена царем[4]. Песня о Саманьке, хотя, как установил это В. А. Марков, возникла в XVIII в., но тем не менее представляет известный интерес при определении отношения мордвы к падению Казани.

Само собой разумеется, участники казанского похода были вознаграждены царем. В этой связи весьма любопытным является так называемая жалованная грамота царя Ивана IV мордвину села Кужендеева Арзамасского уезда Ивашку Кельдяеву, обычно датированная 1564 г. В грамоте говорится о пожаловании Кельдяева «вотчинами, лесами с бортными угодиями и со звериною ловлею и со бобровыми станами и со водяными угодиями и с рыбною ловлею». «А жаловал ево государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси за великую ево, Ивашку службу, что был он с ним, государем

[1] Насколько предания об Арзае и Масае и др. отражают действительные события, из-за неимения других данных сказать трудно. Возможно эти легенды возникли при попытке выяснения происхождения современного Арзамаса, Ардатова, Ичалок и других населенных пунктов.
[2] Царственная книга, стр. 254, ПСРЛ, т. XIII, стр. 199, 495—496.
[3] ПСРЛ, т. XIII, стр. 209—210.
[4] В. А. Марков, указ. соч., стр. 45—46. И. М. Корсаков. Русско-мордовские связи в фольклоре, Литературная Мордовия, № 19—20, стр. 314—315.

великим князем на службе славной баталии(?) под городом Казанью, царством Казанским и показалось тогда от него, мордвина Ивашки Кельдяева дружины под тем Казанским царством оказалось немалая храбрость»[1]. Ивашка Кельдяев в числе других участников казанского похода мог отличиться и мог быть пожалован царем,— с этой стороны грамота не вызывает подозрения,— однако как характер самой грамоты, отличавшей ее от подобных грамот, так и язык документа с употреблением французского слова баталия, вошедшего в русский язык гораздо позже, отличается от языка того времени и вызывает сомнения в ее подлинности.

Имеется копия грамоты, датированная 1555 г. (подлинность которой не вызывает сомнений), о пожаловании царем Иваном IV кадомского мордвина мурзы Исенея Мокшева сына Бутакова «княжением над рзяновскою мордвою кирдяновского беляка, где царь разрешает «иметь ему с тое мордвы ясаку по старине..., а судучи та мордва Исенею князю Мокшеву одному»[2]. В грамоте не говорится, за что ему была пожалована кирдяновская мордва вскоре после падения Казани. Но мы вряд ли ошибемся, признав, что он был пожалован за участие в казанском походе в числе многих других мордовских князей и мурз, упомянутых в духовной грамоте Ивана IV в 1572 г. В духовной грамоте говорится о мордовских мурзах и князьях Васильсурска, Мурома, Кадома, Темникова, Шацка, Арзамаса, Алатыря, располагавших вотчинами еще со времен взятия «царства Казанского»[3].

С ликвидацией Казанского ханства в 1552 г. завершилось вхождение мордовского народа в состав русского государства, когда мордва стала «во всю...волю государству»[4]. Мирный характер присоединения мордовских земель к Русскому централизованному государству отмечается не только в официальных источниках, какими являются русские летописи и Царственные книги, но и в устном народном творчестве мордвы. В мордовском фольклоре имеется ряд преданий о присоединении мордвы к Русскому государству.

Одним из таких памятников устного мордовского народного творчества является «Сказание о мурзе московском царе», записанное П. А. Мельниковым-Печерским в 1848 г. В нем говорится о том, как мурза московский царь плыл по Волге в Казань, вблизи Нижнего Новгорода (на Дятловых горах) увидел, как мордва своему богу молится, к земле-матушке поклоняется. Сказал царь верным слугам своим: «Вот вам бочонок серебра,

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, 1940, Саранск, стр. 155—156.

[2] Центральный государственный архив МАССР, ф. 1, д. 14, лл. 92—93.

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., стр. 437—439.

[4] ПСРЛ, т. XIII, стр. 159, т. XXI, стр. 643.

старики, вот вам бочонок злата, молельщики. На мордовские моляны так и ступайте, старикам мордовским серебро, злато отдайте».

Мордовские старики от мурзы деньги получили,
После моляна судили, рядили:
что нам мурзе в дар дать,
что московскому царю послать.
Меду, хлеба, соли взяли,
Блюда могучие поклали,
с молодыми ребятами послали.
Молодые ребята, приуставши, сели,
Мед, хлеб да соль поели,
Говорят: «Старики не узнают».
Земли и желта песку в блюда наклали.
Наклавши пришли
и мурзе московскому царю поднесли.
Мурза землю и песок честно принимает,
Крестится, бога благословляет:
«Слава тебе, боже, царю!
Что отдал в мои руки мордовскую землю»[1].

Имеется другое, подобное предание о присоединении мордовских земель к Русскому государству. «Русскому царю понадобилась земля мордовская,— говорится в предании,— стал он просить народного вождя или князя мордовского, чтобы он по старой дружбе и по соседству уступил несколько земли, а именно столько, сколько можно охватить пеньковою ниткою, обмотанной несколько раз вокруг человеческой головы. Мордовский инязор согласился на просьбу своего соседа, который, выбрав из своего племени что ни есть дюжего парня, обмотал вокруг его головы такую бесконечную длинную нить, что голова стала целой горой и нить, будучи размотана, охватила всю мордовскую землю. Спохватился инязор, да уже поздно и ушел за море, уступив добровольно свою землю»[2].

В процессе постепенного присоединения мордовских земель к Русскому государству решающую роль сыграли не военные факторы, связанные с насильственным завоеванием края, а факторы иного характера, в том числе и экономического. Казанское ханство, наподобие прежней Золотой Орды, было военно-феодальным государством с отсталой экономикой ремесленного производства. С. Герберштейн, хорошо осведомленный об экономической истории Казанского ханства, сообщает о ввозе татарами казанскими из Москвы ножей, игл, топоров, уздечек, оружия, железа, суконной и льняной одежды[3].

По мере роста торговых связей народов Поволжья с Рус-

[1] П. И. Мельников-Печерский. Мордовское предание о первоначальном завладении русскими князьями-мурзами их землями. Русский вестник, 1867, к. 69, стр. 499—501. В. А. Марков, указ., соч., стр. 35.

[2] А. А. Шахматов. Мордовский этнографический сборник, 1910, СПБ, стр. 47—48. В. А. Марков, указ. соч., стр. 34—35.

[3] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 91.

ским государством в московскую орбиту попадали в первую очередь соседние с Москвой районы. Не только мордве, марийцам, чувашам, близко соприкасающимся с окраинами русского государства, даже самим казанским татарам необходима была торговля с Москвой. «Государь московский, Василий довел их (жителей Казанского ханства),— пишет Герберштейн,— до того, что они ему подчинялись и стали принимать царей по его усмотрению. Сделать это с ними было не трудно, отчасти вследствие удобства сообщения по рекам, впадающим из Московии в Волгу, отчасти **по причине взаимной торговли, без которой татары не могли обойтись»**[1].

Указание С. Герберштейна относится не только к казанским татарам, но и к другим народам Казанского ханства, и в первую очередь, к мордве, в географическом отношении более близко расположенной к Русскому государству и еще со времен Киевской Руси связанной с ним. По мере роста экономического могущества Русского государства торговые связи еще больше окрепли. Имеется указание о мордовских купцах, торговавших как в городах Русского государства, так и в соседних с Москвой странах.

Посланник турецкого султана в Москве в 1522 г. жаловался по поводу бегства «человека с товаром» из Турции в Москву. При разборе жалобы оказалось, что он «был детина родом мордвин, поймал товар много государя нашего (то есть турецкого) и пошел до государя вашего (Василия III) земли торговати, да назад не бывал. А сказывают его ныне в мордве. А как тот детина государя вашего землю пошел и тому уже лет с шестнадцать»[2].

Поездка мордовских купцов в Константинополь, возвращение их в Русское государство и оттуда в Мордовию — факт весьма примечательный. Он свидетельствует об экономических связях мордвы с Русью даже тогда, когда значительная часть мордовского населения еще не была присоединена к Русскому государству. Ко времени казанского похода связь мордвы с Русским государством усилилась еще больше. Русские воины во время похода в Казань в 1552 г., проходившие по территории Мордовии, все потребное — хлеб, мед, мясо (говяд.) — покупали у мордвы[3].

Князь Андрей Курбский сообщает о покупке для войск в районе Суры «черемисского хлеба, сладостенны паче калачи»[4], где жили не только черемиси, но и мордва. Следовательно, факт продажи хлеба «паче драгоценных калачи» в известной мере относился и к мордве.

[1] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 45 (подчеркнуто нами).

[2] Б. И. Дунаев, Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в., 1916, М., стр. 39.

[3] ПСРЛ, т. XIII, стр. 199.

[4] А. Курбский. История великого князя Московского, стр. 18.

В присоединении мордвы к Русскому государству наряду с другими факторами большую роль сыграл политический фактор — притягательная сила русского народа. В тезисах о 300-летии воссоединения Украины с Россией по этому поводу говорится: «Русский народ в длительной и самоотверженной борьбе с татаро-монгольскими и иными иноземными поработителями преодолел феодальную раздробленность, отстоял свою независимость и создал могущественное централизованное государство со столицей в Москве. Москва стала основой и инициатором образования Русского государства, его политическим, экономическим и культурным центром. Русское централизованное государство сыграло огромнейшую роль в исторических судьбах русского, украинского, белорусского и других народов нашей страны. С самого начала своего возникновения оно явилось притягательным центром и опорой для братских народов, борющихся против иноземных поработителей»[1].

* * *

С ликвидацией Казанского ханства завершился постепенный процесс присоединения мордвы к Русскому государству, начавшийся еще на заре образования Русского централизованного государства.

Мордва была первым из приволжских народов, присоединившихся к Русскому государству. Вслед за мордвой в Русское централизованное государство вошли марийцы, чуваши, удмурты, татары, башкиры и другие народы Поволжья и Приуралья. В связи с этим Русское государство стало превращаться в многонациональное.

Присоединение к Русскому государству явилось переломным этапом в истории мордовского народа. Оно открыло возможности для экономического и культурного развития народа, задержанного в связи с монгольским завоеванием.

Монголо-татарские государства (Золотая Орда, Казанское ханство), образованные после нашествия монголов в Восточную Европу, базировавшиеся на примитивных производственных отношениях, на длительный период задержали развитие производительных сил страны. Насколько оскудела мордва в период господства монголо-татарских феодалов, можно судить на примере мордовской археологии. Инвентарь мордовских могильников XIII—XV веков куда беднее по сравнению с инвентарем домонгольского периода. В могильниках почти отсутствуют деньги, привозные ценности и ремесленные изделия.

В период порабощения мордовского населения Золотой Ордой и Казанским ханством перед ним возникла опасность поте-

[1] Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954), Госполитиздат, 1954, стр. 6.

ри своей этнической самостоятельности подобно таким народам, как буртасы, веси, маджары и другие, завоеванные монголами и исчезнувшие как народности в период Золотой Орды. О том, как эта опасность угрожала мордве, свидетельствует пример о каратаях, одной из племенных групп мордвы, отатарившейся в период Казанского ханства.

Мордовское племя каратаи, обитавшее когда-то в пределах Казанского ханства, ко времени ликвидации этого ханства утратило свою этническую особенность. Только в виде преданий осталось название сел, носивших наименование Каратаи, жители которых ныне говорят по-татарски, исповедуя религию ислама[1].

Присоединение мордвы к Русскому государству, находящемуся тогда в стадии всестороннего развития товаро-денежных отношений, спасло мордву от утраты своей самобытности. Русское централизованное государство, идущее к прогрессу, к передовому капиталистическому способу производства, по образному выражению Энгельса, сыграло «прогрессивную роль во отношению к Востоку». Несмотря на главенство феодалов-крепостников в тогдашней России, «господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар, и Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности элементов промышленности»,— пишет Энгельс[2].

В данном случае, хотя Энгельс конкретно не называет мордву, но его слова о цивилизирующей роли России для башкир и татар в одинаковой мере относятся и к мордве.

С ликвидацией пограничного барьера между Русским государством и Казанским ханством отпало искусственное разделение и разъединение народов Казанского ханства от Русского государства. О том, как мордва втягивалась в орбиту товаро-денежных отношений, говорят находки на территории Мордовии в значительных количествах монетных кладов, состоящих из монет Ивана III, Василия III, Ивана IV и Бориса Годунова.

М. Ф. Жиганов, в приложении к цитированной работе «Из истории ремесла домашнего производства и торговых связей мордвы», приводит перечень (притом отнюдь не полный) населенных пунктов Мордовии, где были найдены клады московских монет, зарытых, по-видимому, в период смуты начала XVII века. М. Ф. Жиганов насчитывает 15 населенных пунктов с большим количеством монет. Только в одном селе Давыдове бывшего Мокшанского уезда было найдено 2850 серебряных монет Ивана IV. Монетный клад села Качазаново бывшего Ардатовского уезда состоял из 1112 монет; клад села Лемдяйский Майдан Инсарского уезда состоял из 1112 монет Ивана IV[1].

[1] А. Ф. Раттих. Материалы для этнографии России, 1870, Казань, стр. 224.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 211.

С проникновением товаро-денежных отношений в Мордовию, ее население стало активно участвовать в торговле. Не только продукты бортничества, лесных промыслов, хлеб, скот, но и земельные угодья становятся товаром: в 1564 году мордвин Чуваш Чалдин купил бортный ухожай у жителей деревни Шаховской в Темниковском уезде. В том же Темниковском уезде другой мордвин продал в 1564 году мурзе Кутию Тербердиеву свой бортный ухожай на Ладимголе и купленную им вотчину — деревню Конякову с мордвою. Мордвин деревни Авкиманово продал Пурдошанскому монастырю свой бортный ухожай за 20 рублей 20 копеек[2].

Развитие товаро-денежных отношений привело к росту городов на территории Мордовии и прилегающих к ней районов. Здесь наряду с дальнейшим расширением старых городских поселений — Шацка, Елатьмы, Наровчата, Мокшана и Темникова, существовавших еще до 1552 года, строятся новые города: Арзамас, Алатырь, Ардатов (Горьковский), упоминаемые в источниках 60-х годов XVI века и ставшие значительными торгово-ремесленными центрами этого края. О торговом значении старых городов Мордовии можно судить хотя бы на примере города Темникова. В 1614 году в Темникове числилось 24 торговых лавки и 16 торговых скамей[3]. В указанных лавках торговали «всяким товаром», а в 16 скамьях «хлебники торговали калачами». Торги происходили не только в городах, но и в менее значительных населенных пунктах. Например, в селе Девичьи Рукава (Краснослободский уезд), принадлежащем Ивану Михайловичу Котырово-Ростовскому, был «торг, а торгуют в неделю один день — в субботу, а тамгу собирают на владельца»[4].

Значение Темникова, Арзамаса и Алатыря еще больше поднялось в связи с превращением их в центры вновь образованных больших уездов и со строительством первой засечной черты, начатой в 1578 году. Со строительством засечной черты по линии Темников — Алатырь — Тетюши большая, ранее не защищенная от набегов кочевников территория, называемая «диким полем», перестала быть незаселенной. Из Шацка, Темникова, Арзамаса было переселено население, образовавшее новые населенные пункты, что имело большое значение в производстве

[1] Из древней и средневековой истории мордовского народа, стр. 16, 168. В этот перечень не входит 700 монет Ивана III, Василия III, найденных в селе Подлясове Зубово-Полянского района Мордовской АССР в 1956 г., ныне хранящихся в Мордовском краеведческом музее.

[2] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, 1955, Саранск, стр. 74—75.

[3] Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII стол. (Темниковская десятина), Тамбов, 1890, стр. 4.

[4] Там же, стр. 34.

дополнительных излишков сельскохозяйственных продуктов для рынка. В 1591 году по указу царя Федора Ивановича в Темникове был учрежден ям с гоньбой, связавший Темников с Касимовом, Владимиром и Москвой,— с одной стороны, с Саратовом, Астраханью,— с другой стороны. Для несения ямской службы было взято с темниковских поместий мурз десять человек принадлежавших им семейных и прожиточных крестьян. «Велено им... для ямские гоньбы держать тридцать подвод по три подводы человеку». Ямщики обязаны были давать подводы не только «под послы и подпосланники и под бояр... воеводы, но и под купчины». Вскоре (в начале XVII века) вместо 30 подвод, установленных при учреждении яма, стали поставлять от 200 до 400 подвод[1].

Предоставляя до 400 подвод, они обслуживали не столько послов и правительственных чиновников, сколько купцов-торговцев.

С ростом экономических связей Москвы с поволжскими городами ямская гоньба, предназначенная для обслуживания небольшого количества правительственных чиновников (посланников, бояр, воевод) при ее учреждении, превратилась в крупную торговую артерию, втягивавшую даже отдаленные пункты в сферу общероссийского рынка.

С присоединением к Русскому государству мордва стала больше подвергаться благотворному влиянию культуры великого русского народа. Влияние Руси особенно заметно отражено в области быта и жилища мордвы. Первобытным жилищем мордвы, как и всех угро-финских народностей, были шалаш и землянка кодо или кидо[2], не без влияния русских превратившиеся в современную избу. Первоначальные волоковые окна были заменены рамными, а глинобитный пол—полом дощатым. Вместе с полом появляется подполье, подобное подполью в русской избе. Крышу стали устраивать по русскому образцу. Тогда же в мордовский язык вошел ряд терминов из области архитектуры: крыльцо, стена, порог, косяк, доска, печь-пецька, труба, солан (чулан) и др.[3]

---

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. I, ч. II, 1951, Саранск, стр. 233, 263. Ямская гоньба шла по старой посольской, вернее Ногайской дороге, по которой ногайцы через Темников, Кадом и Азуев гоняли лошадей для продажи в Москву. (Продолжение Древней Российской вивлиофики, ч. VIII, стр. 171, 301, 305). На востоке от Темникова дорога шла через современные Инсар, Саранск, Корсун в Ульяновскую область, в Саратовское Поволжье и в Астрахань. (И. Д. Воронин, Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования. Записки Мордовского научно-исследовательского института, № 13, 1951, Саранск, стр. 167).

[2] М. Н. Харузин, Очерки истории развития жилища у финнов, Этнографическое обозрение, № 1, 1895, М., стр. 38, № 2, 1896, стр. 91.

[3] Л. Н. Назаренко, Вклад русского народа в развитие мордовской культуры (автореферат), 1956, Л., стр. 10.

Вместе с типом жилища в мордовский быт вошли воспринятые от русских предметы домашнего обихода: кровать, табуретка, скамья, ведро, лохань, кружка, котел, лампа, фонарь, самовар и др.[1] Под влиянием русского населения происходили изменения и в национальном костюме, одежде, особенно у мужчин. В мордовских женских костюмах, хотя и сохранилось больше своих, специфически мордовских черт, чем у мужчин, но тем не менее костюм мордовок подвергался воздействию русского костюма. Подтверждением тому служат: шаль, юбка, платок, лента, чулкат (чулки), шуба и др., являющиеся общими как для мордвы, так и для русских[2].

В результате общения с русским населением мордва заимствовала от русских много хозяйственной, культурной и технической терминологии: название дней недели, месяцев, года, мер веса, длины, жидкости, сыпучих тел и др.[3]. О благотворном воздействии русской культуры на мордву говорят многие примеры из области мордовского языка, обогатившегося под влиянием русского народа.

Мордовский народ, хотя и заимствовал культуру великого русского народа не через церковь и христианизацию (церковь приобщила мордву не к демократическим элементам русской культуры, а к культуре помещиков, попов и крепостников-помещиков)[4], все же нельзя пройти мимо факта введения христианства у мордвы. Мордва до принятия христианства была язычниками, исполнявшими языческие обряды, возникшие еще в период родового строя, когда первобытный человек с очень примитивными средствами производства был бессилен перед силами природы, преклонялся перед ее стихиями. Сама жизнь родового коллектива способствовала возникновению у мордвы веры различным языческим богам, богиням, покровителям неба, солнца, света, лесов, пчел, охоты, рыболовства, домоводства и т. д. Мордва, как и другие народы до принятия христианства, исполняла языческие обряды, культ предков с жертвоприношением на своих молянах — все это отражалось в области идеологии и мешало выработке общих для всего народа идеологических норм, понятий и т. д.

Введение христианства среди мордвы после ликвидации Казанского ханства[5] положило конец религиозной разобщенности, существовавшей под влиянием языческой идеологии. С принятием христианства отпал варварский обычай жертвоприноше-

---

[1] Л. Н. Назаренко, Вклад русского народа в развитие мордовской культуры (автореферат), 1956, Л., стр. 10.

[2] Там же, стр. 11.

[3] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, стр. 69.

[4] А. Г. Захаркина, Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743—1745 гг. (автореферат), М., 1951, стр. 9.

[5] ПСРЛ, т. XXI, стр. 650.

ний скота, птицы богам и богиням, трупосожжения, так широко распространенные в языческий период.

Строительство храмов в мордовских деревнях способствовало зарождению зодчества с мордовским колоритом. В монастырских школах, наряду с другими, обучалась и мордва, выдвинувшая из своей среды такого деятеля, каким был патриарх Никон.

Само собой разумеется, что в пропаганде и введении христианства среди мордвы было заинтересовано царское самодержавие, использовавшее православную религию и церковь для проведения своей реакционной политики среди так называемых «инородцев».

С вхождением мордвы в состав единого централизованного государства кончилась разобщенность мордвы, разделение между различными политическими группировками: княжеством, ханством, взаимно враждовавшими между собой. Тогда, когда часть мордвы была в составе Московского, часть — Рязанского, часть — Нижегородского княжества, большинство же в составе Казанского ханства. Мордва была отделена друг от друга пограничными, таможными барьерами, она не могла иметь более или менее устойчивую экономическую, культурную общность. Эти преграды, тормозившие развитие народа в нацию, отпали только с присоединением мордвы к Русскому централизованному государству и воссоединением всех мордовских племен друг с другом, до этого остававшихся разъединенными.

Превращение Московского государства в многонациональное Российское государство способствовало общению различных народов и взаимному обогащению их культур, сыгравших немаловажную роль в консолидации их в нацию в будущем.

Раньше, в период существования Казанского ханства, как результат политики правящих классов существовали раздоры между народами Поволжья. С вхождением их в состав единого Российского государства отпала одна из причин, вызывавших несогласие между мордвой, татарами и другими.

На почве совместной борьбы всех трудящихся и эксплуатируемых народов устанавливалась и укреплялась дружба между народами России, неуклонно сближая их на почве единства классовых интересов.

Было время, когда татарские феодалы вместе с мордовскими феодалами угнетали мордовский трудовой народ — об этом мордва создала немало песен и преданий (Вирь чиресэ — На опушке леса, Тейтеренть татарт полонизь — Девушку татары полонили и др.), осуждающих бесчинства монголо-татарских феодалов. В условиях совместного и дружественного сожительства трудовой части мордвы с трудовой частью татар и других народов Российского государства в том же мордовском народном творчестве создавались совершенно другие песни, говорящие о братских отношениях между мордвой и татарами.

Б. М. Соколов, один из крупнейших знатоков фольклора народов Поволжья, указывает на появление новых черт в народном творчестве мордвы, возникших в условиях Российского многонационального государства. В них поется о взаимном согласии между народами Поволжья, в том числе между мордвой и татарами, отраженном даже в таких областях религиозных верований, которые, как правило, сохраняют свою консервативность. Б. М. Соколов приводит такие примеры: в мордовском селе Лебежайке Саратовской области мордва с любовью оберегала могилу полусказочного татарского богатыря Смайки (Сулеймана), произнося молитву в церквах за этого Смайку со словами: «Господи, помилуй Смайку, царства ему небесного»[1].

В мордовском фольклоре рассказывается о мордовской девушке Уляше (Ульяне), полюбившей татарина. Несмотря на отказ родителей выдать ее замуж за татарина, они поженились и «жили душа в душу», имея трех детей. Среди мордовских народных песен, собранных Паасоненом, имеется нечто подобное. Песнь о дружбе и любви мордовки Анюрки к башкирину Алеше, при этом он не знает по-мордовски, она не знает по-башкирски. На его вопрос, «как же мы будем жить вместе, не зная языка?», она ему отвечает: «Мы будем говорить по-русски»[2].

Такое отношение между народами, ранее враждовавшими между собой, могло возникнуть только при наличии дружественных братских связей, закрепленных в общей борьбе трудящихся всей России, борьбе с царским самодержавием и с эксплуататорскими классами, под руководством великого русского народа.

В совместной борьбе как с иностранными захватчиками за независимость Родины, так и в борьбе с эксплуататорскими классами и с царским самодержавием укреплялось и росло братство мордовского народа с народами нашей страны, явившееся залогом победы Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

---

[1] Б. М. Соколов. Этнографическое изучение Саратовского края. Саратовский этнографический сборник. Вып. I, 1922, Саратов, стр. 14.

[2] H. Paasonen, Mordwinische Volksdichtang, Band I. Helsinki 1938, ф. 226.

А. Б. Кузнецов

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В НАЧАЛЕ XVI в.

Вопрос о русско-литовских войнах начала XVI в. не нашел достаточного освещения ни в советской, ни в дореволюционной историографии. В отличие от русско-литовских войн второй половины XV в., бывших предметом изучения Г. Ф. Карпова, К. В. Базилевича, других историков, войны Русского государства против Великого княжества Литовского начала XVI в. специальному рассмотрению не подвергались.

В данном сообщении автор делает попытку рассмотреть не весь ход русско-литовских войн начала XVI в., а лишь их начальный этап (1507—1508 гг.), который создал возможность в 1514 г. русским добиться крупной победы — овладеть Смоленском — важнейшим пунктом Литовского государства.

* * *

Западнорусские земли, ранее принадлежавшие Русскому государству, в различное время, в период борьбы против татаро-монгольского ига, были захвачены польско-литовскими князьями и магнатами. Таким образом, Смоленские, Полоцкие, Витебские земли с русским, белорусским, украинским населением оказались под властью иноземных захватчиков.

Эксплуатация, грабежи, насильственное окатоличивание населения этих земель вызывали протест, а нередко и восстания.

Эта борьба угнетенных масс народа, находившихся под властью литовских феодалов, получала поддержку со стороны русского правительства, которое одновременно вынашивало планы не только воссоединения русских земель, но и ослабления своего могущественного соседа.

Для Русского государства воссоединение своих западных земель имело очень важное значение. Этот район находился на перекрестке торговых путей, которые давали русским выход к морю. Они занимали выгодное военно-стратегическое положение. Кроме того, обладание этими землями позволяло завершить

процесс образования Русского централизованного государства. Русские феодалы, борясь за воссоединение западных земель, рассчитывали на получение новых земель и крестьянства.

Эта борьба особенно широко развернулась в конце XV — начале XVI вв., когда Россия сбросила со своих плеч татаро-монгольское иго. Добившись больших успехов в деле создания единого государства, она выступила против Литвы за возвращение старинных русских земель.

Нужно будет указать, что в результате русско-литовских войн к концу правления Ивана III Русское государство, добившись немалых успехов, воссоединило значительную часть своих западных земель, находившихся под властью Литвы. Однако еще большие районы русских земель оставались под властью Литвы. Поэтому перед Русским государством в первой четверти XVI в. стала задача продолжать мероприятия по дальнейшему воссоединению западных русских земель с Россией.

Литовская феодальная знать, понимая, что борьба с русским государством обещает быть продолжительной и тяжелой, стремилась заручиться поддержкой Польши.

Правительство Литвы 1506 г. обращается к Польше с просьбой о помощи для борьбы с Россией[1].

Основным содержанием деятельности литовской дипломатии в этот период было создание, по возможности, более широкой антирусской коалиции. Эта коалиция, состоявшая с граничащими с Русью государствами, по существу окружала Россию с 3-х сторон (с юга, востока и запада), чем литовцы рассчитывали поставить Москву в тяжелое положение.

Со своей стороны, русское правительство понимало, что борьба за западные земли еще далеко не закончена, и готовилось к ней.

В целях подготовки к войне Русским государством проводится ряд мероприятий по укреплению своих вооруженных сил. Прежде всего был произведен сбор посошного люда в некоторых районах страны. Так, в 1506 г. идет сбор посошных людей — двинян[2], чем русские стремились не дать противнику застать себя врасплох.

Потерпев неудачу в деле создания антирусского союза и опасаясь начала войны в невыгодных для Литвы условиях, она должна была маневрировать. Поэтому весной 1506 г. в Москву прибывает посольство короля в составе Юрия Глебовича, Ивана Федорова, Петра Яновича[3].

Во время переговоров, которые они вели с А. В. Ростовским, Шигоной-Поджогиным, послы предложили заключить мир между двумя государствами. Условием такого мира они предлагали

[1] ЦГАДА, ф. Литовской метрики, 98, л. 4.
[2] ЦГАДА, ф. 201, д 85, л. 42 об.
[3] Полное собрание русских летописей, т. XIII, стр. 2, ПСРЛ, т. VIII, стр. 277.

возврат Литве тех земель, которые были воссоединены к России при Иване III.

Посольство Литвы началом переговоров и требованиями возврата тех земель, которые были отняты Россией, стремилось оттянуть начало войны Русского государства против Литвы и дать ей возможность лучше подготовиться к войне с Россией.

В ответ на литовские требования русские дипломаты заявили, что Москва категорически отказывается идти на подобные уступки. Они указали, что великий князь «королевских вотчин, городов и земель и волостей за собою не держит, а держит города и волости и земли свои».

Подобный ответ показал, что новый великий князь Василий III будет продолжать борьбу за возвращение исконно русских западных земель.

Вопрос о русско-литовской войне стал делом ближайшего будущего.

Однако смерть литовского короля Александра усложнила положение Литвы. Отсутствие короля было использовано Москвой. Во-первых, оно ослабляло внутреннее положение Польско-Литовского государства, а во-вторых, давало возможность Москве на сейме поддержать требования русских феодалов, которые исходили из политики усиления русского влияния на Литву.

Русская дипломатия не замедлила использовать сложившуюся ситуацию. В августе 1506 г. в Литву выехало посольство Ив. Кобяка, Логина Семёнова, Ив. Микулина[1]. Послы должны были передать епископам и Раде, «чтобы похотели его (Василия — А. К.) государства и служити его похотели, а учнут опасатца за веру, а государь их в том ни в чем не порушит, как было при короле, а жаловать хочет и выше того»[2]. Особо послы должны были встретиться с епископом Виленским Войтехом и с крупнейшим феодалом Литвы Николаем Радзивиллом, а также с членами Рады. В задачу послов входило вступить с ними в переговоры с тем, чтобы они поддержали кандидатуру Василия III на престол Польско-Литовского государства[3].

Предлагая кандидатуру русского великого князя на литовский престол, русские дипломаты, видимо, учитывали, что эта кандидатура найдет поддержку со стороны русских феодалов, живших в Литве и стремившихся избавиться от власти Литвы.

Вместе с тем интересно отметить обещание Василия III «не нарушать веры». Видимо, это обещание должно было привлечь на сторону великого князя московского не только русскую православную, но и часть окатоличевшейся шляхты Польско-Литовского государства. Тем самым московская дипломатия стремилась привлечь на свою сторону возможно большее число сторонников.

[1] Сб. РИО, т. 35, стр. 481, Kronika Wapowskiego, Krakow, 1874, стр. 315.
[2] Там же, стр. 481—482.
[3] Там же, стр. 482, Finkel, Elekcia Sigmunda I, Krakow, 1910, стр. 158—159.

Таким образом, московские дипломаты попытались осуществить заманчивый план объединения Русского и Польско-Литовского государства под главенством Василия III. Они понимали, что в случае удачи этого мероприятия Русское государство станет одним из самых мощных в Европе. Вместе с тем они рассчитывали этим актом добиться воссоединения русских земель без борьбы.

Выставление кандидатуры Василия III должно было еще больше обострить борьбу за королевский престол. Однако надежды русской дипломатии не оправдались. Польские и литовские феодалы видели, что в случае перехода в подданство Русского государства придется Польше и Литве занять подчиненное положение.

Им пришлось бы отказаться от мысли о захвате русских земель на востоке. Вместе с тем это государство было бы втянуто в орбиту политики Русского государства. Наконец, польские и литовские феодалы хорошо понимали, что с избранием Василия III на Польско-Литовский престол они потеряют свое былое положение.

Все это заставило польско-литовских феодалов отклонить кандидатуру Василия III и избрать польским королем и великим князем литовским брата Александра — Сигизмунда I.

Таким образом, попытка московской феодальной верхушки посадить на Польско-Литовский престол Василия III закончилась неудачей.

Однако избрание на престол Сигизмунда не было свидетельством полного единства Польско-Литовского государства.

В Литве вскоре создались силы, которые находились в оппозиции новому королю. В первую очередь об этом говорят польские источники[1].

Противоречия между польским и литовским дворянством — с одной стороны, и русскими феодалами — с другой, все более углублялись. Стремясь добиться усиления своей власти, литовцы и поляки используют католичество. Это вызывает сопротивление со стороны русских феодалов, на что литовцы отвечают репрессиями, конфискацией владений тех, кто отказывался принять католичество. Это приводит ко всему большему расколу среди польско-литовских и русских феодалов.

Перед новым королем, короновавшимся 20 января 1507 г.[2], с первых же шагов его королевства встала задача продолжения внешней политики Александра, т. е. борьбы с Русским государством за те земли, которые были воссоединены к России.

[1] Kronika Marcina Belskiego, Sanok, 1856, стр. 936.
[2] M. O. Stryikowski, Kronika, polska, т. II, 1846, стр. 341.

В Литве продолжался сбор войск; шла усиленная подготовка к войне.

Польский король сделал ряд попыток привлечь к союзу против Москвы Ливонский орден, Крым, Казань.

Еще во время коронации Сигизмунда в Вильно приезжали послы Менгли-Гирея и Мухаммед-Амина. Здесь во время встреч шли переговоры о совместном походе против Москвы[1].

Одновременно с подготовкой к войне Сигизмунд предпринимает новую попытку возврата русских земель. В конце 1506 г. в Москву было направлено посольство Яна Радзивилла, Н. Олехнова, Б. Сапеги[2].

Во время переговоров литовские дипломаты настаивали на возвращении Русским государством всех земель, занятых русскими во время предыдущих войн[3].

Русские представители отказались разбирать притязания литовцев и ответили: «Мы городов, волостей и вод Жигимонтовых его отчин никак за собой не держим, а держим города, волости, земли и воды, свою отчину, чем нас благословил и пожаловал отец наш великий князь Иван Васильевич, что нам бог дал от прародителей наших и вся русская земля наша отчина»[4]. В этих условиях обе стороны готовились к войне. Важную роль в подготовке к войне для Русского государства играло получение информации о противнике. Через своих тайных агентов русские получали сведения по интересующим их вопросам. Одним из таких агентов была Елена Ивановна, вдова польского короля Александра, сестра русского великого князя Василия. Она, придерживаясь русской ориентации, сообщала брату о делах в Литве.

Готовясь к войне, обе стороны производили мобилизацию войск.

На помощь литовцам пришел польский отряд под командованием Н. Фирлея, численностью 2560 чел.[5]

В свою очередь русские проводят сбор войск, концентрируя их в наиболее важных западных районах.

Таким образом, на границах Польско-Литовского государства сосредоточиваются крупные русские силы. К началу войны здесь было сосредоточено около 30 тыс. русских солдат[6].

Стремясь захватить инициативу в свои руки, русские войска в конце апреля 1507 г. первыми перешли в наступление. Войска под командованием М. Д. Шенятева развернули действия на

[1] ЦГАДА, ф. Литовской метрики, д. 7, л. 17—20.
[2] С. В. Савва, О посольском приказе в XV в., вып. 1, Харьков, 1917, стр. 26, Н. Н. Бантыш-Каманский, Обзор внешних сношений России, ч. III, М., 1897, стр. 88.
[3] Сборник кн. Оболенского, стр. 19.
[4] Сб. РИО, т. 35, стр. 483.
[5] Korzon Dziese Wosin i Woiskowosei w Polsce, т. I, 1923, стр. 253.
[6] Korzon, указ. соч., стр. 252.

Смоленском направлении, а отряды И. Ф. Сицкого развернули действия около Рославля.

Еще более широкие военные действия против литовцев были предприняты летом 1507 г. В июле из Москвы были направлены войска во главе с И. Т. Скрябиным, Канбар-мурзой, кн. В. Ф. Охлябиным, кн. М. А. Прозоровским, из Дорогобужа были посланы войска во главе с И. М. Телятевским, кн. И. А. Микулинским и Ф. Еропкиным[1]. К Смоленску на помощь М. Д. Шенятеву были посланы войска И. М. Шадры, А. М. Салтыкова, кн. И. Палецкого. Из Новгорода на Литву с войсками двинулся В. Шеня[2].

В сентябре 1507 г. к г. Мстиславлю был предпринят поход русских войск во главе с В. Д. Холмским и Я. Захарьичем[3].

Тем самым русские наносили литовцам массированный удар, в результате которого они оказались в трудном положении. Русские войска сумели проникнуть к району г. Вильно, в пределы литовских земель[4].

Такой широкий и довольно быстрый размах действий русских войск к Литве дает основание предположить, что здесь им оказывалась помощь со стороны местного населения.

Война Русского государства способствовала дальнейшему развитию национально-освободительной борьбы в Литве.

Наиболее яркой страницей ее было восстание в Литве под руководством кн. М. Глинского — представителя русской феодальной знати, которая все более вынашивала планы выхода из-под власти Литвы[5], создания автономного русского княжества на литовских землях. Эти планы, естественно, не могли прийтись по вкусу польским магнатам.

Эти стремления православной шляхты в Литве опирались на требования русского населения Литвы, которое стремилось к освобождению от польско-литовских феодалов.

Борьба русского и белорусского крестьянства за свое освобождение имела глубокие экономические и социальные корни. Положение крестьянства в этот период было очень тяжелым. Шел дальнейший процесс закрепощения его. Все новые и новые земли попадают в руки феодалов. Королевские пожалования передают феодалам новые массы крестьян. Оказавшись под властью феодалов, крестьяне попадают в ярмо крепостной за-

[1] Древнейшая разрядная книга, изд. П. Н. Милюкова,— ЧОИДР, кн. 1, 1902, стр. 36.
[2] М. М. Щербатов. История Российская, т. IV. ч. II, М., 1903, стр. 453.
[3] ДРК, ст. 36, Иосаф, лет., стр. 151. Совершенно непонятно, почему этот поход И. Б. Греков относит к апрелю—маю 1507 г. См. И. Б. Греков. Очерки истории международных отношений Восточной Европы XIV — XVI вв., М., 1963 стр. 237.
[4] Иосафовская летопись, М., 1957, стр. 153.
[5] В. Б. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, ч. I, Киев, 1885, стр. 248.

висимости. Стремясь добиться большой доходности хозяйства, феодалы увеличивают барскую запашку, увеличивают барщину.

Вместе с ухудшением экономического положения крестьяне становятся все более бесправными. Стремясь еще больше закрепостить крестьян, феодалы используют католичество. Усиливается национальный гнет.

Все это вызывает сопротивление крестьян. В своей борьбе крестьянство западнорусских районов обращает свои взоры к Русскому государству. Связанное экономическими, национальными и культурными узами с русским народом, население этих мест видит в нем своего избавителя, стремится к воссоединению с ним.

Острота борьбы дошла до того, что Глинский и его сторонники переходят к открытому выступлению против короля.

В конце января 1508 г. Глинский совершает поход в район Гродно.

С целью увеличения своих сил Глинский обратился с призывом к феодалам выступить на борьбу против короля. Хронограф этих событий Стрыйковский пишет, что Глинский «разослал своих людей звать к себе других русских»[1]. Глинский стремится привлечь к себе возможно более широкие круги русской шляхты.

На сторону Глинского переходят князья Друцкие, Гаштольд, Хребтович, Ходкевич и др.[2]

В то же время Глинский пытается поднять более широкие массы населения восставших районов на борьбу против засилья литовцев. По сообщению Стрыйковского, «Глинский приказал побить везде польских панов и дворян и призывал русских к борьбе с ними»[3].

Такой призыв к местному населению вполне отвечал его настроениям, ибо крестьянство и горожане, задавленные тяжестью гнета литовских феодалов постоянно находились в готовности к борьбе.

Стремясь расширить район повстанческого движения, Глинский совершает поход на Ковно, который, однако, закончился неудачей[4].

К этому времени относится установление связей Глинского с крымским ханом Менгли-Гиреем, который предложил Глинскому принять крымское подданство. Но это предложение Глинским было отвергнуто.

Расширяя действия против короля, Глинский совершает поход на Слуцк. Однако наличие здесь значительных сил короля вынудило его изменить план. Направив к Слуцку часть своих

[1] M. O. Stryikowski Kronika т. II, стр. 346.
[2] Szuiski Dzise Polski, т. II, 1862, стр. 169.
[3] M. O. Stryikowski, указ. соч., т. II, стр. 346.
[4] Г. Ф. Карпов, История борьбы Московского государства с Польско-Литовским, 1462—1508, М., 1867, стр. 130.

сил во главе с Андреем Александровичем, он сам с основными своими силами двинулся к Мозырю. Город был взят и стал основным пунктом сосредоточения сил Глинского. Мозырский наместник Якуб Иванцевич примкнул к восстанию.

Василий III усиленно стремился привлечь на свою сторону Глинского и использовать его силы.

В результате переговоров Глинский дал свое согласие перейти на сторону Москвы. Москва обещала Глинскому помочь войсками.

Получив обещание русских о поддержке, Глинский пытается еще больше расширить район своих действий и нанести удар по наиболее важным пунктам Литвы. Значительная часть его войск была направлена к Минску. Это обстоятельство вызвано было тем, что, во-первых, этот район был ближе к театру действий русских войск, а, во-вторых, борьба белорусского крестьянства против литовских феодалов достигла большой остроты. Во время похода значительная часть жителей этих районов присоединилась к восставшим[1]. Прилив крестьянства в состав восставших феодалов несколько изменил характер и остроту этой борьбы.

Из-под Минска Глинский некоторую часть своего отряда направил к Новгороду и Слониму[2].

Однако силы восставших были сравнительно невелики и к тому же разбросаны в разных местах. Это внушало Глинскому опасения, что в случае начала активных действий литовцев против восставших они окажутся в трудном положении.

Глинский, не надеясь только на свои силы, направил Василию III письмо с просьбой скорее направить к нему русские войска для совместных действий. Он просил, чтобы русские воеводы «поспешатися со всеми силами втягнути к Минску»[3].

Такое обращение было тем более необходимо, что сюда с 5-тысячным польским наемным войском шел Фирлей, а на соединение с ним шли литовские войска[4].

Василий III для совместных действий с Глинским послал отряды В. И. Шемячича, И. Одоевского, А. С. Трубецких, И. Репнина, А. Сабурова, А. Оленку.

Один из хронографов указывает, что «великий князь Василий послал на помощь князю Михаилу Глинскому свое войско до 20 тысяч солдат»[5].

Оставив часть своих войск у Мозыря, Глинский направился на соединение с русскими. Объединенные войска Василия III и Глинского нанесли значительное поражение польско-литовским

[1] П. Г. Клепатский. Очерки по истории Киевской земли, стр. 66.
[2] АЗР, т. II, № 20.
[3] Там же, № 36, стр. 44.
[4] Там же, № 36, стр. 44.
[5] ГБЛ, соб. Попова, № 2423, л. 90 об.

войскам и освободили ряд русских городов из-под власти польского короля Сигизмунда, в том числе Кричев, Гомель и др.

В период активных наступательных операций русских войск на сторону Василия III и Глинского перешли новые города со своими воеводами, князьями и гарнизоном.

Однако в дальнейшем, когда русские под напором литовцев стали отступать, некоторые из присоединившихся вновь перешли под власть польского короля[1].

Войска русского воеводы В. И. Шемячича, сосредоточившись около Бобруйска и выслав вперед авангард под командованием кн. А. Трубецкого, совершили вместе рейд к Минску. Одновременно к Минску шли войска М. Глинского, а войска его брата Василия шли к г. Слуцку.

Разгорелись упорные бои за Минск.

Однако все попытки русских и восставших взять этот важный стратегический пункт окончились неудачей. Город остался в руках литовцев.

Пока главные силы Глинского действовали совместно с русскими войсками, его брат должен был нанести удар в другом направлении.

Брат Михаила Глинского Василий направился на Киевщину. Он действовал в районе Житомира, Киева, Овруча. Стремясь активизировать свои действия, Василий, по словам Стрыйковского, подговаривал русскую шляхту и бояр встать на сторону его брата[2].

Бельский сообщает некоторые интересные подробности относительно действий В. Глинского на Киевщине. Он пишет, что В. Глинский, стараясь привлечь местное население на свою сторону, обещал создать независимое от Литвы Киевское княжество[3]. Видимо, он хотел провести в жизнь идею создания независимого от Литвы русского Киевского княжества.

В результате этих обещаний ему удалось привлечь «многих киевских бояр, а некоторые ему уже присягали»[4].

Однако ему не удалось развернуть здесь таких широких действий, как хотелось бы. Прежде всего в распоряжении Василия Глинского находились незначительные силы, которыми невозможно было нанести полякам ощутимых ударов. Второй и, пожалуй, самой главной причиной неудач В. Глинского был отказ основной массы местной шляхты оказать поддержку его отрядам[5]. Это можно объяснить тем, что к этому времени интересы многих украинских феодалов срослись с интересами польской шляхты.

---

[1] ПСРЛ, т. XVII, стр. 346.
[2] Stryikowski Kronika, стр. 346.
[3] Kronika M. Belskiego, стр. 943.
[4] Stryikowski Kronika r. II, стр. 346.
[5] В. Антонович, Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I, К., 1885, стр. 244.

Кроме того, местное население в отличие от белорусских районов во многом не было подготовлено к борьбе против короля и заняло выжидательную позицию[1].

Однако поход В. Глинского заставил короля направить к Киеву часть сил из Польши, ранее предназначавшихся для помощи Литве[2]. Тем самым он дал возможность русским развернуть свои операции против литовцев.

В. Глинский, видя, что одними своими силами ему не справиться, вынужден был уйти из района Киева и соединиться с братом.

В это время Сигизмунд производит концентрацию своих войск с тем, чтобы развернуть наступательные операции. Так, войска во главе с Альбрехтом Мартыновым направляются к Смоленску, а войска С. Кишки — к Минску[3]. Сюда же были направлены войска Острожского, которые должны были действовать во взаимодействии с войсками С. Кишки[4].

Кроме того, для отвлечения русских войск с литовского театра, король просил крымского хана нанести удар во фланг московским войскам — в районе Путивля, Рыльска, Стародуба, Радогоща, Брянска[5].

Выполняя эту просьбу Сигизмунда, крымский хан двинул к русским границам 80-тысячное войско[6].

В это же время литовские войска начали контрнаступление. Двинулись к Смоленску. Одновременно они совершили нападение на Чернигов, где выжгли посад города[7].

Одновременно воевода Люблинский Н. Фирлей с войском, в составе которого находилось 500 польских наемников, должен был выйти в тыл русским и отрезать им пути отхода, чем создавалась угроза русским войскам, действовавшим в Литве.

Получив сведения о концентрации литовских войск под Смоленском, Василий III распорядился направить в Можайск для поддержки русских войск новые отряды под командованием А. В. Ростовского, кн. М. Голенина[8].

Развивая наступление, литовцам удалось вторгнуться на русскую территорию и разорить несколько русских волостей. Польский воевода С. Кишка вторгся в тыл русских и даже осадил Вязьму, но взять город не удалось. Получив отпор под Вязьмой, поляки пошли на Брянск, который сильно оборонялся.

---

[1] Д. И. Мишко. Українсько-русские звязки в XIV—XVI в. К., 1959, ст. 56.
[2] Polska, siie dziese i Kultura, 1927, стр. 297.
[3] Сб. кн. Оболенского, стр. 69.
[4] Polska, siie dziese i Kultura, 1927, стр. 297.
[5] Сб. кн. Оболенского, стр. 101.
[6] Akta Tomiciana, I, № 8.
[7] ПСРЛ, т. XXIV, II гр., 1921, стр. 120, Летописец содержащий Российскую историю, М., 1784, стр. 346.
[8] ЦГАДА, ф. 201, д. 85, л. 51 об.

На помощь Брянску из Москвы были посланы новые полки под командованием В. Д. Холмского[1].

Из развернувшихся военных действий против Литвы и Польши становилось все более очевидным, что Литве не удастся добиться успеха, и война принимает для нее неблагоприятный оборот.

Понимая это, Литва стремится добиться эффективной помощи со стороны Польши. С этой целью в феврале 1508 г. в Польшу было направлено посольство Яна Сапеги, которое, сообщив о трудностях борьбы против русских, просило оказать как можно скорее помощь Литве. Однако ответ Польши был неутешительным. Ссылаясь на трудность своего положения в борьбе с Валахией, Польша отказала в помощи литовцам[2].

Оказавшись в затруднительном положении, Сигизмунд предпринимает попытку привлечь к борьбе против русских Ливонский орден. С этой целью еще в ноябре 1507 г. к Плеттенбергу приезжал польский посол Войтех Янович, который вел переговоры о совместных действиях против Москвы. В письме Сигизмунда на имя ливонского магистра говорилось: «...ваша велебность, княже мистре, с прелаты, командорьме, и всеми подданными земель закону ващего... неприятелю Московскому валку вести и панств тых от него и его подданных боронити и перемирье одно панство без другого не мело чинить и то ему держать»[3].

Однако попытка Сигизмунда привлечь Орден к борьбе против Русского государства окончилась неудачей. В январе 1508 г. последовал ответ магистра. Он указывал, что в настоящее время Орден еще не может оказать помощи королю, ибо не истек срок перемирия Ордена и Москвы, и, кроме того, Орден сейчас не располагает теми силами, которые могли бы быть направлены на борьбу против русских[4].

Таким образом, Польско-Литовское государство не сумело привлечь к борьбе против России ее соседей: Ливонию и Крым.

Военные действия и в 1508 г. не прекращались, развертывались повсеместно.

Русские войска, направленные в пограничные районы Литовского государства, заняли ряд населенных пунктов в районе гг. Слуцка и Копырья.

В это время, то есть в апреле 1508 г., в г. Вязьме для действий против литовцев сосредоточивались войска под командованием В. В. Шуйского, К. Ф. Ушатого, И. В. Хабара[5].

Затем в помощь войскам, действовавшим в Литве, были направлены отряды кн. В. Стародубского, кн. А. В. Ростовского, Ф. В. Оболенского[1].

[1] ПСРЛ, т. XXVIII, 1963, стр. 342.
[2] И. Малиновский. Сборник материалов по истории панов-Рады. стр. 138.
[3] ЦГАДА, ф. Литовской метрики, д. 8, л. 47.
[4] Там же, д. 8, л. 61.
[5] ДРК, стр. 36.

Хотя действия русских войск на территории Литвы принесли немало неприятностей Сигизмунду, однако эти действия, по мнению Василия III, еще не давали оснований считать, что литовцам нанесены достаточно ощутимые удары. Поэтому для дальнейшего более энергичного развертывания военных действий против Литвы весной 1508 г. по приказу Василия III в Литву направляются новые русские войска: из Великих Лук двинулись войска под командованием Г. Ф. Морозова, М. А. Колычева, С. Ф. Курбского, И. Буйнова-Ростовского, И. Д. Шенятева. Для соединения с войсками И. Шемячина были направлены отряды И. М. Репни, И. В. Вельяминова, И. М. Палецкого[2]. Из Новгорода к Великим Лукам был направлен Д. В. Шеня. Прибыв сюда, он вместе с войсками И. Буйносова и М. К. Безубцева двинулся на соединение с отрядами Шемячина и Глинского, которые находились под г. Минском.

Одновременно русские войска продолжают усиливать свои позиции на границах Польско-Литовского государства. Начинается строительство опорных пунктов русских войск. С этой целью еще в начале 1508 г. великий князь Василий III послал кн. И. С. Лобанова-Ростовского «на Белую, на рубеж, город ставити от Литвы»[3].

Тем временем войска Шемячина и Глинского, державшие в осаде г. Минск, сняв осаду направились на соединение с войсками, шедшими к ним под командой Шени, заняв по дороге г. Друцк, они соединились с войсками Д. В. Шени около Орши. Здесь началась совместная осада Орши, которая была безуспешной. В период боев за г. Оршу польско-литовские войска, подготовившись к контрнаступлению, двинулись навстречу русским. 29 июля 1508 г. польский король, оттеснив русские отряды из-под Минска, начал развертывать наступление против основных русских сил, осаждавших г. Оршу. Русские войска вынуждены были снять осаду Орши и переправиться на другой берег Днепра, к г. Дубровне, где и остановились. Здесь, создав оборону, русские простояли 7 дней, ожидая противника. Однако король не решился перейти Днепр и дать бой[4].

Пробыв здесь неделю, русские войска вновь вторглись в литовские земли и «литовскую землю повоевали». Король в свою очередь двинулся к Смоленску, где концентрировались его силы. Стремясь как-то нейтрализовать действия русских в Литве, он предпринимает рейд частью своих сил в тылы русских войск.

Польско-литовские войска начали военные действия по опе-

[1] ДРК, стр. 38.
[2] Там же, стр. 36—37.
[3] Устюжский летописный свод, М., 1950, стр. 105.
[4] Latopisiec Litwy, стр. 289.

рации на торопецком направлении, стремясь создать угрозу с фланга русским войскам, действовавшим в Литве[1].

Со своей стороны русские предприняли ответные меры, которые должны были обеспечить их безопасность в этом районе.

Получив сведения о движении литовцев к Торопцу, русское командование направило сюда войска под водительством В. И. Шихи-Оболенского[2].

Тем временем литовские войска начали активные действия против русских. Литовские отряды овладели Дорогобужем, сожгли крепость Белую. В связи с этим отряды Д. В. Шени и Я. Захарьича направились к Вязьме, чтобы, укрепившись в этом важном районе, не дать литовцам возможности развить наступление. Войска во главе с П. и И. Одоевскими были направлены к р. Брыни «уберегати» русские земли. Вслед за ними двинулся кн. В. Д. Несвицкий, а с ним «галичан, костромичан, да татар городецких, да мордвы много»[3].

После того как литовцы развернули действия в районе Торопца, к Торопцу на помощь русским войскам был переброшен Д. В. Шеня. Сюда же двинулся Янай с татарами и мордвой. Первоначально Шеня нанес удар по литовцам в районе Дорогобужа. Находившиеся здесь литовские войска под напором русских вынуждены были спешно отойти.

Стремясь усилить действия против Литвы, русское командование в район военных действий направляет все новые и новые силы. В августе 1508 г. для усиления войск, действовавших против короля, великий князь Василий III значительные войска направил во главе с И. М. Телятевским, М. М. Салтыковым, И. А. Еропкиным, И. В. Шадрой, Палецким и др.

После получения значительных подкреплений русские войска, действовавшие в Литве, перешли в контрнаступление и снова возвращают города, которые ранее были взяты русскими. Так, в сентябре 1508 г. Д. В. Шеня сходу, без особого кровопролития, взял город Торопец. В это время к г. Торопцу подошли новые подкрепления русских войск.

Это по существу была группировка войск, предназначенная для активных действий против литовцев. Кроме торопецкой группировки, были образованы и другие группировки, которые действовали во взаимосвязи с главными войсками Василия III.

---

[1] Stryikowski Kronika, т. II, стр. 349.

[2] ЦГАДА. ф. 201, д. 85, л. 50 об.

[3] ГИМ. Щукин, 49€, л. 139. Эти данные позволяют предположить, что в походе принимает участие и население Мордовии. Это первое, но не последнее упоминание об участии мордвы в войнах Русского государства. Так, в 1535 г. во время русско-литовской войны в походе на литовские земли участвовали «татары касимовские да иные многие татарове, да мордва, да черемиса». (А. А. Зимин, Краткие летописцы XV—XVI вв.— Ист. арх., т. V, 1950, ст. 13). Эти данные говорят о том, что определенная часть мордвы вошла в состав Русского государства и вместе с русским народом боролась за воссоединение западнорусских земель.

Пытаясь перехватить инициативу из рук русских, польский король основные свои войска направил на помощь Ст. Кишке, он рассчитывал, что соединенными силами ему удастся нанести поражение русским. Литовские войска первоначально двинулись к Орше, получив здесь сильный отпор, повернули к Смоленску. Но эти наступательные операции закончились для поляков неудачей.

Перед Польско-Литовским государством вставала перспектива затяжной войны против русских, причем в условиях, далеко не благоприятных для Польши и Литвы. К 1508 г. у короля ощущается недостаток денежных средств, нехватка войска.

Кроме того, в Литве все шире развертывалась борьба русского населения за свое освобождение. Королю не удалось создать никакой коалиции против русских.

Видя, что при создавшемся положении Польско-Литовское государство не может вести войну против русских, Сигизмунд предложил шаги для начала переговоров о мире[1]. Для этой цели он направил своего приближенного Федора Святошу в Москву с тем, чтобы начать переговоры о мире. Для того чтобы успешнее провести переговоры о мире, Сигизмунд использует для этой цели и своего родственника короля Венгрии Владислава Венгерского. 20 июня 1508 года тот обратился к Василию III с грамотой, в которой просил его заключить с Сигизмундом мир или хотя бы перемирие[2].

Кроме того, Сигизмунд в целях заключения мира с Русским государством использовал и Елену Ивановну, сестру Василия III. Он обратился к ней с просьбой о посредничестве. По просьбе короля она просила брата прекратить войну и заключить мир с королем[3].

После непродолжительной переписки Русское государство также не возражало против заключения мира, ибо в основном оно добилось своей цели — сумело отстоять воссоединенные районы и подготовить плацдарм для дальнейшей борьбы с Литвой. К тому же война потребовала от Русского государства напряжения всех сил. В первую очередь тяжесть войны легла на плечи крестьян. Комплектование армии вызвало отрыв значительного количества населения, и в первую очередь крестьян, от своих занятий и направления их на войну, прежде всего в составе посошной рати. Кроме того, потребность государства в деньгах привела к увеличению налогов, к появлению новых. Все это усложняло внутреннее положение страны.

В конце концов было достигнуто соглашение, по которому

---

[1] Н. А. Максимейко, Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии, 1569, Харьков, 1902, стр. 23.

[2] Н. Бауэр, Сношения России с Германией в XV и XVI в.— ЖМНП, март, 1870, стр. 79, прим. 1.

[3] Е. Церетели, Елена Ивановна, великая княгиня русская, литовская, королева польская, СПБ, 1898, стр. 311.

литовские послы Станислав Глебович, Иван Сапега, Войтех Нарбутович получили разрешение прибыть в Москву для ведения переговоров о мире.

Направляя послов в Москву, Сигизмунд вновь предпринимает попытку дипломатическим путем возвратить потерянные земли. В инструкции послам он предлагает: «которые волости и городы и земли и воды издавна прислухали к нашему господарству великому князству Литовскому, за великого князя Витовта и Жигимонта и при нашем отце, Казимире короле и великом князе, абы то и ныне слухало к нашему господарству великому князству по давнему»[1].

Таким образом, Сигизмунд пытался возвратить не только те земли, что были потеряны Литвой при Василии III, но и те, которые были возвращены русскими при Иване III.

19 сентября 1508 г. в Москву прибыли послы короля — воеводa Полоцкий Станислав Глебович, маршалок Ян Сапега, наместник перемышльский Войтех Нарбутович. Задачей послов было заключение выгодного мира с русским государством[2].

Во время переговоров послы Сигизмунда потребовали возвращения Польше и Литве Дорогобужа, Городца, Чернигова, Любеча, Торопца, части Смоленских земель и др. Русские согласились возвратить лишь небольшие пограничные города: Вергавы, Ветлицы, Шучьи, Буй[3].

В итоге переговоров в Москве был подписан 8 октября 1508 г. мир между Россией — с одной стороны, Польшей и Литвой — с другой. В результате заключенного договора за Польско-Литовским государством оставались: Киев, Черкасы, Вручий, Любечь, Туров, Мозырь, Могилев, Мстиславль, Кричев, Смоленск, Витебск, Полоцк и другие города.

Польско-литовская сторона признала переход на сторону русских городов: Рыльска, Путивля, Радогоща, Чернигова, Стародуба, Почепа, Гомеля, Мглина, Трубчевска, Мосальска, Мценска, Воротынска, Вязьмы, Дорогобужа, Белой и др.

Русские также получили волости: Уваровичи, Тешиловичи, Тереничи, Морозовичи, Лапиничи, Скарбовичи, Зомсье, Бабичи, Светловичи и др.

Король должен был признать переход князей Шемячичей, Блудовых, Трубецких, Одоевских, Вортынских, Мосальских, Глинских в подданство русского государя[4].

В результате этого договора королю пришлось признать потерю Польско-Литовским государством значительной территории. Хотя многие из этих мест были уже воссоединены с русским государством. Новое присоединение русских земель, находящихся за Литвой и Польшей, было большой победой московской дипломатии.

По договору Россия приобрела очень важные в стратегическом отношении районы, которые не только охраняли подступы к землям Русского государства, но и были важными пунктами для развертывания наступления, в случае необходимости, на Смоленск и Литву.

Кроме того, к Русскому государству перешли земли, лежащие на важнейшей торговой магистрали по западной Двине и Днепру. Эти районы, заселенные русскими, белорусами и украинцами, должны были играть немалую роль в экономическом развитии Русского государства.

После подписания мира в Литву для ратификации договора направились И. А. Челяднев, М. С. Клепик-Ростовский, Н. Мокловков и Г. Ф. Давыдов. В результате переговоров русские послы добились ратификации договора королем.

Тем самым первый этап русско-литовских войн (1507—1508) закончился.

Подводя итоги этого этапа войны следует указать на то, что он показал Польско-Литовскому государству, что война против Русского государства не даст ему желаемых результатов. В ходе войны русские войска нанесли ряд серьезных ударов противнику и вынудили его искать мира.

Характерной чертой этого этапа войны был широкий фронт русского наступления. Благодаря такой организации военных действий, русским войскам удалось серьезно ослабить силы противника, нанеся ему с разных мест ощутимые удары.

Во время войны русские искусно использовали в своих целях внутреннюю национально-освободительную борьбу и борьбу крепостного люда против магнатов. Русское командование также использовало недовольство русских, украинских и белорусских шляхтичей, живущих в Литве, часть которых в ходе войны перешла на сторону русских. Наиболее интересным и важным событием в этом отношении было восстание народных масс, возглавляемое Глинским.

Имеющиеся источники дают возможность в общих чертах проследить расширение базы восстания и самого восстания. Характеризуя начальный этап движения Глинского, летописный список Рачинского сообщает, что Глинский «збирал приятели»[1]. Под этим пониманием, вероятно, скрывается русско-литовская шляхта, присоединившаяся к Глинскому и составившая костяк его войска. Некоторые данные о расширении базы восстания в ходе его развития дает Евреиновский список. Он сообщает, что в дальнейшем «многие люди пристали к нему (Глинскому А. К.) и много городов передалось»[2].

---

[1] АЗР, т. II, № 42.
[2] ПСРЛ, т. XIII, стр. 10, ПСРЛ, т. VII, стр. 249.
[3] Сб. РИО, т. 35, стр. 484, стр. 486.
[4] Акты, относящиеся к истории Западной России, т. II, стр. 54—55. Собрание государственных грамот и договоров, т. V, 1895, стр. 50. Сборник русского исторического общества, т. 35, стр. 486—487.

[1] ПСРЛ, т. XVII, стр. 345.
[2] Там же, стр. 402.

Эти «люди», по-видимому, не были феодалами, ибо в западнорусских летописях для обозначения последних применяется термин «паны» и «шляхта». Скорее всего это были крестьяне и горожане, примкнувшие к движению с тем, чтобы освободиться от феодального и национального гнета.

Такое предположение, как нам представляется, подтверждает и Бельский, который в своей хронике указывает, что были очень многие с Руси и Литвы, которые помогали Глинскому, и было бы их еще больше, если бы так продолжалось еще более долгое время[1].

Наиболее ясно об участии в восстании крестьян и горожан говорит хроника Стрыйковского, в которой прямо говорится о том, что во время восстания Глинского крестьяне и горожане создавали отряды, которые помогали русским и Глинскому[2].

Все это позволяет предположить, что движение Глинского поддерживалось не только русскими феодалами, но и массами трудового народа в Литве, особенно в белорусских районах. Поэтому укрепившееся в исторической литературе мнение о восстании Глинского как движении только русской шляхты следует признать неверным. Глинский использовал развернувшееся движение народных масс против польско-литовских феодалов для того, чтобы освободиться от их власти и соединиться с Москвой.

Хотя феодалы были главной опорой Глинского, народные массы, выступив против власти литовцев и став его основной силой движения, усилили его, превратив его из небольшого мятежа в очень крупное восстание в Литве, направленное против власти польско-литовских магнатов.

Своим участием в движении Глинского трудовые массы Великого княжества Литовского оказывали существенную помощь русским, подрывая изнутри Литву. Они видели в этой борьбе движение против польско-литовского панства и показывали свое стремление к воссоединению с Русским государством.

Факт широкого участия простого люда в движении Глинского говорит о значительном недовольстве, особенно в западнорусских землях владычеством панов. Однако, участвуя в восстании, простой народ и шляхта, несмотря на единство общей цели — воссоединение с Русским государством, преследовали различные классовые цели. Если шляхта в борьбе за воссоединение с Русским государством стремилась к сохранению своих политических и классовых интересов, то простой народ видел в этом путь к освобождению от эксплуатации.

Характерно, что движение Глинского развернулось в западнорусских землях и нашло здесь поддержку. Это говорит о том, что простой люд и мелкая шляхта этого района выступают против польско-литовского засилья и борются за воссоединение с Русским государством. В то же время на этом этапе войны все яснее начинают выступать интересы правящих классов Русского государства — добиться воссоединения западных земель с Русским государством для того, чтобы получить возможность эксплуатировать их.

Теперь перед Русским государством стояла задача широкой борьбы за дальнейшее воссоединение русских земель, находившихся под властью Литвы. Война 1507—1508 гг. показала, что Русское государство будет продолжать борьбу за воссоединение западнорусских земель.

---

[1] Kronika M. Belskiego, ст. 945.
[2] Stryikowski Kronika, т. II, ст. 345.

А. В. Циркин

МОРДОВСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН[1]

Автор не претендует на исчерпывающее освещение поставленного вопроса. Перед нами стояла скромная задача: на основании археологического материала из славяно-русских древностей показать степень влияния мордвы на культуру славянских племен, обитавших по соседству с мордовскими землями. Мы делаем попытку рассмотреть одну сторону большого и сложного культурного процесса — проследить мордовские элементы в славянских погребальных обрядах, хотя, вполне понятно, влияние славян на культуру мордвы (нашедшее достаточное отражение в 1-м томе «Очерков по истории Мордовской АССР») было несомненно более сильным и многогранным.

* * *

Мордва с выходом на историческую арену не была изолированным народом[2]. Наоборот, ее территория довольно близко подходила к важнейшим путям, прорезавшим в разные эпохи восточноевропейскую равнину, иногда почти непосредственно прилегая к ним (см. табл. 1). Великий Волжский путь, соединявший побережье Балтики с прикаспийскими странами или бойкий торговый тракт, шедший от Черного моря в глубь Азии, пролегали в непосредственной близости от мордовской земли. Еще во времена, когда мордва находилась на стадии родовых отношений, с юго-запада со стороны Подонья стали проникать в ее земли русские вещи[3].

[1] Вторая часть этой статьи, посвященная вопросам влияния русской культуры на культуру и погребальный обряд древней мордвы, будет напечатана в одном из очередных номеров «Трудов» института.

[2] В. В. Гольмстен и Е. И. Горюнова в статье «О мордовском феодализме» сделали попытку доказать, что мордва была консервативна и территориально замкнута. Отсюда ее культурная отсталость. См. КСИИМК, № 8, 1940, стр. 42—48.

[3] В одном из ранних могильников бассейна Цны у села Серповое встречаются позолоченные и посеребренные бусы импортного происхождения. По-видимому, это изделия восточной индустрии, попавшие в этот район через славян. Алихова, «Серповской могильник», Арх. сборник № 2, Саранск, 1959.

О ранних культурных связях мордвы со славянами говорит фраза из известного рассказа Ибн Фадлана о похоронах русса «она сняла два ножных кольца»[1]. Ножные бронзовые украшения во всей Восточной Европе носила только мордва.

Для XI—XII вв., когда хозяйство мордвы сделало значительные успехи, список предметов мордовского ремесла расширился. Среди ремесленных изделий появились не только ножные бронзовые украшения, но и различного вида застежки — сюлгамы, спиральные бронзовые перстни, браслеты, трапециевидные привески и другие ажурные проволочные украшения[2]. Эти предметы украшения уходили далеко за пределы Мордовии и ее ближайших соседей.

Среди народов Средней Волги и Прикамья русские больше других были заинтересованы в связях с мордвой и в получении ее местных товаров. По свидетельству арабских путешественников, с земель мордвы в страны Запада и Востока вывозилось большое количество шкурок белки, соболя, лисицы. Так, Ал Истархи (около половины X в.) писал, что «они арты (т. е. эрзя) спускаются по воде и торгуют, но никому не рассказывают о своих делах и не допускают никого провожать их. Из арты вывозились черные соболя и свинец». Другой арабский путешественник — Ибн Хаукаль отмечал, что «арта ведет торговлю... из Арты вывозят черные соболя, лисицы и свинец»[3]. Таким образом, торговые связи мордвы с соседями имели глубокие исторические корни, они вытекали из ее хозяйственных, политических и культурных потребностей.

Очевидно проникновение русских вещей первоначально шло с юга, с Подонья, из областей, непосредственно граничащих с мордвой. Можно вполне согласиться с выводом П. Н. Третьякова о том, что тесные связи славян с мордвою обнаруживаются уже с середины I тысячелетия н. э. и что отношения русских с мордвой не могут быть объяснены только торговлей[4]. По-видимому, здесь имел место близкий и постоянный этнический контакт, который сопутствовал проникновению отдельных мордовских вещей в русские области. Мордва в свою очередь также была заинтересована в торговле с русскими и стремилась установить с ними более тесные отношения. Только этим можно объяснить наличие мордовских вещей в целом ряде курганных погребений на Дону, у вятичей, кривичей и в более отдаленных западных территориях Восточной Европы.

[1] Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. История культуры древней Руси, М. 1948, стр. 321.

[2] Древности мордовского народа, Саранск, 1941, стр. 152. Табл. I, II, III, IV, VII, XIV, XVII, XXI, XXIII, XXIV и т. д.

[3] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПБ, 1870, стр. 198.

[4] П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в 1 тыс. н. э. Советская археология № 2, 1957, стр. 68.

Наиболее ранние связи мордвы были установлены с племенами, обитавшими на Дону и Десне. И это не случайно. Эти области, заселенные когда-то вятичами и северянами, непосредственно примыкали к цнинской мордве — наиболее развитому мордовскому племенному союзу.

Уже среди инвентаря курганных погребений северянской Черниговщины Д. Я. Самоквасов обратил внимание на вещи, которые тяготеют к мордовским. Например, в кургане у местечка Седнево (б. Черниговский уезд) при костяке в гробовине, обращенном головой на запад, были найдены серебряная пряжка, напоминающая по своей конструкции сюлгаму — застежку с язычком, характерную для мордвы[1] (таб. 2, рис. 1).

В кургане № 1 у села Марьянова (б. Путиловского уезда Курской губернии) были найдены вещи, среди которых заслуживает нашего внимания трапециевидная привеска, часто употребляемая среди украшений мордвы[2]. (Таб. 2, рис. 13, 14).

В курганном погребении № 8 близ села Седнево (б. Черниговского уезда) среди ряда типичных русских вещей была найдена сюлгама-застежка в полной сохранности, другая — с отломанной заколкой[3]. (Таб. 2, рис. 2).

Среди Гочевских древностей (раскопки Д. Я. Самоквасова у села Гочево б. Оболенского уезда Курской губернии) интерес представляют вещи, которые имеют аналогию с вещами Цнинских могильников мордвы. К их числу относятся замки шейных гривен[4], очень близко напоминающие вещи из Лядинского и Томниковского могильников (б. Тамбовской губернии), (таб. 2, рис. 22, 23).

Среди древностей Приднепровья вещей, которые в какой-то мере можно было бы связать с мордвой, очень мало. И все же обращает на себя внимание спиральный пластинчатый перстень, который по своей форме напоминает перстни[5] из Лядинского могильника (таб. 3, рис. 6, 7), а также ажурная подвеска, на концах которой подвешены привесочки в виде полых уточек. Эта подвеска напоминает лядинский тип подобных украшений в форме пластины, оканчивающейся двумя головками птиц. Снизу прикреплены привески, напоминающие лапку утки, вверху между головками птиц расположено ушко[6] (таб. 3, рис. 8).

[1] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины, М., 1916, стр. 81, рис. 3589.
[2] Там же, стр. 75, рис. 3695.
[3] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины, М., 1916, стр. 56, рис. 3509, стр. 48, рис. 3194.
[4] Атлас Гочевских древностей под ред. Д. Я. Самоквасова, М., 1915, табл. XVI, рис. 2 и табл. XVII, рис. 2.
[5] Древности Приднепровья (VI—XIII вв.). Собрание Б. И. и В. И. Ханенко, вып. 5, Киев, 1902. Табл. XXV, рис. 1106.
[6] Там же, рис. 379.

Интерес представляет также трапециевидная привесочка[1] с отверстиями вверху, опубликованная в собрании В. И. и Б. И. Ханенко. Такой тип привесок входит как необходимый элемент в состав шейных ожерелий мордвы и является весьма частой находкой в мордовских древностях (таб. 2, рис. 14).

Особое внимание привлекают находки только что описанных привесок в вятической земле. В публикациях Т. Н. Никольской имеются подвески трапециевидной формы, которые автор сопроводил весьма любопытным комментарием: «Подвески такой формы имеют весьма отдаленную аналогию подобных украшений у мордвы из Томниковского могильника»[2], (таб. 2, рис. 15, 16).

Таким образом, рассмотренный материал указывает на связь мордвы с племенами Подонья и Днепра, установившуюся уже в весьма отдаленное время.

Анализируя инвентарь Смоленских курганов, известный археолог В. И. Сизов установил, что в некоторых из них встречаются изделия не местного производства, тяготеющие к мордовским могильникам, в частности к Лядинскому[3].

Среди украшений, найденных в Гнездовских курганах, интерес представляет бронзовая гривна, несомненно, привозная (табл. 4, рис. 4). По своей форме и технике изготовления она очень близко напоминает гривну из Лядинского могильника. Касаясь этого факта, А. А. Спицин в свое время отмечал, что такой тип шейных гривен встречается также в могильниках Кошебеевском, Кузьминском[4]. Служебное назначение их состояло в том, что они употреблялись для бус и спиралей. Шейные гривны изготовлялись из гладкой проволоки и покрывались медными спиралями, а в промежутки между ними нанизывались красные бусы.

Наиболее показательными в этом отношении являются нагрудные украшения, состоящие из трех ажурных пластинок, скрепленных между собой бронзовой проволокой[5]. Привески из цепочек заканчиваются треугольными пластиночками, напоминающими по своей форме лапки водяных птиц-уточек (таб. 4, рис. 1, 2). Этой интересной находке В. И. Сизов дает следующее объяснение: «Подобного рода украшения,— пишет он,— употребляются до сих пор у мордвы и носят название сюлгамы»[6].

Интерес представляет одно погребение в Гнездовском кургане, которое, по мнению исследователя, отличается некоторы-

[1] Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Собрание Б. И. и В. И. Ханенко, вып. VI, Киев, 1907. Табл. XVIII, рис. 308.
[2] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. МИА 72, стр. 50, рис. 20 (6—7).
[3] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Материалы по археологии России. (МАР) № 28. 1902, таб. 14, рис. 13.
[4] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Спб. 1905, рис. 448.
[5] В. И. Сизов. Там же, стр. 50.
[6] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 81.

ми особенностями. Погребальных урн в нем не найдено, а кострище выразилось в слое женских косточек, причем как на вещах, так и на кусочках халата влияние огня не было заметно. Можно предположить, замечает по этому поводу исследователь, что украшения эти во время сожжения не были надеты на покойницу. Такого рода факты, т. е. присутствие нетронутых огнем вещей на небольшом слое костей известны нам из раскопок П. П. Иванова в Крюковско-Кужновском могильнике. Украшения располагались после кремации в порядке, принятом при трупоположении. Принимая во внимание все это, В. И. Сизов отметил, что данное погребение в Гнездовском кургане «представляет единственный случай женского инородческого, а именно финского (возможно, мордовского — А. Ц.) погребения в несомненно славянском могильнике»[1]. Эти предположения подтверждаются наличием ажурных украшений, по стилю и по технике изготовления аналогичных в Лядинском и Елизавет-Михайловском могильниках б. Тамбовской губернии.

Как могла попасть чужестранка в Гнездово на Смоленщину? По всей вероятности, женщина была взята в плен из близ расположенных областей, где обитала мордва. Возможно, она была куплена как рабыня и жила в Гнездове у кого-нибудь из местных военачальников. Среди гончарных изделий, найденных в Гнездове, примечателен лепной сосуд[2] баночной формы, имеющий аналогию с сосудами Елизавет-Михайловского могильника.

В инвентаре Гнездовских курганов обращает на себя внимание сюлгама, очень близко напоминающая такого вида застежки из мордовских древностей (таб. 2, рис. 3).

В последнее время трудами советских археологов были исследованы памятники в Смоленском Приднепровье и верхнем Подвинье. Материалы этих памятников открывают перед нами картину довольно устойчивых культурных связей славян с финно-угорскими племенами, в том числе и с мордвой.

Так, например, в могильнике у деревни Лопино среди ряда типичных русских вещей в большом количестве были найдены трапециевидные подвески[3], украшенные точечным и циркульным орнаментом (таб. 2, рис. 20). По краю некоторых подвесок нанесен орнамент из рельефных точек, весьма типичных для мордвы, особенно цнинской. А в кургане № 2 близ села Ярцево Смоленской области были найдены две бронзовые застежки-

[1] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, стр. 81.
Кстати, заметим, что Б. А. Рыбаков, отмечая этот факт, писал, что «в дружинных курганах Смоленщины воин был похоронен по обычаю с одной из рабынь. Рабыня, судя по вещам, была из Среднего Поволжья». См. История культуры древней Руси, М., 1948, стр. 321.
[2] В. И. Сизов. Там же, стр. 102.
[3] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА 6, 1941, таб. 4, рис. 7—10, 13, 14, 15, 16, 17, 20.

сюлгамы[1], которые, как отмечалось, были в большом употреблении у мордвы. Среди находок, извлеченных из этой группы памятников, интерес представляет спиральный пластинчатый перстень[2], аналогичный тип которого также встречается в Лядинском и Кузьминском могильниках (таб. 4, рис. 6, 7).

Около села Драково, расположенного в верхнем течении Западной Двины на Смоленщине, были найдены две трапециевидные привесочки[3] с орнаментом из рельефных шишечек, подвешенных на петле. Аналогичный тип украшения найден в Борковском могильнике (Рязанская область).

Среди древностей Ярославского Поволжья в кургане Михайловского могильника, датируемого IX—X вв. н. э., было найдено ожерелье из бронзовых трубочек с трапециевидными привесочками[4], аналогичное украшениям из Лядинского могильника (таб. 2, рис. 20).

Я. В. Станкевич, раскапывая ряд памятников на территории бывш. Великолукской области, обнаружил в инвентаре вещи, которые по своей форме и конструкции напоминали вещи, широко бытовавшие у мордвы. К числу таких вещей относятся трапециевидные привески и сюлгамы-застежки[5] (таб. 2, рис. 7).

В курганах у деревни Цуровки на Смоленщине в женских погребениях с сожжением среди золы и угольков были найдены украшения: трапециевидные привески с орнаментом, застежки, замки от шейных гривен, а также прямоугольные пластинки, орнаментированные по краю двумя рядами точек[6]. Эти пластинки имеют большое сходство с украшениями от налобных венчиков, встречаемых в мордовских захоронениях (таб. 2, рис. 17).

Особый интерес представляет бронзовая шейная гривна с подвешенными трапециевидными привесочками[7]. Замок шейной гривны очень простой, напоминающий вид крючка и петли. Такие гривны — нередкая находка в Лядинском, Томниковском и Максимовском могильниках (таб. 4, рис. 4).

Е. А. Шмидт, отмечая некоторую особенность инвентаря памятников Смоленщины, подчеркивал, что «встречаются вещи, имеющие очень близкую аналогию с вещами среднеокских могильников, и что плоские треугольные бронзовые подвески употреблялись как составной элемент более сложных украшений мордвы»[8]. Эти подвески очень близко напоминают плоские

[1] Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА 6, 1941, табл. VIII, рис. 23, 29. [2] Там же, табл. VIII, рис. 36.
[3] Там же, табл. VI, рис. 4.
[4] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья, МИА 6, 1941, таб. III, рис. 5.
[5] Л. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I тыс. и начале II тысячелетия н. э. МИА 76, 1960, рис. 88.
[6] Е. А. Шмидт. Длинные курганы у деревни Цуровки. СА № 3, 1958, рис. 1—8.
[7] Там же, рис. 17.
[8] Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины, МИА 108, 1963, рис. 1, 17, 18.

с лицевой части орнаментированные подвески из Томниковского, Лядинского и Борковского могильников.

Встречаются мордовские вещи и в районе Пскова, о чем говорят материалы русской деревни X—XIII вв., представленные в Государственном историческом музее[1] (таб. 2, рис. 24).

Из всего сказанного становится совершенно очевидным, что между мордвой и населением Смоленского Преднепровья и Верхнего Подвинья существовали самые оживленные торговые связи, осуществлявшиеся как по Оке и ее притокам, так и по великому Волжскому пути. Весьма вероятно, что население, которому принадлежали Моршанские могильники, втянутое в торговые связи, в поисках сбыта своих товаров совершало походы в земли своих западных соседей.

Торговые и культурные связи мордвы с вятичами достаточно четко документируются инвентарем как среднеокских могильников, так и могильников, расположенных в долине рек Вад и Парцы.

С появлением в X в. поселений вятичей на средней Оке, куда они передвинулись с верховья этой же реки в результате захватнических походов кочевников на юге, между вятичами и мордвой устанавливаются самые оживленные торговые связи. Мирные отношения содействовали культурному сближению населения и вызвали взаимопроникновение культур этих народов.

Среди памятников, расположенных по реке Клязьме близ сел Бисерово, С. К. Богоявленским была найдена бронзовая застежка-сюлгама[2] и ажурная пряжка с подвешенными к ней снизу бутылчатообразными привесочками[3]. Эти вещи характерны для финно-угорских народов и, в частности, для мордвы (таб. 2, рис. 5).

У села Елизарово (б. Волоколамского уезда) Ю. В. Готье в 1900 году раскопал славяно-вятический памятник, в вещевом комплексе которого было найдено несколько трапециевидных привесочек[4], типичных для украшения мордвы.

У села Воскресенка быв. Можайского уезда на территории Тушкова городища был найден многоспиральный пластинчатый браслет[5]. Аналогичные типы браслетов были найдены при раскопках Кельгининского могильника на территории Торбеевского р-на МАССР в 1963/1964 гг. (таб. 2, рис. 8).

У села Чернево Московской области А. Я. Поляков раскопал вятический памятник, в котором наряду с семилопастными височными кольцами находилась бронзовая застежка-сюлгама[6], очень напоминающая застежки из древностей мордвы (таб. 2, рис. 3).

Точно такую же застежку-сюлгаму обнаружил П. А. Дмитриев при раскопках им вятических курганов у села Битяково (быв. Подольского уезда)[1]. Среди вятических семилопастных височных колец находилась вещь не местного производства, а пришедшая из финно-угорского мира.

Особый интерес представляют материалы раскопок городища «Старая Рязань». Среди вещевого комплекса этого памятника встречаются бронзовые сюлгамы-застежки[2], столь характерные для мордвы, а также вещи, имеющие прямое сходство с вещами из Лядинского могильника. По своей конструкции и орнаменту, нанесенному в виде рельефных точек в два ряда, эта вещь в точности повторяет венчик, опубликованный в «Древностях мордовского народа»[3]. На городище «Старая Рязань» имеются и другие вещи, аналогичные мордовским. А в одной из землянок этого памятника А. А. Монгайтом был найден материал для изготовления спиральных браслетов, перстней и других украшений. В. А. Городцов при раскопках Троицко-Пельницкого городища нашел литейную формочку для литья ажурных блях — застежек[4]. (Это более ранний период).

Весь этот разнообразный материал свидетельствует о широких торговых связях мордвы с вятичами, об устойчивом и продолжительном характере этих связей. Вполне понятно, что вятическое влияние на культуру и быт мордвы не было односторонним. В свою очередь мордовское племя, оставившее среднеокские могильники, и коренная мордва, населявшая долины рр. Вад и Парцы, оказали определенное культурное воздействие на быт и хозяйство славянских племен — вятичей и кривичей.

Выше было отмечено, что вятичи продвинулись на среднюю Оку из ее верховьев под давлением печенегов и половцев. С момента появления вятичей в этих областях культурные связи мордвы с кривичами резко сокращаются.

Анализируя материалы вятических курганных погребений, А. В. Арциховский обратил внимание на весьма интересную деталь: наличие в курганах вятичей толстоконечных браслетов. Эти браслеты широко и продолжительное время бытовали у мордвы и родственных ей племен. Что касается вятичей, то такой тип браслетов был найден один раз в б. Московском уезде[5]. Нам кажется, что толстоконечные браслеты эволюционно развивались из кованых браслетов, концы которых напомина-

[1] ГИМ, см. Зал. 8 № 9, Деревня X—XIII вв. Изделия деревенских ювелиров.
[2] ГИМ, инв. № 44738, коллекция 31/43 а.
[3] Там же, инв. № 44738, коллекция 31/45 б. инв. № 38892, коллекция 123/35 а.
[4] ГИМ, инв. № 38892, коллекция 123/35 б.
[5] ГИМ, инв. № 54746, коллекция 125/20 а.
[6] Там же, № 46607, коллекция 123/38 а.

[1] ГИМ, инв. № 56112, коллекция 35/19 а.
[2] Там же, № 58603, коллекция 99/34 а.
[3] Древности мордовского народа, Саранск, 1941, Таб. 4, рис. 5.
[4] В. А. Городцов, Раскопки Троицко-Пельницкого городища в 1925 году, Рязань, 1930, стр. 29, рис. 17.
[5] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 17, рис. 11, 16.

ют шляпки гвоздя. В процессе своего развития они принимали различные варианты, достигнув наиболее гармоничной формы, представленной в могильниках: Лядинском[1], Борковском[2], Кузьминском[3], у пос. Заря[4] и Волчиха[5].

В 1939 г. группа студентов Московского государственного университета под руководством профессора А. В. Арциховского раскопала курган близ села Черемушки Московской области. В кургане № 2, где костяк был ориентирован головой на юго-запад (ориентировка костяка тяготеет к мокшанской южной ориентировке), был найден ряд типично славянских вещей, в том числе два семилопастных височных кольца. Очень важно отметить, что с фаланги левой руки были сняты три перстня, в числе которых был медный спиральный проволочный перстень, весьма характерный для мордвы (таб. 4, рис. 6, 7).

И. В. Савков дает нижеследующее объяснение этой находке: «Пружинный перстень среди вятичей,— отмечает он,— есть несомненно ранний признак, и относит курганы погребения к первой половине XII в.»[6]. Пружинные перстни встречаются очень часто в древностях мордвы, они бытовали, начиная с Серповского могильника[7]; затем мы их встречаем в Перемчалкинском[8] и Лядинском[9]. Важно отметить, что присутствие типично мордовских вещей в вятическом курганном захоронении под Москвой свидетельствует о культурных взаимоотношениях мордовских племен с вятичами. Мордовский перстень, находившийся среди прочих славянских украшений, указывает на его высокие ювелирные достоинства.

Отдельные мордовские вещи проникали не только в земли вятичей. Находки типичных мордовских предметов встречаются и в памятниках, расположенных значительно западнее, в землях дреговичей, обитавших в X в. между реками Припятью и Западной Двиной.

Так, например, при раскопках городища Вщиж, датируемого X—XIII вв., на берегу Десны среди вещей типично славянских были найдены бронзовая сюлгама-застежка с загнутыми в трубочку концами, а также ажурная высокохудожественная пряжка — бляха (табл. 2, рис. 3).

[1] Древности мордовского народа, Саранск, 1941, табл. 9, рис. 9.
[2] Там же, табл. 18, рис. 2, 3, 4.
[3] Там же, табл. XXIII, рис. 3, 4, 7, 8.
[4] М. Ф. Жиганов. Могильник у пос. Заря. Погреб. 23. Вещи хранятся в Мордовском краеведческом музее.
[5] М. Ф. Жиганов. Могильник «Волчиха». Погреб. № 16, 20. Вещи хранятся в Мордовском краеведческом музее.
[6] И. В. Савков. Курганы с. Черемушки. Сборник студенческих работ исторического отделения МГУ за 1939 г., стр. 65—66.
[7] А. А. Спицин. Могильник у с. Серповое. Коллекция ГИМ. 45/13 б.
[8] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Арх. сборник № 1, таб. VII, рис. 10.
[9] В. И. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники, Мар. 10. 1893, таб. 11, рис. 14.

П. М. Еременко, раскопавший ряд курганов по р. Ипути, при костяках, обращенных головой на запад, среди обычных славянских вещей обнаружил предметы, которые невольно напоминают мордовские застежки-сюлгамы[1] (таб. 2, рис. 4).

В вещевом комплексе Люцинского могильника[2], раскопанного Е. Р. Романовым, были найдены вещи, заставляющие думать о культурном проникновении ремесленных изделий мордвы в эти отдаленные области. В погребении 4 этого могильника среди вещей интерес представляет гривна, украшенная елочным рисунком и змейчатыми линиями (таб. 4, рис. 4). Гривна изящна, техника изготовления и орнаментальные мотивы сближают ее с подобными же гривнами из Томниковского и Перемчалкинского могильников.[3]. Интерес представляет также налобный венчик (таб. 4, рис. 5) в погребении 48 рассматриваемого могильника. Этот венчик в описании исследователя выглядит так: лента, составленная из нескольких рядов спиралей, местами перехватывается тонкими пластинками, орнаментированными по краю одним рядом рельефных точек. Спирали имели поперек углубленные линии и нанизывались на круглый шнур или веревочку. Подобные типы налобных украшений встречаются и в Перемчалкинском могильнике и в могильнике «Волчиха», раскопанном М. Ф. Жигановым.

Приведенные примеры показывают, что в X—XI вв. мордовские ремесленные изделия, главным образом украшения, проникают в гущу славянского населения, сравнительно далеко на северо-запад.

Вторым памятником, весьма важным для решения поставленного вопроса, являются курганы на территории бывшей Санкт-Петербургской губернии, раскопанные в свое время Л. К. Ивановским[4]. Из отдельных вещей, заслуживающих внимания, следует отметить привески в виде полых уточек (таб. 3, рис. 3, 4). Прототипы аналогичных украшений, по-видимому, следует искать в древнемордовских памятниках. Подобные привески, входившие в состав женских украшений, встречаются в Лядинском и Томниковском могильниках[5].

Некоторые типы поясного набора, найденные в курганных погребениях, имеют весьма близкую аналогию с поясными украшениями, помещенными В. Я. Ястребовым в древностях Лядинского и Томниковского могильников Тамбовской области (таб. IV, рис. 21, 24). Комментатор древностей С.-Петербургских кур-

[1] ЗРАО, т. 8, вып. I, СПБ, 1896, таб. IV, рис. 1, 2. См. также Б. А. Рыбаков, Радимичи, Минск, 1932, рис. 10, 11.
[2] Люцинский могильник. МАР. 14. 1893, таб. 3, рис. 11.
[3] В. И. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. Мар. 10, 1893, таб. I, рис. 8. А. Е. Алихова, Перемчалкинский могильник. Арх. сборник № 1, Саранск, 1948, таб. XI, рис. 1.
[4] Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского обработал А. А. Спицын. МАР. 20, 1896, табл. VI, рис. 1, 2.
[5] В. Н. Ястребов, Указ. соч., табл. 16, рис. 1, 2.

ганов крупный археолог своего времени А. А. Спицин отмечает, что «Эти типы поясных украшений не представляли ничего своеобразного и встречаются в древностях XI—XII вв., особенно в могильниках бассейна рек Оки и Камы»[1].

В материалах этого памятника нередкой находкой служат трапециевидные бронзовые привесочки[2], часто употребляемые финно-угорскими племенами и в особенности мордвой, а также спиральные браслеты[3] и сюлгамы — застежки[4]. Подобные вещи обнаружены в ряде погребений вновь раскопанного Кельгининского могильника, датируемого ранний комплекс XI—XII вв. и принадлежащего мордве-мокше (таб. 2, рис. 7).

Интерес представляет материал Гдовских курганов в раскопках В. Н. Глазова и обработанных А. А. Спициным. В кургане 31 близ села Криуши, датируемого XI в., среди других вещей у костяка был найден спиральный в 4 оборота перстень[5]. Такие перстни были очень в ходу у мордвы этого периода (таб. 2, рис. 8). В курганах 8, 144, 221 при мужских костяках были обнаружены сюлгамы — застежки[6] с загнутыми концами. Причем концы застежек сначала расплющивались, а лишь затем сворачивались в трубочку, и получалось, что концы сюлгамы были очень широкими по отношению к стержню застежки (таб. 2, рис. 2).

Во многих курганах нередкой находкой являются уже не раз упоминаемые нами трапециевидные привесочки, украшенные точечным и циркульным орнаментом[7], а также пластинчатые браслеты[8], орнамент которых совпадает с орнаментами браслетов, найденных на Кельгининском могильнике (таб. 2, рис. 19).

И, наконец, завершая рассмотрение памятников этого района, необходимо отметить ряд вещей финно-угорской принадлежности, найденных в курганах южного Приладожья.

В курганах господствуют два обряда захоронений — трупоположение и трупосожжение. В вещевом комплексе курганных памятников встречаются вещи, которым нельзя отказать в аналогичном сходстве с вещами из мордовских памятников этого же периода. Так, например, в курганном захоронении у Воскресенского ручья при костяке среди славянских вещей находилась бронзовая трубчатая привеска с подвешенными к ней трапециевидными пластинками без орнамента[9] (таб. 3, рис. 6).

[1] Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского, обработал А. А. Спицын. МАР. 20, 1896, стр. 27.
[2] Там же, таб. 1, рис. 14, таб. VI, рис. 1, 2.
[3] Там же, таб. IV, рис. 11.
[4] Там же, таб. XV, рис. 23, 25.
[5] Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова обработал А. А. Спицын. СПб, 1903, таб. XXII, рис. 36, 37.
[6] Там же, таб. XXI, рис. 9, таб. XXII, рис. 3, 4, таб. XXIII, рис. 2.
[7] Там же, таб. XX, рис. 6, 8, 10.
[8] Там же, таб. XXV, рис. 23.
[9] Курганы южного Приладожья Н. С. Брандербурга, МАР. 18, 1895, таб. 1, рис. 7.

В кургане близ села Шуковищино (б. Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии) при костяке была найдена головка ажурной бляшки, напоминающая такую же бляху из Лядинского могильника. Поверху она украшена рельефными трехшишечными украшениями[1].

Среди курганных вещей встречаются и сюлгамы — застежки с загнутыми концами[2], столь обычные для памятников мордвы (таб. 2, рис. 4).

Все эти вещи попали в различные пункты северо-западных областей из мордовских земель благодаря культурным связям того времени между племенами, они оказали в известной мере культурное влияние на быт и погребальный ритуал местного населения.

При характеристике влияния мордвы на население, которому принадлежали Костромские и Владимирские курганы, нельзя пройти мимо ажурных орнаментированных привесок, снизу которых прикреплялись на цепочках колокольчики, гусиные лапочки или металлические привески в виде полых уточек (таб. 8, рис. 1, 3, 4). В вещевом комплексе Костромских курганов встречаются предметы, очень близко напоминающие вещи из древнемордовских могильников и других финно-угорских памятников.

Исследователь культуры Костромских курганов Д. К. Анучин так описывает вещи, которые, по его мнению, отражают сильное влияние Волго-Камского востока. «Привески длиною в 1—2 вершка,— пишет автор,— состоят из литых трубочек с более или менее орнаментированных прорезною дужкою. За эту дужку подвешивались на цепочке или ремнях, снабженные внизу ушками или колечками, колокольчики или полые уточки»[3].

Описанный выше тип привесок выполнен техникой, обычной для мордовских изделий. Бутылочки, колокольчики, ажурные переплетения, условные изображения головок животных — все это очень близко роднит их с подобными украшениями из Лядинского и Томниковского могильников[4]. Украшения, тождественные вещам из Костромских курганов, найдены близ Моршанска и в Рязанских могильниках.

Ажурные привески из Костромских курганов имеют свои особенности. Привески, помещенные Д. К. Анучиным на стр. 14 указанного выше исследования, сделаны из жгутообразной проволоки, свитые в три концентрических кольца, к которым по цепочке прикреплены литые привесочки в виде гусиных и утиных лапок. Возможно, этот тип костромских привесок сделан кривичским мастером по мотивам, навеянным извне. Привески

[1] Курганы южного Приладожья Н. С. Брандербурга, МАР, 18, 1895, таб. 1, рис. 5.
[2] Там же, таб. II, рис. 12, 13.
[3] Д. К. Анучин. Костромские курганы. СПБ. 1890, стр. 14.
[4] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. Мар. 10, 1893, таб. XV, рис. 3, Древности мордовского народа. Саранск, 1941. Дополнения II, рис. 19 «в».

костромского вида употребляются в качестве украшений, имеют весьма близкую аналогию с древномордовскими могильниками. Эти вещи достаточно ясно отражают проникновение элементов мордовской культуры в земли кривичей.

Несколько более сильным было влияние древнемордовской культуры на области, непосредственно прилегающие к ее землям с северо-запада, со стороны нижнего течения р. Оки. А. А. Спицын опубликовал в своем исследовании[1] несколько привесок, аналогичных мордовским. Во Владимирских курганах в женских погребениях среди предметов украшения и остатков костюма найдена бронзовая привеска (таб. 3, рис. 9), по нижнему краю которой подвешены привесочки в виде бутылочек[2]. Подобная привеска имеет поразительное сходство по форме и орнаментации с только что указанной привеской, найденной в Лядинском могильнике[3] и в других финно-угорских древностях.

В одном из курганских погребений была обнаружена бронзовая трубочка[4], украшенная рубчиками, которые опоясывают ее по краям и по середине. К ней при помощи неподвижных петель подвешены три плоские треугольные привески (таб. 3, рис. 6). Сходные украшения найдены в Лядинском могильнике[5], в Томниковском могильнике[6] и в могильниках у пос. Заря[7]. Похожее украшение было найдено в IV погребении Томниковского могильника, где оно входило в состав ожерелья.

Среди Владимирских древностей обращают на себя внимание украшения из бронзовых трубочек с привесками (таб. 3, рис. 8), описанные А. Спициным в его работе.Такой тип украшения имеет сходство с привесками, найденными в XI погребении Томниковского могильника. Во Владимирском варианте трубочка сделана из согнутой проволоки, а треугольные привески не имеют рельефных шишечек по нижнему краю.

Очень близко к только что описанному типу относится другое украшение, состоящее из трубочки с двумя треугольными привесками. Эта привесочка представляет более скромный тип по сравнению с аналогичными украшениями из мордовских древностей. Орнаментация украшений посредством шишечек, свойственная Лядинским древностям различного рода, возможно, указывает на то, что эта форма украшений навеяна местными

[1] А. А. Спицын. Владимирские курганы, СПб, 1905, рис. 448, 449, 452, 459.

[2] Там же, рис. 448.

[3] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники, МАР 10, 1893, рис. 18.

[4] А. А. Спицын. Владимирские курганы. СПб, 1905, рис. 449, в тексте.

[5] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. 1893, таб. VIII, рис. 5.

[6] Древности мордов. народа. Саранск, 1941, Дополн. II, рис. 19 «а».

[7] М. Ф. Жиганов. Могильник у пос. Заря, Погребение № 56. Вещи хранятся в Мордовском краеведческом музее.

мотивами, которые лежали в основе изделий древнемордовских ремесленников, и была занесена с некоторыми вариациями в соседние с мордвой области.

Все перечисленные выше украшения из Владимирских курганов испытали на себе воздействие древнемордовского ремесленного центра и проникли в земли кривичей как торговым путем, так и в результате непосредственного их общения. Разумеется, некоторые украшения Владимирских курганов не повторяют в точности детали мордовских украшений, но техника изготовления, форма, и в целом их орнаментация поразительно близко воспроизводят технику изготовления, форму и орнаментальные мотивы Лядинского, Томниковского могильников, могильника у пос. Заря и других мордовских памятников.

Бесспорно прав А. А. Спицын, указывая, что большая часть вещей Владимирских курганов имеет, несомненно, местный характер. Не надо забывать, что в низовьях реки Оки до прихода сюда славян жило племя, близкое, родственное мордве. Это обстоятельство не могло не наложить на местное ювелирное ремесло специфических мордовских черт. Формы основных украшений, найденных во Владимирских курганах,— пронизки с бубенчиками и с колокольчиками, ажурные трубочки с привесочками в виде гусиных и утиных лапок, орнаментация изделий в архаическом «зверином стиле» впервые, по-видимому, появились у мордвы, у племени, очень любившего обилие всевозможных шумящих украшений.

Таким образом, имеются основания полагать, что мордва оказала значительное влияние на культуру населения, которому принадлежали Владимирские и Костромские курганы, хотя это влияние не может сравниться с тем влиянием, какое испытывали кривичи со стороны более высокой, более разнообразной и традиционной культуры древнего Киева и Новгорода.

Итак, мы рассмотрели, насколько это было возможным, вопрос о влиянии древнемордовской культуры на культуру восточных славян, которые непосредственно соседствовали с землями мордвы. Это влияние, разумеется, было не в такой степени сильным, чтобы в сложении той или иной восточнославянской культуры оказать решительный перевес. Это объясняется целым рядом причин политического и экономического характера.

Славяне, пришедшие на берега Оки и верховье Волги, имели в своем арсенале богатые традиции киевских ювелиров. Они уже пережили родоплеменные связи, у них более быстро развивались феодальные отношения, несущие, безусловно, более высокий уровень производства. Этот момент мы всегда должны учитывать, так как от уровня развития производительных сил в значительной степени зависит уровень культуры, уровень идеологии.

Кроме того, следует иметь в виду, что у кривичей, северян и радимичей была более стройная политическая организация, чем

у мордвы и других племен Окско-Волжского междуречья. Экономически сильные и политически организованные славянские племена, разумеется, шли быстрее по пути своего культурного развития. И у соседних народов, а в частности у мордвы, они брали те элементы их культуры, которые на данном этапе соответствовали их потребностям.

Вятичи, жившие в течение продолжительного времени в непосредственном соседстве с мордвой, восприняли некоторые черты мордовской культуры в более значительной степени, чем кривичи, пришедшие в низовье реки Оки в начале XI века н. э.

Какова бы ни была степень влияния мордовской культуры на культуру восточных славян, необходимо отметить, что проникновение культурных элементов выразилось не односторонним процессом. Это был процесс взаимопроникновения, взаимообогащения и взаимовлияния соседствующих культур, результатом которого явились близкие добрососедские отношения трудовых масс племен и народов.

Хозяйственно-культурные связи мордвы с древнерусским народом, установившиеся еще со времени образования Киевского государства, несомненно оказали благотворное влияние на развитие хозяйства мордвы. Они способствовали ее политической консолидации, экономическому подъему и создали благоприятные предпосылки для еще более всестороннего развития мордовской культуры в дальнейшем.

Наши итоги сводятся к следующему:

1) Мордва не была изолированным и консервативным народом, она так же, как и другие народы Среднего Поволжья, создала свою самобытную культуру и сыграла определенную роль в становлении культуры соседних с нею народов. Она внесла положительный вклад в сокровищницу мировой культуры.

2) Раннее проникновение элементов мордовской культуры в славянскую среду относится к IX веку, в земли северян.

3) Наиболее яркое влияние мордовской культуры прослеживается в землях вятичей и меньше в культуре смоленских кривичей.

4) Культурные связи соседних народов были обоюдными, непрерывными, продолжавшимися и в последующие столетия.

5) Легенда о консерватизме, изолированности и культурной отсталости мордвы не имеет под собой достаточных оснований и легко опровергается археологическими данными. Мордва не растворилась как этническое целое в мощном потоке русской вольной колонизации, устремившейся в X веке в Окско-Волжское междуречье. Она сохранила свою самобытную культуру и язык и в отличие от муромы, мери, веси и других племен финно-угорского семейства сумела выстоять, впитав все лучшее от славян и сделав значительный скачок в своем культурном развитии, который был искусственно задержан татаро-монгольским нашествием.

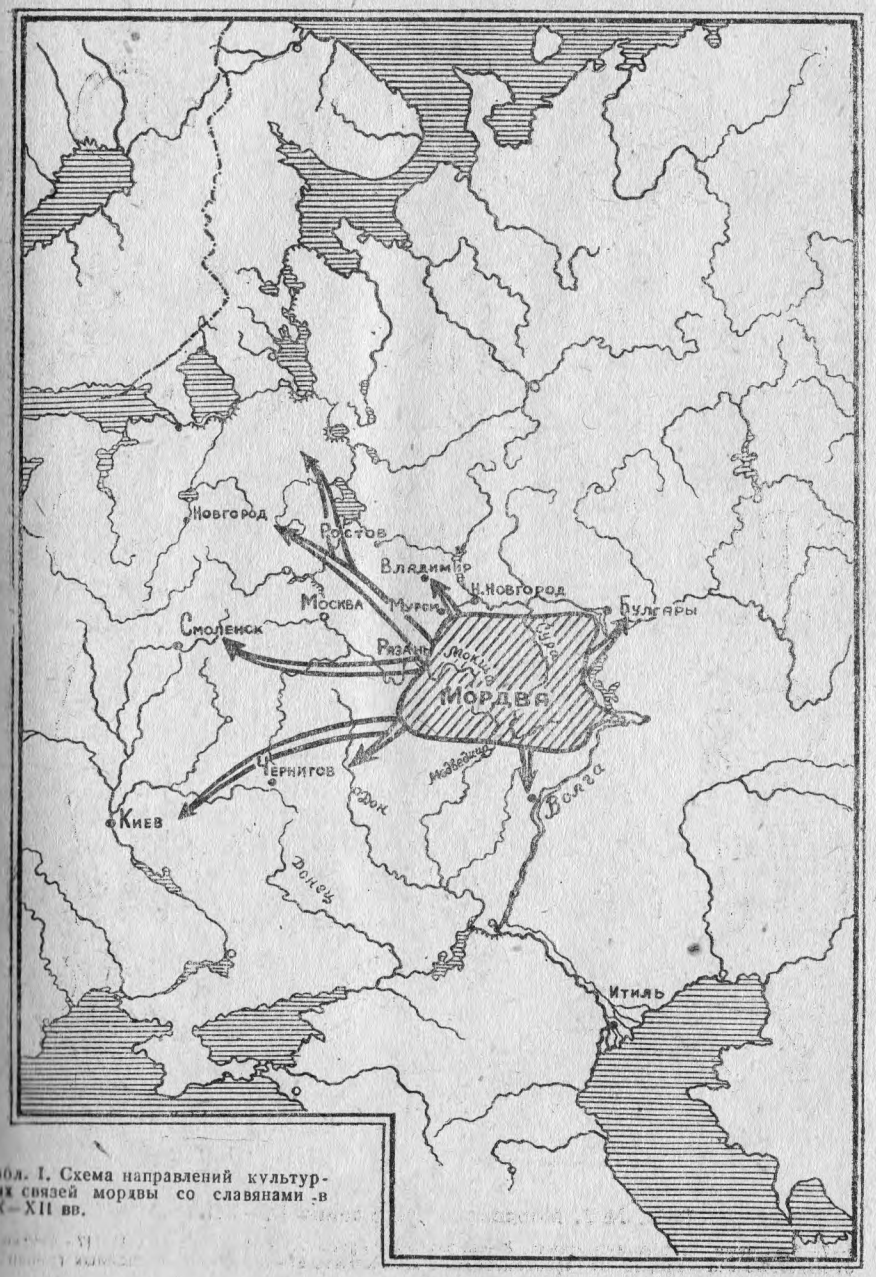


Табл. I. Схема направлений культурных связей мордвы со славянами в IX—XII вв.

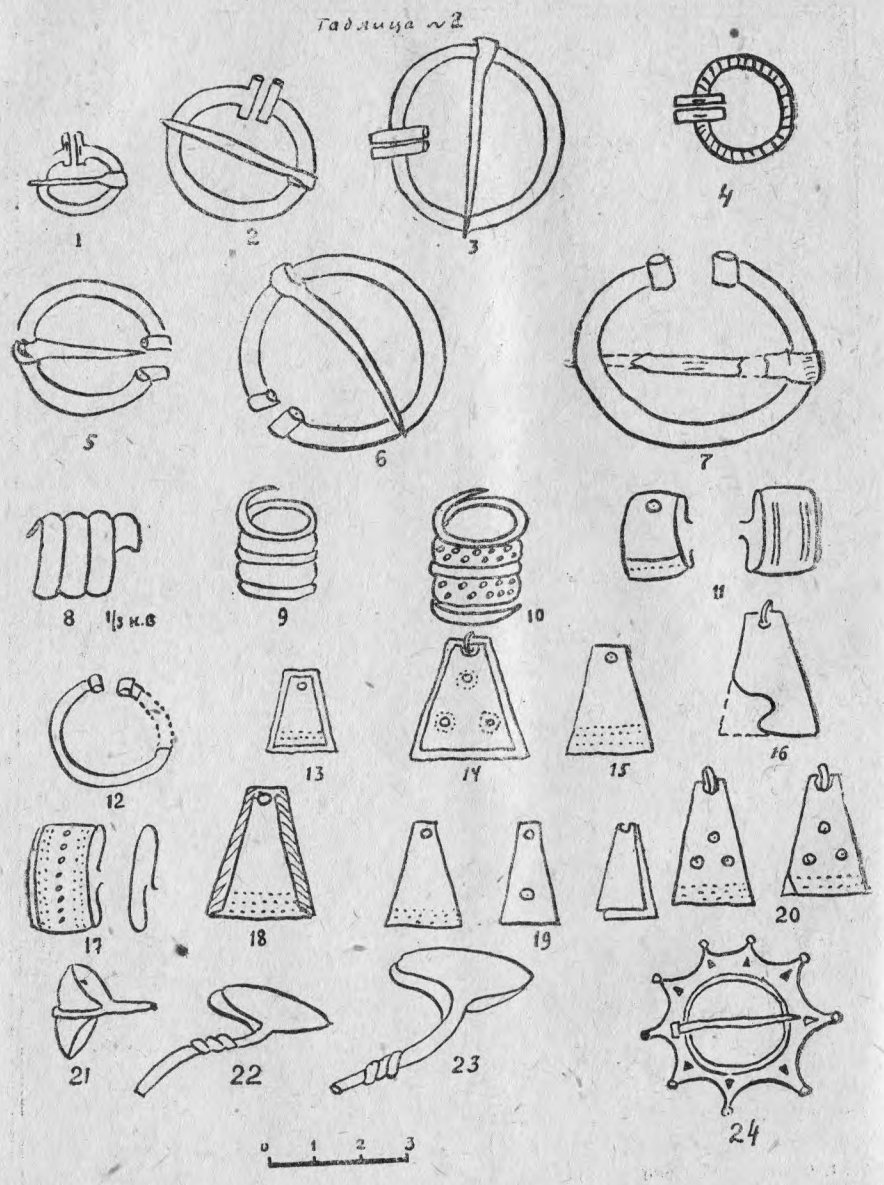


Табл. № 2. Мордовские украшения IX—XII вв.

1—7—бронзовые застежки-сюлгамы, 8—спиральный браслет, 9—10—перстни, 11—17—детали от налобных венчиков, 13—17—трапециевидные привесочки, 21—23—замки от шейных гривен, 12, 24—сюлгамы.

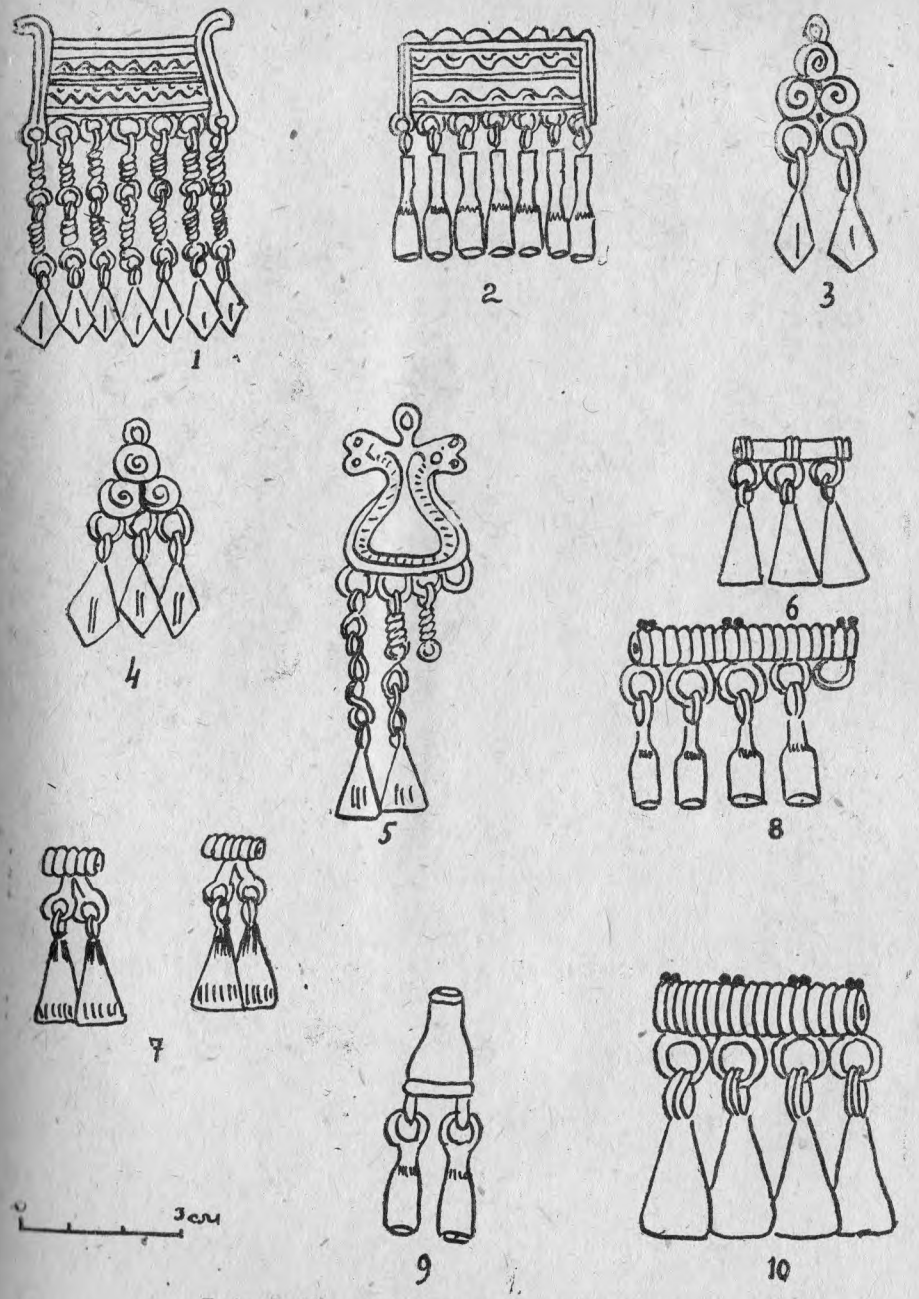


Табл. 3. Мордовские украшения IX—XI вв.

1—2—бронзовые ажурные украшения, 3, 4, 6, 7, 10—ожерелья из бронзовых пронизок с привесочками, 5, 8, 9—бронзовые привески.

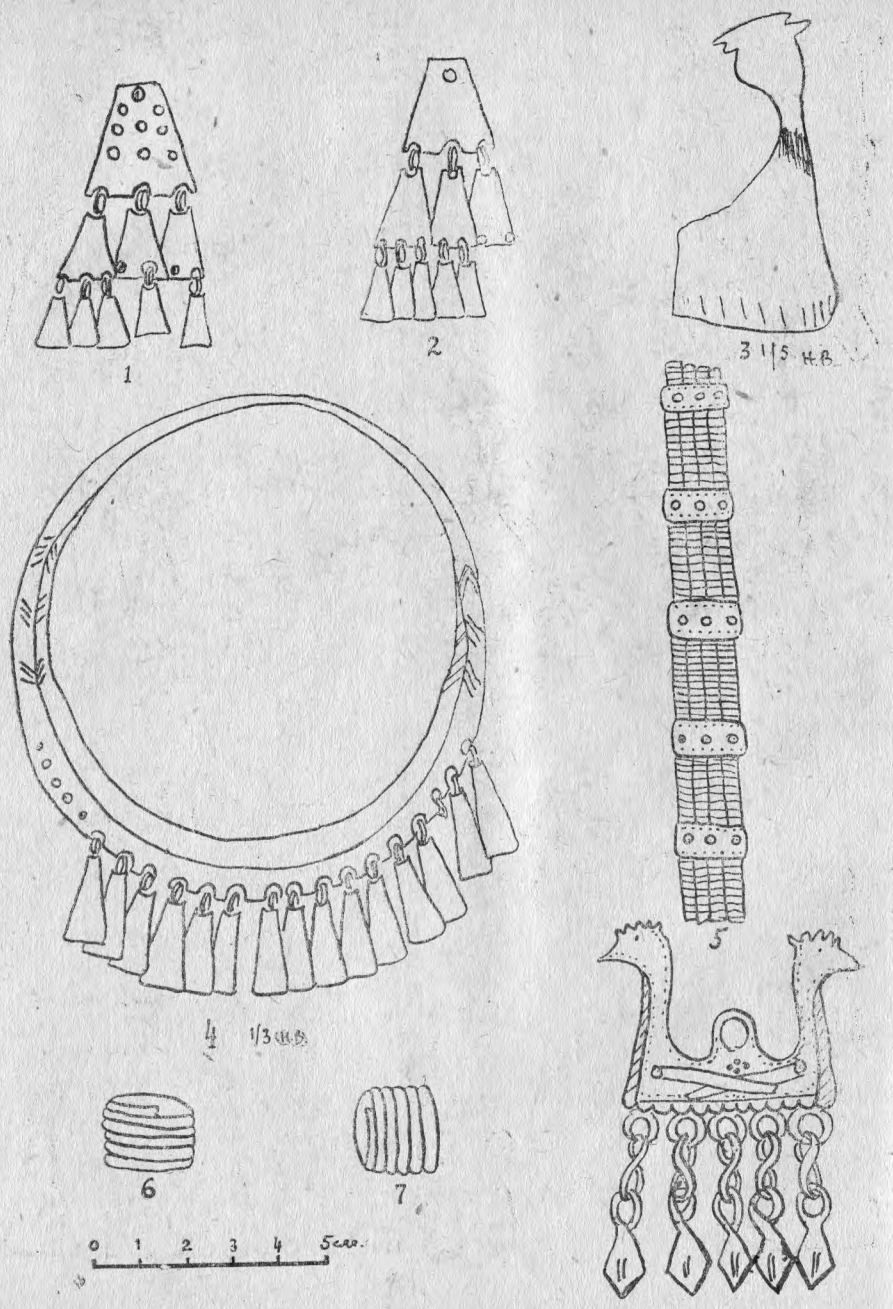


Табл. 4. Мордовские украшения IX—XI вв.

1—2—сложные украшения с трапециевидными привесочками, 3—широколезвийный топор, 4—бронзовая гривна, 5—налобный венчик, 6—7—спиральные перстни, 8—мерянская шумящая привеска IX века.

В. С. Ивашкин

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ МОРДОВСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1917—1928 гг.)

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала необходимые условия для национального возрождения и дальнейшего развития мордовского народа.

Главная задача в области национального вопроса в первые годы социалистического строительства состояла в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость некоторых народностей и наций, которую они унаследовали от царской России, чтобы дать им возможность скорее догнать передовые развитые районы страны в хозяйственном, политическом и культурном отношении. Особенно остро стояла эта проблема перед мордовским народом, относящимся к числу отсталых и угнетенных народов Среднего Поволжья при господстве царизма, помещиков и империалистической буржуазии.

Претворяя в жизнь ленинскую программу по национальному вопросу, ЦК партии и Советское правительство для более оперативного и практического руководства национальным строительством в стране создали специальный Народный Комиссариат по делам национальностей. В декабре 1920 года в Наркомнаце был создан мордовский отдел, реорганизованный 26 апреля 1921 года в мордовский подотдел[1], который и стал усиливать деятельность партийных и советских организаций в их борьбе за национальное возрождение мордовского народа.

Мордовский подотдел Наркомнаца проделал большую и сложную работу. Он непосредственно занимался улучшением экономики, подъемом культурного, политического и национального самосознания мордовского народа, готовил национальные кадры для работы среди мордвы и т. д. Вся его многогранная деятельность подчинялась главной задаче — вовлечению мордовского народа в развернувшееся социалистическое строительство[2]. И мордовский народ под руководством ленинской партии

[1] Газета «Жизнь национальностей», № 11 от 1 июня 1922 г.
[2] ЦГАОР и СС, ф. 1318, оп. 1, д. 1011, л. 35.

внес свой достойный вклад в дело строительства социализма в СССР.

Особенно успешно шло дело социалистического строительства среди мордвы в тех районах страны, где она проживала большими компактными массивами. Здесь для непосредственного руководства борьбой трудящихся мордовской национальности за восстановление народного хозяйства и национальное возрождение создавались мордовские секции при губкомах и укомах РКП(б), губисполкомах, губернских и уездных отделах народного образования. Так, в течение февраля—марта 1921 года начали действовать такие секции при Саратовском, Симбирском и Самарском губкомах РКП(б), а с апреля 1922 года — при Пензенском и Тамбовском губкомах партии[1]. Вскоре появились мордовские секции и в уездных комитетах партии и местных уездных советских организациях. В течение 1922 года, например, они были созданы при Саранском и Краснослободском уездных комитетах партии[2].

Большое значение в развитии культуры мордовского народа, поднятии его активности и политической сознательности имела межгубернская конференция беспартийного актива мордвы, проведенная в декабре 1920 года в г. Самаре. В ней участвовали представители мордовского населения Самарской, Саратовской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской губерний. Одним из руководителей конференции был мордвин, член КПСС с 1904 года Д. И. Маринин. Работа конференции проходила под девизом: «Тесный союз всех трудящихся — верный и истинный путь окончательной победы труда над капиталом»[3].

Проводя в жизнь ленинскую национальную политику, ЦК РКП(б) уделял должное внимание и мордовскому народу. 10 июня 1921 года в Самаре по решению ЦК партии состоялся съезд коммунистов-мордвы. Он рассмотрел широкий круг вопросов, направленный на дальнейший экономический и культурный подъем мордовского народа.

На съезде было принято решение о необходимости организации Центрального бюро мордовских секций при ЦК РКП(б) для координации работы мордовских партийных организаций и руководства ими. В состав Центрального бюро мордовских секций были избраны такие видные деятели мордовского народа, как Евсеев, Окин и Желтов. 18 июня 1921 года Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило решения съезда о создании Центрального бюро мордовских секций при ЦК РКП(б)[4]. Участники съезда

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 145, л. 2.
[2] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 497, л. 4, ф. 16, оп. 1, д. 32, л. 35.
[3] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 121—122.
[4] И. А. Яшкин. Формирование мордовской социалистической нации, Саранск, 1960, стр. 30.

обратились к мордовскому народу со специальным обращением о дальнейшем развертывании культурного строительства.

«Товарищи мордва, к вам обращается съезд с горячим призывом: пора самому приняться за дело нового строительства своей жизни!»[1].

Особое место в обращении уделялось мордовской интеллигенции. В нем подчеркивалась огромная роль национальной интеллигенции в возрождении родного народа, говорилось о необходимости идти ей в широкие массы трудящихся для их просвещения и воспитания[2].

Этот призыв Всероссийского съезда коммунистов мордовской национальности к мордовской интеллигенции имел большое политическое и практическое значение. Дело в том, что часть немногочисленной дореволюционной мордовской интеллигенции вначале не поняла сути Великого Октября и не сразу встала в ряды строителей новой жизни. Некоторые интеллигенты из мордвы колебались, не веря в реальность огромных планов преобразования жизни родного народа. И вот теперь съезд коммунистов-мордвы указал им непосредственные задачи борьбы за возрождение мордовского народа, определил их место в общенародной борьбе за социализм и национальное развитие.

Увлекающим примером верного служения своему родному народу были коммунисты из мордвы и лучшие представители дореволюционной интеллигенции.

Революция положила новый этап во всей научной жизни и общественно-политической деятельности мордовского ученого-просветителя М. Е. Евсевьева. С первых дней Советской власти он становится организатором и руководителем Мордовского культурно-просветительного общества, ставившего своей целью объединение интеллигентных и народных сил для подготовки народа к жизни при новом государственном строе и поднятия культурного состояния мордвы[3].

Макар Евсевьевич проделал огромную работу по вовлечению старого учительства на службу советскому государству и подготовке национальных педагогических кадров. В обращении к мордовскому народу и в докладе на съезде национальностей Поволжья, состоявшемся еще в декабре 1917 года в Симбирске, М. Е. Евсевьев ставит вопрос о скорейшем увеличении национальных кадров, о развертываний широкой сети мордовских школ, о преподавании в них на родном языке[4].

В последующие годы он с еще большей энергией руководил

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 145 л. 27.
[2] Там же.
[3] ЦГА МАССР, ф. 267, оп. 1, д. 96, л. 17.
[4] Народное образование Мордовской АССР. Документы и материалы, т. I, стр. 57.

борьбой мордовской интеллигенции за культурное развитие своего народа.

С огромной радостью встретил победу Октябрьской революции талантливый поэт З. Ф. Дорофеев. (Родом из с. Салазгорь Торбеевского района). Он сразу включился в кипучую общественно-политическую деятельность. Как активный учитель и общественник, Захар Федорович избирается членом исполкома Темниковского уездного Совета и назначается заведующим уездным отделом народного образования, отдавая много сил и энергии этому важнейшему участку культурного фронта. Он был делегатом от Тамбовской губернии на I Всероссийской конференции учителей-интернационалистов, на которой выступали В. И. Ленин, Н. К. Крупская и другие деятели Коммунистической партии и молодого Советского государства.

В первые же дни создания Темниковской уездной парторганизации РКП(б) Дорофеев вступает в члены славной ленинской партии и, как коммунист, ведет большую разъяснительную и организационную работу среди учительства.

Особое внимание З. Ф. Дорофеев обращал на антирелигиозную пропаганду (в Темниковском уезде находился ряд монастырей — рассадников суеверия и невежества) и добился в этом отношении значительных результатов. Под его непосредственным влиянием в активную антирелигиозную работу были втянуты и другие учителя г. Темникова, например, Замошникова А. З., Иванова М. А., Струнников А. М. и другие[1].

Из дореволюционной мордовской интеллигенции, кто активно включился в работу по культурному строительству среди мордвы, следует еще назвать И. С. Атмашкина, Е. Б. Буртаева, А. П. Григошина, Г. Данилова, Е. В. Скобелева, Ф. И. Петербургского, А. П. Рябова, Г. К. Ульянова, М. И. Наумкина, И. М. Петяева и многих других.

Лучшая передовая интеллигенция широко использовалась Коммунистической партией при проведении всех социалистических мероприятий среди мордовского народа в первые годы Советской власти. Это были первые национальные кадры, опираясь на которые, партия и Советское правительство подняли мордовский народ на восстановление промышленности, сельского хозяйства, на развитие культуры. Так, ответственным секретарем мордовской секции при ЦК партии был назначен Желтов Д. С., заведующим мордовским подотделом при Наркомнаце Башаев П. П., заведующим мордовским подотделом при Наркомпросе Ульянов Г. К. и его инспектором по мордовским школам Кручинин М. Г. Позднее был создан мордовский отдел при ВЦИКе, которым заведывал Васильев Т. В., впоследствии ставший крупным дипломатическим работником[2].

[1] Они были первыми, Саранск, 1958, стр. 117—118.

[2] Д. Г. Орхидея. Воспоминания. Труды МНИИЯЛИЭ, выпуск 24, стр. 176.

Большое количество мордвы было выдвинуто на ответственную работу губернского и уездного масштаба.

В Нижегородской губернии, например, после Октябрьской революции на пост заведующего губернским земельным отделом был назначен старый большевик П. В. Галаев. Впоследствии он был выдвинут заместителем Народного комиссариата земледелия СССР[1].

На I уездном съезде Советов Лукояновского уезда Нижегородской губернии членом уездного Совета и заведующим отделом народного образования был избран И. М. Горбунов. В 1919 году он избирается председателем Починковского уездного Совета, а в 1921 году — ответственным секретарем Починковского укома партии[2].

Активными советскими, партийными работниками из мордвы в организациях Симбирской губернии были два брата Катаевых — Яков и Иван, Губанов, Кутузов, Нестеров, Орхидея Д. Г., Желтов Д. С., Кудин Д. И., Праксин С. С., Арапов И. Р. и др.[3]

Большую работу вели коммунисты и беспартийные интеллигенты мордовской наиоцнальности и в других районах страны. С середины 20-х годов, добиваясь скорейшего национального возрождения мордовского народа, Коммунистическая партия и Советское правительство стали все больше практиковать сосредоточение лучших мордовских советских и партийных работников в Пензенской губернии, где наиболее компактно проживала значительная часть мордовского народа. В эти годы, например, были переведены из Башкирии С. С. Шишканов, из других районов страны И. С. Атмашкин, С. Т. Девятаев, Т. А. Кирдяшкин, М. Н. Игонькин и другие, которые развернули работу на местах среди мордвы, возглавив ряд советских и партийных организаций Пензенской губернии. Так, председателем Темниковского, а затем укрупненного Краснослободского уезда был выбран В. В. Бодрин[4].

В связи с острым недостатком мордовских кадров многие товарищи несли большую нагрузку, занимая одновременно несколько руководящих должностей. Например, Д. Г. Орхидея являлся ответственным секретарем мордовской секции при Симбирском губкоме РКП(б), заведующим подотделом нацменьшинств при Симбирском уоно и заведующим Мордовским подотделом при Губотделнаце[5].

Поле деятельности было огромное, национальных кадров не хватало. Ввиду этого Коммунистическая партия пошла на

[1] Р. Ф. МНИИЯЛИЭ, д. И—640, л. 4—5.

[2] Там же, л. 10.

[3] Д. Г. Орхидея. Указ. статья, стр. 175.

[4] С. Арапов, В. Бодрин, С. Шишканов. «К истории образования Мордовской АССР. Газ. «Советская Мордовия», 8 января 1960 года, № 6.

[5] Орхидея В. Г. Указ. статья, стр. 175.

смелое выдвижение лучших представителей из глубин мордовского народа на работу в партийно-советские и хозяйственные организации, помня указания В. И. Ленина о том, что «у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат,— средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством[1].

Претворяя в жизнь это указание В. И. Ленина, партийные организации решали и другую важную задачу — задачу улучшения работы местных советских органов. Дело в том, что местный государственный аппарат был несколько засорен в то время старыми дореволюционными кадрами, которые не могли, а порой и не хотели, в должной мере способствовать скорейшему национальному возрождению мордовского народа.

Не случайно, например, на совещании учителей национальных меньшинств Саранского уезда в 1924 году отмечалось, «что волостной и сельский аппарат нацмен в большей части заполнен элементом, далеко не соответствующим современным требованиям. Здесь встречаются старые волостные и сельские писари, которые сохранили навыки грубости, презрения к нацмену и его нуждам, высокомерного пренебрежения к его темноте, неграмотности, неумения разобраться в советском аппарате. Этот аппарат не может служить передаточным средством от партии к массам нацмен»[2].

На этом же совещании указывалось и на то, что в связи с нэпом наблюдается обострение великодержавного шовинизма «со стороны бывших служителей царизма, которые в качестве спецов работают в советских органах». Такие моменты имеются «в деятельности даже отдельных советских работников, которые точно не разбираются в национальном вопросе, мешают укреплению союза русского пролетариата с нацменами»[3]. Об этом указывалось также и в решении бюро мордовской секции Саратовского губкома РКП(б) от 16 мая 1923 года[4].

Такие факты были хотя и единичными, но тем не менее мешали социалистическому строительству, мешали росту дружбы народов. Поэтому Коммунистическая партия повела решительную борьбу против этих недостатков. Партийные организации на местах проделали большую работу по подбору и расстановке кадров из мордовской национальности. Из года в год росло число представителей от мордовского народа в сельских, волостных, уездных и губернских Советах, в руководящих органах партийных организаций.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 87.
[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 642, л. 41.
[3] Там же, л. 31—35.
[4] Там же, ф. 327/1. оп. 1, д. 388, л. 1.

В 1925 году в Рузаевском уезде уже в волостных исполкомах мордвы было 15 человек, татар 7 человек. В сельские Советы было избрано представителей от мордвы 377 человек, татар 84 человека[1]. В Саранском уезде в сельских Советах было мордвы 390 человек, в волостных исполкомах — 10, в уездном исполкоме — 3. Непосредственно в аппарате Советов работало 58 человек из мордовской национальности[2].

Пензенским губернским съездом Советов состоявшимся в 1925 году, был избран в состав Пензенского губисполкома ряд мордовских работников: С. С. Шишканов, С. Т. Девятаев, Ф. И. Петербургский, В. В. Бодрин, И. И. Борискин, М. А. Чичкин, Е. Ф. Кудашева, М. Ф. Валдаева. Этим губернским съездом Советов Шишканов и Бодрин были избраны делегатами на XII Всероссийский и III Всесоюзный съезды Советов, состоявшиеся в мае 1925 года[3].

Бюро Пензенского губкома РКП(б) 16 апреля 1925 года приняло специальное решение «Об усилении выдвижения работников из нацмен на губернскую, уездную и волостную работу»[4].

Выполняя это решение, Пензенским губкомом в 1925 году было выдвинуто на руководящую работу из мордвы 52 человека, что составило 13% коммунистов-мордвы, в том числе на партийную работу — 15 человек, культурно-воспитательную — 6, советско-административную — 24, промышленно-экономическую — 2, кооперативно-торговую — 3, профсоюзную и военную — по 1 человеку[5].

Особенно широко стало вовлекаться в советские органы мордовское население в связи с новым межгубернским экономическим районированием и созданием десяти мордовских волостей в составе Пензенской губернии. Мордовские волости были созданы постановлением Президиума ВЦИК от 15 марта и 25 ноября 1926 года по представлению Пензенского губисполкома[6].

Рост числа представителей из мордовского народа в советских органах Пензенской губернии виден из таблицы[7] (см. следующую страницу).

В числе выдвинутых товарищей из мордвы на должности секретарей и председателей волисполкомов и сельских Советов были Т. П. Аюшев, Л. М. Байков, И. И. Борискин, Я. И. Калгашкин, Д. Д. Ускриев, И. В. Шавензов и многие другие, кото-

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 27, оп. 1, д. 108, л. 415.
[2] Там же, ф.327/1, оп. 1, д. 807, л. 146.
[3] С. Арапов, В. Бодрин, С. Шишканов. Указ. статья.
[4] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 937, л. 92.
[5] Там же, ф. 327/1, оп. 1, д. 808, л. 27.
[6] Мордовское население Пензенской губернии. Пенза, 1927, стр. 85.
[7] Таблица составлена по данным материалов Мордовского партархива, ф. 327/1, оп. 1, д. 677, л. 12 и книги «Мордовское население Пензенской губернии», стр. 79—81.

Годы	Членов сельсоветов	Членов волисполкомов	Членов уисполкомов	Членов губисполкома	Председателей сельсоветов	Председателей волисполкомов
1923	1285	77	9	1	сведений нет	
1925	2988	82	32	9	214	7
1926	3689	121	34	10	260	7

рые развернули работу в волостных и сельских Советах на родном, мордовском языке.

Ряд активных сельских и волостных работников был выдвинут на губернскую и уездную работу. Заместителем председателя Пензенского губисполкома был выдвинут И. И. Борискин, а секретарем мордовской секции Пензенского губкома ВКП(б) — И. С. Атмашкин. С. С. Шишканов был назначен заведующим орготделом губисполкома и уполномоченным по работе с нацменьшинствами. XIV Пензенским губернским съездом Советов были избраны членами губисполкома следующие мордовские работники: И. С. Атмашкин, И. И. Борискин, С. Т. Девятаев, М. А. Чикин, Н. А. Лукьянова, Я. Е. Киржайкин. На XIII Всероссийском и IV Всесоюзном съездах Советов в состав мордовской делегации от Пензенской губернии входили В. В. Бодрин, И. И. Борискин, Я. Е. Киржайкин и М. А. Чичкин[1].

Укомплектование советского аппарата работниками из коренной национальности способствовало еще большему сближению партии и правительства с мордовским народом. О большой работе национальных партийных и советских работников могут свидетельствовать данные о деятельности уполномоченного Пензенского губисполкома С. С. Шишканова, который глубоко интересовался всей общественно-политической жизнью мордовского населения губернии. Только в первые пять месяцев работы, то есть с мая по октябрь 1924 года, уполномоченным было принято по разным вопросам 473 крестьянина-мордвина. Результаты этих бесед были обобщены т. Шишкановым С. С., и на основе их губкомом партии и губисполкомом были приняты постановления о работе среди нерусского населения, а также даны отдельные указания по этому вопросу соответствующим организациям и учреждениям[2].

В целях подготовки судебно-следственных работников из мордвы в более короткий срок в Пензенской губернии было введено прикрепление практикантов при народных судах[3], что дало возможность судебные органы частично комплектовать соответствующими национальными кадрами.

[1] С. Арапов, В. Бодрин, С. Шишканов. Указ. статья.
[2] И. А. Васькин. Национальное возрождение мордовского народа. Саранск, 1956, стр. 66—67.
[3] Мордовское население Пензенской губернии.., стр. 83.

Аналогичные мероприятия по выдвижению мордвы проводились и в других губерниях с компактным мордовским населением.

Примечательным явлением этого времени было выдвижение на общественную работу женщин-мордовок. Женщина-мордовка, темная и забитая до Октябрьской революции, никогда не участвовавшая в общественной жизни, теперь становилась активной общественницей. Мордовские женщины в те годы развернули борьбу с «повитухами» и «бабками», начали учиться грамоте, создавали кружки политграмоты, все шире участвовали в работе кооперации.

Под руководством партийных, профсоюзных и комсомольских организаций мордовки начинают втягиваться в делегатские собрания. В 1925—26 гг. во всех губерниях ими было охвачено 1804 мордовки. Количество участников делегатских собраний с каждым годом росло. Так, если в 1925 году в Пензенской губернии было 730 делегаток-мордовок, то в 1927 году их стало 972 человека[1].

Наиболее активные женщины мордовской национальности избирались членами Советов и других общественных организаций. Так, в Ардатовском уезде Ульяновской губернии на выборах в Советы в 1927 году было избрано в члены сельсоветов 13 женщин, в волисполкомы —6 и 1 в члены ЦИКа[2].

В 1926 году по Пензенской губернии одна мордовка работала председателем сельского крестkома, в президиумах волостных крестkомов было 9 мордовок, в сельских крестkомах —88, в волостных ревкомиссиях крестkомов 2 мордовки, волорганизаторов мордовок было 6, членами пленума губернского совета профсоюзов 1, в составе губисполкома насчитывалось 2 мордовки[3].

Постепенно мордовки начинают вступать в ряды Коммунистической партии, что свидетельствовало о росте их уровня политической сознательности и активности. Так, по Ульяновской губернии на 1 июля 1926 года в партии было 8 мордовок, за этот же год в Пензенской губернии было принято в ряды ленинской партии 4 мордовки.

Особенно поднимается в эти годы политическая активность девушек-мордовок. Лучшие из них принимались в комсомол. Так, в комсомольских организациях Нижегородской губернии они составляли до 8%[4].

Большое внимание обращалось на подготовку кадров для работы среди женщин из состава самих мордовок. С 1 июня по 20 августа 1927 года в Москве по инициативе отдела работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) были созданы курсы для работников

[1] А. Михайлов. «Мордовка», Москва, 1928, стр. 35.
[2] А. Михайлов. Указ. соч., стр. 36.
[3] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 1087, л. 72.
[4] А. Михайлов. Указ. соч. стр. 35.

среди женщин-нацмен. На этих курсах успешно училось 35 мордовок. Курсы не только дали мордовской деревне ряд довольно подготовленных советских и партийных работниц, но и подвели некоторый итог всей проделанной до этого времени среди мордовок СССР работы, так как на этих курсах были мордовки — представители со всех районов страны. Полученный опыт был в дальнейшем успешно использован во все растущей работе среди мордовского населения[1].

Вся эта проделанная работа по подготовке и расстановке кадров позволила в середине 20-х годов начать коренизацию советского аппарата и частичный перевод делопроизводства на родной язык в сельских и волостных Советах в мордовских населенных пунктах. Так, в Пензенской губернии на родном языке работали в тот период 1 волостной и 19 сельских Советов[2]. К 1927 году на территории Мордовии из 12905 членов сельских Советов мордва составляла 31,1%, в президиумах сельсоветов — 29,3%, председателями сельсоветов — 29,4%[3]. Это были, главным образом, мордовские крестьяне, ранее неграмотные и забитые, а теперь — активные строители социалистического общества.

После Великой Октябрьской социалистической революции благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства в мордовских селах и деревнях возникает широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Их создание в значительной степени способствовало коммунистическому воспитанию трудящихся. Особенно велика была роль культпросветучреждений в сельской местности. В 1922 году в Краснослободском уезде функционировало 39 изб-читален, 15 культурно-просветительных кружков. В Рузаевском уезде было создано 9 библиотек, 2 клуба, 1 изба-читальня[4]. В Ардатовском уезде была 1 городская и 10 сельских библиотек, 1 городской клуб и 20 народных Домов[5]. В Инсарском уезде в это же время работало 32 библиотеки, 18 изб-читален, 2 клуба и 4 народных дома[6] и т. д.

Культурно-просветительные учреждения проводили большую массово-политическую работу среди населения путем организации лекций, докладов, бесед, кружков художественной самодеятельности, агрономической грамотности и др. Нередко здесь происходили жаркие диспуты с церковниками по вопросам религии.

---

[1] А. Михайлов. Указ. соч., стр. 34—35.
[2] Партархив Мордовского обкома КПСС ф. 327/1, оп. 1, д. 1087, л. 72.
[3] Там же, ф. 326/7, оп. 1, д. 11, л. 92.
[4] Отчет о деятельности Пензенского губисполкома, январь — сентябрь 1922 г., стр. 178—179.
[5] Отчет XII Ардатовскому уездному съезду Советов, февраль 1922 г.
[6] Отчет Инсарского УОНО XI Инсарскому съезду Советов 1922 г., стр. 124.

Для заведывания культурно-просветительными учреждениями требовались соответствующие работники. А их пока было мало. Поэтому кадры подбирались из числа сельских активистов, особенно комсомольцев. Большинство из них на первых порах не имели навыков работы. Но благодаря повседневному партийному руководству и энтузиазму культпросветработников клубы, избы-читальни и библиотеки неуклонно превращались в подлинные очаги культуры, которые все прочнее и шире входили в жизнь возрождающегося мордовского народа.

Ярким показателем заботы Коммунистической партии о национальном возрождении мордовского народа является создание национальной печати.

Как известно, до Октябрьской революции мордовский народ не имел своей письменности. После ее победы на основе русской графики стали издаваться мордовские газеты, журналы, учебники, общественно-политическая, сельскохозяйственная и художественная литература.

Первая эрзя-мордовская газета «Чинь стямо» («Восход солнца») стала издаваться Симбирским губкомом партии в 1920 году. Это была вообще первая политическая газета на мордовском языке. Она довольно широко распространялась среди мордовского населения Симбирской губернии, рассылалась по частям Красной Армии для красноармейцев мордовской национальности. Первым редактором газеты был Д. Г. Орхидея, секретарем и заместителем редактора Кузин Д. И.[1], которые много сделали для зарождения мордовской печати.

С 1921 года Мордовская секция ЦК партии стала издавать общемордовскую газету «Якстере теште» («Красная звезда»). Ее восьмитысячный тираж распространялся бесплатно среди мордовского населения Поволжья, Урала, Сибири и т. д. Одновременно Саратовский губком ВКП(б) издает газету «Якстере сокиця» («Красный пахарь»). Для мордовского населения Сибири и Дальнего Востока издавалась в Новосибирске газета «Од эрямо» («Новая жизнь»).

В 1923—1924 гг. издаются газеты «Од веле» («Новая деревня») в Петровске и «Якстере веле» («Красное село») в Кузнецке Саратовской губернии.

1 мая 1924 года в Пензе стала издаваться ежедневная мордовская газета «Од веле» («Новая деревня»). Первым редактором этой газеты был заведующий мордовской секцией Пензенского губкома И. И. Московкин, ответственным секретарем стал И. Г. Черапкин.

Мордовский народ с большой радостью встретил выход газет на родном языке. В своих письмах в редакции газет они

---

[1] Д. Г. Орхидея. Указ. статья, стр. 174—175.

выражали благодарность Коммунистической партии за большую заботу о мордовском народе.

«Старики вначале даже не поверили, что газета напечатана на мордовском языке,—сообщали в редакцию газеты «Од веле» жители села Куликовка Инсарского уезда.— Когда им прочитали вслух, они сказали: «Спасибо советской власти. Она дала всем народам одинаковые права. Теперь будем учить детей на родном языке»[1].

Мордовские газеты явились боевыми и активными проводниками политики Коммунистической партии среди мордовского народа.

Они сыграли важную роль в формировании и идейном сплочении мордовской интеллигенции. Газеты стали организующим центром начинающих мордовских писателей и поэтов. На страницах газет начали впервые печататься пробные произведения молодых мордовских литераторов. Это было началом создания творческой интеллигенции из представителей мордовского народа. Первое произведение мордовской письменной литературы «Мужик и генерал» было опубликовано в 1920 году в газете «Чинь стямо». С того времени мордовская литература прошла большой и сложный путь. Но не следует забывать, что первые деятели мордовской литературы вышли из состава партийно-советских и культурно-просветительных работников, учителей, селькоров и учащейся молодежи.

Труден был путь развития молодой мордовской литературы, призванной правдиво и глубоко показать ломку старого уклада жизни и утверждение ее новых социалистических форм. Мордовский народ ждал от своих писателей правдивой литературы, которая бы мужественно, без прикрас, по-настоящему и углубленно раскрыла характер происходящих в стране исторических перемен. Задача была не из легких, и сложность ее определялась в первую очередь новизной тех общественных и социальных явлений, которые вызвала к жизни Октябрьская революция и которые предстояло воплотить в своем творчестве зачинателям мордовской литературы. К тому же у мордовской литературы почти не было опыта и традиций. Некоторый опыт имел только З. Ф. Дорофеев, начавший литературную деятельность еще до Великого Октября, художественное дарование которого по-настоящему раскрылось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Он заложил первые основы советской мордовской (мокшанской) литературы и сделал чрезвычайно много для дальнейшего ее развития.

Большинство начинающих мордовских литераторов в 20-х годах широко пользовалось фольклорными образами и художественно-изобразительными средствами для разработки современной тематики. По типу традиционных народных мордовских песен писали свои стихотворения А. Бухарев, Ф. Бездольный, Ф. Завалишин, Ф. Фролов и др. В эти же годы начали свою творческую деятельность Ф. Буртаев, Т. Васильев, Я. Григошин, Н. Егоров, Д. Желтов, И. Кривошеев, Д. Морской, Е. Окин, Ф. Петербургский, Е. Скобелев, Ф. Чесноков, К. Петрова и др. Это было то ядро растущих мордовских писателей, которые стали зачинателями самобытного национального творчества, отразившего все основные процессы социалистического преобразования материальной и духовной жизни мордовского народа.

[1] Газета «Мокшень правда», 1 мая 1964 года № 53.

Во второй половине 20-х годов ряды писателей Мордовии пополняются новыми творческими силами молодежи, среди которых были В. Абузов, В. Ардеев, Ф. Атянин, Г. Бабин, А. Белов, М. Безбородов, С. Врагов, П. Глухов, А. Зиньков, Ф. Ильин, И. Иркаев, А. Карасев, А. Куторкин, И. Кириллов, П. Кириллов, А. Лукьянов, А. Моро, М. Пургаева, В. Радаев, Т. Раптанов, В. Сафронов, Р. Федькин, А. Мокшони и другие.

Партийные организации оказывали всякое содействие мордовским литераторам. Так, мордовская секция Пензенского губкома партии оказывала материальную помощь нуждающимся мордовским писателям. Чтобы деятели литературы больше писали на мордовские темы, мордовская секция своим решением от 6 октября 1925 года объявила конкурс на лучшее художественное произведение из быта мордвы[1].

Огромное влияние на растущих писателей Мордовии оказала русская советская литература. А могучее творчество М. Горького явилось для мордовских литераторов настоящей школой художественного творчества, источником непрерывного обогащения мастерства.

Основная трудность, которая встала перед партийными организациями при решении вопроса о создании мордовской интеллигенции, заключалась в том, что абсолютное большинство мордовского народа было неграмотно. Знаменитый ленинский декрет «О ликвидации безграмотности населения РСФСР», положивший начало духовному обновлению трудящихся, имел особую силу для мордовского народа. Им было положено начало организованной борьбе мордовского народа за грамотность.

Претворяя в жизнь указания Коммунистической партии и Советского правительства по народному образованию, опираясь на творческую инициативу трудящихся масс, стремившихся к знанию, местные партийные организации мобилизовали передовое учительство и интеллигенцию на перестройку школьного дела, на развертывание массовой политико-просветительной работы среди рабочих и крестьян. В обращении Темниковского уездного отдела народного образования, подписанном З. Ф. Дорофеевым, например, так прямо и говорилось: «что учителя

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 937, л. 3.

должны быть на местах не только учителями детей, но и просветителями взрослых, строителями новой жизни»[1].

И советские учителя с честью выполняли стоящие перед ними задачи. А решать их приходилось в трудных условиях классовой борьбы. Заканчивался восстановительный период. Необходимо было дальше развивать промышленность и сельское хозяйство. А средств было мало. Приходилось экономить буквально на всем.

Но народы Советского Союза понимали, что это нужно для дальнейшего развития их народного хозяйства и культуры. Большую разъяснительную работу среди населения Мордовии в этом отношении проделали учителя, которые, преодолевая все трудности, одерживали все новые победы на ниве народного образования. Так, третий Саранский уездный съезд работников просвещения заявил, что, «несмотря на тяжелые условия, работники просвещения высоко будут держать знамя народного просвещения, являющегося главным орудием борьбы с народной темнотой, и этим всеми силами поддержат бескровный фронт — фронт труда»[2].

Не следует забывать и о специфических трудностях народного образования. Одной из них, особенно в Мордовии, была острая нехватка кадров и в первую очередь — национальных кадров. Для ускорения подготовки работников просвещения уже в первые годы Советской власти на основе указания Наркомпроса РСФСР стали организовываться краткосрочные курсы. Так, с января 1919 года такие курсы открываются в городе Саранске, имеющие специальную задачу «подготовки новых кадров учителей-специалистов для осуществления идей всеобщего обучения и проведения в жизнь положения о трудовой социалистической школе»[3]. Аналогичные курсы были открыты в городах Ардатове, Краснослободске и других уездных центрах, которые готовили учителей для русских и мордовских школ. Но все же учителей не хватало, особенно в мордовских школах. Тогда в них стали по мере возможности направлять часть русских учителей, особенно владеющих мордовским языком. Так, в Саранском уезде в 1925 году в 20 мордовских школах работало 35 учителей, из них мордвы 13 человек, 22 человека русских, в том числе 10 человек владеющих мордовским языком[4].

Так было и в других уездах. В целом по Пензенской губернии на 1925/26 учебный год в мордовских школах I ступени работало 136 учителей мордвы и 172 человека русских, из них 56 владеющих мордовским языком.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17. оп. 12, д. 586, л. 9.
[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 238, л. 9.
[3] Там же, д. 53, л. 20.
[4] Там же, ф. 327/1, оп. 1, д. 1087, л. 71.

Кроме краткосрочных курсов, были приняты меры по организации подготовки учителей через стационарные учебные заведения. С этой целью еще в конце 1919 года в Казани и в селе Мачкассы Петровского уезда Саратовской губернии открываются 3-годичные педагогические курсы. На базе этих курсов в 1921 году в селе М. Толкай Бугурусланского уезда Самарской губернии и в городе Петровске Саратовской губернии были организованы мордовские педагогические техникумы. В это же время открывается педагогический техникум в г. Саранске, а несколько позже — в 1923 году в городе Лукоянове Нижегородской губернии. Кроме того, открываются мордовские отделения при Пензенском, Алатырском и других педтехникумах.

В целях равномерной подготовки учителей мордвы для всех уездов практиковалось выделение определенного количества мест в педтехникумах для каждого уезда. Так, в 1925 году Пензенский губсовнацмен при губоно выделил места для мордвы в Саранском педтехникуме Краснослободскому уезду — 18, Рузаевскому — 13, Саранскому — 14 мест[1]. В 1925/26 учебном году только в Саранском и Пензенском педтехникумах обучалось 179 человек, в Мало-Толкайском — 250 человек мордовской национальности[2].

При комплектовании техникумов из представителей мордвы встречались огромные трудности в связи с тем, что не было достаточно грамотных кандидатур. Так, в 1924 году направленные в Пензенской педтехникум девушки-мордовки не были приняты ввиду их совершенной неграмотности[3]. Но и эти трудности постепенно преодолевались.

Кроме подготовки учителей начальных школ (I ступени), проводились работы по формированию кадров преподавателей более высокой квалификации. Для этого решением Советского правительства осенью 1926 года в Саратовском университете при педагогическом факультете было открыто мордовское отделение для подготовки преподавателей школ II ступени и педагогических техникумов.

Совершенствование профессиональной подготовки и идейно-теоретического уровня мордовского учительства проводилось через курсы учителей в уездах и в губернских центрах. Так, в 1925/1926 учебном году губернские курсы переподготовки прослушали 120 учителей и 85 ликвидаторов неграмотности мордовской национальности[4]. Такие же курсы проводились ежегодно в Саратове, Симбирске и в других городах.

Кроме того, с 1926 года ежегодно часть учителей-мордвы

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 944, л. 20.
[2] Состояние народного образования Пензенской губернии, Пенза, 1926, стр. 28—29. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 15, д. 39, л. 59.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 16, д. 653, л. 1.
[4] Состояние народного образования в Пензенской губернии.., стр. 36.

проходила переподготовку на центральных мордовских учительских курсах в Москве. Сюда привлекались самые лучшие учителя мордовских школ. На этих курсах по мордовским дисциплинам занятия проводили М. Е. Евсевьев, И. Ф. Прокаев, Ф. И. Петербургский, Ф. Ф. Советкин и др. По другим вопросам выступали крупнейшие специалисты столицы. Все это также способствовало росту учительских кадров из мордвы.

Помимо этих мероприятий по количественному росту учителей и подъему их профессиональной подготовки, партийные организации проводили огромную работу по политической закалке и формированию марксистско-ленинского мировоззрения работников просвещения. С этой целью учителя вовлекались на учебу в сеть партийного просвещения, в проведение тех или иных партийно-хозяйственных кампаний и т. д. Например, в 1924 году Краснослободский уком РКП(б) для поднятия политического уровня учителей и активизации их общественно-политической деятельности на общих собраниях работников просвещения ставил доклады на темы: «Очередные задачи пропаганды в деревне и роль учительства в них», «Работа просвещенцев в деревне» и др. Учителям поручалось чтение лекций и докладов для населения на общественно-политические и естественно-научные темы. Многие учителя вовлекались в работу изб-читален, народных Домов, кооперации, к выпуску стенных газет.

На расширенном пленуме укома специально ставился доклад о работе среди учительства и вынесено постановление, регулирующее правильное взаимоотношение партячеек с учительством на местах[1].

Мордовская секция Саранского укома РКП(б) в январе 1924 года созывала совещание учителей нацменовских школ, где был прочитан ряд докладов и лекций, обсуждены насущные вопросы просвещения мордвы, выявлены недостатки в работе и намечены пути их исправления[2].

Вся эта кропотливая работа партийных и советских органов способствовала поднятию активизации просвещенцев.

Партийные организации находили большую опору в лице работников школ при проведении тех или иных мероприятий. Так, в 1927 году силами учителей Саранского уезда, по неполным данным, было распространено займа индустриализации на сумму 11068 рублей, что составило 150% к плану. Кроме того, было приобретено облигаций займа укрепления крестьянского хозяйства на сумму 3707 руб. 50 коп. В этом же году работники народного образования провели 327 докладов и бесед по вопросам хлебозаготовок, 338 — по самообложению и распространению займа, выпустили 14 стенгазет, 141 плакат. В итоге их

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 16, оп. 1, д. 132, л. 76—77.
[2] Там же, ф. 327/1, оп. 1, д. 677, л. 88.

агитации крестьяне сдали хлеба государству 3156 пудов. Некоторые волисполкомы вынесли работникам просвещения благодарность за активную общественную работу[1]. Наиболее активным учителям население оказывало большое доверие, выдвинув их в состав органов местной власти. Так, по Саранскому уезду в 1927 году в уездный, волостные и сельские Советы было избрано 113 учителей[2].

Одновременно с формированием педагогических кадров партийно-советские органы проводили большую работу по подготовке других специалистов из мордовской национальности. Это вызывалось в первую очередь тем, что специалисты сельского хозяйства, инженерно-технические и медицинские работники мордовской национальности после революции насчитывались буквально единицами.

Поскольку мордовская молодежь в своем большинстве не имела соответствующего образования, то для её подготовки в вузы создавались специальные курсы, подготовительные группы при учебных заведениях и т. д. Особенно большую роль в этом деле сыграли рабфаки, которые готовили лиц из рабоче-крестьянской молодежи для поступления в вузы. Для мордовского населения были специально открыты мордовские отделения в Самарском, Нижегородском и Ульяновском рабфаках.

Партийно-советские кадры из мордвы готовились в соответствующих отделениях при Саратовской, Самарской, Пензенской и Ульяновской совпартшколах и Самарском комвузе.

Все это заметно облегчало представителям мордовского народа поступление в высшие и другие учебные заведения. Тем не менее создание мордовских учебных заведений заметно отставало от учебных заведений народов Поволжья.

В 1924 году школ повышенного типа (педтехникумы, совпартшколы, рабфаки, школы II ступени) на 2 млн. мордвы во всесоюзном масштабе имелось 8, тогда как марийцы на 500 тыс. населения имели 20, чуваши на 800 тыс. человек — 33, коми на 300 тыс. — 16 учебных заведений[3].

Это обстоятельство не могло не сказаться на темпах подготовки мордовской интеллигенции по сравнению с соседними народами.

Недостаточность мордовских учебных заведений восполнялась за счет командировок в вузы страны коммунистов и наиболее сознательных беспартийных рабочих и крестьян мордовской национальности. Они обычно обеспечивались государственными стипендиями в размере не ниже среднего заработка квалифицированного рабочего.

Наркомпрос Российской федерации специально бронировал места в вузах национальным меньшинствам, в том числе и для

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 1293, л. 7.
[2] Там же.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 658, л. 93.

мордвы. Отбором и направлением на учебу, как правило, занимались мордовские секции укомов, губкомов и отделы народного образования. Этот вопрос в то время стоял в центре внимания партийных органов и неоднократно обсуждался на различного рода заседаниях и совещаниях. Так, на совещании заведующих агитпропами при Пензенском губкоме РКП(б) 25 июня 1922 года было принято решение при наборе в совпартшколы, в университет трудящихся Востока и другие вузы выделять 5—10% мест для мордвы и татар, чтобы подготовить работников из среды национальных меньшинств[1].

Пробужденный Октябрьской революцией, мордовский народ жадно потянулся к учебе, знаниям. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и заявления в адрес партийных организаций с просьбой направить на учебу. Так, Федор Зайков из Адашевской ячейки Инсарского уезда в своем заявлении писал: «Ввиду того, что имею большое желание учиться, прошу записать меня в Коммунистический университет трудящихся Востока»[2]. Зюзин Кузьма Кузьмич из Дракинской ячейки Спасского уезда заявил: «Прошу откомандировать меня в КУТВ или какой-либо рабфак. Окончил сельскую школу, из крестьян-бедняков»[3].

Партийные организации внимательно рассматривали заявления трудящихся мордовской национальности и оказывали всемерное содействие для поступления в соответствующее учебное заведение.

По рекомендации Саранского укома партии в 1922 году было послано на учебу в институт народов Востока 3 человека, в Свердловский университет 1 и несколько человек в совпартшколу[4]. В 1923 году по Пензенской губернии послано из представителей мордвы на учебу: в вузы 15 человек, рабфаки 6, педтехникумы 70 человек[5]. В 1925 году мордовская секция Пензенского губкома партии командировала в вузы 9, комвузы — 6, рабфаки—10, техникумы—100, партшколу—75 человек[6]. В числе рекомендованных на учебу в следующем, 1926 году, были Асташкин М. А., из крестьян, беспартийный, на медицинский факультет Московского университета, Кузьмин Г. И.— на физико-математический факультет этого же университета, член КСМ, Черяпкин Матвей — в институт журналистики, член партии с 1918 года, Цыганкин С. А. — в Коммунистический университет трудящихся Востока, в Свердловский университет был направлен член партии с 1918 года Муштаев И. П. и многие другие[7].

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 495, л. 16.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 29, л. 1.
[3] Там же.
[4] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 32/1, оп. 1, д. 493, л. 28.
[5] Там же, ф. 327/1, оп. 1, д. 677, л. 12.
[6] Там же, ф. 327/1, оп. 1, д. 937, л. 6.
[7] Там же, ф. 327/1, оп. 1, д. 1087, л. 108.

Большую работу по отбору и направлению в вузы и техникумы проводили Самарская, Саратовская, Симбирская (затем Ульяновская) и другие губернские и местные организации, где проживало мордовское население.

Еще в 1922 году для мордвы Симбирской губернии было предоставлено 4 места в высших учебных заведениях: в Казанском университете на медицинский факультет — 1 место; в Белорусском университете на агрономический факультет — 1; в Петроградском университете на факультет общественных наук — 1 и в Петроградском педагогическом институте им. Герцена — 1 место[1].

В 1924 году из этой губернии в вузы было командировано 3 человека мордвы, и большое количество представителей мордовской национальности было в составе 300 человек национальных меньшинств, командированных в средние учебные заведения губернии (рабфаки, техникумы)[2]. В мордовском отделении Ульяновской совпартшколы в 1924/1925 учебном году обучалось 23 человека мордвы[3].

В целом по различным губерниям согласно отчета мордовской секции агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) вовлечено в коммунистические вузы в 1925/1926 и 1926/1927 учебных годах мордвы в Свердловский университет 5 человек, в Ленинградский университет трудящихся Востока — 18, в Татарский Коммунистический университет — 16, в Средне-Волжское отделение Коммунистического университета — 4, в Государственный институт журналистики — 3 чел., т. е. всего 46 чел.[4]. За последующие 2 года по партийным командировкам вовлечено мордвы в комвузы 86 чел., в другие вузы 140 чел. и в научно-исследовательский институт 8 чел.[5]

Активное участие в подборе кандидатов на учебу принимали комсомольские организации. Особое влияние на умы молодежи оказало выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола, где он призвал молодежь учиться. Следуя заветам вождя, многие комсомольские организации рекомендовали своих членов на учебу в различные учебные заведения. Так, по путевке комсомольской организации г. Темникова был принят на учебу в Высшее техническое училище им. Баумана комсомолец Михаил Панфилов[6]. Значительное количество молодежи, в том числе мордовской, было направлено на учебу по путевкам других комсомольских организаций.

Вместе с тем следует заметить, что в первые годы советской власти даже выделенные места в вузах специально для мордвы

[1] ЦГА МАССР, ф. 58, оп. 1, д. 65, л. 4.
[2] Народное образование Мордовской АССР, стр. 83.
[3] Там же, стр. 84.
[4] ЦПА, ф. 17, оп. 1, д. 27, л. 88.
[5] Народное образование Мордовской АССР, стр. 47.
[6] Они были первыми, Саранск, 1962, стр. 130—131.

не всегда заполнялись полностью вследствие нехватки кандидатур по уровню грамотности. Так, из представленных в 1925/1926 учебном году для мордовского населения 136 мест в вузы (не включая коммунистические) удалось заполнить только 67 мест, да и то не из школ повышенного типа, а больше из числа лиц, подготовившихся частным образом[1].

Но это явление было временным. В дальнейшем, с расширением сети мордовских школ, особенно повышенного типа, все больше и больше мордовской молодежи получало соответствующую подготовку для поступления на учебу в различные учебные заведения. Многие представители мордовского народа поступали на учебу не только по командировкам тех или иных организаций, но и на общих основаниях.

К концу 1927 года только в рабфаках Москвы обучалось мордвы 36 чел., в Ленинграде — 10 чел., в других городах страны — 296 чел., в различных высших учебных заведениях на это же время мордовских студентов насчитывалось 386 человек[2].

Осенью 1928 года в вузы страны было принято мордовской национальности 110 чел., в том числе в индустриально-технические — 27, сельскохозяйственные — 24, педагогические — 31, медицинские — 12, экономические — 15, художественные — 1 человек. В рабфаки в это же время поступило 132 человека, из них 19,6% составляли женщины-мордовки[3].

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что к концу первого десятилетия Советской власти через средние специальные и высшие учебные заведения страны готовилось большое количество мордовской интеллигенции, специалистов высокой квалификации для всех отраслей народного хозяйства и культуры.

Некоторая часть мордовской молодежи, окончив среднюю и высшую школу, не останавливалась на этом и продолжала учиться дальше. Многие из них добились больших результатов и получили известность и признание во всей стране. Среди них можно назвать академика П. Ф. Юдина, директора Московского Высшего технического училища профессора Д. А. Прокошкина, ректора Кишиневского государственного университета профессора В. С. Чепурнова, заместителя директора института национальных школ Академии педагогических наук профессора Ф. Ф. Советкина, контр-адмирала Ф. Л. Копнова, солистку Государственного академического Большого театра Союза ССР, заслуженную артистку МАССР Е. И. Грибову, народного певца И. М. Яушева, композитора Л. Л. Кирюкова и др.

Среди большой группы ученых, работающих вне Мордовии;

[1] Народное образование в РСФСР, Госиздат, 1927, стр. 209.
[2] Материалы по статистике профессионально-технического образования. Москва, 1928, стр. 110—151.
[3] Материалы по статистике профессионально-технического образования. Москва. Выпуск II, итоги приема 1928 г., стр. 21—43.

такие, как первая мордовская женщина-ученый, профессор Саратовского университета А. А. Чигуряева, профессора Московской сельскохозяйственной академии им. К. Г. Тимирязева доктор биологических наук Петербургский и доктор сельскохозяйственных наук Андреев, профессор Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, доктор технических наук И. А. Маколкин, профессор Горьковского сельскохозяйственного института, доктор биологических наук Е. П. Хрущева (Куклина), доктор медицинских наук Е. Бодяжина, кандидат медицинских наук М. И. Кижаев и другие[1].

Таким образом, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции с помощью русской интеллигенции под руководством Коммунистической партии было положено начало формированию мордовской социалистической интеллигенции, которое шло в основном по трем линиям: использование и перевоспитание в процессе социалистического строительства части старой дореволюционной интеллигенции; выдвижение культурно выросших практиков из среды трудящихся мордовского народа и подготовка специалистов через средние специальные и высшие учебные заведения. Наиболее существенную роль в этом важнейшем процессе национального развития мордовского народа сыграли два последних пути формирования мордовской социалистической интеллигенции: выдвиженчество и подготовка кадров в системе различных учебных заведений.

Так в условиях социалистического строительства за первое десятилетие после Великой Октябрьской революции некогда неграмотный, политически бесправный, экономически ограбленный мордовский народ не только овладел элементарной грамотностью, но и заложил основы национальной интеллигенции.

Новая страница в истории формирования и развития мордовской социалистической интеллигенции открывается с образованием мордовской автономии и в ходе выполнения первых довоенных пятилеток.

[1] Киселев А. Л. Социалистическая культура Мордовии, Саранск, 1959, стр. 93—94.

И. Е. Автайкин

ИЗ ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ ПЕЧАТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в истории человечества свергла власть капиталистов и помещиков и передала ее в руки рабочих и крестьян. Особенно много сделала она для трудящихся малых народов, в том числе и для мордовского народа, который, как и многие другие народы России, получил не только свободу и самостоятельность, но и свою государственность.

В условиях Советской власти мордовский народ под руководством Коммунистической партии с помощью великого русского народа и других братских народов достиг в своем экономическом, политическом и культурном развитии тех высот, о которых при царизме он и не мог мечтать. Среди его больших достижений необходимо назвать и создание своей национальной печати — подлинно свободной и действительно народной.

Важной определяющей вехой на пути к этому огромному завоеванию мордовского народа являются исторические решения X съезда РКП(б) по экономическому и культурному развитию ранее угнетенных народов царской России.

В резолюции съезда «Об очередных задачах в национальном вопросе» прямо указывалось, чтобы развить в национальных районах прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке[1].

X съезд РКП(б) особо потребовал от местных партийных и советских организаций национальных районов скорейшего создания и быстрого развития национальной прессы.

Это исключительно важное по своему значению партийное решение требовало от коммунистов приложить много усилий к тому, чтобы у мордовского народа скорее появились газеты и книги на своем родном языке, с помощью которых можно было поднять активность мордовского населения в деле социалистического строительства.

[1] О партийной и советской печати. Сборник документов. Москва, 1954, стр. 232—233.

В борьбе за выполнение этих исторических решений X съезда партии особенно большую инициативу проявили мордовские коммунисты Симбирской губернии. Так, уже 5 июля 1920 г. заседание ответственных работников мордвы города Симбирска постановило издавать мордовскую газету «Чинь стямо» («Восход солнца»). Первым ответственным редактором ее был назначен С. С. Праксин[1]. Так появилась первая газета на эрзянском языке, восторженно встреченная всем мордовским народом.

Но это было только начало, и Коммунистическая партия продолжала свою работу в этом направлении.

Со всей остротой вопрос о дальнейшем развитии мордовской национальной печати был поставлен на I Всероссийском съезде коммунистов мордвы, который проходил в Самаре в июне 1921 года. Среди важнейших вопросов национального развития мордовского народа съезд обратил большое внимание на дальнейшее развитие национальной печати и издательской деятельности. Он поручил Мордовскому отделу Наркомпроса скорейшим образом войти с ходатайством в ВСНХ об изготовлении типографских машин и шрифта с тем, чтобы своевременно приступить к печатанию книг, газет, брошюр, листовок и других изданий на родном мордовском языке.

Съезд высказал пожелание скорейшего созыва Всероссийского съезда работников просвещения мордвы и издания букваря на родном языке к 1921/1922 учебному году[2].

I-й Всероссийский съезд коммунистов мордвы избрал Центральное бюро мордовских секций ЦК РКП(б), которое стало функционировать с 18 июня 1921 года[3]. В его деятельности центральное место занимала организация национальной печати, создание как в центре, так и на местах на родном языке газет, учебников, общественно-политических и художественных книг. «Бюро национальных секций в центре и на местах,— говорится в инструкции по работе нацсекций РКП(б),— организуется для того, чтобы в рамках директив общественных органов осуществить следующие задачи:

а) руководство коммунистической пропагандой между рабочими и трудящимися массами данной национальности;

б) издание периодической и непериодической литературы»[4].

Центральное бюро мордовских секций руководило деятельностью губернских мордовских секций, направляло их работу на развертывание издательского дела на родном языке.

[1] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Документы и материалы, Саранск, 1959, стр. 387.

[2] П. И. Анисимова, С. Я. Арапов. «К истории организации Мордовской АССР», журнал «Исторический архив» № 3, 1962, стр. 90—96.

[3] Центральный партийный архив при ЦК КПСС, ф. 17 м/с, ед. хр. 27, л. 1.

[4] Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 251, л. 15.

Под неослабным руководством губернских комитетов партии мордовские секции губкомов принимали решительные меры по изданию национальных газет, учебников, общественно-политической и художественной литературы.

Больших успехов в этом направлении достиг Саратовский губком РКП(б). Под его непосредственным руководством мордовская секция губкома в декабре месяце 1921 года стала издавать мордовскую газету «Якстере сокиця» («Красный пахарь»).

Огромную работу по созданию мордовской национальной печати проводил Самарский губернский комитет партии и его мордовская секция, секретарем которой долгое время был Маринин Денис Илларионович, член партии с 1904 года, сыгравший известную роль в организации издания учебников, книг и в особенности листовок на мордовском языке в Самарской губернии. Такая же энергичная работа проводилась губкомами партии в Нижегородской, Тамбовской, Симбирской и Пензенской губерниях, то есть в тех районах страны, где наиболее компактно проживала основная масса мордовского народа.

Коммунисты из мордвы Пензенской губернии настойчиво поднимали вопрос об издании газеты на мокшанском языке. Так, в резолюции по партийному строительству 1-го Пензенского губернского совещания коммунистов мордвы, состоявшегося 17 мая 1922 г., указывалось: «Мы должны приложить максимум энергии по созданию печатного органа на родном языке, могучего орудия пропаганды коммунистических идей»[1].

16 января 1923 года заседание бюро нацмен агитотдела Пензенского губкома постановило: «Организовать издательство на мокшанском языке в г. Пенза периодической и непериодической литературы, просить мордовскую секцию ЦК РКП(б) об изыскании средств для этой цели»[2]. Мордовская секция ЦК РКП(б) поддержала стремление мордсекции Пензенского губкома и предложила, если найдется необходимый минимум грамотных товарищей, издавать свой еженедельник[3].

Однако развитие мордовской печати шло в это время несколько односторонне. Национальные газеты издавались пока, главным образом, на эрзянском языке. Правда, в них иногда помещались небольшие мокшанские тексты, но делалось это не совсем регулярно. Поэтому из многих уездов с мордовским-мокша населением (Краснослободского, Наровчатского, Рузаевского, Саранского и др.) стали все чаще поступать письма в редакцию газеты «Якстере теште» и особенно в мордовскую секцию ЦК РКП(б), в которых говорилось о том, что

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 11, л. 5.
[2] Там же, л. 15.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 11, л. 103.

для мокши непонятно написанное на эрзянском наречии, что необходимо иметь мокшанскую литературу и газету[1].

Результатом неустанной организаторской работы Центрального бюро мордовских секций ЦК РКП(б) является создание своего печатного органа газеты «Якстере теште» («Красная звезда»), первый номер которой вышел 24 сентября 1921 года в Москве под редакцией М. М. Евсеева. Активнейшее участие в издании газеты принимали Е. С. Окин и Ф. И. Завалишин.

Выход газеты «Якстере теште» знаменует собой факт огромной заботы Коммунистической партии о быстрейшем росте культурного уровня трудящихся масс мордвы.

В редакционной статье первого номера газеты особо подчеркивалось, «что только благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, только при Советской власти мы получили возможность писать на своем родном языке книги и газеты. В царское время нам запрещали это делать»[2].

Редакция газеты «Якстере теште» обратилась ко всему мордовскому народу с призывом держать тесную связь со своей родной газетой, постоянно писать о жизни и труде мордовских рабочих, крестьян, стремилась выполнить указание В. И. Ленина о том, что без широкого участия трудящихся масс в газете не может быть и речи о подлинно народной прессе.

1921 год был тяжелым годом для нашей страны. Районы Поволжья переживали большой голод.

Коммунистическая партия и весь советский народ решительно встали на борьбу с голодом. Верной их помощницей в борьбе с голодом стала наша советская печать, в том числе и мордовские газеты. Так, «Якстере теште» («Красная звезда») с первого номера обратилась к своим читателям — мордовскому населению с призывом помочь жителям голодающих губерний. «Весь свой лишний хлеб отдай тому, кто голодает»,— писала газета. На своих страницах она проводила «недели помощи», «месячники голодающим», помещала статьи под рубрикой «Кто помогает голодающим».

И народ активно поддерживал свою газету. Субботник «помощи голодающим» организовали рабочие Кондровской бумажной фабрики. На заработанные во время субботника деньги купили 286 пудов разных продуктов[3]. Трудящиеся Инсарского уезда собрали в помощь голодающим более 6650 пудов продуктов питания, свыше 22 тыс. рублей, из них около одной тысячи золотыми[4].

Газета «Якстере теште» рассказывала, что горе советских людей разделяют рабочие и трудящиеся всего мира, что они оказывают нам всемерную поддержку в борьбе с голодом:

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, м/с., ед. хр. 11, л. 46.
[2] Газета «Якстере теште» от 24 сентября 1921 года.
[3] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, Саранск, 1961, стр. 131.
[4] Газета «Якстере теште» от 5 октября, 1921 г.

германские рабочие прислали медикаменты, норвежские — рыбу, американские — зерно, персидские — рис и муку[1]. Она сообщила, что трудящиеся всего мира собрали в фонд помощи голодающим 103452500 рублей[2].

Одновременно «Якстере теште» разъясняла своим читателям, что совершенно иначе относятся к нашим тяжелым бедствиям империалисты, встретившие известие о голоде в Стране Советов с злой радостью. Особенно она обращала внимание на тот факт, что на заседании Лиги наций прямо высказались против оказания помощи голодающим[3].

Условия, в каких создавалась и начала работать «Якстере теште», были весьма трудными. Многие районы страны переживали голод, не хватало денежных средств, ощущался большой недостаток бумаги. Газета с 22 марта 1922 года вынуждена была перейти на разовый выпуск в месяц в виде журнала, что создавало дополнительные трудности. Из-за того, что стала редко выходить, она не могла в должной мере проследить за быстро идущими событиями. К тому же большой объем не всегда позволял сразу и вдумчиво прочесть ее до конца.

Газета испытывала большие трудности и в том отношении, что не было квалифицированных кадров работников печати, предельно узким являлся круг ее корреспондентов, так как многие мордовские рабочие и крестьяне были неграмотными и не умели писать в газету о своей жизни, думах и чаяниях. Поэтому на первых порах газету почти полностью готовили к выпуску три ее сотрудника — М. М. Евсеев, Е. С. Окин и Ф. И. Завалишин. Надо отдать должное этим энтузиастам, не спасовавшим перед большими трудностями периода создания мордовской газеты «Якстере теште» и обеспечившим ее верное служение делу строительства социализма в нашей стране.

Этому явно немногочисленному редакционному коллективу газеты удалось справиться со своими большими и ответственными задачами потому, что они неустанно крепили и расширяли свои связи с трудящимися массами мордовского народа, все активнее включавшимися в социалистическое строительство. Не раз редакция «Якстере теште» обращалась к своим читателям: «Пишите же, товарищи, не стесняйтесь. Редакция надеется на вашу помощь»[4]. И многие мордовские рабочие, крестьяне и интеллигенция очень быстро откликнулись на зов газеты. Они незамедлительно пришли к ней на помощь, видя в ней истинного друга, советчика, источника силы и знаний. Из поселка Мамолаевского Оренбургской губернии жители сообщали, что они рады мордовской газете «Якстере теште». «Она принесла

[1] Газета «Якстере теште» от 5 октября 1921 г.
[2] Газета «Якстере теште» от 26 октября 1921 г.
[3] Газета «Якстере теште» от 19 октября 1921 г.
[4] Газета «Якстере теште» от 24 сентября 1921 г.

нам много пользы, рассказывает как вести свое хозяйство, как улучшить жизнь».

Василий Акашкин из села Гумны Панженской волости Пензенской губернии извещал о том, как стар и млад с особым интересом и вниманием слушали его, когда он читал им газету «Якстере теште»[1]. Об этом же писали из села Ново-Малыкино Самарской губернии Пароткин, из села Федоровка Башкирской АССР — Большеглазов К., ученики из села Н.-Коки Сенгилейского уезда Симбирской губернии, комсомольцы Перхляйской ячейки ВЛКСМ Рузаевского уезда и др.[2]

Письма трудящихся и особенно крестьян в газету убедительно показывают, что она постоянно стала находить с их стороны поддержку и помощь, ее больше стали выписывать. Так, в селе Челпаново Ардатовского уезда газету «Якстере теште» выписали более 20 крестьян. Такое же положение было и в соседних селах: Киржеманах, Лобасках и др. Газета все больше входила в жизнь трудящихся и в других уездах. Агитпропагандистский отдел Городищенского укома Пензенской губернии настоятельно просил, например, выслать газету «Якстере теште», в которой имеется острая нужда»[3].

В Инсарском уезде была создана специальная комиссия по организации подписки на газету «Якстере теште», собравшая для ее поддержки 36 пудов ржи, 15 пудов овса, 30 млн. денег[4] в денежных знаках 1921 г.

Иван Прокаев из Петровского уезда Саратовской губернии и др. обращаются ко всей мордве выписать газету и высылают деньги в адрес редакции. Призывают товарищей последовать их примеру[5]. Большую работу по подписке на газету «Якстере теште» проводили мордовские сельсоветы. В особенности благодарна была редакция председателю Батушевского сельсовета тов. Урасову, Атяшевского сельсовета тов. М. Пушкину. С призывом выслать деньги в редакцию газеты «Якстере теште» обратились граждане из села Марго Алатырского уезда Буячев, Гагарин и др.[6] Такие же письма можно было прочесть почти в каждом номере газеты. Они свидетельствовали о возросшем интересе мордовских крестьян и интеллигенции к своей родной газете, о том большом уважении, которое стали питать к ней. Примечательно и такое явление, когда студенты высших учебных заведений из числа мордвы свое каникулярное время посвящали работе в газете «Якстере теште»[7].

Все эти мероприятия редакции газеты, местных партийных

[1] Газета «Якстере теште», № 4 за июнь 1922 г.
[2] Газета «Якстере теште» от 4 октября 1921 г.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I м/с, ед. хр. 11, л. 57.
[4] Там же, л. 40.
[5] Газета «Якстере теште» от 9 марта 1924 г.
[6] Газета «Якстере теште» от 5 апреля 1924 г.
[7] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 32, л. 87.

и советских органов и довольно широкая народная инициатива знаменовали, конечно, только первые шаги в улучшении работы мордовской газеты. Но предстояла еще большая работа.

Центральный Комитет РКП(б), придавая огромное значение развитию национальной печати, на четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 9—12 июня 1923 года принял исключительно важное решение, направленное на то, чтобы улучшить постановку издательского дела, создать специальный фонд при ЦК партии по субсидированию национальных республик и областей. Совещание обратило самое серьезное внимание на создание марксистской литературы на родном языке, обязало местные партийные организации «иметь хорошо поставленную периодическую печать на родном языке»[1].

Борясь за выполнение принятых решений, партийные, комсомольские и советские органы на местах с мордовским населением и редакции газет прилагали большие усилия к неуклонному росту и улучшению мордовской национальной печати, быстрейшему ее распространению среди трудящихся мордвы. Так, мордовская секция Самарского губкома от 25 октября 1924 года направила всем инструкторам укомов губерний письмо с требованием провести широкую агитационную кампанию по распространению мордовской литературы и газеты «Якстере теште»[2].

В свете этих партийных решений заметно перестроила и упрочила свою работу и сама газета «Якстере теште». Работники редакции стали чаще организовывать поездки в мордовские районы с целью установления живой связи с селькорами и местным населением, они смелее начали практиковать проведение читательских собраний, просмотр стенных газет и оказание им конкретной помощи, улучшили контроль за проверкой каналов распространения печати. В селе Атяшево Ардатовского уезда, например, члены редколлегии провели многолюдный вечер газеты «Якстере теште». Население положительно отозвалось о газете, и весь денежный сбор был направлен на ее подписку[3].

Улучшение работы газеты сказалось и в том отношении, что повысился к ней интерес не только в эрзянских, но и в мокшанских селах и деревнях. Так, тов. Надеев из с. Курташки в своем письме в редакцию рассказывает, что его просили доставлять как можно больше мордовских газет. В селе Молчаново его окружили крестьяне и говорили, что газета «Якстере теште» очень понятна, хорошо пишет о новой жизни. В селе Новые

[1] О партийной и советской печати. Сборник документов М., 1954, стр. 282.
[2] Партархив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1495, л. 55.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 32, л. 87.

Пичингуши всю ночь не давали спать, приходили крестьяне и просили газеты. Жители села Каран Башкирской АССР заявили, что им очень понравилась газета «Якстере теште» и просили высылать ее как можно больше[1].

Центральное бюро мордовских секций ЦК РКП(б) в целях увеличения подписчиков потребовало от газеты «Якстере теште» продолжить систему вызовов подписчиков, больше освещать дело просвещения мордвы, лучше иллюстрировать газету, создать широкую сеть корреспондентов с мест, просить «Восточное издательство» удешевить газету, обратиться к учительству с воззванием о принятии активного участия по вербовке подписчиков и популяризации газеты[2].

Эти указания легли в основу всей работы редакции «Якстере теште». Она стремилась смелее и шире использовать различные формы привлечения наибольшего количества подписчиков, а главное, она обратила внимание на улучшение содержания газеты, для чего организовала такие постоянные отделы, как «По Советской России», «По другим странам», «Сельское хозяйство», «Что пишут из села», «Ответ читателям», «Жизнь в губерниях», «Кооперация». Все это еще больше укрепило связь газеты с массами и подняло ее роль в общепартийном деле мирного строительства.

К 1924 году внешнее и внутреннее положение Советской республики окрепло. Были достигнуты крупные успехи по восстановлению народного хозяйства страны, поднялся культурно-политический уровень рабочих и крестьян. В этих условиях роль печати особенно возрастала. Существенно усиливалось ее значение в укреплении связи Коммунистической партии с рабочими и крестьянскими массами, в распространении знаний среди широких масс трудящихся, а также в укреплении и сплочении партийных рядов. Поэтому вопросы печати особенно остро встали в центре внимания нашей Ленинской партии. В связи с этим Центральный Комитет РКП(б) от 6 февраля 1924 года принял специальное постановление—«Главнейшие очередные задачи партии в области печати», где первоочередной задачей ближайшего года было поставлено: «подтягивать еще неохваченные работой печати массы рабочих и крестьян до уровня снабжения газетой, достигнутого уже рабочими промышленных районов»[3]. Постановление потребовало выдвинуть на первое место вопросы экономического и политического положения республики под углом зрения укрепления союза рабочего класса и крестьянства, не упускать освещение вопросов кооперации и пропаганды агрономических мероприятий, способствующих улучшению крестьянского хозяйства. Эти требования больше

[1] Газета «Якстере теште», № 1 за март 1922 г.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 26, л. 14.
[3] О партийной и советской печати. Сборник документов, М., 1954, стр. 290.

всего относились к национальной печати, в том числе и мордовской, которая ближе находилась к наиболее отсталым крестьянским массам национальных окраин.

Партийные органы в национальных районах стали принимать неотложные меры к практическому осуществлению решений, принятых ЦК РКП(б).

Совещание секретарей мордовских секций губкомов, проведенное мордовской секцией ЦК РКП(б) в начале 1924 года, обязало всех коммунистов и комсомольцев расширить связь с беспартийными массами, усилить работу по агитации на подписку газеты «Якстере теште»[1].

21 января 1924 года нашу партию, советский народ, мировой пролетариат, все прогрессивное человечество постигло величайшее горе — умер Владимир Ильич Ленин.

Об этой великой утрате трудящиеся Советского Союза были извещены экстренным выпуском газет «Правда» и «Известия».

По примеру газеты «Правда» газета «Якстере теште» подробно рассказала о тяжелой утрате и великом горе, постигшем советский народ и все прогрессивное человечество. Она поместила правительственное сообщение, где говорилось, «что В. И. Ленина больше нет среди нас, но его дело никогда не умрет. Советская власть пойдет по тому пути, который указал Владимир Ильич Ленин»[2].

Газета обратилась к мордовскому народу с призывом: «Товарищи, мы переживаем большое горе, нам надо еще плотнее собраться вокруг коммунистической партии, укрепить связь с рабочими»[3].

Весть о смерти Владимира Ильича Ленина вызвала глубокую скорбь у всего советского народа. Газета «Якстере теште» сообщала о том, что на всех предприятиях и учреждениях, в селах и деревнях проводились траурные митинги и собрания, где мордовское население заверяло Центральный комитет партии и Советское правительство о своем стремлении теснее сплотиться вокруг Коммунистической партии и осуществлять заветы великого Ленина.

«Получив сообщение о смерти великого вождя Всемирной пролетарской революции Владимира Ильича Ленина,— писали трудящиеся города Саранска и уезда в ЦК РКП(б),— мы, партийные, комсомольские, советские, профессиональные, воинские организации и крестьянство города Саранска и уезда, глубоко опечалены преждевременной кончиной дорогого учителя, заявляем, что его смерть не убила его идей. Они бессмертны. Они вечно будут жить в наших сердцах...»[4].

---

[1] Газета «Якстере теште» от 26 апреля 1924 г.
[2] Газета «Якстере теште» от 25 января 1924 г.
[3] Там же.
[4] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 143—144.

Свою верность ленинизму трудящиеся Мордовии показали активным участием в ленинском призыве. За период с февраля по апрель 1924 г. в партию было принято в Рузаевском уезде — 264 человека, в Саранском —77, в Спасском —22[1]. В дни ленинского призыва количественно и качественно улучшились Темниковская, Ардатовская, Краснослободская и Инсарская уездные партийные организации, в составе которых было большое количество мордвы.

На 1 ноября 1924 года в мордовских селах и деревнях членов и кандидатов Коммунистической партии насчитывалось уже 1246, а в 1923 году их было только 569 человек[2].

ЦК РКП(б) 19 февраля 1924 года обратился к партийным организациям с письмом «Об организационно-воспитательных задачах партийной печати в связи с «Ленинским призывом в партию рабочих от станка»[3], где указывалось, что прием в партию ста тысяч рабочих ставит перед партийной печатью огромную задачу организации и воспитания новых членов партии.

Воспитанию верности идеям Ленина новых членов Коммунистической партии большое значение придавала и газета «Якстере теште». Она печатала сводки о ходе ленинского призыва, публиковала корреспонденции, в которых рассказывалось о тех, кто в ленинские дни шел в партию, как рабочие и крестьяне нашей страны выполняли заветы Ильича. Мордовская печать систематически освещала важнейшие задачи, стоявшие тогда перед партией и народом, разъясняла новым членам партии основные моменты ленинизма, говорила о правах и обязанностях коммунистов, советовала им, что читать для более глубокого и полного понимания ленинского учения, приглашала новых членов Коммунистической партии принять активное участие в подписке на свою родную газету. Все это также способствовало дальнейшему улучшению работы мордовской печати.

Выполняя ленинское завещание, страна уверенно шла вперед по пути завершения восстановления своего народного хозяйства. Немалая роль в этом историческом завоевании народов Советского Союза принадлежала и печати. Поэтому Коммунистическая партия все большее внимание обращала на совершенствование этого своего острейшего оружия в борьбе за социализм, о чем свидетельствовало и принятое ЦК РКП(б) постановление от 22 февраля 1924 года «Об усилении партийного руководства печатью и работой издательств»[4], где значительное место уделялось и национальной печати.

«...Создание газеты, создание учебников на местных языках

---

[1] Партийный архив Мордовского ОК КПСС, ф. 327/1, д. 694, л. 99.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1 м/с, ед. хр. 27, л. 52.
[3] О партийной и советской печати. Сборник документов, М., 1954, стр. 297.
[4] Там же, стр. 298.

национальных республик и областей,— говорилось в постановлении,— невозможно без самого пристального внимания всей партии к этим вопросам и без постоянного систематического руководства партийных комитетов»[1].

Центральный комитет партии обращал самое серьезное внимание партийных организаций на укрепление и улучшение органов печати, обслуживающих массового читателя, он требовал усилить ее квалифицированными партийными силами и обязал парткомы перестроить своё руководство органами периодической печати.

Претворяя в жизнь постановление ЦК РКП(б), местные партийные организации значительно улучшили свое внимание к работе национальной печати, стали глубже вникать в ее запросы и нужды.

Так, Пензенский губернский комитет партии (на территории губернии проживала 371000 мордовского населения) на своем пленуме от 25—27 августа 1924 года решил: «принять меры к распространению среди крестьянства и в особенности среди нацмен газет». Борясь за выполнение решений партии, мордовская секция губкома проделала большую работу и по организации издания газеты теперь на мокшанском языке «Од веле» («Новая деревня»), которая начала выпускаться с мая 1924 года в Пензе.

Выход газеты «Од веле» был большим событием в культурной жизни всего мордовского народа. Особенно радостно встретило ее появление мокшанское население, выражая глубокие чувства благодарности Коммунистической партии и Советскому правительству за неустанную заботу о дальнейшем культурном и национальном росте мордовского народа.

Местные партийные и советские органы, особенно в мордовских селах и деревнях, сделали все необходимое для того, чтобы национальные газеты стали широким достоянием всего мордовского народа. Примером в этом отношении были коммунисты и комсомольцы. Так, Саранская конференция коммунистов-мордвы в феврале 1924 года постановила «выписать каждому коммунисту мордовскую газету «Якстере теште»[2]. А в Кочкуровской волости Саранского уезда 6 декабря 1924 года была создана специальная тройка по выписке газеты «Якстере теште» в составе Асташкина, Ершунова и Зыбкина. Тройка по выписке газеты «Якстере теште» была организована и Сабаевским волисполкомом[3]. Бюро Ардатовского укома от 17 февраля 1925 года постановило систематически вести агитацию за вербовку подписчиков газет и литературы на мордовском языке[4].

[1] О партийной и советской печати. Сборник документов. М., 1954, стр. 298.

[2] Газета «Якстере теште» от 15 февраля 1924 г.

[3] Партийный архив Мордовского обкома КПСС, ф. 327, оп. I, архивный номер 783, св. 44, л. 97—98.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 4, л. 50.

На совещании инструкторов укомов Самарского губкома партии по работе среди мордвы от 2 ноября 1925 года был заслушан вопрос о распространении литературы на родном языке и газеты «Якстере теште» и решено усилить кампанию по увеличению тиража газеты «Якстере теште» и довести число ее подписчиков до 1000—1500. Ввиду этого совещание постановило больше содействовать работе селькоров, обязать инструкторов укомов регулярно писать в газету «Якстере теште» и шире освещать проделанную работу среди мордовского народа, создать на местах общества друзей газеты, которые были бы хорошей опорой и проводником мордовской газеты в деревне.

Крупный шаг в развитии и совершенствовании национальной печати знаменовал XIII съезд ленинской партии. Отметив некоторые успехи в области повышения тиража национальной печати, он принял важное решение, в котором говорилось: «...завершить переход прессы нацреспублик на местные языки, добиваться повышения тиража нацпрессы и усиления связи ее с массой через рабочих и крестьянских корреспондентов и выработки типа газеты, приспособленной к уровню отсталого крестьянства нацреспублик. Национальная пресса в особенности требует усиления партруководства и укрепления политически выдержанными партработниками-журналистами»[1].

XIII съезд партии обратил самое серьезное внимание на материальную поддержку национальной и крестьянской печати и потребовал сосредоточить специальную финансовую помощь со стороны государства на их укрепление и развитие.

Выполнение решений XIII съезда партии дало резкий толчок росту национальной печати. На 1 октября 1925 года в стране выходило 170 газет на 39 национальных языках. По темпам роста национальные газеты опережали рост газет, издаваемых на русском языке.

С 1 апреля 1924 года по 1 ноября 1925 года тираж их увеличился с 258 тысяч экземпляров до 800 тысяч[2].

Пристальное внимание партии к работе национальной печати постоянно чувствовала и мордовская печать, в том числе газета «Якстере теште». Об этом ярко говорит заявление самой газеты: «Сперва дела шли очень плохо, не было работников, которые смогли бы хорошо выпускать газету, не было денег. С помощью Центрального Комитета газета «Якстере теште» стала работать»[3].

Убедительным доказательством заботы ЦК РКП(б) о мордовской печати служит и тот факт, что ее тираж за период с

[1] Тринадцатый съезд РКП(б), стенографический отчет, М., 1963, стр. 650.

[2] С. М. Лорсанукаев. Первая чеченская газета «Серло». Грозный, 1962, стр. 13.

[3] Газета «Якстере теште», № 6, сентябрь, 1922 г.

мая 1924 года по ноябрь 1924 года увеличился в среднем в 5 раз[1].

24 июня 1925 года мордовская секция агитпропа ЦК РКП(б) на своем заседании рассмотрела вопрос «О мероприятиях по улучшению газеты «Якстере теште» и ее распространению среди мордвы». В этих целях было признано необходимым развернуть кампанию по вербовке подписчиков на газету «Якстере теште» и провести ее под лозунгом: на 20 мордовских домов — одну газету. Заседание постановило также организовать конкурс на лучшего вербовщика, предложить всем мордовским секциям от каждого мордовского села выделить по одному товарищу в качестве уполномоченного редакции «Якстере теште», привлечь к активному участию в газете мордовских ответработников, закрепить за ними главные отделы газеты: Бажанов — отдел РЛКСМ, Бодяков—отдел просвещения, Миронов — отдел партийной жизни, Васильев — отдел советского строительства, Еремин — отдел сельского хозяйства[2].

Указанное постановление сыграло важную роль в улучшении всей деятельности газеты «Якстере теште», в увеличении количества платных подписчиков и в укреплении связи ее с мордовскими трудящимися, о чем убедительно говорят нижеприведенные таблицы роста платных подписчиков и полученных корреспонденций.

Таблица роста платных подписчиков газеты «Якстере теште»

	Количество платных подписчиков
на 1 августа 1924 г.	150
на 1 октября 1924 г.	460
на 1 декабря 1924 г	820
на 1 февраля 1925 г.	1080
на 1 мая 1925 г.	1350

Таблица роста полученных корреспонденций газетой «Якстере теште»[3]

	Количество получаемых корреспонденций
в марте 1924 г.	20
в декабре 1924 г.	80
в январе 1925 г.	148
в апреле 1925 г.	152
в сентябре 1925 г.	200

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 27, л. 58.
[2] Там же, л. 32.
[3] Обе таблицы составлены автором по материалам ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I м/с, ед. хр. 28, лл. 32—37, ед. хр. 8, л. 38; Партархив Куйбышевского ОК, ф. I, оп. I, ед. хр. 1817, л. 240.

Вышеприведенные данные показывают, что за 10 месяцев число платных подписчиков и получаемых корреспонденций увеличилось почти в 10 раз. Следовательно, мордовская деревня стала значительно больше интересоваться своей национальной газетой. Об этом свидетельствует тот факт, что в редакцию начали поступать не только корреспонденции, но и много различных запросов по юридическим, земельным, агрономическим и другим вопросам.

Важно отметить, что с этого времени газетой стали больше интересоваться и женщины. В некоторых деревнях среди женщин устраивались громкие читки газеты «Якстере теште». Из числа женщин появились и свои первые корреспонденты, хотя было их пока очень мало —4 человека из 200 селькоров на 1 октября 1925 года[1].

Возросший интерес трудящихся к своей газете на родном языке поставил вскоре вопрос и об увеличении тиража «Якстере теште». Поэтому 9 мая 1924 года мордовская секция ЦК РКП(б) приняла постановление: «Ввиду того, что тираж газеты «Якстере теште» в 1000 экземпляров не соответствует количеству обслуживаемого населения (1 млн. 200 тысяч человек мордвы) газетой, а также учитывая постоянное увеличение числа подписчиков на нее — необходимо тираж ее увеличить с 1000 экз. до 2000»[2].

Исходя из реальных возможностей, а они были пока ограниченными, Советское государство пошло на некоторое увеличение тиража этой мордовской газеты, доведя его в 1925 г. до 1300 экземпляров. В последующие годы ее тираж неуклонно возрастал, о чем убедительно говорят следующие данные.

Таблица движения тиража газеты «Якстере теште»[3]

	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
Тираж газеты „Якстере теште"	8000	6000	3000	1000	1300	2600	3000	3200	6000

Снижение тиража газеты «Якстере теште» до 1924 года объясняется рядом объективных причин, среди которых главная — недостаток средств в тот тяжелый восстановительный период для нашей страны. С 1924 года наблюдается неуклонный

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I м/с, ед. хр. 28, л. 37.
[2] Там же, ф. 17, оп. I м/с, ед. хр. 2, л. 89.
[3] Таблица составлена автором по материалам газеты «Якстере теште», 1921—1924 гг.
ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 9, л. 54, ф. 17, оп. I м/с, ед. хр. 28, л. 59.

рост ее тиража, достигший в 1929 году 6000 экземпляров. Это было ярким доказательством роста популярности и авторитета газеты «Якстере теште» среди трудящихся мордвы. «Нельзя не отметить то впечатление, которое произвела мордовская газета на мордовское население,— отмечалось в отчете Мордсекции ЦК РКП(б) за ноябрь 1927 года. Получен целый ряд писем из деревни с приветствиями газете, Советской власти, компартии. Газета заметно подняла активность трудовой массы мордовского населения и поставила их ближе к политике партии».

О дальнейшем расширении и укреплении живой связи газеты с мордовским народом говорит и увеличение кадров сельских корреспондентов.

Работе с сельскими корреспондентами газета «Якстере теште» отводила важнейшее место. Она ясно представляла себе, что только с помощью широкой сети рабселькоров, при их непрерывно повышающемся идейно-политическом и культурном уровне и глубоком понимании марксистско-ленинской теории сумеет выполнить свои задачи не только как пропагандиста и агитатора, но и как организатора трудящихся масс.

Во всей этой своей работе редакция газеты непосредственно руководствовалась постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 июля 1925 года. «Основная задача партии,— говорится в этом постановлении,— состоит в том, чтобы политически воспитать рабочего и сельского корреспондента, превращая его в деятельного помощника партии в работе по улучшению советского аппарата, в борьбе с имеющимися недостатками, бюрократическими извращениями и т. п.[1].

Постановление обязывало все партийные комитеты и печатные органы усилить внимание к рабселькоровскому движению, обеспечить постоянное руководство рабселькоровскими организациями, которые должны строиться на добровольных началах, быть доступными для всех рабочих и крестьян, всемерно расширять политическую и культурную работу среди рабочих и сельских корреспондентов.

В постановлении указывалось, что первичной формой рабселькоровской и селькоровской организаций является кружок рабкоров на предприятии, селькоров в волости, куда входят все рабкоры данного предприятия или селькоры данного сельского района.

В целях учета опыта и согласованности работы рабселькоровских кружков Оргбюро ЦК РКП(б) предложило созывать уездные, областные, республиканские и общесоюзные совещания рабочих и сельских корреспондентов.

Мордовская секция ЦК РКП(б) в своем плане на зимний период 1924—1925 годов предусмотрела увеличение кадров

[1] О партийной и советской печати. Сборник документов, 1954, стр. 341.

местных корреспондентов национальных газет, в том числе и газеты «Якстере теште»[1] и предложила редакции газеты произвести точный учет селькоров, изучить их работу и социальный состав.

Кропотливая работа редакции газеты «Якстере теште» со своими читателями, заботливое выращивание из их рядов своих корреспондентов незамедлительно сказалось на количественном и качественном их росте.

В своем отчете на заседании мордовской секции агитпропа ЦК в октябре 1925 года редактор газеты «Якстере теште» П. С. Глухов заявил: «Еще в начале прошлого 1924 года редакция почти целиком заполняла газету своими силами, с мест получали мало писем, а на 1 октября 1925 года имеется 200 селькоров. Из них 56 партийцев, 144 беспартийных, 196 мужчин и 4 женщины»[2]. Все это говорило о явном росте количества селькоров газеты «Якстере теште». Следует подчеркнуть и тот весьма важный факт, что среди них появилась партийная прослойка, хотя она была пока и малочисленной (28% от всего состава), однако она оказывала свое партийное влияние на остальную массу корреспондентов, что не могло не сказаться на дальнейшем увеличении членов партии в рядах селькоров. В 1929 году постоянных корреспондентов было около 400 человек, из них членов РКП(б) и членов ВЛКСМ уже стало 68%, а беспартийных осталось лишь 32%[3], тогда как в 1925 году их было 72%.

Качественное улучшение рядов селькоров положительно влияло на всю деятельность газеты «Якстере теште», как газеты широких крестьянских масс из мордвы.

Совещание секретарей мордовских секций губкомов 21—27 января 1924 г. отметило, что мордовская газета прежде всего должна быть крестьянской массовой газетой и главное внимание должна уделять крестьянской жизни[4].

О том, что газета «Якстере теште» крестьянская, убедительно говорит все ее содержание с первого до последнего номера, каждое ее слово и каждая строчка, пронизанная духом уважения к мордовскому крестьянству, горячим желанием помочь ему поднять свой экономический и культурный уровень, пролить свет на новую жизнь, которую начали строить все советские люди под руководством мудрой партии великого Ленина. С первого своего номера газета «Якстере теште» упорно и настойчиво звала мордовских крестьян идти по новому, социалистическому пути, который избран народами Страны Советов[5]. Она неустанно рассказывала своим читателям о подлинно на-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I м/с, ед. хр. 26, л. 23.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I м/с, ед. хр. 28, л. 37.
[3] Там же, л. 59.
[4] Газета «Якстере теште» от 24 сентября 1921 г.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 2, л. 40.

родной сущности Советской власти, о важнейших решениях Коммунистической партии и Советского правительства, направленных на быстрейшую ликвидацию вековой отсталости ранее угнетенных народов, в том числе и мордовского народа, бывшего под тройным гнетом — царизма, русских помещиков и местных богачей.

Мордовский народ внимательно прислушивался к голосу своей газеты, следовал ее советам и, активно включившись в дело социалистического строительства, уверенно восстанавливал свое хозяйство, разрушенное империалистической войной и голодом, который охватил в 1921 году многие районы страны, в особенности Поволжья. Благодаря героическим усилиям всех трудящихся к концу 1926 года на территории современной Мордовии восстановительный период был завершен.

Были достигнуты значительные успехи по восстановлению промышленности и сельского хозяйства. Промышленность Мордовии с помощью братских народов страны к 1925—1926 хозяйственному году вплотную приблизилась к довоенному уровню. Выработка валовой продукции к этому времени по сравнению с 1913 годом составила 78,8%[1]. Выпуск промышленной продукции 1925/1926 года по отношению к 1924/1925 хозяйственному году увеличился на 36,5%[2].

Значительные успехи были и в области сельского хозяйства.

Ардатовский уезд, например, по посеву зерновых культур достиг уровня 1911 года на 96,5% еще в 1924 году[3]. Вся посевная площадь Мордовии в 1925 году по отношению к 1913 году составляла 83,9%[4]. Заметно повысилась урожайность многих зерновых культур. Так, в 1926 году урожайность озимой ржи в целом по Мордовии составила 7,13 цент. с га[5].

Газета «Якстере теште» много и плодотворно поработала в деле пропаганды и разъяснения ленинского кооперативного плана среди широких трудящихся масс мордовского крестьянства. Она неустанно убеждала крестьян, что только в артели можно поднять сельское хозяйство, быстро победить разруху. Так, в статье «Сельскохозяйственные кооперативы»[6] в ясной и доходчивой форме убедительно показывалось, что в артели лучше можно использовать земли, применять более сложный сельскохозяйственный инвентарь. Здесь же давались конкретные советы, как надо организовать сельскохозяйственную артель, какова ее организационная структура и т. д.[7].

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 157.
[2] Там же.
[3] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 145.
[4] М. В. Агеев. Победа колхозного строя в Мордовской АССР, стр. 112.
[5] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, арх. 36, св. 5, л. 151.
[6] Газета «Якстере теште», № 1, март, 1922 г.
[7] Газета «Якстере теште» от 1 июня 1924 г.

Газета «Якстере теште» широко и умело разъясняла решения Коммунистической партии и Советского правительства о льготах сельхозкооперативам и кредитным обществам. На своих страницах от 11 февраля она поместила, например, постановление ВЦИК и СНК о продаже машин в село в кредит, где говорилось, что сельхозмашины продаются для крестьян и артелей по доступной цене, что для этого отпускаются из государственных фондов для крестьян деньги на покупку сельхозмашин в долгосрочный кредит сроком на 5 лет, что в первую очередь кредит отпускается сельхозкооперативам и сельскохозяйственным обществам.

Газета «Якстере теште» настойчиво рекомендовала труженикам мордовских сел организовать машинные товарищества и сельскохозяйственные кредитные товарищества, с помощью которых можно было бы лучше вести сельскохозяйственное производство и повысить его продуктивность. В этих целях она помещала статьи агрономов и передовиков крестьян, рассказывавших о передовом опыте возделывания сельскохозяйственных культур. Так, в статье «Кукуруза» газета настоятельно рекомендовала крестьянам сеять эту высокодоходную культуру и, рассказывая о ее преимуществах, она приводила конкретные данные Безенчукской опытной станции Самарской губернии, которая занималась выращиванием кукурузы и по тому времени получила неплохой урожай, около 300 центнеров зеленой массы с одного гектара. Заканчивалась статья практическими указаниями по возделыванию этой ценнейшей культуры и какие сорта наиболее выгодны в местных условиях.

Враги партии и народа повели яростную атаку против газеты «Якстере теште». Кулаки и духовенство распространяли различного рода ложные слухи о том, что всех тех, кто читает большевистские газеты, накажет бог, они запугивали малограмотных крестьян, темных женщин, всячески мешали распространять газеты, не только избивали, но иногда и убивали корреспондентов, активных помощников партии, верных проводников коммунистических идей в среде мордовского народа. Зверски были убиты селькоры Павел Батаев и Долгов из деревни Старо-Тештелимские Выселки. Но коммунисты, комсомольцы и преданные делу социалистического строительства мордовские трудящиеся не пугались вражеских происков, они уверенно шли вперед по пути, указанному великим Лениным.

И в этой общенародной борьбе за социализм нашла свое боевое место мордовская газета, сыгравшая в этом деле большую роль. Газета «Якстере теште» была близка и понятна мордовскому народу своим партийным содержанием, ленинской правдивостью и широкой массовостью. Мордовские трудящиеся глубоко верили своей газете, внимательно прислушивались к ее голосу, который звал их к выполнению ленинского плана социалистического строительства.

А успехи в борьбе за социализм у мордовского народа были несомненны. К концу 1928 года, например, в колхозах состояли уже 2854 хозяйства, или 1,1% общего числа крестьянских хозяйств Мордовского округа вместо 0,3% в 1927 г.[1]. Число сельскохозяйственных кредитных товариществ возросло с 175 в 1927 г. до 519 в 1929 году, а количество кооперированных хозяйств соответственно увеличилось с 26,1 до 56,9 тысячи хозяйств, или 23% всех крестьянских хозяйств Мордовского округа[2].

Неуклонный рост сельскохозяйственных кооперативов на территории Мордовского округа является ярким доказательством того, что мордовское население изо дня в день все больше убеждалось в их преимуществе и значительная роль в этом важнейшем деле принадлежала мордовской газете, со страниц которой мордовское крестьянство все больше узнавало о кооперативном движении; о том, как в кооперативе лучше стали использовать земли, сумели приобрести машины, повысить производительность труда, облегчить труд крестьянства и добиться более высоких урожаев сельскохозяйственных культур и т. д.

Еще более значительны были достижения мордовского народа в области культурного строительства. Особенно внушительны данные роста сети школ и культурно-просветительных учреждений мордвы, о чем весьма наглядно свидетельствует нижеприведенная таблица:[3]

	Годы	
	1924/1925 уч. год	1925/1926 уч. год
Школ 1 ступени	592	693
Школ повышенного типа II ст.	12	14
Педтехникумов	1	2
Ликпунктов	311	446
Изб-читален	106	148
Библиотек	34	34
Мордовских отделений в рабфаке	2	3
Мордовских отделений в вузе	—	1
Мордовское отделение в СПШ	2	8
Клубов	2	2
ВСЕГО	1062	1351

Приведенные данные убедительно показывают, что сеть культурно-просветительных учреждений мордвы по всей Советской стране к концу восстановительного периода увеличилась

[1] Ивашкин С. Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии, стр. 32.
[2] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, стр. 172.
[3] Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС, ф. I, оп. 1, ед. хр. 2133, л. 267.

на 289 единиц, или на 21,4%. Следует учесть, что это был рост у народа, не имевшего до Великой Октябрьской социалистической революции даже письменности.

В росте культуры и просвещения мордовского народа немалая заслуга принадлежит газете «Якстере теште», которая неустанно, с большим энтузиазмом буквально из номера в номер, звала свой народ к грамоте, к знанию, к подъему культуры — социалистической по содержанию и национальной по форме. Она с большой радостью и чувством великой гордости сообщила, например, в своем первом номере «...только при Советской власти мы получили возможность писать на своем родном языке книги и газеты...»[1], а в статье «Нужно учиться» она обстоятельно рассказывала, что раньше при царизме не нужны были грамотные крестьяне, ибо они были опасны богачам, самодержавию, помещикам и капиталистам. Сейчас совершенно другое время, подчеркивала газета. Стране, народу нужны грамотные, знающие люди. Поэтому Советское правительство предоставило широкие возможности и большие права всем учиться[2].

Вместе с тем газета «Якстере теште» хорошо представляла и умело доносила это до самого широкого читателя, что дело по обучению мордовского народа обстоит еще пока весьма посредственно, мало учителей и книг, почти нет хороших школьных зданий. И газета звала массы к скорейшему преодолению этих трудностей, подчеркивая, что Коммунистическая партия и Советское правительство делают все возможное для выполнения этих первоочередных задач возрождающегося мордовского народа.

Газета умела на конкретных и живых примерах убеждать крестьян в необходимости учиться, она помогала учителям обучать и воспитывать учащихся в социалистическом духе, она гневно бичевала тех, кто недостаточно внимательно, с прохладцей, относится к школьному строительству. Газета радовалась вместе со своими читателями каждой вновь открытой школе, выстроенному клубу, поставленному спектаклю, организации культпросветкружка и вообще всему, что способствовало просвещению мордовского народа. Так, в одном номере она с радостью сообщила читателям, что в селе Подлесная Тавла Саранского уезда Пензенской губернии открыли новую школу, куда приехали два учителя, в другой раз она напечатала сообщение о том, что студенты-мордва Ленинградских вузов создали культпросветкружок[3], а в селе Васоло Бугурусланского уезда Самарской губернии при сельском клубе молодежь организовала мордовскую секцию, силами которой была поставлена пьеса на родном языке «Кавта киява» («Двумя путями»)

[1] Газета «Якстере теште» от 24 сентября 1921 г.
[2] Там же, № 5, июль, 1922 г.
[3] Там же от 27 мая 1924 г.

и т. д.[1]. Газета «Якстере теште» вместе со всем мордовским населением не скрывала своего торжества по поводу того, что из Петровского педтехникума впервые было выпущено 40 человек учителей мордовской национальности, активных борцов за социалистическую культуру[2]. «Чтобы выполнить те задачи, которые поставила Коммунистическая партия и Советское правительство,— заявила она,— надо много знать, а чтобы знать, надо учиться. Только грамотный человек может управлять Советской властью, только он может принести пользу и оказать нужную помощь»[3].

На своих страницах газета «Якстере теште» часто сообщала, куда пойти учиться, в каких высших учебных заведениях страны дали места для подготовки специалистов высшей квалификации из мордвы. Так, в четвертом номере за июнь 1922 года она писала, что в шести вузах страны отведено 30 мест для мордовской национальности[4].

Проявлением большой заботы Коммунистической партии и Советского правительства о дальнейшем развитии народного просвещения среди мордвы явились съезды работников просвещения мордвы, которые проводились в Москве. Их работа также подробно освещалась на страницах газеты «Якстере теште». Так, в двадцать восьмом номере от 21 сентября 1924 года она сообщала, что на съезде работников просвещения мордвы присутствовал Нарком просвещения А. В. Луначарский и приводит его приветственную речь съезду. «Выдающийся деятель социалистической культуры,— сообщала газета,— сказал, в частности, что наша советская республика, где власть находится в руках рабочих и крестьян, дала свободу всем нацменьшинствам. Все нацменьшинства будут иметь школы на своем родном языке». Яркая и вдохновенная речь наркома глубоко запала в душу делегатов съезда и по приезду на места они с увлечением рассказывали трудящимся его решения, поставленные задачи и перспективы развития мордовской школы. И об этом тоже горячо и взволнованно рассказала своим читателям «Якстере теште».

В беседах с представителями старшего поколения И. С. Поздяевым, И. В. Шотиным и многими другими можно было услышать, что газета «Якстере теште» была хорошей помощницей партийных организаций, коммунистов, комсомольцев в развитии народного образования, крутого культурного подъема мордовского села.

Газета «Якстере теште» воспитала целую плеяду мордовских писателей, получивших высокую оценку не только у мордовского народа, но и в широких читательских кругах всей нашей необъятной Родины. Это Ф. М. Чесноков, З. Ф. Дорофеев,

[1] Газета «Якстере теште» от 8 апреля 1924 г.
[2] Там же от 27 июня 1924 г.
[3] Там же, № 2, апрель, 1922 г.
[4] Там же, № 4, июнь, 1922.

М. Безбородов, Т. А. Раптанов, И. Кривошеев, Я. Григошин, Н. Егоров, П. Кириллов, П. Глухов, А. Зиньков, С. Прохоров и многие другие.

Газета «Якстере теште» внесла большой вклад в развитие мордовского-эрзя литературного языка.

Газета «Якстере теште» серьезное внимание обращала работе мордовских секций губкомов партии. Под рубрикой «Партийные дела» она рассказывала о партийной работе, проводимой мордовскими коммунистами в мордовских селах и деревнях, давала подробные отчеты о работе совещаний, конференций и съездов представителей мордвы как в губерниях, так и в центре.

Газета «Якстере теште» провела большую подготовительную работу среди мордовского народа по созданию мордовской национальной государственности. С этой целью она неустанно призывала трудящихся плодотворно трудиться над восстановлением и дальнейшим развитием экономики и культуры, рекомендовала выявлять места и количество мордвы, проживающей там, просила сообщить о наличии национальных кадров[1]. Она приветствовала решение первого съезда коммунистов мордвы в Самаре (июнь 1921 г.) по поводу организации Мордовской автономии, способствовала мордовской секции ЦК РКП(б) и комиссии ВЦИК, в составе которой были тт. Сабиров, Смирнов, Егоров и Глухов[2], собирать по этому вопросу необходимый материал и мнения самих граждан мордовской национальности для представления Советскому правительству.

Подготовительная работа, проведенная на страницах газеты «Якстере теште» несомненно сыграла известную роль в создании Мордовского округа в 1928 году и национальной области в 1930 году.

Газета «Якстере теште» просуществовала до конца 1932 года, а с 1 января 1933 года, согласно постановлению Культпропа Мордовского обкома ВКП(б) от 17 декабря 1932 года, она слилась с газетой «Эрзянь коммуна»[3], которая начала издаваться в Саранске с января 1931 года по решению бюро Мордовского обкома ВКП(б) от 24 октября 1930 года[4].

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция дала широкие возможности для развития национальной печати. При постоянном и неослабном внимании партии к национальной печати, в том числе и к мордовской, она очень быстро росла и

[1] Газета «Якстере теште» № 1 за март 1922 г.
[2] Там же от 12 февраля 1926 г.
[3] Партийный архив Мордовского обкома КПСС, ф. 2898, оп. 1, ед. хр. 67, св. 6, л. 80.
[4] Там же, ф. 269/8, арх. № 7, св. 1, л. 162.

совершенствовалась, перенимала лучшие традиции газеты «Правда».

Мордовские газеты, беря своё начало с газеты «Чинь стямо» («Восход солнца»), впервые вышедшей летом 1920 года, умело выполняли главные функции марксистской революционной печати, высказанные В. И. Лениным в статье «С чего начать»— «Газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»[1].

Газеты на мордовском языке «Чинь стямо» («Восход солнца»), «Якстере теште» («Красная звезда»), «Од веле» («Новая деревня») всегда были действенным орудием пропаганды, агитации и организации, незаменимым средством воздействия на самые широкие массы трудящихся мордвы.

С их помощью Мордовская партийная организация сумела сплотить тружеников мордовской деревни вокруг Коммунистической партии, вовлечь их в борьбу за осуществление ленинского плана социалистического строительства.

Газеты «Якстере теште» и «Од веле» вели ожесточенную борьбу с самым злейшим врагом партии и народа в деревне — кулаком, выступали организаторами новой жизни среди мордовских крестьян, были боевыми помощниками партийных организаций в создании первых колхозов.

«В организации колхоза в селе Старое Синдрово Краснослободского района,— вспоминает старый большевик, селькор газеты «Од веле» Г. Тултаев,— большую помощь нам оказывала газета, выходившая на родном языке».

Мордовские национальные газеты стремились быть ближе к жизни своих читателей, обращали внимание на то, как они на деле строили новое в своей будничной работе.

Газеты «Якстере теште» и «Од веле» были инициаторами социалистического соревнования, систематически освещали его ход во всех областях хозяйственного и культурного строительства в мордовском селе, активно поддерживали творческую инициативу трудящихся, широко распространяли их опыт.

Огромную роль мордовская национальная печать сыграла в проведении широкой культурной революции, как составной части победы социализма. Борьба за грамотность, подъем культуры социалистической по содержанию и национальной по форме, была повседневной темой мордовских газет.

Несмотря на большие трудности, переживаемые мордовскими газетами, особенно в начальный период их существования (отсутствие средств, бумаги, квалифицированных работников), они верно служили интересам народа, доходчиво, на своем родном языке, разъясняли трудящимся важнейшие решения Коммунистической партии и Советского правительства, мобилизовывали крестьянские массы на их быстрейшее выполнение, способствовали строительству социализма в нашей стране.

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 10.

С. К. Котков

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ МОРДОВИИ ЗА ПОДЪЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НАЧАЛЕ НЭПА (1921—1922 ГОДЫ)

Отечественная война народов Советской России против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции к исходу 1920 года завершилась героической победой над врагами молодой страны Советов. Остались лишь отдельные очаги интервентов и белогвардейских банд в районах Дальнего Востока, Средней Азии и Закавказья, ликвидация которых успешно велась частями Красной Армии и партизанскими отрядами.

В гигантской битве с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией трудящиеся нашей страны под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным отстояли завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, обеспечили самостоятельное существование Советской России в окружении капиталистических стран, создали условия для мирного развития своей экономики и культуры.

После завершения гражданской войны перед Коммунистической партией и трудящимися массами встала первоочередная задача восстановления народного хозяйства страны, ибо четырехлетняя империалистическая и трехлетняя гражданская войны, грабежи и хищническое хозяйничанье интервентов и белогвардейцев привели народное хозяйство России на грань гибели. Объем производства валовой продукции в крупной промышленности Советской России в 1920 году по сравнению с 1913 годом уменьшился почти в 7 раз. Не хватало сырья и топлива для промышленности. Шахты Донбасса и рудники Криворожья были интервентами затоплены. Важнейшие железнодорожные магистрали страны, обеспечивавшие экономические связи между сырьевой базой и промышленностью, из-за отсутствия топлива и разрухи бездействовали. Грузооборот железнодорожного транспорта по сравнению с 1913 годом сократился почти на 80%. Производство зерна в 1920 году по сравнению с 1913 годом по всей стране сократилось в 2 раза. Резко уменьшилось поголовье лошадей, крупного рогатого и мелкого скота.

Хозяйственная разруха привела к резкому ухудшению положения трудящихся города и деревни. В стране ощущался острый недостаток самого необходимого: хлеба, обуви, одежды, спичек, соли, керосина, мыла.

Особенно тяжелое положение в этом отношении сложилось в Среднем Поволжье и, в частности, в Мордовии, которая до Великого Октября являлась отсталым аграрно-сырьевым районом российского империализма. За годы войн ее экономика пришла почти к полному упадку.

Наибольший урон понесла и так крайне слабо развитая промышленность. Уже к концу 1918 года из 48 сравнительно крупных цензовых промышленных предприятий Мордовии совершенно бездействовали 36. Остальные 12 работали с большой недогрузкой и частыми перебоями[1]. Не лучше обстояло дело и на мелких полукустарных предприятиях. В 1920 году в Пензенской губернии, куда тогда входило почти две третьих современной Мордовии, не работало более 50% всех видов предприятий[2], а валовая продукция по сравнению с 1913 годом сократилась на 70%[3].

Значительно упал уровень сельского хозяйства. В 1920 году посевные площади Мордовии по сравнению с 1913 годом сократились более чем на 36%. Увеличилось число безлошадных и бескоровных хозяйств. Падала урожайность. Не хватало сельскохозяйственных орудий. Так, в среднем по Мордовии на 100 хозяйств приходилось 89 сох и 79 деревянных борон, плугов — 6, сеялок —0,03, жаток —0,02, молотилок —0,06[4].

На почве голода, который охватил значительную территорию страны и особенно промышленные районы, крайней недостачи необходимых промышленных товаров среди части рабочих и крестьян стало проявляться недовольство, усугублявшееся антисоветскими действиями меньшевиков и эсеров. В отдельных районах страны, главным образом в аграрных, каким являлась и Мордовия, кулакам иногда удавалось спровоцировать мятежи. В контрреволюционные выступления кулачеству удавалось втягивать и колеблющуюся часть среднего крестьянства.

В начале 1921 года контрреволюционные мятежи на территории Мордовии были ликвидированы самоотверженной борьбой трудящихся при помощи боевых отрядов Красной Армии.

Преодолевая экономические и политические трудности послевоенного времени, Коммунистическая партия настойчиво искала пути восстановления и дальнейшего развития народного

[1] Государственный архив Пензенской области (далее будет называться ГАПО), ф. 2, оп. 1, д. 50, лл. 6—16.

[2] М. Бор. Развитие социалистической промышленности Мордовской АССР, Саранск, 1940, стр. 8.

[3] Пензенская область за 40 лет Советской власти (1917—1957), Пенза, 1957, стр. 63.

[4] ГАПО, ф. 2, оп. 1, д. 50, лл. 6—16.

хозяйства. Выход из создавшегося положения указал партии и народу В. И. Ленин, разработавший программу перехода к нэпу. Разбив антипартийные выступления различных оппортунистов против нэпа, X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 года, утвердил ленинскую программу борьбы за восстановление и развитие всего народного хозяйства. Одним из ее решающих мероприятий была замена продразверстки продналогом.

Исторические решения X съезда Коммунистической партии о замене продразверстки продовольственным налогом означали новый поворотный пункт в жизни нашей страны, в деле социалистического строительства. Исходя из мелкотоварного характера крестьянского хозяйства, В. И. Ленин указал путь строительства социализма через развитие экономических связей промышленности с крестьянским хозяйством, через помощь города в машинизации и электрификации крестьянского хозяйства и развития коллективных форм в земледелии.

В условиях отсталой аграрной Мордовии борьба за восстановление народного хозяйства сосредоточилась главным образом в области сельского хозяйства.

Выполняя указания ЦК РКП(б), местные партийные организации развернули кипучую разъяснительную и организаторскую работу по подъему русского и мордовского крестьянства на успешное проведение весеннего сева 1921 года. Был объявлен «Месячник красного пахаря», который проводился во всех уездах Мордовии. Накануне сева партийные организации провели уездные партийные и беспартийные конференции, разработавшие конкретные мероприятия по успешному проведению весенней посевной кампании.

Так, IX Саранская уездная партийная конференция приняла следующую резолюцию: «Внеочередная и неотложная задача нашей партии и в частности организации нашего уезда, населенного в большинстве крестьянами, (состоит в) проведении весенней посевной кампании, для чего:

1. Предложить укому развивать массовую агитацию и пропаганду, действуя не только словом, и главным образом, делом и примером.

2. Каждая ячейка должна приложить максимум сил и энергии, выработать меры и план участия в посевной кампании и личным примером заражать трудовое крестьянство...

4. Мобилизовать вне всякой очереди надлежащее количество лучших партийных товарищей для работы уполномоченными в волпосевкомах[1].

5. Открыть краткосрочные сельскохозяйственные курсы по подготовке низших техников сельского хозяйства, вовлекая на эти курсы как партийное, так и беспартийное крестьянство, для чего необходимо немедленно снять специалистов сельского

[1] Волостные посевные комитеты.

хозяйства из тех учреждений, в коих они работают не по специальности»[1].

Основная часть крестьянства Мордовии решительно поддержала все эти мероприятия местных партийных организаций и взяла на себя обязательства быстро восстановить сельское хозяйство, освоить все посевные площади, поднять урожайность своих наделов и увеличить поголовье скота. Но среди некоторых крестьян, особенно из зажиточной части, были и такие, которые под влиянием эсеров и кулаков не только сами ставили под сомнение решения ЦК ленинской партии и Советского правительства о нэпе, но и старались в этом убедить других.

Об этом говорилось, например, на Темниковской уездной партийной конференции, проходившей в середине 1921 года, которая в своем решении, в частности, указывала, что некоторые крестьянские массы уезда находятся под влиянием эсеров, особенно это чувствуется в районе села Теньгушева, где «сильное влияние эсеров, подрывающих работу большевиков и ведущих систематически дезорганизаторскую работу. Это же характерно и для Стрельниковской волости»[2].

Однако подобное положение здесь продолжалось недолго. Сельские коммунисты, умело разъясняя ленинскую политику партии в деревне, повели за собой широкие трудящиеся массы русских и мордовских сел и деревень.

Наряду с массово-разъяснительной и политико-воспитательной работой местные партийные организации и Советы Мордовии совместно с уполномоченными губкомов, укомов и волкомов партии принимали ряд конкретных мер по претворению в жизнь задач новой экономической политики, которые на первом году нэпа сводились в местных условиях к тому, чтобы как можно лучше подготовиться и провести весенний сев 1921 года.

Для руководства всей работой по проведению весенней посевной кампании по указанию СНК и ВСНХ были организованы губернские, уездные, волостные и сельские посевные комитеты. На территории Мордовии весной 1921 года их насчитывалось 627.

Однако не везде были достигнуты нужные успехи в этом направлении. В некоторых местах все же чувствовалась подрывная работа эсеров и кулаков, которые сорвали организацию посевкомов в 93 населенных пунктах Мордовии[3].

Но в целом по Мордовии местные партийные организации при широкой поддержке основной части русского, мордовского и татарского крестьянства довольно успешно преодолели все

[1] Партийный архив Мордовского обкома КПСС, ф. 327, оп. 1, д. 273, связка 13, лл. 8—9.

[2] Рукописный фонд НИИЯЛИЭ, дело 645, л. 28.

[3] Данные по посевкомам взяты по Краснослободскому, Наровчатскому, Инсарскому, Рузаевскому и Саранскому уездам.

трудности и саботаж кулаков и эсеров при создании посевкомов. С первых дней своего образования они совместно с исполкомами Советов и земельными органами под руководством местных партийных организаций еще до начала весеннего сева 1921 года провели учет тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря; организовали засыпку семян в общественные амбары, выявили наличие незасыпанных семян. В этом важном деле партийным ячейкам и сельским Советам неоценимую помощь оказал ленинский комсомол и сельская молодежь, особенно учащиеся школ, которые не только выявляли наличие семян, но и принимали деятельное участие в подготовке их к севу. Во всех селах были организованы пункты для очистки семян. Молодежь выступала активным проводником этого важного мероприятия. Нередки были случаи, когда комсомольцы и молодежь помогали крестьянам, особенно вдовам и семьям красноармейцев, в сортировке семян.

Многие комсомольские организации и ученические коллективы являлись организаторами сбора металлического лома и заготовки древесного угля для кузниц, которые по заданию сельских Советов наладили изготовление деталей для сох и борон, ремонт плугов, веялок и другого инвентаря.

Большая помощь труженикам деревни была оказана железнодорожниками Мордовии. Так, коммунисты партийной организации станции Красный Узел на своем собрании, посвященном проведению весеннего сева, приняли следующее решение:

«Поручить волпосевкому немедленно учесть весь инвентарь, который требует ремонта, и немедленно вновь открыть кузницы, усовершенствовать открытые и отремонтировать инвентарь. Просить управление Казанской дороги во время «Недели крестьянина» отремонтировать часть инвентаря средствами железной дороги. Просить упосевком немедленно снабдить кузницы углем и железом»[1].

Вскоре коммунисты-железнодорожники помогли организовать и провести конференцию посевкомов Ромодановской волости. Обсудив вопрос о весеннем севе, она призвала крестьянство отдать все силы успешному проведению весеннего сева. Особое внимание было обращено на вопросы посева наделов беднейших хозяйств. Она обязала посевком бесплатно засеять все земли семей красноармейцев и «по усмотрению посевкомов и общества» — земли всех безлошадных[2].

Для помощи коммунарам, коллективным хозяйствам, а также индивидуальному крестьянству сельскохозяйственными машинами и инвентарем в уездных и некоторых волостных центрах, а также в ряде крупных сел Мордовии государством были организованы машинопрокатные станции, имевшие в своем

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. 2, Саранск, 1961, стр. 129.

[2] Там же.

распоряжении необходимое количество сельскохозяйственных машин и мастерские по текущему ремонту сельскохозяйственного инвентаря. Так, машинопрокатная станция в мордовском селе Паньжа Наровчатского уезда располагала весной 1921 года 35 плугами, одним культиватором, тремя 4-лемешными запашниками, 10 жатками, 3 сортировками и несколькими сеялками и веялками[1]. Весь сельскохозяйственный инвентарь и машины на период полевых работ коммунам и бедняцким слоям деревни отпускался в первую очередь и бесплатно, середняцким же хозяйствам — за небольшую плату.

Необходимо отметить, что несмотря на проведение Коммунистической партией ряда мер по обеспечению крестьянских хозяйств лошадьми и сельскохозяйственным инвентарем, тем не менее этого инвентаря и лошадей было крайне недостаточно.

Так, по Краснослободскому уезду в 1921 году одна рабочая лошадь приходилась на 1,9 крестьянских хозяйств, одна соха и борона на 2,3 хозяйства, один плуг на 39 хозяйств, одна зерноочистительная машина на 324 хозяйства и одна уборочная машина почти на 657 крестьянских хозяйств[2].

Примерно такая же картина была в Ардатовском уезде и в целом по Мордовии.

В деле проведения весенне-посевных работ 1921 года на помощь крестьянству пришли совхозы и коммуны. Например, Сутягинской коммуной Краснослободского уезда был организован сортировочный обоз для населения[3]. Некоторые совхозы и коммуны помогали крестьянству близлежащих сёл и деревень не только тягловой силой и сельскохозяйственным инвентарем, но и семенами, а наделы многих семей красноармейцев и бедняков безвозмездно были засеяны их семенами[4].

Для проведения агрономических мероприятий и пропаганды агрономических, ветеринарных знаний среди крестьянства Мордовии были мобилизованы все агрономы и ветврачи. Во всех уездных центрах были проведены двухмесячные курсы по подготовке помощников агрономов. Только в четырех уездах — Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Саранском — на агрокурсах обучалось 498 человек и в помощь крестьянству по проведению агромероприятий было послано 63 агронома[5].

Кроме этого, для наглядной пропаганды агрономических знаний и передового опыта среди крестьянства Мордовии было организовано восемь государственных показательных агрономических участков и пунктов: в Саранском уезде — 2, Наровчатском — 1, Краснослободском — 5[1].

[1] ГАПО, ф. 309, оп. 1, д. 1440, л. 3.
[2] Партархив Пензенского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 773, лл. 27—28.
[3] Центральный государственный архив Мордовской АССР (далее ЦГА МАССР), ф. р-312, оп. 1, д. 42, л. 92.
[4] Там же, ф-63, д. 252, лл. 19—23.
[5] Отчет о деятельности Пензенского губернского исполнительного комитета 8 съезду Советов. Пенза, 1921, стр. 212—213.

В разгар подготовки к весеннему севу в широком плане были развернуты землеустроительные работы, которые в это время, главным образом, сводились к уравнительному распределению между селами.

Во все уездные центры Наркомземом РСФСР и губземотделами была послана сельскохозяйственная литература.

В целях усиления всесторонней помощи бедноте в волостных центрах и во всех селах Мордовии были организованы крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. В 5 уездах — Инсарском, Краснослободском, Наровчатском, Саранском и Рузаевском — насчитывалось 98 волостных и 756 сельских КККОВ. До начала весеннего сева только в Рузаевском уезде было организовано 8 волостных и 70 сельских крестькомов[2].

В условиях мобилизации всех сил трудового народа на выполнение решений X съезда партии по указанию ЦК РКП(б), руководимого В. И. Лениным, была усилена массово-политическая и культурно-воспитательная работа среди национальных меньшинств, в том числе и среди мордовского народа. Во всех губерниях и уездах, где проживало мордовское население, при губкомах и укомах партии, губисполкомах и уисполкомах были образованы мордовские отделы и подотделы. Мордовские подотделы также были созданы при ВЦИКе, Наркомнаце и Наркомпросе. По инициативе мордовских отделов и подотделов в центре и на местах с санкции ЦК РКП(б) в отдельных губернских центрах началось издание газет, брошюр и листовок на мордовских эрзя и мокша языках. В Симбирске издавалась газета «Чинь стямо» («Восход солнца»), в Саратове — «Якстере сокиця» («Красный пахарь»), в Новосибирске — «Од эрямо» («Новая жизнь»), в Москве — «Якстере теште» («Красная звезда»). Несколько позднее начало издание Центриздатом брошюр и листовок на сельскохозяйственные и общественно-политические темы.

Значительно оживилась культурно-воспитательная работа женотделов среди мордовок. Женщины стали шире вовлекаться в государственную и общественную работу.

Весной 1921 года, в период подготовки к весеннему севу, укомы и уисполкомы, волкомы и волисполкомы провели волостные и уездные совещания и собрания населения. Особое внимание было уделено проведению этих собраний среди мордовского населения, где на родном языке читались лекции и проводились беседы о текущем моменте, о нэпе, о кооперации, о помощи рабочего класса крестьянству, о дружбе между трудящимися мас-

[1] Отчет о деятельности Пензенского губисполкома 8 съезду Советов. Пенза, 1921, стр. 212—213.
[2] Отчет Совету Народных Комиссаров и Совету Труда и Обороны Пензенского губэкономсовещания за период с 1 октября 1921 по 1 апреля 1922 г. Пенза, 1922, стр. 240.

сами всех национальностей. На этих совещаниях и собраниях трудящиеся принимали развернутые решения по претворению в жизнь постановлений Коммунистической партии и Советского правительства, направленных на скорейшее восстановление народного хозяйства.

Таким образом, со дня опубликования материалов X съезда до начала весенних полевых работ 1921 года партийными организациями Пензенской, Тамбовской, Симбирской, Нижегородской губерний, исполкомами Советов, общественными организациями и хозяйственными учреждениями уездов и волостей, из которых впоследствии образовалась Мордовская АССР, был проведен ряд мероприятий по обеспечению главной задачи — успешного проведения весеннего сева. При этом особое внимание было уделено вопросу обеспечения совхозов, колхозов и хозяйств бедняков семенами.

Какая большая помощь Советским государством была оказана крестьянству Мордовии в период посевных работ 1921 года, можно видеть из нижеприведенной таблицы (в пудах)[1].

Уезды	Зернобобовых культур	Крупяных	Корнеплодов	Семян технических культур	Всего отпущено
Инсарский	15870	4121	—	189	19986
Краснослободский	133827	4962	14091	4193	157074
Наровчатский	44687	460	—	680	45827
Рузаевский	13511	1832	—	1000	16334
Саранский	15674	1149	1909	2002	20334

Семена из государственного фонда в первую очередь отпускались совхозам, коммунам и бедняцкой части населения, которая в 1921 году составляла около 32 процентов крестьянства Мордовии[2].

Благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского правительства, активной деятельности местных партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, местных Советов и земельных органов, роста политической активности широких масс трудящихся, преодолевая большие трудности, в основном крестьянство Мордовии успешно справилось с весенне-посевной кампанией. По пяти уездам Мордовии была засеяна 198691 десятина, или 93,5% к посевной площади 1920 года.

Для наглядности приведем поуездные данные по посевам яровых культур за 1920 и 1921 годы (в десятинах)[3].

[1] Отчет Совету Народных Комиссаров и Совету Труда и Обороны Пензенского губэкономсовещания за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Пенза, стр. 72.

[2] Архив Пензенского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 721, л. 195.

[3] Отчет Совету Народных Комиссаров и Совету Труда и Обороны Пензенского губэкономсовещания за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г., таблица на стр. 48—49 и 60—61 (подсчет наш—С. К.).

Уезды	1920 г.	1921 г.	% к 1920 г.
Инсарский	35676	31067	87,1
Краснослободский	48190	50304	104,2
Наровчатский	43085	41236	95,9
Рузаевский	25547	24332	95,3
Саранский	60701	51662	85,2

Наряду со значительной работой по подготовке и проведению весеннего сева, партийные организации, советские учреждения и земельные органы, совхозы и коммуны вместе с индивидуальным крестьянством уездов Мордовии провели ряд мероприятий по повышению продуктивности и увеличению поголовья скота. Был произведен учет государственного, кооперативного и индивидуального породистого скота. В некоторых волостях были организованы племенные рассадники и предприняты меры по обеспечению сельского стада производителями. В этом деле большую помощь индивидуальному сектору крестьянства оказали совхозы и коммуны.

Уездные земельные отделы предпринимали усилия по обеспечению бедняцкой части населения рабочим и продуктивным скотом. На покупку лошадей, коров и овец из уездных фондов взаимопомощи бедноте отпускались деньги. Но все эти мероприятия не могли коренным образом повлиять на быстрый подъем животноводства, так как за период империалистической, а затем гражданской войн произошло большое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота. Так, в 1921 году на 218680 человек населения Краснослободского уезда приходилось всех видов скота 127798 голов, одна дойная корова приходилась на 6 человек[1], около 22,3% населения вообще не имело коров[2].

В Ардатовском уезде поголовье лошадей в 1921 году по сравнению с 1911 годом уменьшилось на 8255 голов, а поголовье крупного рогатого скота по сравнению с 1918 годом — на 6465 голов[3].

Завершив весенне-посевные работы и осуществив ряд мероприятий по поднятию продуктивности животноводства, крестьяне отдельных сел и деревень Мордовии, борясь за получение хорошего урожая, приступили к раннему взмету пара. Проведение взмета раннего пара широко рекомендовалось не только совхозам и коммунам, но и индивидуальным крестьянским хозяйствам. Несмотря на то, что в те годы ощущался большой не-

[1] Архив Пензенского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 773, л. 27 (подсчет сделан нами — С. К.).

[2] Погубернские данные по Пензенской губернии. Архив Пензенского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 721, л. 195.

[3] ЦГА МАССР, ф. р-313, оп. 1, д. 116, лл. 3—4. Годовой отчет Ардатовского уземуправления за 1926—27 годы.

достаток тягловой силы и сельскохозяйственного инвентаря, тем не менее многие советские хозяйства, коммуны, товарищества по совместной обработке земли и индивидуальные крестьянские хозяйства успешно провели ранний взмет пара. Отдельные крестьянские хозяйства за своевременное и качественное выполнение этого вида работ исполкомами уездных Советов премировались плугами, железными боронами или вознаграждались денежной премией. По 4 уездам — Инсарскому, Краснослободскому, Рузаевскому и Саранскому — было поднято раннего пара на 31980 десятинах[1], что составляло 20,5% ко всей площади озимого посева этих уездов.

Крестьяне Мордовии под руководством местных партийных организаций и Советов, успешно справившись с весенним севом, стали готовиться к посеву озимого клина и осуществлять уход за яровыми посевами с тем, чтобы получить хороший урожай. Вся хозяйственно-политическая работа Мордовии в этот период была подчинена интересам скорейшего подъема сельского хозяйства.

В период развертывания работ по восстановлению народного хозяйства, в интересах приобщения мордовского народа к делу социалистического строительства, мобилизации его материальных и духовных сил на выполнение задач, поставленных X съездом партии, по инициативе Мордовского отдела ЦК РКП(б) и Наркомнаца еще 7 марта 1921 года в Москве было проведено совещание с партийными и советскими работниками тех губерний, где проживает мордовское население. В работе совещания приняли участие представители мордовских секций Пензенской, Тамбовской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской, Самарской и других губкомов РКП(б). Работой совещания руководили видные деятели строительства новой, социалистической жизни в мордовской деревне: П. П. Башаев, М. Евсеев, Д. И. Маринин, Г. К. Ульянов, Е. С. Окин, Д. С. Желтов, С. С. Шишканов, В. Климкин, З. Ф. Дорофеев, Д. Г. Орхидея, И. М. Горбунов и другие.

Данное совещание много сделало для усиления хозяйственно-политической работы среди мордовского народа. Участники совещания обратились с просьбой в ЦК РКП(б) созвать Всероссийский съезд коммунистов мордовской национальности.

ЦК ленинской партии одобрил и поддержал инициативу совещания. Извещение о созыве I Всероссийского съезда коммунистов мордовской национальности было опубликовано в «Правде» и «Известиях». Местные партийные организации по указанию ЦК развернули большую подготовительную работу. 10 июня 1921 года в Самаре при 112 делегатах начал свою работу I Всероссийский съезд коммунистов мордвы. Съезд от

[1] 9-му губернскому съезду Советов. Отчет о деятельности Пензенского губисполкома. Пенза, 1921, стр. 222.

имени Центрального Комитета РКП(б) приветствовал П. П. Башаев. Съезд единодушно принял текст приветственной телеграммы на имя В. И. Ленина, в которой указывалось, что коммунисты мордовской национальности, вся трудящаяся мордва, как и все советские люди, под руководством Коммунистической партии и вождя трудового народа В. И. Ленина будут бороться за строительство новой счастливой жизни на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма[1].

Среди многих вопросов, решавшихся на съезде, одним из главных был вопрос о повышении роли и участия мордовского народа в общенародной борьбе за восстановление и развитие экономики страны Советов.

I Всероссийский съезд коммунистов-мордвы прямо указал, что только непосредственное и активное участие мордовского народа в строительстве социализма создает условия для его экономического и культурного процветания и национального возрождения.

Решения I Всероссийского съезда коммунистов-мордвы были горячо поддержаны всем мордовским народом, они были положены в основу всей хозяйственной и политической работы местных партийных организаций.

После работы съезда партийными организациями и советскими учреждениями губернских и уездных центров была усилена хозяйственно-политическая и массово-воспитательная работа в мордовских селах. Несколько улучшилась работа по подготовке национальных кадров для всех отраслей хозяйства и культуры. Были открыты одногодичные курсы по подготовке учителей в городах Пензе, Саранске, Инсаре и Ардатове. В 1921 году на этих курсах обучалось 250 человек. Для подготовки национальных советских и партийных кадров в 1921 году в Саранске была открыта совпартшкола, в этом же году открывается уездная совпартшкола в Краснослободске.

Трудящиеся города и деревни шире стали вовлекаться в руководящую партийную, советскую, комсомольскую, профсоюзную, хозяйственную и общественную работу.

В интересах более широкого вовлечения трудящихся мордовской национальности в дело строительства социализма в нашей стране губернскими и уездными комитетами РКП(б), где проживает мордовское население, в конце июня и в начале июля 1921 года были проведены совещания и конференции с коммунистами из мордовской национальности и собрания беспартийных граждан.

В июне 1921 года Симбирский губком РКП(б) провел совещание с мордовскими коммунистами. Участники совещания были широко ознакомлены с решениями X съезда РКП(б) и

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции, ф. 1318, оп. 1, д. 1010, лл. 58—60.

I Всероссийского съезда коммунистов-мордвы. На совещании был намечен ряд мер по усилению политической, хозяйственной и культурно-воспитательной работы среди мордовского населения и особенно среди женщин-мордовок. Несколько позже партийные конференции и совещания были проведены в Пензе, Тамбове, Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде, Уфе и других губернских центрах и в Москве среди студентов Коммунистического университета им. Свердлова. Все эти мероприятия значительно оживили хозяйственную, политическую и культурно-массовую работу среди мордовского населения, что способствовало усилению темпов восстановительных работ и проведению в жизнь новой экономической политики.

Работа партийных организаций и трудящихся масс по восстановлению сельского хозяйства натолкнулась на огромные трудности, которые были обусловлены засухой, охватившей значительные районы молодой Советской республики, в том числе и Мордовию. Общее число голодающих в 1921 году достигло 22 миллионов человек. Необходимо отметить, что голод был не столько следствием неурожая 1921 года, сколько результатом империалистической и гражданской войн, хищнической эксплуатации земли помещиками и капиталистами.

В мае 1918 г. в тяжелый период жизни советского народа. В. И. Ленин обращается с письмом к питерским рабочим «О голоде», в котором он писал: «Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста»[1] Далее В. И. Ленин писал: «Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов...»[2].

Центральный Комитет РКП(б) и Советское правительство предприняли ряд мер для оказания помощи голодающим.

В июле 1921 года была образована Центральная комиссия помощи голодающим во главе с М. И. Калининым. По указанию ЦК РКП(б) во всех губернских, уездных и волостных центрах и при сельских Советах из представителей партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций и граждан были созданы комиссии помощи голодающим. Советским правительством, руководимым В. И. Лениным, все население страны было мобилизовано на преодоление разрушительных действий голода, обеспечения населения продуктами питания, скота фуражом, посевные площади семенами. По указанию Совета Народных Комиссаров по всей стране были созданы губернские, уездные и волостные государственные комиссии по определению урожайности всех посевов. В состав этих комиссий входили представители советских учреждений, партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 357.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 358.

В период проверки и определения урожайности полей отдельными уездными комиссиями в Мордовии были обнаружены факты злостного скрытия посевов от обложения продовольственным налогом. Например, Инсарской уездной комиссией было установлено, что отдельными гражданами (это были кулаки и зажиточные крестьяне) была скрыта от обложения такая площадь посевов, которая могла бы дать государству продналога в количестве 43203 пудов.

Задача партийных организаций и советских учреждений в период уборки урожая исходила из того, чтобы быстро и без потерь убрать скудный урожай. В целях организованного проведения уборки урожая и осенних посевных работ 1921 года по всем волостям Мордовии были посланы представители губкомов и укомов партии и исполкомов Советов. На помощь крестьянству Мордовии пришли рабочие коллективы ряда промышленных предприятий, которые своим трудом помогли крестьянству, особенно семьям красноармейцев и инвалидов, собрать урожай и снабдить некоторые хозяйства необходимым простейшим сельскохозяйственным инвентарем.

Вот некоторые данные об урожае главнейших сельскохозяйственных культур, возделываемых хлеборобами Мордовии за 1920—1921 годы (урожай дается в пудах с десятины):

Уезды	Годы	Рожь	Пшеница	Овес	Просо	Картофель
Саранский	1920	14,6	8,6	20,7	7,2	255,0
„	1921	8,1	не уродил.	13,4	13,3	358,3
Ардатовский	1920	19,4	44,2	22,5	13,0	195,5
„	1921	8,1	2,7	10,1	11,2	307,0
Инсарский	1920	19,4	15,3	18,2	1,8	1211,2
„	1921	13,8	26,3	19,9	19,9	315,0
Краснослободский	1920	16,2	14,3	27,0	14,3	129,3
„	1921	10,8	—	16,4	17,3	199,9
Рузаевский	1920	11,3	—	23,6	6,1	147,0
„	2921	12,2	—	23,6	25,3	350,6
Наровчатский	1920	21,8	18,6	24,1	4,2	130,5
„	1921	17.1	—	17,6	22,4	156,0

Из приведенной таблицы видно, что все уезды Мордовии были охвачены большим недородом. Особенно разорительным он был в Ардатовском и Саранском уездах, которые государственными комиссиями Симбирской и Пензенской губерний были признаны голодающими. Тяжелое продовольственное положение было и в других уездах.

Необходимо отметить, что даже в условиях засухи 1921 года коллективные хозяйства — коммуны — при условии использования некоторых агротехнических приемов урожай получили значительно выше, чем индивидуальные хозяйства. Например, Мало-Азясьская сельскохозяйственная коммуна получила урожай с десятины ржи 38,5 пуда, овса —26 пудов, вики (семян) — 40 пудов, чечевицы —16,5 пуда, конопли —15 пудов, проса — 51 пуд, гороха —47 пудов, гречихи —30 пудов, картофеля —400 пудов, льна — 30 пудов. Тогда как поля соседних индивидуальных крестьянских хозяйств при тех же почвенных и метеорологических условиях дали урожая намного меньше. Например, с десятины посева было собрано урожая: ржи —20 пудов, овса —15 пудов, проса —10 пудов[1].

Государственной комиссией по борьбе с голодом по Саранскому уезду было определено 40000 человек голодающих.

Такое бедственное положение вызвало тревогу среди подавляющей части населения. Несмотря на организацию комиссий по борьбе с голодом, сбору пожертвований и усиления работы комитетов крестьянской общественной взаимопомощи, крестьянские массы стихийно предпринимали меры по поиску и заготовке продуктов-суррогатов для питания. Многие семьи организовали сбор желудей, лебеды, липовых листьев, клевера, тимофеевки и пр. Все эти суррогаты в смешанном виде с картофелем, зернобобовыми продуктами многие семьи начали употреблять в пищу уже с лета 1921 года.

Многие крестьянские семьи начали резать свой последний скот, продавать кулакам и торговцам единственную лошадь и корову и вместе с ними весь свой примитивный сельскохозяйственный инвентарь. Отдельные семьи начали покидать родные места и переселяться в урожайные районы страны или в города.

На VIII Саранском уездном съезде Советов председатель Саранского уездного комитета по борьбе с голодом тов. Воротников привел следующие данные об экономическом положении уезда: крестьянских хозяйств в уезде 55888, из них 33807 хозяйств имеют посевы, 357 хозяйств не имеют посева, 10197 хозяйств без рабочего скота, 7919 хозяйств без коров и 3608 хозяйств, не имеющих никакого скота. Крупного рогатого скота в 1921 году насчитывалось 24977 (коров и быков) и молодняка 4008 голов, всего 28985 голов. В 1922 году на 100 хозяйств приходилось 35,6 лошади, на 100 десятин пашни —6,3 лошади, на 100 дворов —31,4 головы рогатого скота. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, свиней в уезде имелось 8804 головы, в 1921 году —515, овец в 1917 году было 117851 голова, в 1921 году—50642 и в 1922 году—37439 голов[2].

[1] ЦГА МАССР, ф. р-312, оп. 1, д. 67, лл. 11—13.
[2] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 55, л. 411.

Хозяйств без рабочего скота и без всякого скота в уезде в 1921 году было 11527, или 20,6% всех крестьянских хозяйств.

Далее в своей речи Воротников говорил, что уезд очень слабо обеспечен простейшими сельскохозяйственными орудиями. Не хватало серпов и кос, одна соха и одна борона приходились на 3 хозяйства. Усовершенствованных орудий обработки полей и уборки урожаев приходилось по 0,3 орудия на одно хозяйство.

Приведенные данные говорят о страшном бедственном положении населения Саранского уезда.

В заключительной части своей речи Воротников призвал делегатов VIII Саранского уездного съезда Советов помочь крестьянству, особенно беднякам, батракам и семьям красноармейцев в спасении их хозяйств от гибели. Для этого он предлагал укрепить, а где нет, создать аппараты крестьянской общественной взаимопомощи, установить с ними тесную связь, провести в жизнь систему душевого самообложения, усилить сбор пожертвований и отчислений как денежных, так и натуральных, создать на местах ряд трудовых артелей для помощи беднейшему населению и семьям красноармейцев[1].

Наряду с проведением мероприятий по учету посевных площадей и выявлением урожайности полей укомы и волкомы партии совместно с уисполкомами, волисполкомами, с сельскими и городскими партийными, комсомольскими организациями начали шире развертывать работу по борьбе с голодом и ликвидации его последствий.

В отдельных селах из числа кустарей создавались трудовые артели, куда вовлекались бедняки и маломощные середняки. В некоторых селах, но главным образом в уездных городах, были организованы артели по производству трикотажных, швейных, холстоткацких, шорных, столярных и других изделий. Например, в городе Темникове уездным женотделом в 1921 году была организована кустарная кружевная артель, куда было привлечено 60 человек безработных женщин. Эта артель получала заказы от Средне-Окского союза и других торгующих организаций, а также сама обменивала изделия мастериц на продукты питания.

Во всех кустарно-промысловых артелях крестьяне и крестьянки, главным образом молодежь, овладевали производством ряда ремесленных изделий и зарабатывали, правда, в незначительном количестве продукты питания, которые получали в обмен на свои изделия. Эквиваленты обмена определялись самими членами артели с учетом стоимости продуктов питания на местных рынках.

Все эти мероприятия партийных и советских организаций Мордовии несколько облегчили экономическое положение голо-

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 56, л. 390.

дающего населения. Нужно отметить, что многие трудовые артели, образованные в период развертывания борьбы с голодом и его последствиями, превратились затем в производственные кустарно-промысловые артели, которые вокруг себя сосредоточивали кустарей-одиночек, постепенно становясь крупными коллективными объединениями по производству ремесленно-промысловых изделий, необходимых для сельскохозяйственного производства.

Наряду с организацией кустарно-промысловых артелей местные партийные и советские организации развернули работу по сбору пожертвований для голодающих, которые вносились населением деньгами, ценными вещами, продуктами питания, одеждой, обувью и т. д.

Партийные и комсомольские комитеты, рабочие коллективы, профсоюзные организации, служащие промышленных, кооперативных предприятий и государственных учреждений принимали решения об отчислении части своего жалованья и заработка в фонд помощи голодающим. Так, по решению Темниковского укома РКП(б) все государственные, кооперативные и частные торговые и промышленные предприятия «отчисляли 1 проц. от товарооборота в фонд помощи». Коммунисты-служащие ежемесячно отчисляли однодневный паек. Рабочие, наряду с отчислением от своей зарплаты, организовывали «субботники помощи голодающим». Например, рабочие Кондровской бумажной фабрики за один субботник выработали 74 пуда бумаги и на заработанные деньги купили 286 пудов разных продуктов.

Темниковская городская партийная организация отчислила от пайка работников укома и исполкома 12 пудов 20 фунтов муки. Кроме этого, в фонд помощи голодающим Поволжья было сдано золота, собранного с населения, по государственным ценам того времени на сумму 430000 рублей[1].

Крестьяне на своих собраниях принимали решения об отчислении в фонд помощи голодающим от каждого обмолоченного пуда один фунт хлеба. Так, трудящимися Инсарского уезда было собрано более 6650 пудов продуктов питания, более 22000 рублей, более одной тысячи золотых и серебряных монет и около 2 фунтов золота[2].

Наряду с развертыванием работы по сбору добровольных пожертвований крестьянские комитеты общественной взаимопомощи под руководством местных партийных и советских организаций на основе постановления Совета Народных Комиссаров от 14 мая 1921 года развернули работу по добровольному и обязательному самообложению. Они облагали натуральным налогом мельницы, крупорушки, маслобойки и другие мелкие

[1] Рукописный фонд НИИЯЛИЭ, дело 645, л. 34.
[2] Очерки истории Мордовской АССР, т. II, Саранск, 1961, стр. 130—131.

предприятия, а также взимали определенный натуральный налог с арендаторов общественных имуществ. Например, в Саранском уезде было обложено натуральным налогом 380 мелких предприятий, в Краснослободском — 656 заведений и т. д. Был установлен строгий учет поступления продуктов питания и фуража.

По зову В. И. Ленина на борьбу с голодом поднялась вся трудовая Советская Россия. Коммунистический Интернационал обратился ко всем коммунистическим партиям и рабочим организациям мира оказать посильную помощь трудящимся Советской страны. А. М. Горький обратился к общественным деятелям и писателям ряда стран с призывом поднять свой голос с требованием помочь голодающим России.

В. И. Ленин 2 августа 1921 года обратился со специальным обращением к международному пролетариату, где он писал: «В России в нескольких губерниях голод, который, повидимому, лишь немногим меньше, чем бедствие 1891 года.

Это — тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистической, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран.

Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев.

Массы тех и других сами угнетены капитализмом и империализмом повсюду, но мы уверены, что, несмотря на их собственное тяжелое положение, вызванное безработицей и ростом дороговизны, они откликнутся на наш призыв»[2].

На это обращение В. И. Ленина откликнулись трудовые массы ряда стран мира. Развернулась кампания по сбору продуктов питания и денег на покупку хлеба для голодающих России.

Выдающийся французский писатель, друг Советского Союза Анатоль Франс передал в фонд помощи голодающим Поволжья всю свою Нобелевскую премию.

По инициативе коммунистических партийных организаций, рабочих и демократически настроенной интеллигенции многих зарубежных стран в середине августа 1921 года в Женеве собралась конференция представителей общественных организаций. На этой конференции были избраны два верховных комиссара — виднейший норвежский ученый, исследователь Арктики Фритьоф Нансен и министр торговли США Герберт Гувер. Последний широко использовал оказанное ему доверие в шпионских, подрывных целях. Но ученый Ф. Нансен с первых дней своего избрания на пост Верховного комиссара развернул

[1] В. И. Ленин, т. Соч., 32, стр. 477.

кипучую работу по организации помощи голодающим районам Советской России.

Правительства многих капиталистических стран предпринимали меры к тому, чтобы не информировать общественность о страшных бедствиях в голодающих районах России. Однако и в этих условиях правда о тяжелом положении трудящихся России проникала на страницы прогрессивной печати. Трудящиеся массы в ряде стран стали проводить сборы денег, продуктов питания и одежды для голодающих России, требовали от своих правительств оказания помощи русским братьям.

В эти дни борьбы с голодом норвежский ученый-патриот исследователь Фр. Нансен широко развернул деятельность по оказанию помощи голодающим России. Эта благородная и гуманная деятельность Нансена высоко была оценена делегатами IX Всероссийского съезда Советов. «Съезд выражает благодарность Фр. Нансену, бескорыстно прилагавшему старания к получению от других государств помощи для голодающих Поволжья»[1].

Центральный Комитет партии и Советское правительство за короткий срок мобилизовали все партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации страны на борьбу с голодом. На основании декрета ВЦИК от 21 июля 1921 года крестьянское население уездов, охваченных неурожаем, было освобождено от государственного натурального налога с озимого клина[2]. Это было большой помощью Советского правительства.

Преодолевая невероятные трудности, партийные ячейки, местные Советы в интересах лучшей организации дела уборки урожая, посева озимых и сбора первого натурального налога по всем селам и деревням Мордовии послали своих представителей.

Благодаря мобилизации внутренних резервов, закупки семян в урожайных уездах страны и большой помощи со стороны Советского государства и кооперации крестьянство Мордовии в условиях ожесточенного сопротивления кулачества более или менее организованно провело сев озимых культур. Например, по 6 уездам (Инсарскому, Краснослободскому, Наровчатскому, Рузаевскому, Саранскому и Ардатовскому) было посеяно ржи в количестве 329692 десятин, или 97% от уровня посева ржи в 1920 году. Это была значительная победа хлеборобов Мордовии, которые благодаря помощи Советского государства все шире развертывали фронт борьбы с голодом, борьбы за восстановление хозяйства страны.

Эти посевные работы были проведены в условиях значительного сокращения поголовья тягловой силы. Например, по Ардатовскому уезду с мая по ноябрь 1921 года включительно

[1] Съезды Советов в постановлениях и резолюциях. М., 1935, стр. 185.
[2] Сборник узаконений РСФСР 1921 года, М., № 58, стр. 374.

количество лошадей уменьшилось на 30%, по Краснослободскому — на 17,9%, по Корсунскому — на 40%. По Пензенской губернии, куда входили Саранский, Инсарский, Краснослободский, Наровчатский, Рузаевский уезды, в 1921 году насчитывалось 26,4% крестьянских хозяйств без рабочего скота.

Но благодаря большой помощи государства, напряженной работе партийных ячеек и местных Советов, трудовой активности крестьянства, были достигнуты определенные результаты по подъему бедняцких хозяйств, в результате чего в 1921 году по сравнению с 1920 годом процент беспосевных крестьянских хозяйств по Пензенской губернии, в том числе и по Мордовии, уменьшился с 2,6 до 0,8%.

Летом и осенью 1921 года в условиях отдельных проявлений саботажа со стороны кулачества и зажиточной прослойки деревни партийными организациями и Советами Мордовии было уделено главное внимание сбору натурального налога, подъему зяби и обеспечению беднейшего населения продуктами питания, а продуктивный и рабочий скот фуражом.

Для проведения налоговой политики Советского государства по селам Мордовии были посланы представители уездных и волостных партийных организаций и Советов, которые добились значительных успехов в сборе натурального налога. Так, по Инсарскому уезду натуральный продовольственный налог был выполнен на 113%[1], Темниковскому на 11 ноября был выполнен только по зерновым культурам на 90%[2]. Независимо от того, что Саранский уезд был охвачен большим недородом, план натурального налога выполнен на 72,2%[3].

В неурожайном Ардатовском уезде было собрано натурального налога: зерновых культур около 12000 пудов, масла животного и растительного 153 пуда, меду и воску более 2 пудов, 267 пудов 13 фунтов шерсти, 281 голова крупного рогатого скота, 183 овцы, 116159 штук яиц и других продуктов[4].

В интересах создания некоторых дополнительных фондов для оказания помощи голодающей части населения страны Советское правительство дало указание потребительской кооперации и государственным торговым учреждениям о производстве обмена промышленных товаров на продукты полеводства и животноводства. По всем селам, деревням и городам Мордовии широко развернулась работа под лозунгом: «Несите продукты в лавку местного кооператива для голодающих Поволжья!»

Темниковское районное отделение Тамбовского губпотребсоюза с мая по август 1921 года в обмен на промышленные товары получило: масла животного — 120 пудов 12 фунтов, коно-

[1] Архив Пензенского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 580, лл. 151—152.
[2] Рукописный фонд НИИЯЛИЭ, дело 645, л. 29.
[3] Протоколы заседания Саранского VIII съезда Советов. Саранск, 1922, стр. 44.
[4] ЦГА МАССР, ф. 55, д. 40, л. 416.

пляного —9 пудов, ржи —17 пудов, картофеля —474 пуда, коров и телок —10, овец —12, яиц — 21172 штуки, пеньки —402 пуда, смолы —44 пуда, корья древесного —9977 пудов, шерсти— 38 пудов, кож разных животных —5404 штуки, грибов сухих— 25 пудов, соленых —82 пуда и ряд других товаров[1].

На август месяц 1921 года в порядке обмена на продукты питания кооперативным организациям Темниковского уезда было отпущено промышленных товаров: соли —1092 пуда, мануфактуры —4833 аршина, ниток —5144 катушки, полотна — 8255 аршин, платков ситцевых —3460 штук, ниток суровых — 1850 пасм, ниток черных —1850 пасм, спичек —5000 коробок, кос —3480 штук, плугов —30, шнур-губка —40 кусков, подошвы и подметок —70 пар и ряд других товаров[2]. Кроме того, планировалось с 15 августа 1921 года по 1 января 1922 года продать по рыночным ценам следующие товары: соли —22500 пудов на 2250 млн. руб., керосина —12000 пудов на 1200 млн. руб., мануфактуры —160000 аршин на 1600 млн. руб., мелких хозяйственных вещей на 3 миллиарда руб., сельскохозяйственных орудий, 4000 пудов железа на 280 млн. руб., телег —5000 штук на 1500 млн. руб., колес 500 штук, саней 15000 штук на 750 млн. руб., табаку и курительной бумаги на 500 млн. руб., дегтя 10000 пудов, сбруи 15000 комплектов, кос 5000 штук, кирпича на 1500 млн. руб., гвоздей на 800 млн. руб., кровельного железа 10000 пудов, стекла 30000 листов. Всего на 23180 млн. руб.[3].

Полученные от продажи промышленных товаров деньги шли на пополнение губернских денежных фондов для покупки продуктов сельского хозяйства, на борьбу с последствиями голода.

Чтобы накопить больше продуктов сельского хозяйства для помощи голодающим и денег для пополнения государственного бюджета, многие мелкие национализированные предприятия по указанию Советского правительства начали сдаваться в аренду. Арендаторами главным образом выступали кулаки и зажиточные хозяйства. Но иногда арендаторами выступали и крестьяне среднего достатка, которые в составе нескольких хозяйств, на паевых началах, арендовали мелкие крестьянские предприятия. Например, по линии Симбирского губсовнархоза за 1921 год было сдано в аренду: лесопильных заводов —25, крахмально-паточных заводов —15, один гвоздильный завод, 2 чугунолитейных, 6 кожевенных, одна писчебумажная фабрика, один пивоваренный завод, один кирпично-известковый завод, разных мелких водяных и ветряных мельниц 443[4].

В летне-осенний период по всей Мордовии усиленно проводился сбор промыслового налога с торговых заведений и промышленных предприятий, с арендуемых государственных садов и складских помещений. Выдавались патенты на аренду предприятий и владение торговыми заведениями. Все поступления от арендаторов шли на пополнение государственного бюджета.

[1] ЦГА МАССР, ф. 62, д. 189, лл. 161, 264.
[2] Там же, л. 263.
[3] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 189, лл. 196—197.
[4] Газета «Экономический путь», № 1 за 1922 год.

В 1921 году только по Саранскому уезду было выдано торговых патентов: первого разряда —44 на сумму 1326750 руб. по курсу 1921 года, второго разряда —136 патентов на сумму 16477500 руб., третьего разряда —20 патентов на 10162500 руб. Добавочный к ним сбор в пользу комитета помощи голодающим исчислялся в сумме 1476750 руб. Выдано промышленных патентов: первого разряда —8 на сумму 316000 руб., третьего разряда —1 на сумму 224000 руб., добавочный сбор в пользу помгола —74400 руб.[1]

Наряду с проведением в жизнь налоговой политики, Советское правительство принимало необходимые меры по развитию кустарно-промысловых артелей и созданию небольших государственных предприятий.

Насколько была развита кустарно-промысловая деятельность на территории Мордовии в первый год нэпа, показывают следующие данные:

Уезды	Число наличных хозяйств	Число хозяйств с промыслами	Процент хозяйств с промыслами
Саранский	87088	5594	6,5
Ардатовский	35445	8257	23,2
Краснослободский	33342	4813	14,0
Инсарский	35358	7109	20,0
Наровчатский	22881	2497	10,0
Спасский	24635	3581	14,5
Темниковский	25371	4014	16,25

Леспромхозами Темниковского уезда с января по июнь 1921 года было заготовлено дров 160550 кубометров, лесоматериала для сплава 121787 кубометров, бревен для телеграфных и телефонных столбов 5053 штуки, разных кустарных изделий 30 названий в количестве 90512 штук, смолы и дегтя 318 пудов, древесного угля 239920 обычных крестьянских мер.

Помимо всего этого, местной промышленностью Темниковского уезда для Красной Армии было изготовлено 77686 пар лаптей, 5 пудов 23 фунта подков для лошадей, 25 однолемешных плугов, 816 липовых чашек и тарелок, ступней лычных (подобие глубоких галош) 228 пар, 40 станков колес и ряд других предметов[2].

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 56, л. 37.
[2] ЦГА МАССР, ф. 62, д. 189, л. 41.

За сентябрь 1921 года кирпичными заведениями, подведомственными Темниковскому уездному совнархозу, было изготовлено 20000 кирпичей, на что выручено 2000 пудов мяса в живом весе для оказания помощи голодающим[1].

В обеспечении крестьянского населения изделиями кустарно-ремесленного производства определенную роль сыграли артели — кооперативные объединения кустарей. Так, на 1 сентября 1921 года на территории Темниковского уезда насчитывалось 10 артелей с числом 652 кустаря, которые ежемесячно изготавливали: 2100 деревянных чашек, 768 саней, 420 ободьев, 1010 колес, 31860 пар лаптей, 35 ульев, 1500 гребней[2]. Все эти изделия по определенному эквиваленту обменивались на продукты питания и фураж или же по рыночным ценам продавались как на местных базарах, так и на месте производства.

Значительно была оживлена деятельность ремонтных сельскохозяйственных мастерских. Лучшие рабочие этих предприятий и служащие уисполкомами и губисполкомами премировались деньгами и ценными подарками. Например, 15 сентября 1921 года 18 человек рабочих и служащих Ардатовских ремонтных мастерских уисполкомом были премированы ценными подарками. В числе премированных были: слесарь Арискин Александр, кузнец Карачаров Василий, молотобоец Тоняев Иван и др.[3]

Необходимо отметить, что кустарно-промысловые работы, развертываемые в первый год нэпа, обеспечили работой десятки тысяч человек беднейших слоев деревни, которые получали от государства или кооперативных организаций определенный паек. Так, Темниковским районным отделением губпотребсоюза на пропитание рабочих предприятий системы потребсоюза за июль 1921 года было отпущено: муки (смеси) 1723 пуда 15 фунтов, соли 85 пудов 27 фунтов, сахарного песку 28 пудов 38 фунтов, кофе 14 пудов 19 фунтов, мыла 14 пудов 14 фунтов, табаку 10 пудов 2 фунта, спичек 3664 коробки, чаю 0,5 фунта. Продукты отпускались по норме: на каждого рабочего муки 22,5 фунта и 8,5 фунта на члена семьи, 1/4 фунта кофе, 1/4 фунта табаку и 2 коробки спичек отпускали только на работающего[4].

За это же время Темниковским уездным рабочим кооперативом было выдано броньпайков рабочим и служащим ударных групп: муки (смеси) 463 пуда 2,5 фунта, крупы 4 пуда 16 фунтов, соли 35 пудов 7,5 фунта, сахару 14 пудов 30,5 фунта, спичек 3277 коробок[5].

В те дни вся общественно-политическая и организационно-

[1] ЦГА МАССР, ф. 62, д. 189, л. 318.
[2] Там же, л. 152.
[3] Там же, ф. р. 55, д. 40, л. 104.
[4] ЦГА МАССР, ф. 62, д. 189, л. 163.
[5] Там же, л. 283.

хозяйственная работа как в городе, так и на селе была подчинена спасению трудящихся от голодной смерти, обеспечению наилучшей подготовки к весеннему севу 1922 года и спасению скота от гибели.

Благодаря самоотверженному труду и творческой инициативе партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, советских учреждений и многих активистов сел и деревень комитетам по борьбе с голодом удалось образовать значительные продовольственные и фуражные фонды и уже с лета приступить к планомерному снабжению детских учреждений, бедняцких и маломощных середняцких масс крестьянства продуктами питания. Например, только в течение 3—4 месяцев 1921 года по Ардатовскому уезду было отпущено продовольствия для населения, состоящего на государственном снабжении: хлеба — 59231 пуд, крупы — 7781 пуд, жиров — более 4800 пудов, яиц — 108923 штуки, рыбы — 598 пудов, соли — 3197 пудов, спичек — 13287 коробок, варенья — 643 пуда, меду — 459 пудов[1].

В. И. Ленин в отчетном докладе Совнаркома IX Всероссийскому съезду Советов, проходившему в декабре 1921 года, сказал, что Советская Россия за период проведения нэпа добилась определенных успехов во всех областях восстановительных работ. За это время значительно усилилась смычка между городом и деревней, упрочился союз рабочего класса с крестьянством. «И если нам осенью уже удалось добиться известного успеха в деле снабжения семенами голодающих местностей и расширения посевов вообще,— говорил В. И. Ленин,— то мы имеем надежду весною добиться еще большего успеха.

Осенью у нас было приблизительно засеяно в голодающих губерниях 75% озимого клина, в губерниях, частично пострадавших от неурожая,— 102%, в губерниях производящих — 123%, в губерниях потребляющих — 126%. Это, во всяком случае, показывает, что как ни дьявольски тяжелы были наши условия, а помощь крестьянству в деле расширения посевов и борьбы с голодом мы все-таки кое-какую оказали»[2].

Съезд принял «Наказ», где главное внимание уделялось подъему сельского хозяйства и кооперированию деревни. Он обсудил также вопросы восстановления промышленности, электрификации страны, укрепления Красной Армии и т. д. На съезде было принято постановление об отпуске крестьянству долгосрочного кредита, что сыграло важную роль в подъеме сельскохозяйственного производства.

Решения IX Всероссийского съезда Советов еще выше подняли инициативу трудящихся масс на борьбу за восстановление народного хозяйства и ликвидацию последствий неурожая 1921 года.

[1] ЦГА МАССР, ф. 55, д. 40, л. 416.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 137.

Особенно огромную роль в этом отношении сыграл XI съезд РКП(б), начавший свою работу в конце марта 1922 года. В политическом отчете ЦК РКП(б) съезду В. И. Ленин, подчеркнув успехи в проведении нэпа, заявил: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: — достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута»[1]. Владимир Ильич указал на необходимость перегруппировки сил партии и государства для перехода в решительное наступление на капиталистические элементы. Он говорил, что для осуществления победы над капитализмом необходимо обеспечить смычку между рабочим классом и крестьянством, социалистической промышленностью и крестьянской экономикой путем всемерного развития товарооборота между городом и деревней.

Труженики городов и сел Мордовии горячо одобрили решения XI съезда РКП(б). Материалы съезда изучались на губернских, уездных, волостных партийных, комсомольских и беспартийных конференциях, на собраниях рабочих и крестьян. Так, по изучению решений XI съезда партии Ардатовским укомом РКП(б) было проведено 20 беспартийных конференций, где приняли участие до 2000 человек[2].

Одновременно развертывались широкие мероприятия по успешной подготовке к весеннему севу 1922 года. Во всех уездах Мордовии были проведены краткосрочные курсовые мероприятия по подготовке младших агрономов, зоотехников и ветеринарных фельдшеров, машиноведов и других специалистов сельского хозяйства. Была несколько усилена лекционная работа среди крестьянского населения.

В Саранском уезде зимой и весной 1922 года было прочитано 323 лекции и дано 12 тысяч консультаций по разным вопросам сельского хозяйства, а также издано до 70300 экземпляров брошюр, плакатов и листовок. Значительно усилилась деятельность посевкомов и комиссий помгола, а где их не было, по указанию укомов и усполкомов они были созданы. Все эти общественные организации, преодолевая ярое сопротивление кулачества, успешно вели борьбу с голодом и его последствиями.

Так, в докладе Саранского уездного исполнительного комитета VIII уездному съезду Советов отмечалось: «Комиссия Помгол удовлетворяла самое голодное беднейшее крестьянство и беженцев голодного Поволжья, которые в изобилии проходили через Саранский уезд»[3]. Много беженцев из Поволжья и Урала находили приют в селах и деревнях Инсарского, Рузаевского, Краснослободского, Темниковского, Беднодемьяновского и Лукояновского уездов.

По указанию губкомголов зимой 1921/1922 года, с целью

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 250—251.

[2] Отчет XIII Ардатовского уездного съезда Советов. Ардатов, 1923, стр. 19.

[3] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 56, л. 8.

рационального использования продовольственных фондов, по всем уездам началась организация общественных столовых, где бесплатно получали питание дети и взрослые голодающих семей. Например, в 37 столовых укомгола Саранского уезда в январе—марте 1922 года питалось 10838 человек[1], а на 800 детей было открыто 20 яслей. В это же время Ардатовский укомгол оказывал помощь бесплатным питанием более 150000 человекам. Особое внимание было уделено на обеспечение питанием детей. В Темниковском уезде было открыто 15 детских садов на 920 мест и один дом для дошкольников, где нашел приют 31 человек[2].

В условиях развертывания борьбы с голодом и подготовки к весеннему севу бедняку и середняку все очевиднее становилась необходимость организации товариществ по совместной обработке земли и колхозов. Например, в Ардатовском уезде только в период весенне-посевной кампании 1922 года было образовано 15 колхозов. Всего в мае месяце 1922 года по уезду насчитывалось 119 сельскохозяйственных кооперативов, товариществ и 5 сельскохозяйственных коммун[3].

Борьба за новую советскую деревню проходила в сложных и тяжелых условиях. Не хватало сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, семян.

На помощь хлеборобам Мордовии пришло государство. Только 5 уездам Мордовии (Ардатовскому, Саранскому, Беднодемьяновскому, Краснослободскому и Рузаевскому) государство отпустило семян для посева зерновых культур более 372350 пудов[4].

Кроме того, было выдано большое количество семенного картофеля. Так, Ардатовский уезд получил 118 вагонов, что составило 63% наряда укомгола, Корсунский уезд получил 70 вагонов, т. е. 67% наряда[5]. Большое количество семенного картофеля получил Саранский и другие уезды Мордовии.

Наряду с огромной помощью со стороны Совнаркома и Центрального Комитета партии, значительную поддержку бедноте и семьям красноармейцев оказали из губернских фондов, образовавшихся за счет пожертвований, обложения предприятий и закупок на ценности, которые жертвовались населением и изымались из монастырей и церквей.

Если трудовое население по доброй воле несло все ценности, какие только у них имелись, на покупку продуктов пита-

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 56, лл. 8, 461.

[2] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 189, л. 253.

[3] Газета «Экономический путь» Симбирского губэкономсовещания и губпрофсовета, № 125 от 7 июня 1922 г.

[4] Данные взяты из отчета XIII Ардатовского уездного съезда Советов. Ардатов, 1923, стр. 19—20 и из Сборника статистических сведений по Пензенской губернии за 1920—1926 годы, Пенза, 1927, стр. 636.

[5] Газета «Экономическая жизнь», № 125 от 7 июня 1922 года.

ния для голодающих, то духовенство изъятию ценностей из церквей и монастырей оказывало яростное сопротивление. Многие церковнослужители прятали ценности и распространяли всякие антисоветские слухи среди населения.

Однако все антисоветские выступления кулачества и поповщины были сломлены, а на полученные ценности создавались уездные и губернские общественные хлебные фонды, которыми обеспечивалось население. Так, из Пензенского губернского фонда помгола 213 семей красноармейцев Инсарского уезда для весеннего сева получили 3600 пудов семян разных культур[1]. Семьи красноармейцев и беднота Саранского, Краснослободского, Наровчатского, Инсарского и Рузаевского уездов только семян овса, проса и конопли получили 25978 пудов[2]. Кроме того, семьям красноармейцев Саранского уезда для посева яровых культур из Пензенского губернского фонда было отпущено 25712 пудов семян, для посева озимого клина 1922 года—13500 пудов[3].

Благодаря огромной помощи со стороны Советского государства труженики сельского хозяйства Мордвии в основном справились с весенними полевыми работами. Итоги весеннего сева по 6 уездам характеризуются следующими данными:

Уезды	План посева (в десятинах)	Фактически посеяно (в десятинах)
Ардатовский	80157	49722
Инсарский	29001	35458
Краснослободский	58341	53665
Саранский	64111	57754
Темниковский	42100	34614
Спасский	—	35694

Из таблицы видно, что наиболее тяжело преодолевались последствия голода в сельском хозяйстве Ардатовского уезда.

Завершив весенний сев, крестьянство Мордовии приступило к уходу за посевами, взмету пара и вывозке органических удобрений.

Совет Народных Комиссаров, поощряя мероприятия по подъему раннего пара, выделил 20% лугов госфонда для премирования тех хозяйств, которые выполняли плановые задания по взмету раннего пара. По 5 уездам (Рузаевскому, Саранскому, Инсарскому, Наровчатскому и Краснослободскому) было поднято раннего пара на площади 44636 десятин. Это имело важное значение в закладке основ урожая на 1923 год.

[1] Отчет XI Инсарского уездного съезда Советов, Инсар, 1922, стр. 32.
[2] Пензенский областной архив, ф. р-2, оп. 1, д. 1352, лл. 302—311.
[3] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 56, л. 465.

Успешному проведению весенних полевых работ способствовали также важные законодательные акты, принятые Советским правительством. На основании постановления IX съезда Советов, ВЦИК и СНК декретом от 17 марта 1922 года взамен множества натуральных налогов установили на 1922—1923 годы единый натуральный налог на продукты сельского хозяйства. Налог исчислялся по прогрессивной шкале ставок, дифференцированных по группам в зависимости от количества земли, рабочего и продуктивного скота. 22 мая 1922 года были приняты законы о трудовом землепользовании, несколько позднее — земельный закон и закон о труде.

В разгар весенних полевых работ 1922 года представители АРА (американская организация помощи) совместно с губернскими и уездными органами помгола начали развертывать работу по оказанию помощи голодающим. В голодающем Ардатовском уезде весной и летом 1922 года были открыты 172 столовые[1], в селах Саранского уезда открыто 104 столовых.

Однако помощь со стороны этой организации была ничтожной. Об этом говорят данные по Саранскому уезду. За все время своей деятельности на территории Саранского уезда она израсходовала: муки пшеничной 8871 пуд 34 фунта, сахару 1433 пуда 8 фунтов, какао 359 пудов 19 фунтов, молока сгущенного 116321 банку, жиров 773 пуда 8 фунтов, мыла около 2 пудов, фуражек 7 штук, обуви детской 44 пары, чулок 129 пар носков шерстяных 50 пар, шарфов 6[2]. Из этих данных видно, что продовольственная помощь АРА Саранскому уезду была незначительной, в среднем по 4 фунта на одно хозяйство. Расходы же на содержание помещений и прислуги АРА в Саранском уезде выражались в сумме 2929303 руб. 13 коп., или почти 34 руб. на каждый двор.

В своем выступлении на VIII Саранском уездном съезде Советов делегат Солнцев сказал, что «заграничные организации АРА, которые, откровенно говоря, не дали существенных результатов, а лишь въехали, так сказать, в копеечку, ибо на организацию столовых АРА затрачены большие суммы»[3].

Наряду со всей хозяйственной деятельностью, партийные, комсомольские организации вместе с крестьянством, развертывая работу по уходу за посевами и охране их от саранчи и других вредителей полей, готовились к уборке ожидаемого неплохого урожая. В этих целях значительно усилилась деятельность ремонтно-прокатных станций и сельских кузниц. Рабочие промышленных предприятий Саранска, железнодорожники Рузаевки, Красного Узла, Ковылкина не только организовали бригады по ремонту простейшего сельскохозяйственного инвен-

[1] Газета «Ардатовская коммуна» от 4 октября 1922 года.
[2] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 56, л. 409.
[3] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 56, л. 469.

таря, но организовали и специальные группы, которые направлялись непосредственно на уборку урожая тех хозяйств, где мало было рабочих рук.

В интересах усиления снабжения крестьянства усовершенствованным сельскохозяйственным инвентарем и уборочными машинами Центральным Комитетом партии и Совнаркомом РСФСР было дано указание всем заводам сельскохозяйственного машиностроения об усилении производства машин и своевременной доставке их крестьянству.

Все организационно-хозяйственные мероприятия, массово-политическая работа, проводимые на территории Мордовии, дали возможность своевременно убрать уродившийся хлеб.

В 1922 году по Мордовии в среднем был получен следующий урожай с десятины: ржи и овса от 24 до 30 пудов, проса от 25 до 33 пудов, картофеля от 300 до 400 пудов[1].

Нужно отметить, что хотя урожай 1922 года был на 40—50% ниже среднего урожая довоенных лет, тем не менее он несколько улучшил материальное положение трудящихся и дал возможность усилить товарооборот между городом и деревней, частично пустить в действие ту отрасль промышленности Мордовии, которая была связана с переработкой сельскохозяйственного сырья.

Вследствие бедственного положения значительной части крестьянства, особенно бедняцкой, Советское правительство несколько сократило размер единого натурального налога. Бедняки и батраки были совсем освобождены от уплаты продовольственного налога. Продналог был уменьшен: по Ардатовскому уезду на 20000 пудов, Корсунскому — на 46000 пудов, Спасскому — на 192000 пудов. Продналог значительно был сокращен по Саранскому, Инсарскому, Краснослободскому, Рузаевскому уездам.

Все это облегчило экономическое положение бедняцкой и маломощно-середняцкой части крестьянства и позволило лучше провести сев озимых.

Ардатовский уезд план посева озимого клина 1922 года перевыполнил на 15000 десятин, вместо 65000 десятин посеял 80000, Инсарский уезд план перевыполнил на 143%, Краснослободский уезд достиг уровня 1913 года на 80%, Саранский — на 75%. Все это говорит о значительных масштабах работ по восстановлению народного хозяйства и борьбы с последствиями недорода 1921 года.

Интенсивно шла работа по сбору единого натурального налога. На конец октября 1922 года было собрано по Саранскому уезду 540445 пудов, или 83,1% плана, Инсарскому уезду — 429889 пудов, или 71,6% плана, Рузаевскому —353702 пуда, или

[1] Сборник статистических сведений Пензенской губернии. Пенза, 1926. Газета «Пролетарский путь», орган Симбирского губкома РКП(б), № 185 от 12 октября 1923 года.

70,7% плана, Краснослободскому —309715 пудов, или 53,2% плана[1], Темниковскому уезду на 11 сентября собрано 414110 пудов, или 69% плана, Спасскому на 26 октября —315217 пудов, или 52,5% плана[2].

Кроме того, поступила большая сумма денежного обложения в переводе на ржаные единицы и промышленного налога, которым облагались предприниматели.

На 22 октября 1922 года с 6 уездов (Инсарского, Краснослободского, Рузаевского, Саранского, Наровчатского и Спасского) поступило промышленного налога более 64000 пудов, или 23% плана[3].

В первой половине июля 1922 года был значительно выполнен масляный и яичный налог. Рузаевский уезд налог по маслу выполнил на 92,57%, Наровчатский на 73%, Краснослободский— масляный налог выполнил на 89,71% и яичный на 97,4%, Инсарский соответственно — на 86 и на 81,1%[4].

Большая работа была проведена крестьянскими комитетами общественной взаимопомощи по сбору хлеба для образования общественного фонда, который шел как для посева земель общественного фонда, так и тем хозяйствам, которые подвергались разным стихийным бедствиям.

Если подавляющая часть трудового крестьянства самоотверженно боролась за выполнение решений Коммунистической партии и Советского правительства, направленных на скорейшее завершение восстановительных работ и преодоление последствий недорода 1921 года, то значительная часть зажиточной прослойки деревни и кулачество путем клеветы на партийных и советских работников, распространения разных антисоветских слухов, хищений и поджогов продовольствия и даже убийства активных партийно-советских работников пыталась дезорганизовать работу по проведению нэпа, сорвать мероприятия по оказанию помощи голодающему населению. Всеми этими антисоветскими действиями кулачество стремилось вызвать недоверие и ненависть к Советской власти и Коммунистической партии.

Но в результате чрезвычайных мер, принятых ЦК партии и Советским правительством по мобилизации всего советского народа на борьбу с недородом и голодом, быстрой и широкой государственной и общественной помощи голод в основном в 1922 году в Мордовии был ликвидирован. Везде и всюду, во всех областях народного хозяйства начался медленный, но неуклонный подъем.

[1] «Продовольственная газета», орган Пензенского губпродкома, от 31 октября 1922 года.

[2] Газета «Тамбовская правда» от 14 сентября 1922 года.

[3] «Продовольственная газета» от 31 октября 1922 года; «Тамбовская правда» от 14 сентября 1922 года.

[4] «Продовольственная газета» от 19 июля 1922 года.

Все это дало возможность трудящимся Мордовии не только дальше развивать первые успехи, но оказать некоторую помощь населению Поволжья, Урала и другим районам страны в борьбе с голодом. Так, только в 1922 году из уездов Пензенской губернии, которые впоследствии вошли в состав Мордовской АССР, было отправлено в Башкирию 3076 пудов хлеба, 2000 аршин мануфактуры, 1209143 руб. денег; отдельно для Уфы отправлено 12964 пуда хлеба, для Симбирска — 3198 пудов хлеба, для Астрахани — 6640 пудов, для Казани — 5028 пудов хлеба.

Хотя к исходу 1922 года намечались определенные сдвиги в восстановлении народного хозяйства Мордовии, тем не менее в условиях мелкотоварного крестьянского хозяйства не прекращался процесс дальнейшего расслоения деревни. За первые два года нэпа в условиях засухи и голода резко возросло количество безлошадных, бескоровных и беспосевных хозяйств.

В 1922 году только по сравнению с 1921 годом поголовье лошадей уменьшилось по Ардатовскому уезду на 41,3%, по Саранскому — на 37,6% и по Краснослободскому — на 17%.

В Темниковском уезде в 1922 году по сравнению с 1917 годом уменьшилось поголовье рабочего и продуктивного скота: лошадей — на 72,1%, коров — на 77,9%, овец и коз — на 71,5%, свиней — на 69.5%. В Спасском уезде поголовье лошадей уменьшилось на 71,4%, коров — на 71,5%, овец и коз — на 50,3%, свиней — на 54,8%. За это же время по Саранскому, Краснослободскому и Наровчатскому уездам беспосевных хозяйств и хозяйств с посевом до одной десятины с 11,8% увеличилось до 15,3%. Значительный процент (более 47) составляли маломощно-середняцкие хозяйства.

Эта категория крестьянства нуждалась в государственной помощи, поэтому она и в 1922 году продолжала получать от государства и общественных организаций помощь продуктами, рабочим и продуктивным скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Например, в августе 1922 года только двум уездам (Ардатовскому и Корсунскому) было отпущено для взрослых 53615 и детей 63275 пайков. Кроме этого, за это же время было отпущено разных продуктов 18276 пудов. За первую половину сентября только бедноте Ардатовского уезда разных продуктов питания из государственного фонда было отпущено 11396 пудов[1].

Для бедняцких и маломощно-середняцких крестьянских хозяйств в переходный период от капитализма к социализму даже при той громадной помощи со стороны государства и общественных организаций выход был один — обобществить свое хозяйство, стать на путь колхозного строительства. Бедняцкие и середняцкие массы под влиянием агитационно-пропагандистской работы партийных ячеек и на опыте первых колхозов убеждались, что они от нужды могут избавиться только в колхозе.

Идея коллективизации в условиях нэпа все больше и сильнее овладевала трудовыми массами деревни, и она, в конечном счете, в период восстановления народного хозяйства стала великой силой социалистического преобразования деревни.

В результате напряженного труда партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, советских учреждений, сумевших мобилизовать крестьянские массы на борьбу с разрухой и голодом, благодаря постоянной помощи со стороны Советского государства и Центрального Комитета партии, Мордовия в первые два года нэпа добилась определенных успехов в восстановлении сельского хозяйства, и в это же время были заложены основы для восстановления промышленности.

---

[1] Газета «Экономический путь» от 26 августа и от 5 октября 1922 года.

Т. И. Сандина

ИЗ ОПЫТА МОРДОВСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ УКРЕПЛЕНИЯ СВЯЗИ ШКОЛЫ С ЖИЗНЬЮ

Исторический XX съезд нашей ленинской партии, разоблачив культ личности Сталина, открыл новый этап в жизни и развитии КПСС и советского народа, международного коммунистического и рабочего движения, всего человечества.

Огромно его значение и в развитии народного образования, где до этого также ощущалось значительное тормозящее влияние культа личности, проявлявшееся главным образом в отрыве обучения и воспитания от жизни и практики коммунистического строительства, в недостаточной подготовленности выпускников школ к практической деятельности, в мелочной опеке и сковывании инициативы и творчества учителей.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, XX съезд КПСС решил развивать политехническое обучение в общеобразовательной школе, обеспечив ознакомление учащихся с важнейшими отраслями современного промышленного и сельскохозяйственного производства[1].

Выполняя исторические решения XX съезда, ЦК КПСС и Советское правительство разработали конкретные меры по коренному улучшению системы народного образования. К ним относятся: во-первых, введение преподавания новых предметов, дающих основы знаний по вопросам промышленного и сельскохозяйственного производства; во-вторых, начавшаяся перестройка преподавания основ наук на базе установления тесной связи обучения с жизнью, с практикой коммунистического строительства; в-третьих, начало перехода к целенаправленному приобщению учащихся к труду на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, на школьных опытных участках и мастерских, и, наконец, психологическая подготовка учащихся к труду, выработка у них трудовых навыков и воспитание коммунистического отношения к труду.

[1] См. XX съезд КПСС. Стенографический отчет, ч. II, М., 1956, стр. 478—479.

Чтобы провести в жизнь эти меры, потребовалось изменить учебные планы школы. Эти изменения выразились в том, что было увеличено количество часов на труд, на практические занятия в мастерских и на учебно-опытных участках в I—VII классах. Было введено преподавание нового предмета в школе — основ промышленного и сельскохозяйственного производства, а также практикумы по машиноведению и электротехнике и по сельскому хозяйству в VIII—X классах. Для учащихся была организована производственная практика непосредственно на предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах. В старших классах стали вводиться факультативные курсы по овладению различными производственными профессиями, а для девочек V—X классов было введено преподавание домоводства. Несколько позже все эти мероприятия были развиты дальше и конкретизированы.

Принятый Верховным Советом СССР в декабре 1958 года «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» отражает назревшие потребности в жизни советского общества в период развернутого строительства коммунизма, знаменует дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории в области воспитания и народного образования.

По этому Закону, принятому Верховным Советом СССР, предусматривается правильное и гармоничное сочетание широкого общего образования с политехническим, ибо только это создает условия для развития всех способностей учащихся.

Сессия Верховного Совета МАССР, состоявшаяся 12 июня 1959 года, обсудила вопрос об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР.

Борясь за претворение в жизнь Закона о школе, школы Мордовии, как и других районов Советского Союза, начали переходить с 1959/1960 учебного года к работе по новому учебному плану и программам, которые с 1962/1963 учебного года стали полностью определять всё содержание учебно-воспитательной деятельности школ всей страны.

В новых учебных планах и программах большое внимание уделялось повышению уровня общеобразовательной подготовки учащихся, приближению их теоретических знаний к жизни, к практике коммунистического строительства. Предусматривалось, чтобы изучение основ наук сочеталось с обучением учащихся тому, как применять знания по математике, черчению, химии, биологии и другим предметам в жизни, в важнейших отраслях современного промышленного и сельскохозяйственного производства.

Поэтому новые учебные планы исходили из этого, что основой успешного политехнического обучения, как и всестороннего развития учащихся, является общее образование со знанием ос-

нов наук, формирование материалистического мировоззрения, эстетическое и физическое воспитание школьников.

Борясь за претворение в жизнь Закона о школе, партийным и советским организациям Мордовии предстояло проделать огромную работу по мобилизации учительства и всей общественности для его осуществления. Сложность задачи заключалась в том, что педагогические коллективы школ не имели еще необходимого опыта в организации практических, тесно связанных с жизнью занятий, медленно и порой с трудом освобождались от старых привычек и форм учебно-воспитательной работы, присущих школе в прошлом.

В результате повседневного внимания партийных и советских организаций в 1958—1962 годах в республике построено за счет государства 50 новых школ на 15580 мест[1]. Кроме того, инициативным способом с 1958 по 1961 год был сооружен ряд школьных помещений на 21500 ученических мест[2].

К 1963 году большинство средних и многие восьмилетние школы Мордовии имели учебные мастерские, 175 кабинетов физики, 86— химии, 41—биологии, 67—машиноведения и электротехники и 67 кабинетов домоводства[3]. В учебных мастерских школ имелось 1338 действующих станков по металлу и дереву, 2231 столярный верстак, 1100 швейных машин, 208 автомашин и 329 киноустановок[4].

Большую работу проделали партийные организации Мордовии по подготовке и переподготовке учительских кадров, по созданию необходимых условий для успешного внедрения в школах республики политехнического образования и трудового воспитания учащихся.

Однако в первые годы перестройки системы народного образования в республике допускались отдельные недостатки и даже ошибки. Так, связь обучения с жизнью нередко сводилась только к трудовому воспитанию, которое зачастую ограничивалось лишь занятостью учащихся простым физическим трудом.

Некоторые школы Мордовии принимали непосильные обязательства по выращиванию кроликов, птицы и т. п., подменяя иногда этой «деятельностью» почти весь учебно-воспитательный процесс. В отдельных школах для выращивания птицы и животных отводили даже классные комнаты, что серьезно затрудняло ведение учебного процесса.

Все эти ненормальные явления нанесли некоторый ущерб общеобразовательной подготовке учащихся, у которых в ряде

[1] Текущий архив планфинотдела Минпроса МАССР. Справка о выстроенных школах по народнохозяйственному плану.

[2] Заседание Верховного Совета МАССР. 8 сессия. Стенографический отчет. Мордкиз Саранск, 1962, стр. 58.

[3] Текущий архив отдела школ Минпроса МАССР.

[4] Текущий архив планфинотдела Минпроса МАССР. Справка об укреплении материальной базы школы за 1958—1962 гг.

школ стал заметно понижаться интерес к учебе, что привело, естественно, к снижению успеваемости. Особенно низкий уровень знаний показали в то время ученики многих школ бывшего Большеигнатовского, Лямбирского, Рыбкинского и Большеберезниковского районов. Причем наибольший спад успеваемости коснулся основных дисциплин: арифметики, русского языка, геометрии и родного (мордовского) языка[1].

Подобные явления были характерны тогда не только для школ Мордовии, но и ряда других областей и районов Советского Союза. Эти недостатки во многом объяснялись новизной и сложностью решаемого вопроса, а также отсутствием на местах непосредственного квалифицированного партийного руководства перестройкой школы, ибо тогда в областных и краевых комитетах партии не было органов, которые занимались бы повседневным контролем за выполнением решений Коммунистической партии и Советского правительства.

ЦК КПСС вовремя заметил серьезные упущения и ошибки в перестройке работы школы и решительно повел борьбу за их скорейшее преодоление, о чем неоднократно сообщала газета «Правда»[2].

После глубокого изучения процесса перестройки системы народного образования Центральный Комитет КПСС пришел к выводу о необходимости создания отделов науки и школ во всех обкомах и крайкомах партии, которые стали бы организационными центрами партийного руководства школой.

Затем отделы науки и школы были усилены инструкторами на общественных началах. При многих райкомах и горкомах партии были созданы внештатные секторы и отделы школ. Такие отделы возникли также при редакциях областных и краевых газет.

Вся эта многосторонняя организаторская работа была проведена и Мордовской областной партийной организацией.

Отдел школ Мордовского обкома КПСС был полностью укомплектован в августе 1960 года.

Создание отдела школ позволило обкому партии глубже, конкретнее и оперативнее решать назревшие вопросы перестройки работы школ.

В своей работе отдел школ опирался на широкий партийный, профсоюзный и комсомольский актив; кроме внештатных инструкторов, привлекались лучшие учителя школ республики, сотрудники научно-исследовательского института и преподаватели университета, работники Министерства просвещения и отделов народного образования, обкома и райкомов профсоюза.

По инициативе отдела школ Мордовский обком КПСС провел в декабре 1960 года трехдневный семинар секретарей гор-

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269, оп. 6, д. 30, л. 66.

[2] «Правда» от 29 февраля 1960 г. и 24 марта 1961 г.

комов и райкомов партии, ведающих идеологической работой, где рассмотрели вопросы усиленного партийного руководства перестройкой системы народного образования.

На семинаре справедливой критике подверглись те серьезные недостатки и ошибки, которые были допущены некоторыми партийными и советскими органами, отделами народного образования и учительскими коллективами в перестройке работы школ.

Результаты этого своевременного мероприятия обкома КПСС не замедлили сказаться: школы республики с помощью местных партийных и советских организаций стали быстро преодолевать имеющиеся недостатки. Положительно сказались на преодолении недостатков в реорганизации школы целая серия кустовых совещаний работников народного образования, проведенных Министерством просвещения МАССР, и республиканское совещание учительского актива с участием партийных и советских работников.

В декабре 1961 года Мордовский обком КПСС провел семинар секретарей первичных партийных организаций общеобразовательных школ республики, где было сосредоточено главное внимание на вопросах улучшения учебно-воспитательной работы в школе.

На семинаре отмечалось, что школы Мордовии улучшают свою работу. Связь обучения с практикой коммунистического строительства все больше становится конкретной и действенной. На уроках смелее и шире практикуется самостоятельная работа учащихся, закрепляющая осмысленное творческое освоение изучаемого теоретического материала. Отрадно, что такая практика широко применяется не только на уроках физики, химии, биологии и математики, но и русского языка, истории и географии[1].

При этом участники семинара указывали, что большая роль в этом нужном и важном деле принадлежит партийным организациям школ, сумевшим с помощью комсомола и пионерии несколько улучшить всю учебно-воспитательную работу среди учащихся. Однако это только начало. Необходимо дальше изучать и развивать полученные результаты.

Мордовский обком КПСС учел замечания участников семинара. Он решил вскоре глубоко и всесторонне обсудить более конкретно вопрос о руководстве Ичалковского райкома партии организацией производственного обучения в школах. Выбор района не был случайным. В школах Ичалковского района часто еще встречалось преподавание учебных дисциплин по старинке, в отрыве от жизни, от практических задач хозяйственного и культурного строительства. Богатый учебный материал слабо использовался на уроках в воспитательных целях. Бюро

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269, оп. 6, д. 30, л. 36.

обкома партии, вскрыв все эти серьезные недостатки, в своем постановлении от 10 апреля 1962 года предложило Ичалковскому райкому и исполкому райсовета принять меры к скорейшему их устранению. Оно прямо указывало, что основным условием правильного сочетания обучения с общественно полезным трудом является дальнейшее повышение качества общеобразовательных и политических знаний учащихся[1].

Спустя три месяца (в июне 1962 года) на бюро обкома КПСС рассматривались некоторые итоги перестройки школы в Инсарском районе. Обсуждение показало, что преподаванию политехнических дисциплин, особенно математики, физики, химии и биологии в школах района, были присущи схематизм и даже упрощенчество. Во многих школах не изучалась логарифмическая линейка, большинство лабораторных и практических занятий по физике, химии и биологии не проводилось. Мало использовались на уроках наглядные пособия и т. д.

В выводах и рекомендациях бюро Мордовского областного комитета партии учитывалось, что эти недостатки были довольно распространенным явлением в школах других районов республики. Поэтому вполне обоснованным и назревшим было предложение райкомам и горкомам КПСС разобраться в вопросах состояния перестройки работы школ и их учебно-воспитательной деятельности.

Эти решения обкома КПСС сыграли свою положительную роль в перестройке системы народного образования, в борьбе первичных партийных организаций и учительства республики за повышение качества общеобразовательной и политехнической подготовки учащихся.

Решения обкома КПСС по вопросам работы школы еще больше всколыхнули творческую инициативу работников просвещения республики и способствовали дальнейшему улучшению их работы.

В результате творческой работы значительной части учителей, улучшения руководства школой со стороны партийных организаций, органов народного образования были улучшены формы и методы преподавания учебных дисциплин. Стал шире распространяться и пропагандироваться передовой опыт в педагогических коллективах школ Мордовии.

Так, учителя Старкина М. Д., Пискунова З. Е. из Чамзинской средней школы, Тамбовцева Н. Ф., Мельникова К. Ф. из Инсарской средней школы, Плигина З. В. из Ковылкинской средней школы, Зоркова А. С. из Козловской средней школы Атяшевского района, Гущина Л. И., Орешкина Н. В. из школы № 15, Руднева Н. В. из школы № 20, Валентиенко А. И. из школы № 12, Нестерова О. В.— школы № 4 г. Саранска и многие другие, глубоко продумывая каждый урок, ищут и находят

[1] Текущий архив Мордовского обкома КПСС, протокол бюро 10/IV 1962 года.

такие методы и приемы, которые при наименьшей затрате времени обеспечивают сознательное усвоение материала, глубокие знания и прочные навыки, которые готовят детей к жизни, развивают их самостоятельность и творческую инициативу. Они стараются не давать учащимся готовых выводов, формулировок, правил. В процессе преподавания физики, химии, математики лучшие учителя разъясняют учащимся применение некоторых законов физики, химии в промышленности и сельском хозяйстве, транспорте, проводят практические и лабораторные работы, экскурсии, демонстрируют учебные кинофильмы, вовлекают учащихся в активную работу по изготовлению наглядных пособий. Именно так поставили свою работу учителя физики Саранской средней школы № 17 с производственным обучением Маркелов М. Г., Тургеневской средней школы Ардатовского района Дыдыкин Ф. В и многие другие.

Учителя химии Аршинова А. П. из Николаевской средней школы Рузаевского района, Луконин К. И. Ново-Троицкой средней школы Старошайговского района накопили ценный опыт укрепления тесной связи преподавания химии с сельскохозяйственным производством. Учащиеся этих школ учатся определять потребность растений в определенных химических удобрениях, на практике убеждаются в том, какую большую роль в сельском хозяйстве имеют химия и опытническая работа. В Ново-Троицкой средней школе под руководством Луконина К. И. создана агрохимическая лаборатория для анализа почвы, семян и молока. В школе с 1959 года работает кружок лаборантов сельскохозяйственного производства.

Учителя много сил отдают в процессе обучения формированию личности каждого ученика, воспитывая в нем глубокую преданность делу коммунизма, высокое понимание своего долга перед нашей великой Родиной.

Однако в школах Мордовии были случаи, когда значительная часть педагогов преподавание учебных дисциплин вела по-книжному, абстрактно, в отрыве от жизни.

Это во многом объясняется силой привычки к проведению чисто академических уроков, беззаботностью в поисках новых методов преподавания, недостаточностью работы учителей над собой, а также тем, что иногда не только учителя, но и руководители школ, работники органов народного образования до конца не разобрались в сути политехнического обучения и до настоящего времени рассматривают его только как трудовое воспитание и профессиональное обучение.

Важнейшее значение в коммунистическом воспитании учащихся, как известно, имеет преподавание истории и обществоведения. Учитывая это, парторганизация республики неустанно заботилась об улучшении преподавания этих ведущих предметов в школе.

После выхода в свет постановления ЦК КПСС и Совета

Министров СССР от 8 октября 1959 года «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» и постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 года «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» Мордовский обком КПСС организовал республиканское педагогическое чтение, посвященное научному обобщению опыта работы учителей истории республики. На этом представительном совещании активное участие приняли лучшие учителя истории, преподаватели исторических и социально-экономических дисциплин высших учебных заведений, партийные и советские работники.

Спустя некоторое время во многих районах были организованы районные педагогические чтения учителей истории. Наряду с этими мероприятиями в Мордовии работают постоянно действующие районные методические объединения преподавателей истории. Они оказывают учителям сельских школ серьезную помощь в конкретном планировании школьного курса истории и методической разработке его отдельных тем.

3 апреля 1961 года на бюро Мордовского обкома КПСС принято специальное постановление «О состоянии преподавания истории в школах республики»[1]. Постановление бюро было опубликовано в республиканской газете «Советская Мордовия», оно широко обсуждалось на районных семинарах историков, среди работников народного образования, на собраниях школьных первичных партийных и комсомольских организаций и послужило основой улучшения работы каждой школы и каждого учителя-историка.

Выполняя постановление бюро Мордовского обкома партии, республиканский институт усовершенствования учителей проводит ежегодные семинары учителей истории и помогает организации районных педагогических чтений в обобщении передового опыта преподавания истории. Мордовское книжное издательство выпустило учебно-методические пособия по истории Мордовской АССР для привлечения краеведческого материала при преподавании истории в восьмилетних школах и по истории Мордовской АССР и Конституции Мордовской республики — в средних школах с производственным обучением.

Школа — учреждение прежде всего воспитательное, идеологическое. Она ведет не только идеологическую, но и психологическую подготовку нашего подрастающего поколения, она призвана уже с первых дней обучения в школе психологически подготовить детей к участию в общественно полезном труде на благо всего народа.

Необходимо иметь в виду, что сущность и задачи психологической подготовки учащихся к общественно полезному труду вытекают из характеристики, данной В. И. Лениным коммуни-

[1] Текущий архив Мордовского ОК КПСС. Протокол бюро от 3/IV 1961 года.

стическому труду, как труду по привычке трудиться на общую пользу, труду, как потребности здорового организма.

Кроме того, трудовое воспитание предполагает специальную подготовку (профессиональное обучение) подрастающего поколения, привитие учащимся некоторых практических навыков и умений, а также подготовку работника широкого профиля.

После XX съезда КПСС трудовое воспитание начало довольно активно внедряться в повседневную жизнь школы и вызвало целый ряд значительных новшеств в учебном процессе и во внеклассной работе. Так, постоянными факторами жизни школы стали, кроме процесса обучения, самообслуживание, работа на учебно-опытных участках, изготовление учебных пособий, участие в строительстве и ремонте школьных зданий, спортивных залов, мастерских, посадка и уход за зелеными насаждениями, работа на полях и животноводческих фермах колхозов и совхозов. И большая заслуга в этом отношении принадлежит не только педагогическим коллективам и партийным организациям, но и пионерам.

Особенно примечательным в этом отношении для Мордовии является организация посадки садов на пришкольно-опытных участках, на колхозно-совхозных полях, а также зеленых насаждений на улицах сёл и городов республики. По инициативе комсомольских и пионерских организаций силами учащихся только в 1960—61 гг. в Мордовии было посажено садов на площади 915 га, декоративных деревьев и кустарников 217313 штук[1].

В подлинно зеленые лаборатории во многих школах уже тогда превращались учебно-опытные участки, на территории которых, кроме практических занятий по учебному курсу, велись опытные работы по выращиванию и повышению урожайности ряда сельскохозяйственных культур — пшеницы, ржи, ячменя и др.

Учащиеся многих сельских, городских школ широко привлекались к участию в производстве сельскохозяйственных продуктов. В 1958 году в республике было создано 450 ученических производственных бригад, которыми было выращено различных сельскохозяйственных культур на площади 2300 гектаров, в том числе кукурузы на площади 1300 гектаров[2].

Учащиеся Тархановской, Ромодановской, Старо-Михайловской средних школ со своих участков сняли рекордный в условиях Мордовии урожай — по 1000—1200 центнеров зеленой массы кукурузы с каждого гектара[3].

---

[1] Текущий архив Мордовского обкома ВЛКСМ. Справка о работе ученических производственных бригад и юных опытников сельского хозяйства в школах МАССР.

[2] См. заседание Верховного Совета МАССР 5-го созыва, II сессия. Стенографический отчет. Мордкиз, Саранск, 1959, стр. 7.

[3] См. там же.

Как видно из этих фактов, привлечение школьников к общественно полезному труду было назревшей потребностью в развитии советской школы и во многом обогатило содержание обучения и воспитания учащихся. Но это были первые робкие шаги в решении задачи трудового воспитания в школе и преодолении её отрыва от жизни.

После того как советская школа стала с 1959 года работать по новым учебным планам и программам, разработанным на основе «Закона о школе», начался по существу новый этап трудового воспитания учащихся. Была разработана и внедрена в практику определенная система организации общественно полезного труда школьников. Она включала уроки труда в первых — восьмых классах, содержание которых сводится к непосредственному осуществлению трудового воспитания. Систематически организуется общественно полезный труд учащихся в школе и вне её, внеклассное техническое и сельскохозяйственное творчество школьников. Причем всё это проводится в доступной для детей форме. В старших классах учащиеся включаются в производственный труд в школьных мастерских, на пришкольном участке и на промышленном и сельскохозяйственном производстве, что вовлекает учащихся в различные виды общественно полезного труда, органически связанного с обучением.

Вопросы педагогически обоснованной организации трудового воспитания учащихся постоянно волнуют Мордовскую партийную организацию, которая направила на их решение сельских коммунистов, учительство и общественность республики.

Правильной организации общественно полезного труда в школах республики большое внимание уделялось на областных партийных конференциях, пленумах и бюро областного комитета КПСС, в деятельности Совета Министров МАССР, на республиканских совещаниях партийного актива и работников народного образования, сессиях Верховного Совета МАССР. Наряду со сложившейся системой трудового воспитания, партийные организации, органы народного образования и учительские коллективы искали новые формы и методы работы, новые пути в соединении теоретической и производственной подготовки учащихся.

Педагогические коллективы Мордовии добиваются того, чтобы учебу в школе каждый учащийся рассматривал как труд на благо Родины, как свой гражданский долг. Поэтому воспитание коммунистического отношения к труду начинается за партой, в школе, при усвоении учащимися основ науки.

Наряду с этим ведется психологическая подготовка учащихся к физическому труду, к необходимости приобретения практических навыков и умений в сельскохозяйственном и промышленном производстве.

Воспитание любви к труду пронизывает всю учебно-воспитательную работу в передовых школах. Опытные учителя: Евдокимова А. К. из школы № 22, Огина В. О., Санаева В. А. из школы № 14 города Саранска, Холопова Л. И. из школы поселка Комсомольский, Рыбкина Е. А.— Мордовско-Пишленской средней школы, Ляличкина Н. П.— Рузаевской школы-интерната, Кемарский О. Н.— Рождественской, Шмакова М. А., Павлова Е. В.— Ладской средних школ Ичалковского района, Грошева Н. Г.— Отрадненской восьмилетней школы Чамзинского района и другие на своих уроках, во внеклассных и внешкольных мероприятиях, говоря о труде, на конкретных примерах показывают героику труда их родителей на производстве, увлеченно рассказывают, какое огромное участие в коммунистическом строительстве принимают комсомол и пионерия.

Партийные организации, органы народного образования и педагогические коллективы Мордовской республики рассматривают учебу школьников по овладению основами наук и их участие в общем производительном труде как различные формы общественно необходимого труда для всестороннего развития подрастающего поколения советских людей. Не случайно поэтому органическое соединение обучения с производительным трудом стало предметом особой заботы коммунистов и учительства Мордовии.

Чтобы решить эту важнейшую педагогическую и народнохозяйственную задачу более обоснованно и результативно, они внимательно изучают опыт сельских школ Ставропольского края и Рязанской области по сочетанию теоретической и производственной подготовки школьников.

Опыт показал, что наиболее эффективными формами связи учебного процесса с производительным трудом в сельских школах являются ученическая производственная бригада в колхозе и учебно-опытные хозяйства при школах. В нашей республике уже в 1959 году во многих школах были организованы ученические производственные бригады, учебно-опытные хозяйства, учебно-производственные животноводческие фермы. Так, педагогический коллектив Луховской средней школы бывш. Саранского района под руководством директора Котлова А. А. уже в 1959/60 учебном году организовал при школе учебно-опытное хозяйство и учебно-производственную животноводческую ферму. Правление колхоза им. Жданова бывш. Саранского района выделило для школы 32 га земли и 65 телят. За школой были закреплены также зерносклад, инвентарь. Ей были выделены семена для посева яровых культур и корма для скота.

На заседании правления колхоза и ученического комитета был разработан и утвержден производственный план учебно-производственной фермы и хозяйства школы. Нормы выработки были снижены для учащихся по сравнению с колхозниками на 25%. Для работы в учебно-опытном хозяйстве из учеников 8—

9 классов была организована производственная бригада. Учащиеся взяли обязательства по выращиванию высоких урожаев сельскохозяйственных культур на своем участке, по сохранению молодняка и повышению его среднесуточного привеса.

Это были первые, не до конца педагогически продуманные шаги в организации работы в учебно-опытном хозяйстве школы, но они имели большое значение в период поисков осуществления соединения обучения с производительным трудом.

Инициатива Луховской средней школы сразу же привлекла внимание партийных и общественных организаций. Она отличалась смелостью постановки трудового воспитания школьников, и практика перестройки системы народного образования требовала её всесторонней оценки. Правильную позицию в этом вопросе сразу же занял Мордовский областной комитет партии. Поддержав и одобрив инициативу луховцев, бюро Мордовского обкома КПСС 22 января 1959 года[1] вынесло решение, в котором рекомендовало всесторонне изучить опыт коллектива педагогов и учащихся Луховской средней школы, отобрать все ценное и внедрить в практику работы всех школ республики.

Учителя Мордовии при непосредственной помощи местных партийных организаций развернули большую работу в этом направлении. В результате уже в 1960 году 547 школ республики имели свои учебно-опытные участки и учебно-опытные хозяйства в колхозах[2]. Создание этих участков и хозяйств было облегчено тем, что Верховный Совет Мордовской АССР, рассмотрев в июне 1959 года вопрос об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР, признал необходимым провести эту работу в кратчайшие сроки. Он счел необходимым обеспечить каждую восьмилетнюю и среднюю школу земельным участком в 5—10 гектаров[3]. Вскоре опытничество стало одной из важнейших форм трудового воспитания и производственного обучения сельских школьников. Оно обеспечивало тесную связь обучения с сельскохозяйственным производством, прививало школьникам умение и навыки выращивания сельскохозяйственных культур и воспитывало у них добросовестное и творческое отношение к труду. В передовых школах была организована даже практическая работа по оказанию помощи колхозам в сортоиспытании и выращивании новых культур. В этот период Совет Министров МАССР на своих заседаниях систематически рассматривает вопросы укрепления материальной базы школ, передовой опыт соединения обучения с производством в Аксельской и других школах, проводится республиканская выставка достижений школьных участков и т. д.

---

[1] Партархив ОК КПСС, ф. 269, оп. 7, д. 82, л. 77.

[2] Текущий архив отдела школ Минпроса МАССР.

[3] Заседание Верх. Совета МАССР 5-го созыва, II сессия. Стенографический отчет. Мордкиз, Саранск, 1959, стр. 89.

Богатый опыт организации сельскохозяйственной опытнической работы накопила Николаевская средняя школа Рузаевского района. На учебно-опытном участке этой школы имеются все необходимые разделы: сад с плодово-ягодным питомником, участок с 10-польным севооборотом зерновых культур, огород с 5-польным севооборотом овощных культур и селекционный участок, участок для начальных классов, цветник, парники, теплица и метеорологическая площадка. Свои опыты учащиеся школы успешно переносят с пришкольного участка на колхозное поле[1], вносят свой посильный вклад в дело дальнейшего развития этого хозяйства.

Только за 1960—61 годы учащимися этой школы проведено немало удачных опытов. Например, закалка семян овощных культур переменной температурой положительно сказалась на перенесении ими легких заморозков и повышении их урожайности. Обработка семян микроэлементами значительно ускорила созревание помидоров. Школьники выяснили экономическую эффективность выращивания капусты безрассадным способом и влияния внекорневой подкормки капусты раствором минеральных удобрений на повышение урожайности капусты[2].

За большую и успешную опытническую работу Николаевская средняя школа Рузаевского района занесена в Книгу почета Центральной станции юных натуралистов в Москве. В 1962 году 10 лучших опытников школы были участниками смотра опытнической работы, проводимого павильоном юных натуралистов и техников на Выставке достижений народного хозяйства СССР, где их экспонаты получили высокую оценку[3].

Опыт организации соединения обучения и трудового воспитания учащихся в Николаевской средней школе отражает наиболее характерные черты участия школьников в сельскохозяйственном производстве. В нем видны основные процессы постепенного приобщения учащихся к постоянному участию в хозяйственной жизни колхозов и совхозов.

Этот опыт интересен также и тем, что учебно-воспитательная работа здесь связывается с нуждами развития общественного хозяйства сельских тружеников, а перенесение учебных опытов на колхозные поля приобщает учителей и школьников к научно-исследовательскому подходу в постановке и проведении учебно-опытной работы школ.

Пример Николаевской средней школы не единичен. Он стал поистине массовым явлением в связи с перестройкой школ в Мордовской республике. Сошлемся на опыт отдаленной от центра республики Новокарьгинской средней школы Краснослободского района.

[1] Госархив МАССР, д. 228, оп. 12, д. 43, л. 29.

[2] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 6, д. 31, л. 136.

[3] Текущий архив Мордовского обкома ВЛКСМ. Доклад на I республиканском слете ученических производственных бригад.

Выделенная колхозом школе площадь учебно-опытного участка составляет 9,5 га. Весь участок огорожен силами учащихся. На нем имеется сад, культивируется полевой и овощной севооборот, заложен питомник плодово-ягодных и декоративных растений, участок для начальных классов. В школьном саду растет 157 плодоносящих яблонь, 1098 яблонь посадки 1961 года, 400 корней смородины, 100 корней крыжовника. Под руководством учителей учащиеся заложили дендрарий на площади 0,6 га и питомник для выращивания яблонь из семян, собранных самими школьниками.

В Новокарьгинской средней школе ведется большая работа по приобщению учащихся к научным методам выращивания сельскохозяйственных культур. Так, звено ученицы 5 класса Лиды Косыревой под руководством учителя-биолога проводило опыт по изучению наиболее целесообразных методов посева гороха сорта «Торстдаг» на площади 300 кв. метров. Другие школьные звенья занимались выращиванием ряда сельскохозяйственных культур[1].

Содержательные опыты с элементами техники и методики научного исследования проводятся учащимися Ардатовской, Каласевской и Чукальской школ Ардатовского района, Аксельской школы Пурдошанского района, Старо-Городской школы Темниковского района, Больше-Маресевской школы Чамзинского района, Шокшинской школы Теньгушевского района, Козловской школы-интерната и других школ[2].

Вместе с этим следует отметить, что в некоторых школах республики работа на учебно-опытных участках, животноводческих фермах велась только ручным способом, без последовательной целеустремленности, труд учащихся сводился к простому приложению физических сил. А некоторые руководители труд школьников рассматривают как самоцель, нередко увлекаются объемом работ в ущерб учебно-воспитательным целям.

Партийные и советские организации провели решительную борьбу против подобных явлений. В развитии основных форм соединения обучения с трудовым воспитанием учащихся в школах республики большую роль сыграло постановление Совета Министров республики «О состоянии и мерах улучшения опытнической работы в школах Мордовской АССР», принятое 23 августа 1961 года.

Совет Министров Мордовской АССР отметил, что значительная часть школ Лямбирского, Рузаевского, Рыбкинского, Краснослободского, Ковылкинского и Торбеевского районов к этому времени пока еще не приступали к организации опытни-

[1] Текущий архив Мордовск. ОК ВЛКСМ. Справка о работе ученич. производств. бригад и юных опытников сельского хозяйства в школах МАССР, 1962 г.

[2] Госархив МАССР, ф. р. 228, оп. 12, л. 30. Постановление Совмина МАССР «О состоянии и мерах улучш. опытнич. работы в школах Мордовии».

ческой работы, а учебно-опытные участки ряда школ заросли травой. Часто школы республики ограничивали свою деятельность в этой области рамками пришкольных участков, без распространения своих опытов на колхозно-совхозные поля. Крупные недостатки были присущи также учебно-производственным опытам школьников по животноводству.

Правительство Мордовской республики определило основные пути коренного улучшения сельскохозяйственной опытной работы учащихся на школьных участках, на колхозных и совхозных полях и фермах. Среди намеченных мероприятий важное значение имело установление единства действий школы и руководства колхозно-совхозного производства в трудовом воспитании школьников, в привитии им научно обоснованных навыков сельскохозяйственного производства.

Это постановление Совета Министров обсуждалось на заседаниях исполкомов районных Советов депутатов трудящихся, в школах республики и оказало конкретную помощь в организации и массовом распространении практики учебно-производственных опытов. Чтобы избежать самотека в этом серьезном деле, правительство республики предложило создать при Министерстве просвещения республиканский совет по опытнической работе, который вскоре был организован. К концу 1961 года появились также районные советы по опытнической работе.

Совет разработал положение по опытной работе учащихся школ Мордовии на школьных участках, колхозно-совхозных полях и фермах, в котором дана методика проведения этой работы. Вскоре оно было издано и разослано во все школы республики.

Придавая большое значение выработке правильной методики в этом вопросе, партийные организации республики организовали помощь со стороны научных учреждений.

В Мордовии была издана значительная методическая литература по организации опытнической работы в школе[1].

По решению областного комитета партии Министерство просвещения республики организовало широкий обмен передовым опытом массового вовлечения учащихся в целенаправленную, педагогически рассчитанную работу в сельскохозяйственном производстве. Для пропаганды передового опыта были избраны школы Чамзинского района республики, достигшие в этой области значительных успехов.

[1] Об участии школ и внешкольных учреждений Мордовской АССР во Всероссийском конкурсе на лучшую постановку опытнической работы по сельскому хозяйству. Саранск, 1961; примерная тематика по проведению опытов. Саранск, 1961; Участие пионеров и школьников Мордовской АССР в охране природы. Саранск, 1961; плакат «Школьный цветник», 1961; Дневник юных опытников, 1961; Темы и методика проведения сельскохозяйственных опытов в школах Мордовской АССР. Мордкиз. Саранск, 1962.

Зимой и весной 1962 года Министерством просвещения нашей республики были проведены одно-двухдневные семинарские занятия с учителями и руководителями школ по вопросам организации и проведения опытов в ученических производственных бригадах и на учебно-опытных участках школ республики[1].

Для пропаганды передового опыта в этой области Министерство просвещения провело также в июле 1962 года республиканский семинар заведующих районными, городскими отделами народного образования и учителей биологии и сельскохозяйственного производства на базе Больше-Маресевского и Чамзинского школьных лагерей, достигших хороших результатов на своих учебно-производственных участках[2].

В 1962 году разнообразная опытническая работа учащихся в колхозно-совхозном производстве проводилась уже в 450 средних и восьмилетних школах Мордовии[3].

Для проведения итогов этой работы, поощрения коллективов передовых школ, а главное для пропаганды их положительного опыта по постановлению Совета Министров МАССР с 23 по 30 сентября 1962 года была проведена республиканская выставка достижений ученических производственных бригад и юных опытников сельских школ Мордовской АССР. Большую роль в её организации, наряду с Министерством просвещения, сыграл Мордовский обком ВЛКСМ. Свои достижения на выставке продемонстрировали 197 школ республики. На выставке заслуженно были представлены звено Чамзинской восьмилетней школы, получившее на площади 3,75 га по 450 центнеров сахарной свеклы, звено учащихся Николаевской восьмилетней школы Атяшевского района, добившееся получения зеленой массы кукурузы на площади 5 га по 700 центнеров, ученическая производственная бригада Теньгушевской средней школы Темниковского района получила урожай озимой ржи сорта «Ульяновская» на площади 30 га по 30 центнеров, картофеля по 200 центнеров на площади 15 га, сахарной свеклы по 400 центнеров на площади 10 га[4]. Демонстрировали свои блестящие достижения многие другие школы республики, получившие высокую оценку за свою плодотворную работу: 120 юных опытников и 12 учителей и работников народного образования из 18 школ республики стали участниками смотра опытнической работы при павильоне «Юные натуралисты» ВДНХ СССР, а Николаевская средняя школа Рузаевского района и республиканская станция юных натуралистов МАССР были отмечены

[1] Текущий архив отдела школ Минпроса МАССР. Справка о работе ученических производственных бригад и юных опытников с/х в школах МАССР за 1962 г.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Текущий архив Морд. ОК ВЛКСМ. Справка о работе ученич. произв. бригад и юных опытников с/х в школах МАССР за 1962 г.

в 1961 г. в приказе Министра просвещения РСФСР и премированы[1].

Перестройка системы народного образования неразрывно связана с организацией производственного обучения учащихся и их участия в производительном труде. Руководствуясь указаниями Коммунистической партии о роли трудового воспитания школьников, Обком КПСС и правительство Мордовии систематически направляли работу районных партийных и советских органов на обеспечение условий для производственного обучения в школе. Совет Министров республики в своем постановлении от 15 сентября 1959 года о порядке и сроках перехода на новую систему школьного образования предложил обеспечивать в сельских школах организацию производственного обучения в ученических бригадах, выделять агрономов для руководства этой работой[2]. Наряду с этим, колхозам республики было рекомендовано обеспечить сельские школы с производственным обучением тракторами, сельскохозяйственными машинами, инвентарем и земельными участками, необходимыми для учебных целей[3].

В связи с дальнейшим развитием советской школы появилась острая потребность в наиболее целесообразных формах организации производственного обучения и трудового воспитания учащихся. И вскоре практика перестройки подсказала одну из наиболее удачных форм этой работы. Ставропольские школы создали под руководством партийных организаций ученические производственные бригады лагерного типа. Их почин был одобрен Центральным Комитетом КПСС и подхвачен во всех областях страны.

Инициатива ставропольских школ получила распространение и в Мордовии. Вопрос о распространении опыта работы ученических производственных бригад Ставропольского края 4 апреля 1961 г. обсуждался на бюро Мордовского обкома КПСС[4]. Ученические производственные бригады стали массовым явлением в школах республики. Об этом свидетельствует тот факт, что уже в 1961/1962 учебном году в Мордовии насчитывалось 658 ученических бригад, 22 опытных хозяйства и 300 самостоятельных звеньев с охватом более 48 тысяч учащихся[5].

В Ардатовском районе уже в 1960 году было организовано 39 ученических производственных бригад и 101 звено, которые работали на полях колхозов, совхозов и пришкольных участках и обрабатывали 1720 га земли.

---

[1] Текущий архив Морд. ОК ВЛКСМ. Справка о работе ученич. произв. бригад и юных опытников с/х в школах МАССР за 1962 г.

[2] Госархив МАССР, ф. р. 228, оп. 12, д. 309, л. 25.

[3] Там же, д. 437, л. 106.

[4] Текущий архив ОК КПСС. Протокол бюро от 4/V 1961 г.

[5] Текущий архив отдела школ Минпроса МАССР. Информация о состоянии производственного обучения учащихся сельских школ МАССР.

В ученических производственных бригадах созданы учебно-опытные поля, широко применяется механизация сельскохозяйственных работ. Жизнь подсказала действенную форму организации труда и отдыха учащихся — комсомольско-молодежный лагерь. Во многих ученических производственных бригадах умело организован труд и отдых учащихся. В свободное от работы время они посещают кино, проводят читательские конференции, спортивные соревнования и другие культурные мероприятия.

Большое внимание вопросу соединения обучения с трудовым воспитанием после принятия Закона о связи школы с жизнью уделял Чамзинский райком партии. Вопрос об организации учебно-опытных хозяйств и летних комсомольско-молодежных лагерей при средних школах района неоднократно обсуждался на пленумах и бюро райкома КПСС, на совещаниях руководителей предприятий, колхозов, совхозов и школ, а также на сессиях и заседаниях Чамзинского районного Совета депутатов трудящихся.

Бюро Чамзинского райкома КПСС, обсуждая осенью 1960 г. вопрос об участии школьников в уборке технических культур, решило организовать во всех школах учебно-опытные хозяйства, что явится наиболее целесообразной формой соединения обучения с производительным трудом учащихся. С этой целью было проведено районное совещание директоров школ, которое разработало конкретные мероприятия по организации во всех школах учебно-опытных хозяйств. Принятое совещанием постановление на основе решения райкома КПСС обсуждалось на собраниях первичных партийных организаций и педагогических советах школ. Это обсуждение было подкреплено практическими делами по организации в районе ученических производственных бригад.

Первичная партийная организация, педагогический коллектив Больше-Маресевской средней школы Чамзинского района, обсудив постановление райкома партии, решили весной 1961 года организовать учебно-опытное хозяйство в колхозе им. Калинина. С этой целью в школе был создан совет по организации опытнической работы, на летний период дополнительно создан совет производственного комсомольско-ученического лагеря.

Учебно-опытное хозяйство состояло из учебно-производственного участка на площади 50 га (где были размещены следующие культуры: кукуруза на силос, сахарная свекла, пшеница яровая, корнеплоды), пришкольно-опытного участка и сада на площади 7,75 га, из которых 1 га находится под опытным участком. Имеется школьный машинный парк — трактор «Беларусь» с навесными почвообрабатывающими орудиями, две автомашины, восстановленные силами учащихся и учителей из списанных машин.

Работа на школьном учебно-опытном участке проводилась ученической производственной бригадой по разработанному производственному плану. Для правильного проведения воспитательной работы, организации труда и отдыха учащихся организован сезонный производственный комсомольско-ученический лагерь. Он располагается в живописном месте в лесу, на берегу небольшой речки, размещен в палатках, имел полевую кухню.

Вся работа в лагере проходила, как указывалось выше, под руководством совета лагеря. Все учащиеся с 6 по 10 класс на время пребывания в лагере подразделялись на смены и звенья. Срок пребывания в лагере 15 дней.

Обеспечение лагеря продуктами питания в 1961 году осуществлялось колхозом в счет расчетов. В 1962 году большинство продуктов питания выделялось из переходящего фонда школы, созданного за счет полученного дохода с пришкольного учебно-опытного участка и отчислений с заработка учащихся.

Рабочий день в лагере от 3 до 6 часов в зависимости от возраста учащихся. В лагере проводились интересные мероприятия культурно-воспитательного характера.

Райком партии вместе с роно, изучив опыт работы ученической производственной бригады Больше-Маресевской средней школы, решили организовать подобные лагеря во всех школах района.

Удовлетворяя насущные нужды школы в организации трудового воспитания учащихся, партийные организации, колхозы и совхозы оказали ей большую помощь в создании ученических производственных лагерей. Летом 1963 года в Чамзинском районе функционировало 18 производственных лагерей. Они были созданы почти во всех восьмилетних и средних школах района.

Силами ученических производственных бригад района обрабатывалось около 1000 га земли, занятой под посевами кукурузы, сахарной свеклы, кормовых бобов, картофеля, пшеницы и других зерновых культур. Урожай, полученный с этой площади, превышал плановый на 5—6 центнеров по зернобобовым культурам, на 100—150 ц по кукурузе, на 100—120 ц по сахарной свекле. Кроме этой площади, силами учащихся велась работа по уходу за школьными садами на площади более 100 га и колхозными садами около 200 га.

Только в 1962 году 9 школ Чамзинского района принимали участие на ВДНХ СССР, из них Б.-Маресевская средняя школа награждена дипломом II степени, 4 человека из числа работников просвещения награждены медалями выставки и ценными подарками.

На базе учебно-производственных лагерей Чамзинского производственного управления и примере работы ученических бригад в августе 1963 года был проведен I Республиканский слет бригадиров и членов ученических бригад Мордовской

АССР. В соревновании по организации и проведению опытнической работы в школах Мордовии Чамзинский район по итогам 1963 года завоевал 1 место в республике. Девять лучших организаторов учебно-производственной практики и политехнического трудового обучения награждены в 1963 году Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Мордовской АССР[1].

Опыт передовых школ Мордовской республики и других краев и областей страны убедительно показывает, что ученические производственные бригады, зачинателями которых были ставропольцы, превратились в хорошую форму организации производственного обучения и трудового воспитания учащейся молодежи. Так, в 1962 г. на полях колхозов и совхозов республики учащимися выращено лишь кукурузы на площади 2482 га, сахарной свеклы — на 1010 га, кормовых бобов и гороха — на 182 га и других сельскохозяйственных культур — на 720 га. Как правило, урожайность полей, обрабатываемых школьниками, значительно превышает среднюю урожайность сельскохозяйственных культур колхозов и совхозов Мордовии. В том же году школьниками выращено 49400 голов птицы и 2047 колхозных телят. Только за 1961—1962 годы ими заложено школьных садов на площади 572 га и колхозно-совхозных садов —342 га[2].

В ученических производственных бригадах, основанных на самодеятельном управлении самих учащихся в лице совета бригады и звеньевых, школьники впервые в жизни начинают получать навыки общественного самоуправления делами коллектива. С первых шагов производственной деятельности у них закладывается прочный фундамент для выработки нового, коммунистического отношения к труду. В ученических бригадах хорошо сочетаются образование и воспитание у молодежи стремления быть полезной народу, участвовать в производстве материальных ценностей, необходимых обществу. Ученические бригады являются школой воспитания активных строителей коммунизма.

В отличие от сельских школ трудовое воспитание учащихся городов и рабочих поселков определяется развивающимся в них промышленным производством и строительством, растущими потребностями в квалифицированных инженерно-технических и рабочих кадрах. Закон о школе предусматривает профессиональную подготовку учащихся в средней школе. Поэтому, начиная перестройку школ в городах и рабочих поселках, Мордовский обком КПСС и Совет Министров МАССР сразу же поставили вопрос об определении потребности республики в квалифицированных кадрах, о создании баз для производственного обучения школьников. Было поручено изучение этих вопро-

[1] Текущий архив роно Чамзинского района. Справка о состоянии сельскохозяйственной опытнической работы в школах Чамзинского района.

[2] Текущий архив отдела школ Минпроса МАССР. Информация о состоянии производ. обучения учащихся сельских средних школ МАССР.

сов совнархозу и Госплану Мордовской АССР[1]. Они определили потребность всех отраслей народного хозяйства республики в кадрах на текущее семилетие. В соответствии с этим Министерство просвещения разработало план приема и выпуска средних школ с производственным обучением по специальностям на 1961—1965 годы. В этом плане была намечена подготовка учащихся по таким важнейшим специальностям, как фрезеровщики, шлифовальщики, сборщики, слесари, токари, строители и т. д.

Совет Министров и совнархоз МАССР утвердили профили производственного обучения средних школ на промышленных предприятиях и стройках республики, министерств местной промышленности и коммунального хозяйства, Мордпромсовета и т. д. Руководителям предприятий и строек было предложено разработать и осуществить мероприятия по организации учебных цехов, пролетов и участков для производственного обучения в средних школах республики[2].

В настоящее время в Мордовии имеется 32 средних школы, учащиеся которых проходят производственное обучение на промышленных предприятиях.

Для некоторого анализа постановки и содержания производственного обучения учащихся городских школ обратимся к опыту проведения этой работы средней школой № 17 г. Саранска. Уже на протяжении шести последних лет эта школа тесно связана с передовым крупным предприятием республики заводом «Электровыпрямитель». Вопросы перестройки школы решаются коллективно, совместно с руководством и общественными организациями завода и школы.

Коллектив завода помог преподавателям школы № 17 изучить завод, его цехи, отдельные участки, наиболее характерные технологические операции и выпускаемую продукцию[3].

Практические занятия с учащимися проводят 5 освобожденных мастеров производственного обучения, теоретические занятия — 4 преподавателя из числа инженерно-технических работников завода.

Для проведения теоретических занятий завод выделил два учебных класса, которые оборудованы необходимыми учебно-наглядными пособиями (схемы, чертежи, плакаты, отдельные детали, узлы аппаратов и т. д.). В одном из этих классов установлен узкопленочный киноаппарат, имеется набор необходимых диафильмов.

Для осуществления практического обучения на заводе создан специальный учебно-производственный цех. Цехом руководят на общественных началах инженеры и техники завода.

[1] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 6, д. 26, л. 219.
[2] Госархив МАССР, ф. р. 228, оп. 12, д. 437, л. 53.
[3] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 6, д. 26, л. 215.

Цех состоит из двух учебных участков: токарного, имеющего восемь токарных станков, сборочного и электромонтажного участка на 22 рабочих места в одну смену.

Всего для обучения учащихся на заводе при двухсменных занятиях имеется 74 рабочих места, обеспеченных всем необходимым электромонтажным и слесарно-сборочным инструментом[1].

Завод помог оборудовать в школе необходимые учебные кабинеты и мастерскую.

Педколлектив школы организует регулярные экскурсии учащихся 7—8 классов на завод. Таким образом, уже до прохождения производственной практики у учащихся 9 классов имеется довольно ясное представление о заводе и профессиях рабочих.

Инженеры и техники завода вместе с преподавателями школы разработали учебную программу по изучению основ производства. Проект программы был вынесен на обсуждение учебно-методической комиссии, а затем утвержден директорами завода и школы.

Обучение учащихся профессиональным навыкам начинается с 9-го класса.

С момента присвоения первого производственного разряда труд учащихся оплачивается с учетом затраченного времени и количества изготовленной продукции. Продукция, изготовленная учащимися в ходе обучения, идет в выполнение производственного плана завода. Только за первое полугодие 1962/63 учебного года учащиеся старших классов собрали 1370 трансформаторов, 1436 магнитопроводов для различных аппаратов, произвели 1550 различных монтажных операций, по плану инструментального цеха изготовили 3453 инструмента и деталей. Большинство электроаппаратов, собранных учащимися, получают высокую оценку ОТК завода и направляются в народное хозяйство страны, а некоторые аппараты в различные страны мира[2].

Труд учащихся 5—8 классов носит также целенаправленный характер. На уроках труда в школьных учебных мастерских они выполняют производственный заказ базового предприятия. Они изготовляют из материала заказчика ящики для посылок мелких деталей к отправляемым электроаппаратам. С ноября 1962 года по март 1963 года изготовлено более 500 ящиков-посылок[3]. Учащиеся знают, что ящики идут только с аппаратами,

[1] Текущий архив Саранского ГК КПСС. Справка о состоянии производственного обучения в школах г. Саранска.
[2] См. Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 6, д. 26, л. 215—216. Текущий архив. Справка из опыта работы школы № 17 г. Саранска.
[3] См. Текущий архив идеологического отдела Мордовского ОК КПСС. Справка из опыта работы 17 средней школы с производственным обучением г. Саранска.

отправляемыми на экспорт, и это повышает у них чувство национальной гордости и интернационального долга. В ходе занятий по металлу учащиеся изготовляют различный хозяйственный инвентарь для нужд школы и завода.

Партийная и комсомольская организации, весь педагогический коллектив школы, решая проблему трудового воспитания и профессионального обучения учащихся, стремятся из года в год вносить в это дело новые приемы и методы, используя опыт передовых школ страны. Этому вопросу подчинена методическая работа, теоретическое и производственное обучение, а также и внеклассная работа с учащимися.

Педагогический коллектив школы совместно с предприятием успешно решают вопросы общего политехнического образования, профессиональной подготовки и воспитания у учащихся коммунистического отношения к труду.

В ходе учебно-воспитательной работы в школе сложилась определенная система обучения и воспитания нового человека. Она включает широкое использование материалов трудовой деятельности коллектива завода на уроках всех изучаемых предметов, во внеклассных мероприятиях, работу по психологической подготовке и физическому труду и профессиональной ориентации учащихся, знакомство с предприятием, с его передовой техникой, с лучшими людьми завода, самоотверженным трудом его коллектива за выполнение государственного плана, обучение школьников в цехах завода на примере передовиков производства, социалистическое соревнование школьников в процессе производственного обучения и производственного труда, привлечение будущих рабочих к рационализаторской, изобретательской работе на основе знаний, усвоенных в процессе изучения основ науки.

В школе уделяется большое внимание повышению качества преподавания основ наук. Учителя физики и химии практикуют проведение комплексных уроков непосредственно в лабораториях и цехах завода по таким, например, темам, как: твердые выпрямители, законы электролиза и др. На уроках математики, физики, химии, биологии большое внимание уделяется практическим и лабораторным работам.

Для углубления знаний учащихся 9—11 классов и приобретения ими рабочей профессии при заводе организованы факультативные занятия в кружках технического черчения, электротехники и гальваники. Руководят кружками инженерно-технические работники завода. Широко развито в школе техническое творчество учащихся по изготовлению моделей, учебно-наглядных пособий. На протяжении последних двух лет школа занимает первое место на республиканской выставке технического творчества школьников. Ее учащиеся также часто занимают первые места на городских и республиканских математических, физических и химических олимпиадах.

В связи с производственным обучением и включением школьников в производительный труд возникают новые формы воспитательной работы классных руководителей с учащимися старших классов. Лучшие классные руководители школы № 17 И. П. Базлина, Г. В. Маркевич, Р. А. Учватова и др. умело используют труд для развития у школьников потребности в знаниях, проводят большую работу по психологической подготовке к физическому труду и профессиональной ориентации.

Практическое знакомство с трудом и жизнью передовиков производства, постоянная связь учащихся с бригадами коммунистического труда имеют большое идейно-воспитательное значение для выработки у них коммунистического отношения к труду.

Важнейшим средством коммунистического воспитания учащихся старших классов является их активное участие в общественной жизни школы и предприятия. Комсомольцы и школьники совместно с рабочей молодежью и комсомольцами завода проводят вечера отдыха, выступают с концертами художественной самодеятельности, организуют диспуты, участвуют в спортивных секциях и в соревнованиях за честь ученического цеха.

Приближение обучения к жизни, тесная связь теории с практикой способствуют приобретению учащимися глубоких и прочных знаний по основам наук. За последние три года общая успеваемость по школе значительно повысилась, улучшилась дисциплина.

Следует отметить, что учащиеся школы любят производственный труд, любят свой завод. Как правило, после окончания школы больше половины выпускников идут работать на завод, и в настоящее время в различных цехах предприятия трудятся более 150 бывших учащихся, пришедших на завод за последние три года.

Многие выпускники школы, успешно овладев избранной специальностью, показывают пример самоотверженного труда. Большинство из них с приходом на завод продолжают совершенствовать свое профессиональное мастерство в школе коммунистического прогресса, в кружках техминимума завода, в высших и средних специальных учебных заведениях.

В 1961 году по решению администрации и общественных организаций завода были направлены на учебу в вузы за счет предприятия воспитанники школы № 17, лучшие производственники завода: Н. Чистова, Ермаков, Чембарев, Конюхов и другие[1].

В 1962 г. из 24 учащихся, окончивших 11 классов школы № 17, 13 трудоустроены на заводе «Электровыпрямитель», 11

[1] См. текущий архив идеологического отдела Мордовского ОК КПСС. Справка из опыта работы 17 средней школы с производственным обучением г. Саранска.

учащихся поступили в Мордовский госуниверситет и в Ленинградский электротехнический институт. Все поступившие учиться обеспечиваются стипендией за счет завода[1].

В школах, добившихся правильного сочетания общего политехнического трудового обучения с профессиональной подготовкой, несравненно усилился интерес учащихся к изучению общеобразовательных предметов, возрос уровень знаний основ наук, укрепилась дисциплина школьников. Глубокие знания основ наук помогают учащимся хорошо осмыслить производственные процессы, легко осваивать рабочие специальности.

Характерно, что если еще несколько лет назад юноши и девушки, получив аттестат зрелости, как правило, стремились только в вузы, теперь, когда общеобразовательная школа ведет психологическую подготовку учащихся к труду и прививает умение трудиться, выпускники средних школ отправляются охотно работать на производство, идут в колхозы, совхозы, на стройку.

Тысячи юношей и девушек, окончивших в прошлые годы средние школы, работают ныне на различных участках народного хозяйства и культуры Мордовской республики. Многие показывают образцы высокоорганизованного труда. Только за три последних года пришли на работу в сельское хозяйство республики более 2-х тысяч выпускников средней школы[2].

На Ардатовском светотехническом заводе заслуженной славой пользуется комсомольская бригада сборщиц, возглавляемая делегатом XIV съезда ВЛКСМ Ломакиной. Сама Ломакина Рая и все девушки ее бригады пришли на завод после окончания средней школы. Имея хорошие знания, овладев в совершенстве технологией и техникой своего дела, бригада в числе первых на заводе завоевала почетное право называться коллективом коммунистического труда.

После средней школы пришли работать на МТФ родного колхоза имени Жданова Атяшевского района две сестры Лысяковы. За старшей из них, Фаиной, давно уже закрепилась слава лучшей доярки в районе.

Вместе с тем в трудовом воспитании и профессиональном обучении учащихся имеются крупные недостатки. Как отмечалось на июньском Пленуме ЦК КПСС в 1963 году, не везде еще производственное обучение находится в заботливых руках. Нередко оно поставлено примитивно и формально. Иной раз часы производственной практики проходят впустую. Стоит тогда школьник за спиной рабочего и наблюдает со стороны, как тот трудится.

[1] См. Текущий архив Саранского ГК КПСС. Справка о состоянии производственного обучения в г. Саранске.

[2] «Советская Мордовия», 23 июня 1962 г.

Эти недостатки присущи и Мордовской республике. Отдельные предприятия, колхозы, совхозы, на базе которых организуется производственное обучение, не выделяют необходимого количества мест для практической работы учащихся, в результате нередки случаи, когда ребята не работают, а стоят за спиной рабочих простыми наблюдателями или бесцельно бродят по территории предприятия. Есть школы, где два дня производственной практики—это два потерянных дня, два дня безделья. Ясно, как вредно действуют на школьников эти два дня, когда они числятся на работе, но фактически не трудятся.

В некоторых школах учащиеся фактически не получают никакой специальности, лишний год учебы пропадает даром. В сельских школах производственное обучение нередко ограничивается простым участием детей в сельскохозяйственных работах, учат их на устаревших сельскохозяйственных машинах[1].

Уроки труда, основ производства в большинстве случаев еще не заняли равного положения с другими учебными предметами школьного курса, и во многих школах они проводятся примитивно.

Слабо перестраивается учебно-воспитательная работа в направлении психологической подготовки учащихся к трудовой деятельности, некоторые педагогические коллективы неудовлетворительно работают с родителями[2].

Все эти недостатки в организации трудового воспитания и профессионального обучения отрицательно сказываются на обучении и воспитании школьников, отбивают их интерес к главному — к общеобразовательной подготовке.

Большую помощь школам в устранении недостатков по трудовому воспитанию и профессиональному обучению оказали совещания, проведенные Советом Министров РСФСР в 1963 г. в Ленинграде и Волгограде, посвященные производственному обучению городских и сельских школьников.

По примеру этих совещаний Мордовским обкомом КПСС проведены районные совещания во всех парткомах производственных управлений республики, на которых были вскрыты недостатки в производственном обучении и намечены конкретные меры по их устранению.

Советская школа всегда уделяла большое внимание вооружению учащихся прочными знаниями основ наук. Перестройка школы на основе осуществления ленинского принципа соединения обучения с общественно полезным, производительным трудом дала возможность учительству достигнуть определенных успехов в борьбе за хорошие знания школьников.

В Мордовской АССР 1963/64 учебный год без второгодников закончили 433 начальных, 30 восьмилетних школ, и 4 средних и

[1] Заседание Верховного Совета МАССР. 8 сессия. Стенографический отчет. Мордкниз. Саранск, 1962, стр. 11—12.

[2] Текущий архив Мордовского ОК КПСС, пр. № 17 от 26/VI 62 г.

восьмилетних школы близки к ликвидации второгодничества. Успеваемость в школах республики в 1963/64 учебном году составила 96,5% против 88,2 процента 1958/1959 учебного года[1].

Повысилось качество обучения и воспитания. За годы перестройки знания учащихся не снижаются, а, наоборот, становятся более глубокими, осознанными, у школьников появляется способность рассуждать, творчески мыслить, анализировать.

Опыт работы школ свидетельствует о крепнущей связи школы с жизнью, об утверждении марксистско-ленинского принципа сочетания обучения с производительным трудом. На XXII съезде и июньском (1963 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что жизнь полностью подтвердила правильность и своевременность принятых партией мер по перестройке системы народного образования. «Теперь все видят,— говорил в докладе на июньском пленуме Л. Ф. Ильичев,— сколь своевременным был закон об укреплении связи школы с жизнью. Труд широко вошел в жизнь школы... Молодежь со средним образованием, как правило, охотно идет в сферу материального производства. Многие вчерашние выпускники стали передовиками производства»[2].

Сочетание широкого общего образования с политехническим, подкрепленное сознательным участием школьников в общественно полезном труде, имеет огромное социальное значение. Оно ускоряет процесс формирования у учащихся материалистического мировоззрения и помогает всестороннему развитию их способностей. Наряду с этим оно служит конкретным проявлением постоянно развивающегося в нашей стране процесса ликвидации существенных различий между умственным и физическим трудом.

Коммунистическая партия учит не успокаиваться на достигнутом, а анализировать, вскрывать недостатки и принимать меры к их устранению. Опыт работы средних одиннадцатилетних школ показывает, что юноши и девушки не могут быть до 18 лет в школе. Сокращения срока обучения требовали юношеская психология, педагогика, интересы родителей и государства, устранение недостатков в организации производственного обучения. Партия и правительство правильно и своевременно приняли постановление о сокращении срока обучения в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением. Согласно постановлению, в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением на базе восьмилетней школы установлен вместо трехлетнего двухлетний срок обучения.

[1] Текущий архив отдела школ Минпроса МАССР. Форма ОП-2.

[2] Л. Ф. Ильичев. Очередные задачи идеологической работы партии. Госполитиздат. М, 1963.

Перевод средних общеобразовательных трудовых политехнических школ с производственным обучением на новый срок обучения должен быть осуществлен в течение двух лет, начиная с 1 сентября 1964 года.

В том же постановлении ЦК КПСС и Совет Министров предложили местным партийным и советским органам принять меры к надлежащей постановке производственного обучения учащихся старших классов средних школ и обеспечить укрепление и дальнейшее развитие материальной базы для их производственной подготовки на предприятиях, в совхозах и колхозах[1].

Всей своей деятельностью Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза учит партийные, государственные и общественные организации, работников просвещения, как нужно заботливо, по-ленински решать вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения, умению находить и выполнять решения, которые наиболее полно отвечают поставленной цели.

За этот период школьные партийные организации серьезно окрепли в борьбе за перестройку школы и показывают себя опытными воспитателями, организаторами и умелыми руководителями педагогических коллективов.

Если на 1 января 1958 года в рядах партии было 3979 учителей-коммунистов, то на 1 января 1964 года их число выросло до 5089 человек. За пять лет (1959—1963 гг.) было принято в ряды КПСС 1077 лучших учителей республики.

На 1 января 1964 года в селах республики было 93 самостоятельных школьных первичных партийных организаций, насчитывающих в своих рядах 1423 человека[2]. Но это не все. Необходимо учесть, что многие учителя-коммунисты сел состоят на учете в колхозных первичных партийных организациях, т. к. в 50-е годы в ряде мест в целях укрепления колхозных партийных организаций школьные партийные организации были объединены с ними. В настоящее время в этом уже нет необходимости, поэтому Мордовский ОК КПСС указал, что парткомам необходимо создать учительские партийные организации в каждой школе, где есть необходимое, в соответствии с Уставом КПСС, количество коммунистов, добиться того, чтобы каждая из них поддерживала в коллективе дух творчества, дух смелой критики, чтобы личный пример учителя-коммуниста являлся хорошим образцом для всех учителей.

Опыт работы показывает, что самостоятельные школьные партийные организации глубже вникают в учебно-воспитатель-

[1] Об изменении срока обучения в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, «Правда», 13 августа 1964 г.

[2] Текущий архив сектора учета и партстатистики ОК КПСС, Статистические отчеты о составе партийных организаций.

ную работу, становятся политическим вожаком, душой и воспитателем коллектива учителей.

Усиление деятельности первичных партийных организаций школ определяется тем, что обком КПСС, горкомы и райкомы партии стали больше уделять внимания вопросам руководства ими и улучшения их работы. На бюро райкомов и горкомов КПСС стали чаще заслушиваться отчеты секретарей школьных партийных организаций, директоров школ, конкретней стали их рекомендации по выполнению намеченных Программой КПСС задач по обучению и воспитанию подрастающего поколения.

Однако в руководстве народным образованием есть еще и недостатки. Слабо повышается ответственность партийных комитетов производственных управлений, Министерства просвещения республики и местных Советов депутатов трудящихся за состояние дел в школах.

В результате недостатков в руководстве народным образованием, слабой работы некоторых педагогических коллективов в республике из года в год не выполняется Закон о всеобуче. Вне школы ежегодно оставалось более 700 детей школьного возраста, а это привело к тому, что в настоящее время значительная часть работающей молодежи в республике не имеет семилетнего и восьмилетнего образования. Слабо разрешается проблема второгодничества, ежегодно оставляется на второй год около 10 тысяч учащихся.

Перестройка школы продолжается. Идет процесс совершенствования системы народного образования. Работники народного просвещения ищут и проверяют на практике новые формы и методы обучения и воспитания подрастающего поколения.

Обобщение и распространение положительного опыта — необходимое условие успешного выполнения планов коммунистического строительства, в том числе и в области народного образования. Вопросы перестройки и совершенствования системы народного образования, укрепления материальной базы школы должны и впредь стоять в центре внимания партийных организаций, местных Советов и всей общественности республики.

П. С. Ласкуткин

ТРУДЯЩИЕСЯ ГОРОДА РУЗАЕВКИ В БОРЬБЕ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ СЕМИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Семилетний план развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы является важнейшим этапом коммунистического строительства в нашей стране. Он предусматривает дальнейший значительный рост производительных сил советского общенародного государства, укрепление и развитие социалистических производственных отношений, огромные достижения в области культуры.

За семилетку в хозяйственный оборот страны вовлекаются в невиданных ранее масштабах все новые природные богатства, входят в строй тысячи новых крупных промышленных предприятий. Уже сейчас в экономике СССР происходят коренные изменения как в структуре народного хозяйства, так и в географическом размещении производительных сил.

В быстро развивающейся экономике страны все большую роль начинают играть и автономные республики Среднего Поволжья, где особенно быстрыми темпами растет промышленность Мордовии.

Действительно, в 1928 году в этом национальном районе Советского Союза было всего 33 небольших промышленных предприятия, на которых было занято около 7 тысяч рабочих. Валовая продукция всей промышленности (в ценах 1927 года) едва достигала 19 млн. рублей. В настоящее время, в период развернутого строительства коммунизма, в республике успешно борются за выполнение заданий семилетки более 500 промышленных предприятий, в том числе такие крупные и ведущие заводы, как электроламповый, «Электровыпрямитель», кабельный, цементный, светотехнический, мотовозоремонтный, автосамосвалов, медицинских препаратов и т. д. Быстро растет объем валовой продукции промышленности, в 1960 году он составлял уже более 3 млрд. рублей. Численность рабочих возросла в 7 раз.

Развитие промышленности, новое промышленное строительство в Мордовии еще более ускорилось после перестройки

управления промышленностью и строительством и создания Совета народного хозяйства Мордовского экономического административного района, а затем укрупненного Волго-Вятского совета народного хозяйства. Большие работы проводились по строительству новых предприятий тяжелой и легкой промышленности в республике.

Важно отметить, что в годы семилетки промышленная продукция Мордовии вышла не только на общесоюзную арену, но и за границу. Сейчас мордовский цемент, полупроводниковые изделия, люминесцентные лампы, кабельные изделия, автосамосвалы, пенициллин и другая продукция поставляется во многие районы Советского Союза и в десятки иностранных государств.

В промышленном развитии нашей республики все большую роль с каждым годом начинает играть Рузаевка. В прошлом небольшой рабочий поселок, Рузаевка является сейчас вторым, после Саранска, городом Мордовии, где за годы семилетки быстро стала развиваться промышленность. Теперь это не только важнейший железнодорожный, но и промышленный центр нашей республики, трудящиеся которого успешно борются за выполнение заданий семилетнего плана.

Включившись в социалистическое соревнование за претворение в жизнь решений XXII съезда КПСС и новой Программы партии, железнодорожники Рузаевского узла успешно справляются с задачами по перевозке народнохозяйственных грузов.

В 1963 году промышленность города Рузаевки досрочно, 25 декабря, выполнила государственный план на 100,5%.

В этом немалая доля труда передовых людей производства. Изо дня в день растет число участников соревнования за звание ударников и коллективов коммунистического труда. Это патриотическое движение, начатое по инициативе рабочих депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги, является могучим средством успешного осуществления заданий XXII съезда КПСС.

В первых рядах борцов за досрочное выполнение семилетнего плана идут участники замечательного движения современности — бригады и цехи коммунистического труда.

Отлично трудятся в Рузаевке машинист электровоза, депутат Верховного Совета СССР товарищ Акимов Петр Иванович, машинисты Альмяшов, Пителин, составитель поездов, депутат Верховного Совета РСФСР П. Е. Метликин, систематически перевыполняющий нормы выработки по продвижению поездов. За звание бригад и смен коммунистического труда сейчас в городе борются 26 предприятий, 111 цехов и смен, 423 бригады общей численностью 8500 человек. Кроме того, сотни рабочих, служащих борются за звание ударников коммунистического труда по индивидуальным обязательствам.

Три предприятия, двенадцать цехов и 265 бригад с общим

числом 2300 рабочих уже завоевали почетное звание коллективов коммунистического труда и 2280 рабочих носят почетное звание ударников коммунистического труда.

Показывают образцы коммунистического труда строительные бригады В. Е. Матявина, Я. А. Поцелуева, А. М. Ширяева, П. С. Муличева, Б. И. Рябова, комплексная бригада строительно-монтажного поезда № 244—А. А. Смирнова, С. В. Маркина, А. И. Соколова, которые из месяца в месяц перевыполняют ежедневные задания на 120—125%.

А каменщик на строительстве жилых домов тов. П. Ф. Логинов, электросварщик ВОДРЕМ-29 О. Н. Заськина, слесари Н. Ф. Еркин, П. С. Авдеев, П. М. Фешин, М. З. Болисов, А. Д. Дивейкин, бригадир каменщик Н. Д. Гудков, машинист автокрана И. П. Жирнов, бригадир комплексной бригады 2-й дистанции В. П. Глебов, откатчица кирпича Рузаевского цеха Саранского кирпичного завода В. Ф. Адмакина, асфальтировщики Романов, Осипян ежедневно выполняют по полторы нормы.

Сейчас движение за коммунистический труд в Рузаевке из сферы материального производства распространилось и на работников торговли, коммунального хозяйства, здравоохранения, народного образования и других отраслей, вызвало к жизни движение за дома коммунистического быта и т. д. Душой социалистического соревнования и движения за коммунистический труд и быт выступают коммунисты и комсомольцы.

Комплексной бригаде строительно-монтажного поезда № 244 (бригадир А. А. Смирнов) за хорошие показатели присвоено звание бригады коммунистического труда. Алексей Афанасьевич решил по почину Валентины Гагановой перейти в отстающую бригаду. Руководство строительно-монтажного поезда поддержало этот благородный поступок и дало ему отстающую бригаду. В настоящее время под руководством А. А. Смирнова коллектив бригады стал ежедневно выполнять нормы. Бригада А. А. Смирнова работала на реконструкции локомотивного депо станции Рузаевка, затем на путевых работах подъездных путей совнархоза. В 1963 году ей присвоено звание бригады коммунистического труда.

Коллективы предприятий промышленности города выполнили взятые социалистические обязательства по выполнению народнохозяйственного плана пятого года семилетки. План 1963 года по выпуску товарной продукции выполнен на 104,5%, задание по производительности труда — на 105%. Все предприятия Рузаевки добились снижения себестоимости продукции и улучшения ее качества. Так, молодой коллектив завода «Химмаш» выполнил план к 25 декабря 1963 года по выпуску химического оборудования для большой химии страны. Особенно хорошо работает на этом крупнейшем предприятии смена мастера депутата городского Совета т. Кувайкина.

Успешно выполняет плановые задания бригада трикотажников, возглавляемая сменными мастерами тт. Смагиной и Коршуновой. Им присвоено звание бригад коммунистического труда. Среди ударников коммунистического труда передовое место занимают столяр комбината бытового обслуживания В. П. Миронов, швейницы Р. Т. Ермакова, З. Ф. Карпунькина, А. С. Родичкина и другие.

Новое промышленное строительство, реконструкция и расширение промышленных предприятий Рузаевки значительно изменят лицо города. Большая работа идет по культурному и бытовому строительству.

Закончено строительство мощной районной электроподстанции на 220/110 киловольт с телевизионным управлением. Эта подстанция связана с единой энергетической системой европейской части СССР через линию передач напряжением 220 киловольт, идущей из района Арзамаса через Рузаевку и на Пензу. В городе реконструированы трансформаторные подстанции и электросети переведены на 10 киловольт. Это позволило полностью удовлетворить электроэнергией промышленность, бытовые нужды населения города, то есть навсегда решен вопрос об энергетической базе, являвшейся раньше тормозом промышленного строительства в городе.

За первые годы семилетки произведена коренная реконструкция Рузаевского узла и электрификация железной дороги. В 1960 году закончены строительные работы по путепроводной развязке в Инзенском направлении, что значительно увеличило пропускную способность станции Рузаевка. Уже в 1963 году свыше 90% всех перевозок по Рузаевскому отделению осуществляется электрической тягой. Построено электродепо и реконструировано старое локомотивное депо, которые значительно улучшили условия труда локомотивных бригад и коллектива локомотивного депо.

В 1962 году построен автогужевой мост через железную дорогу на 616 километре, что обеспечило безопасность движения через железнодорожные пути и беспрепятственный проезд в юго-западные районы республики.

В конце 1964 года Рузаевское отделение перейдет на автоблокировку. Тяговые подстанции будут переведены на телеуправление. В этом же году произведут переход на тепловозную тягу участка Рузаевка — Красный Узел.

Рузаевские железнодорожники получили новое здание поликлиники на 200 посещений с новейшим медицинским оборудованием, новую железнодорожную среднюю школу № 15.

За годы семилетки на железной дороге значительно увеличится грузооборот, повысится производительность труда, снизится себестоимость перевозок и ускорится оборот вагонов.

В настоящее время в Рузаевке создаются такие крупные

промышленные предприятия, как завод химического машиностроения, завод электровакуумного машиностроения, реконструирован Рузаевский кирпичный завод (он стал круглогодового действия). Расширены цеха швейной фабрики, строятся трикотажная фабрика, хлебозавод, расширяются цеха комбината бытового обслуживания, будет строиться молочный завод.

В 1962 году в городе установлена автоматическая телефонная станция на 500 номеров, что значительно улучшило работу связи.

Коллективы предприятий Рузаевки, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации настойчиво работают над повышением уровня промышленного развития города, дальнейшим улучшением работы и развитием железнодорожного узла и улучшением работы промышленных и строительных организаций.

Для развития промышленности Рузаевки в 1959—1963 годах характерны две особенности: во-первых, высокие темпы роста, во-вторых, создание и развитие новых отраслей промышленности. Валовой выпуск продукции промышленных предприятий города возрастет за семилетку примерно в 8 раз, в то время как в Мордовской республике — в 5 раз, а в целом по стране — в 1,8 раза.

В Рузаевке быстро развиваются такие новые отрасли промышленности, как машиностроение и металлообработка, промышленность строительных материалов и легкая промышленность.

На развитие народного хозяйства в городе, промышленное строительство и реконструкцию железнодорожного узла за семилетку будет израсходовано около 50 миллионов рублей капиталовложений, или в 10 раз больше, чем было вложено в предыдущее семилетие.

Огромное значение для развития промышленности и для удовлетворения коммунально-бытовых нужд трудящихся имеет газификация города за счет включения Рузаевки в газопровод Саратов — Горький.

Работы по газификации уже начаты. К концу 1964 года будет газифицировано до 1000 квартир, 10 котельных и будет проложено до 10 километров газопровода. Потребление газа изменит структуру топливного баланса в городе.

За семилетие значительные работы будут проведены по строительству в городе асфальтных дорог, тротуаров и других коммуникаций. На эти цели запланировано израсходовать 3,5 миллиона рублей.

Важнейшим показателем заботы партии и правительства об улучшении материального положения трудящихся является рост жилищного, культурного и хозяйственно-бытового строительства.

В городе Рузаевке за семилетие государственный жилой фонд возрастет на 25—30 тысяч квадратных метров. Появятся новые благоустроенные жилые дома по улицам Трыновской, Маяковского, Пионерской, в поселке завода «Химмаш» и др. В 1953 году составлен генеральный план застройки города на ближайшие 10—15 лет, уже сейчас много сделано в этом направлении. Московским институтом «Гипрогор» ведутся проектные работы по реконструкции генплана города Рузаевки, которые закончатся в 1964 году, где в комплексе будут решены вопросы городского строительства.

В 1960 году Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР провели Всесоюзное совещание по градостроительству. Совещание показало, что в планировании, застройке и благоустройстве советских городов достигнуты большие успехи. Особенно много сделано в этой области за последние пять-семь лет.

Следует сказать, что это можно видеть и по городу Рузаевке. В городе много новых улиц и кварталов с благоустроенными жилыми домами. Только за последние два года введено в эксплуатацию жилья около 20 тысяч квадратных метров .

В городе построена в комплексе школа-интернат (учебный корпус на 520 человек, общежитие на 300 человек, прачечная, баня, столовая для учащихся — сметной стоимостью в 560 тысяч рублей).

Полностью интернат введен в эксплуатацию в 1962 году. В 1962 году построен широкоэкранный кинотеатр на 500 мест.

В семилетку будет проведено 10 километров водопроводной и канализационной сети, построены головные сооружения водопровода, артезианские скважины, водонапорная башня, насосная станция. Всего в течение семилетки на развитие коммунального хозяйства в Рузаевке будет израсходовано свыше 500 тысяч рублей.

Выполнение планов коммунального строительства партийные и советские организации города взяли под постоянный контроль общественности, ибо только при помощи и непосредственном участии самих трудящихся можно быстро и качественно осуществить намеченные мероприятия.

С помощью общественности Рузаевки в 1959—1964 годах проведены большие работы по озеленению улиц и площадей.

Посажено 16 тысяч кронистых деревьев, более 25 тысяч кустарников.

Жителями города посажено 15 тысяч фруктовых деревьев. Это хорошее и многообещающее начало.

За семилетие в Рузаевке будет построено 15 новых магазинов и домовых кухонь, две столовых на 250 посадочных мест. Рост товарооборота уже в 1963 году по сравнению с 1958 годом составил 45%.

Трудящиеся города с большим политическим и трудовым

подъемом работают над осуществлением задач, поставленных двадцать вторым съездом Коммунистической партии Советского Союза и последующими пленумами Центрального Комитета КПСС.

Работники строительных организаций поставили задачу: планы шестого года семилетки выполнить досрочно. Коллективы строительных организаций на своих собраниях в феврале 1964 года взяли социалистические обязательства по досрочному выполнению плана строительных работ шестого года семилетки и с честью их выполняют. Коллектив строительного управления «Химмашстрой» и монтажники заканчивают строительство первого корпуса, в IV квартале этого года будут сданы второй и третий корпуса Рузаевского завода электровакуумного машиностроения.

Кроме этого, в 1964 году будет введено в эксплуатацию всеми строительными организациями жилья 8 тысяч квадратных метров, 3 магазина; начнется строительство универсального магазина на 40 рабочих мест.

Коллективом ВОДРЕМ-29 к началу учебного 1964/1965 года сдана в эксплуатацию школа № 15— первая очередь на 650 мест и к августу 1965 года — вторая очередь еще на 350 мест, со спортивным залом, и жилой 64-квартирный дом 25 сентября 1965 года.

Коллектив строительного поезда № 244 Министерства транспортного строительства в 1964 году сдает в эксплуатацию два 32-квартирных дома, один из которых уже заселен.

Коллектив второй дистанции зданий и сооружений должен закончить капитальным ремонтом жилья 3000 квадратных метров к октябрю 1964 года.

Коллектив строительного треста «Горжилкоммунстрой» борется за полное освоение отпущенных ассигнований на строительство 64-квартирного дома, сдачу в эксплуатацию в 1964 году двух магазинов, картофелехранилища, освоение отпущенных ассигнований на строительство комбината бытового обслуживания.

Строители города борются за дальнейший рост производительности труда, снижение себестоимости строительных работ, за технический прогресс, за внедрение передовых методов труда, повышение качества строительных работ. Строить быстрее, лучше, дешевле! Эти четыре ёмких слова стали девизом для строителей.

Коллектив строительно-монтажного поезда № 244 принял активное участие в электрификации дороги Москва — Байкал и добился вместе со всеми строителями замечательной трудовой победы: досрочно сдана в эксплуатацию электрифицированная железная дорога на участке Рузаевского отделения Куйбышевской железной дороги транссибирской магистрали Москва — Байкал.

За успешное выполнение задания по электрификации железнодорожной магистрали Москва — Байкал, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1962 года были награждены высшими правительственными наградами многие строители Рузаевки. Орденом Ленина награжден бригадир комплексной бригады А. А. Смирнов, орденом трудового Красного Знамени награжден И. В. Маркин—бригадир комплексной бригады строительно-монтажного поезда № 244, орденом «Знак Почета» награжден начальник поезда В. Д. Чирва. В 1962—1963 годах за успешную работу на строительных объектах Президиум Верховного Совета Мордовской АССР наградил также десятки строителей Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Мордовской АССР.

За годы семилетки руками строителей построено более ста километров вторых путей, более чем на 750 километрах пути уложены рельсы тяжелого типа с постановкой их на щебеночные основания. Произведена реконструкция путевого развития станции Рузаевка и других станций с реконструкцией станционных путей и средств сигнализации и связи. Коллектив отделения железной дороги борется за улучшение основных измерителей. Все это даст возможность коллективу улучшить эксплуатационные измерители, и в социалистическом соревновании в сети железных дорог коллективу Рузаевского отделения неоднократно в 1962, 1963 и 1964 годах присуждалось переходящее знамя Министерства путей сообщения СССР и ВЦСПС.

В соревнование за досрочное выполнение плана шестого года семилетки включились коллективы всех предприятий промышленности, транспорта и учреждений города.

Промышленность города в 1964 году шестимесячный план по выпуску валовой продукции выполнила на 106%, сверх установленного плана выпущено продукции на 324 тысячи рублей. По сравнению с соответствующим периодом прошлого года рост выпуска продукции составил 32 процента, в том числе: химического оборудования в два раза, станков для электротехнической промышленности в два раза, трикотажа верхнего на 31,5, а бельевого на 18 процентов, швейных хлопчатобумажных изделий в полтора раза, шерстяных на 52 процента.

Коллектив завода химического машиностроения досрочно выполнил шестимесячный план по выпуску валовой и товарной продукции для большой химии страны на 102 процента.

Отрадно отметить, что работники промышленности, свято выполняя ленинские указания о всемерном повышении производительности труда, в текущем году добились замечательных успехов, перевыполнив задание на 3,8 процента, опередив уровень прошлого года на 25 процентов.

Замечательными трудовыми делами встретила 2-го августа свой праздник — Всесоюзный день железнодорожника — славная гвардия рабочего класса Рузаевки — железнодорожники.

Коллектив локомотивного депо, отдел вагонного хозяйства замечательно работали в 1963 году, успешно справились с выполнением всех технико-экономических показателей в первом полугодии 1964 года.

Коллективы локомотивного и вагонного депо план шести месяцев перевозки народнохозяйственных грузов перевыполнили, план ремонта вагонов выполнен на 101%, снижена себестоимость ремонта против плана на 1,5 процента, перевыполнили задание по производительности труда на 5,1 процента.

Хорошо трудятся локомотивные бригады электровозов, которые систематически перевыполняют среднесуточный пробег и техническую скорость, настойчиво борются за более производительное использование локомотивов.

Коллектив станции Рузаевка выполнил план погрузки и выгрузки вагонов, систематически перевыполняет план по производительности труда, обеспечивает снижение себестоимости.

Каждое предприятие железнодорожного узла имеет достойных маяков, среди которых особо следует отметить машиниста-инструктора колонны коммунистического труда тов. Брагина, мастера цеха коммунистического труда тов. Федорова, машинистов локомотивов тт. Башканова, Данилова, мастера смены ПТО тов. Авдеева и многих других.

В дни подготовки к железнодорожному празднику коллектив отделения дороги изыскивал новые резервы увеличения работы локомотивов. Так, на отделении дороги изменена система развоза местного груза, что позволило отменить сборные поезда на участке Инза—Рузаевка, сокращено время простоя электровозов на станции Потьма и время стоянки порожних маршрутов.

Все эти и другие меры дали возможность довести среднесуточный пробег электровозов на 110 процентов.

В первом полугодии 1964 года коллектив отделения приложил немало усилий для освоения грузооборота и выполнения повышенных заданий плана 1964 года. Итоги работы показывают, что коллектив отделения справляется с поставленными задачами.

При перевыполнении плана грузооборота первого полугодия на 2,2 процента на 4,3 часа ускорен оборот вагона. Хорошо используется подвижной состав. Простой транзитных вагонов сокращен по сравнению с заданием на 0,97 часа, а под одной грузовой операцией — на 7,7 часа. Участковая скорость повышена против плана на 0,5 километра в час.

С каждым днем работы на стройках семилетки приобретают все большие масштабы. Особенно широк размах строительных работ за последние шесть лет семилетки в городе Рузаевке, где создаются новые мощности промышленных предприятий химического машиностроения, электротехнической промышленности, строительных материалов и легкой промышленности.

Растет рабочий класс Рузаевки. На заводе химического машиностроения работает в 1964 году более тысячи человек, к концу семилетки будет до 2,5 тысячи человек, в 1968 году — до 5 тысяч человек рабочих и служащих будут заняты на изготовлении химического оборудования для большой химии страны.

Всего в настоящее время в городе насчитывается около 40 тысяч населения, к 1970 году его будет 60—70 тысяч.

Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют большую заботу о культурно-техническом росте трудящихся. Например, в г. Рузаевке с 1 сентября 1964 года открыт филиал Мордовского государственного университета (вечернее отделение), открыт филиал Саранского политехнического техникума (дневное и вечернее отделения), открыт консультационный пункт Всесоюзного заочного института железнодорожного транспорта и другие учебные заведения.

Свой вдохновенный труд в борьбе за успешное выполнение заданий семилетки труженики Рузаевки умело сочетают с учебой. В общеобразовательных школах учится около 7 тысяч человек. В школах рабочей молодежи и республиканских консультпунктах учится 120 человек. В высших и средних специальных учебных заведениях страны учится около 900 человек. Каждый четвертый человек города учится. Это еще раз наглядно подтверждает заботу нашей Коммунистической партии и Советского правительства о культурном росте советского народа.

Борьба советского народа за успешное выполнение семилетнего плана вступила в завершающий этап. Уже сейчас ясно видно, что семилетний план будет досрочно выполнен. Свой посильный вклад в это общенародное дело борьбы за коммунизм вносят и труженики города Рузаевки.

В. Н. Белицер

СООБЩЕНИЕ О НЕКОТОРЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Мордва самый крупный из народов финно-угорской языковой семьи на территории Восточной Европы. Численность мордвы по переписи 1959 года 1285,1 тыс. человек. Впервые мордва под именем «Mordens» упоминается у готского историка Иордана, жившего в VI веке нашей эры. В сочинении византийского писателя Константина Багрянародного (X век) указывается на страну «Мордиа». Название мордва встречается в Начальной летописи, а позже не сходит со страниц русских летописных сводов. В настоящее время термин «мордва» служит наименованием для всего народа, который делится на две основные группы: мордву-эрзю и мордву-мокшу. Каждая группа сохраняет до настоящего времени свое самоназвание (эрзя и мокша), особенности в языке, материальной культуре (одежде и жилище) и народном творчестве.

На территории Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики эрзя живет по преимуществу в северо-восточных и восточных районах, а мокша в западных и юго-западных. За пределами республики значительные группы эрзянских селений имеются в Горьковской, Куйбышевской, Оренбургской, Саратовской и Ульяновской областях, а мокшанских селений больше в Пензенской области, хотя там живет и эрзя. В Татарской, Башкирской АССР, в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке живет эрзя и мокша, но численно преобладает эрзя.

Кроме этих основных групп, среди мордвы выделяются и еще две более мелкие этнографические группы: терюхане и каратаи. Терюхане — группа мордвы, обитавшая в пределах Горьковской области, недалеко от города Горького. В настоящее время она полностью слилась с русским населением, но еще в 20-х годах сохраняла ряд особенностей в культуре: одежде, жилище, свадебных обрядах и своеобразной интонации речи. Само название ее было позабыто; терюхане говорили по-русски и называли себя мордвой. Наименование терюхане не является самоназванием этой группы, а связано с названием бывшего центра рай-

она — села Большого Терюшева, происходящего, по всей вероятности, от мужского мордовского имени: Теряй — Терюхай — Терюш.

Каратаи живут в трех селах на территории Татарской АССР, говорят на татарском языке. Их материальная культура близка к русской. Официально числятся мордвой, сами себя называют мордвой-каратаями. Термин «каратаи» совпадает с названием одного из сел, в котором они живут — Мордовские Каратаи.

Процесс консолидации отдельных групп мордовского народа в царской России шел весьма медленно. Это объяснялось отчасти тем, что мокша, эрзя, терюхане и каратаи не соприкасались территориально и жили в разных районах чересполосно с русскими, татарами и отчасти чувашами. В тех же, хотя и немногих районах, где эрзя и мокша жили по соседству, процесс культурного взаимодействия шел быстрее, но далеко не везде одинаково. Это зависело от целого ряда исторических причин, численности той или другой группы, степени воздействия русской или татарской культуры и т. д.

Так, например, локальная группа мордвы-эрзи, расселенная ныне в пятнадцати селах в северо-западной части республики по нижнему течению реки Мокши и известная в литературе под названием «теньгушевской», оторвавшись еще в период XVI—XVII веков от общей массы эрзянских поселений и живя продолжительное время среди мокши, сохраняет, однако, и поныне свое самоназвание «эрзя». Народный женский костюм этой группы имеет ряд отличий как от костюма эрзи, так и от костюма мокши, своеобразны фольклор и многие обряды этой группы, например, свадебные. Говорит теньгушевская группа эрзи на переходном диалекте от эрзянского к мокшанскому языку. Ее этническое своеобразие определяется также сильным влиянием соседнего русского населения, в непосредственной близости с которым она живет уже длительное время.

В тех случаях, когда в иную этнокультурную среду попадает совсем небольшая по численности группа, процесс ассимиляции ее со стороны более многочисленного соседнего населения идет быстрее. Но и здесь чаще можно наблюдать более длительную сохранность самоназвания, родного языка и этнической принадлежности по сравнению с национальной культурой.

В Торбеевском районе Мордовской АССР в гуще мокшанских поселений имеются два эрзянских села: Дракино и Кажлотка. Жители этих сел — поселенцы XVII века из бывшего Теньгушевского района. Несмотря на то, что они живут среди мокши уже около четырех столетий, они продолжают называть себя мордвой-эрзей и говорят на особом так называемом дракинском диалекте эрзянского языка. Сохранив язык и этноним, они восприняли мокшанскую культуру. Костюм и жилище у населения этих двух сел мокшанские.

Обратный процесс культурного взаимодействия со стороны эрзи на мокшу наблюдается в смешанных районах, где эрзя численно превосходит мокшу, например, в бывшем Сосновоборском и бывшем Шемышейском районах Пензенской области. На территории бывшего Шемышейского района в 1957 году из двадцати мордовских поселений было 17 эрзянских и 3 мокшанских, а на территории бывшего Сосновоборского района — 24 эрзянских и 7 мокшанских. Близость экономики и тесное хозяйственное и культурное общение между обеими группами в течение нескольких столетий способствовали стиранию этнического своеобразия в культуре мокшанской группы. Мокша сел Пиксанкино, Вязовка, Старая и Новая Яксарка в настоящее время пользуется теми же орудиями труда и живет в таких же домах, что и здешняя эрзя. Рубленые дома по большей части четырехстенки, стоят перпендикулярно улице, покрыты двухскатными крышами, богато украшены резьбой, и рядом с домом у многих пристроен коридор с выходящим на улицу крыльцом. Внутренняя планировка избы у мокши, как и у эрзи, в этом районе среднерусская. Такая особенность старинной мокшанской избы, как «кершпель» (подобие нар), и южно-русская планировка в этих селах не сохранились.

Что касается народного костюма, то он представлял собой смесь мокшанских и эрзянских черт. Мокша села Пиксанкино лет 15—20 назад оставила свой национальный костюм, который состоял из холщевой рубахи «панар» эрзянского покроя, белого холщевого халата типа руци под названием «паньжат» с традиционной эрзянской вышивкой. Местные мокшанки, как и эрзянки, не носили под рубахой холщевых штанов (черта, характерная для эрзи); а в качестве поясного украшения вместо эрзянского тяжелого «пулая» было известно характерное для мокши бисерное украшение «каркспеть». Многие семейные и другие обычаи и обряды в настоящее время между обеими группами также весьма близки.

Говорит мокша вышеуказанных районов на мокшанском языке, в котором много эрзянских слов и выражений.

Сближению мокши и эрзи во многом способствуют смешанные браки. Мужчины-мокшане часто брали и берут невест из соседних эрзянских сел. Так, например, девушки-эрзянки из села Армиево выходят часто замуж в мокшанское село Пиксанкино. Они приносят в мокшанскую семью свое приданое, которое состоит в основном из постели и предметов одежды. В те годы, когда еще бывал традиционный эрзянский костюм, этот обычай способствовал его внедрению в мокшанскую среду, так же как и распространению эрзянского (материнского) языка в мокшанской семье.

Самоназвания «мокша» и «эрзя» у населения, живущего за пределами мордовской республики, по большей части продолжают еще сохраняться. Эрзя в разговоре с русскими, однако,

чаще, чем мокша, называет себя мордвой и противопоставляет себя последней: «Мы в Федоровке — мордва, а в Кузьминовке живет мокша»[1]. Мокша в свою очередь противопоставляет себя «коренной мокше», живущей на территории Мордовской республики, и указывает на различия с ней в костюме и языке.

Вместе с тем необходимо отметить, что за последние 10—15 лет процесс сближения мокши и эрзи особенно усилился. Этому во многом способствует отъезд населения, главным образом мордовской молодежи, из деревень в города и промышленные центры, совместная работа на производстве и более тесное общение в быту. Культурному сближению мокши и эрзи содействует также совместное обучение в Мордовском университете и в специальных средних учебных заведениях республики.

Этническую историю и культуру мордовского народа нельзя понять и правильно осветить без учета воздействий на нее со стороны татарской, башкирской, хазарской, болгарской и русской культуры. По сравнению с другими финно-угорскими народами, живущими в Советском Союзе, мордва занимает наиболее южную территорию, и вполне естественно, что в ее культуре значительно больше южных степных черт. Исторические источники сообщают нам, что мордва находилась значительное время под властью хазар и затем камских болгар. С приходом монголо-татарских завоевателей и образованием Золотой орды, а позднее Казанского ханства мордва попадает в зависимость к татарам и в какой-то части становится крепостной татарских мурз. На мордовских землях строится улусный город Мухши и возникает целый ряд татарских поселений.

В мордовском старинном фольклоре борьбе со степняками-кочевниками — нагайцами, татарами, башкирами и другими отводится большое место. В материальной культуре мордовского народа мы также встречаем значительно больше черт южного происхождения по сравнению с другими финно-угорскими народами. Так, например, у мордвы в недалеком прошлом было широко развито кустарное изготовление войлока. В мордовских песнях особенно часто упоминается белый войлок, который служил одеялом и постелью. Весьма возможно, что в прошлом некоторые группы мордвы имели верблюдов. В мордовском фольклоре имеются неоднократные сообщения о поясах и других частях одежды, сотканных из верблюжьей шерсти.

В современном быту мордвы широко распространены вещи, сплетенные из тростника, осоки и соломы. Таковыми являются циновки, занавески, покрышки, которые по своему виду весьма близки к казахским и башкирским, а также разнообразные по величине и форме соломенные блюда и чашки, большие сосуды для хранения зерна и муки. Музыкальный инструмент мордвы

[1] Запись сделана автором статьи в селе Федоровка Мелеузского района Башкирской АССР в 1953 году. См. Материалы мордовского отряда Комплексной экспедиции в архиве Института этнографии.

«нудей», вырезанный из тростника, весьма близок к башкирскому кураю.

Ряд черт степной культуры, более южной в своей основе, мы встречаем больше у мордвы-мокши. Так, например, ткацкий стан, распространенный у мордвы-мокши, отличается от ткацкого стана русских и мордвы-эрзи тем, что не имеет боковых стоек и заднего навоя. Он аналогичен по своему устройству с ткацким станом башкир и татар. В мокшанском узорном ткачестве мы встречаем закладную технику, так называемую паласную, столь характерную для народов Средней Азии и поволжских татар. Штаны, как обязательная часть женского мокшанского костюма, по своему покрою аналогичны с татарскими, чувашскими и башкирскими, что также указывает на близость культуры мокши и соседних тюркских народов. Нагрудные и наплечные украшения, сделанные из монет, кожи, бисера и кораллов, кольца и браслеты близки к башкирским и татарским. Наконец, украшение из ковыля на головном уборе — все это лишний раз свидетельствует о том, что культура мордвы и в особенности мордвы-мокши складывалась не без участия южных соседей.

В настоящее время на территории Татарской, Башкирской, Мордовской АССР, а также в ряде приволжских областей зачастую можно встретить села со смешанным мордовско-татарским населением и смешанные мордовско-татарские колхозы. В тех случаях, когда в смешанных мордовско-татарских селах преобладает татарское население и они расположены на территории Татреспублики (например, село Подлесные Шанталы Чистопольского района Татарской АССР, где из 202 дворов 190 татарских и 12 мордовских), мы наблюдаем постепенную ассимиляцию мордвы татарами. Этому во многом способствует местная школа, в которой обучение ведется до 8-го класса на татарском языке. Живя совместно с татарами, мордовское население села Подлесные Шанталы свободно владеет татарским языком и говорит по-татарски на производстве, собраниях, на улице, в клубе, и только в узком кругу семьи продолжает сохраняться мордовский язык. Естественно, что он начинает забываться, в особенности у молодежи.

Яркий пример языковой ассимиляции представляет группа мордвы-каратаев. Утратив мордовский язык и говоря по-татарски, каратаи, однако, продолжали значительно дольше носить мордовский костюм и сохранять свои мордовские обычаи и свой самобытный фольклор.

В вопросах ассимиляции и культурных взаимовлияний большое значение, как мы уже указывали, имеют смешанные браки. Браки между мордвой и татарами довольно редки, но все же случаются. В смешанных татаро-мордовских деревнях, например, имеются по две-три семьи, в которых муж—татарин, а жена — мордовка. Дети, родившиеся от такого брака, носят татар-

ские имена, говорят по-татарски, а когда вырастают и получают паспорт, записываются татарами. Встречаются, но более редко, семьи, в которых женщина-татарка вышла замуж за мордвина в мордовскую деревню. В этих случаях господствующим языком в семье остается мордовский, и дети, родившиеся от этого брака, обычно записываются мордвой[1].

Основные этнические процессы, протекавшие в жизни мордовского народа, неразрывно связаны с русским народом и его культурой. Мордва по сравнению со многими другими народами Восточной Европы очень рано вошла в соприкосновение со славянами (VI—VII вв.). Живя чересполосно с русским народом в течение многих столетий, мордва восприняла от русских соседей, а в других случаях и выработала совместно с ними более прогрессивные приемы сельскохозяйственной техники, домостроительства, некоторых видов производства и т. д. При этом следует отметить, что в культуре мордвы-мокши имеется больше общих черт с культурой южных великоруссов, а в культуре мордвы-эрзи с комплексом культуры средних великоруссов. Эта общность проявляется в навыках ведения хозяйства, орудиях труда, типе жилищ и дворов, внутренней планировке, общих чертах костюма и т. д. Так, например, мокша в прошлом молотила снопы цепами южнорусского типа и складывала на полях снопы в «хресцы», а эрзя молотила снопы цепами северновеликорусского типа и складывала снопы в «бабки». У мокши была распространена конопля, у эрзи наряду с коноплей возделывался и лен. Мокша иногда и сейчас пользуется ткацким станом без навоя и рамы, у эрзи же бытовал ткацкий стан русского образца, распространенный в соседних с эрзей русских районах. Для мокши более типично двухраздельное жилище с четырехскатной крышей, поставленное параллельно улице с южнорусской внутренней планировкой и открытым двором, на котором хозяйственные постройки стоят в беспорядке и не связаны с домом; для эрзи более типичен трехразрядный дом, стоящий перпендикулярно улице под двухскатной крышей со среднерусской внутренней планировкой, со двором покоеобразной застройки. Общность в традиционном костюме южных великоруссов и мордвы-мокши проявляется в однотипных украшениях из бисера, птичьих перьев и пуха, близких частях одежды (передника — занавески, безрукавки) и головных уборов, например, «ленты», «сороки». В свою очередь, многие группы мордвы-эрзи, оставив свой народный костюм, стали носить русский костюм, который состоял из так называемого московского сарафана, короткой рубахи, рукавов, запона и кокошника. Этот костюм был характерен для русского населения северной и отчасти средней полосы.

[1] Такие семьи были отмечены нами в селах Старая Теризморга Шайговского района Мордовской АССР и в селе Мордовские Боганы Чистопольского района Татарской АССР.

Процессы культурного взаимовлияния у мордвы и русских проходили далеко не везде одинаково. Мордва — переселенцы из коренных районов Мордовии, обосновавшись на новых местах по соседству с русскими (было это в XVII или XX веках), быстрее оставляла свою традиционную культуру: старинные пахотные орудия, тип дома, национальный костюм, домашнее ткачество и т. д. и приобщалась к более передовой русской культуре. К началу XX века материальная культура мордвы, живущей за пределами своих коренных районов, главным образом в Заволжье, не отличалась от соседнего русского населения. Значительно дольше, вплоть до наших дней, в большинстве мордовских сел за пределами республики продолжали сохраняться мордовский язык, национальная принадлежность и самоназвание, а также фольклор и частично некоторые семейные обряды, как-то: свадебные и похоронные.

Однако в процессе ассимиляции одного народа другим не всегда вначале происходила утрата материальной культуры, а затем языка и самоназвания. Иногда процесс шел обратным путем. Ярким примером в этом отношении является группа мордвы-терюхан, которая еще в XVIII веке утратила свой родной язык и стала говорить по-русски, забыла и свое самоназвание, но сохраняла вплоть до 30-х годов текущего столетия своеобразие и богатство материальной и духовной культуры с ее очень древними чертами. Национальный костюм терюхан отличается от костюма мокши и эрзи. Головные уборы близки по своему типу к старинным головным уборам типа «хошпу» чуваш и бесермян. Металлические украшения, вышивки и аппликация по коже находят свои аналогии в древних культурах Средней Азии. Развитой культ предков, богатый фольклор и в особенности свадебные причитания дополняют интересную культуру этой небольшой группы мордвы, ныне уже окончательно исчезнувшей.

В советское время процесс сближения мордвы с русским народом еще более усилился. Этому во многом способствуют смешанные браки между мордвой и русскими. Девушки-мордовки выходят замуж за русских парней, а парни-мордвины женятся на русских девушках. Если такая семья живет в городе, рабочем поселке или русском селе, то господствующим языком в семье по большей части является русский язык; дети, родившиеся от смешанного русско-мордовского брака, часто не знают мордовского языка и, достигнув совершеннолетия, получая паспорт, записываются русскими. В тех же случаях, когда русская девушка выходит замуж в мордовскую деревню и живет в мордовской семье или русский парень, женившись на мордовской девушке, в качестве зятя входит в мордовскую семью, то господствующий язык в этих семьях остается чаще мордовский, и дети, родившиеся от такого брака, живя в мордовском селе и обучаясь в мордовской школе, хотя и знают русский язык, но в

семье говорят по-мордовски, а когда получают паспорт, то записываются мордвой.

Очень часты смешанные браки между сельской интеллигенцией. Приезжие русские учителя, учительницы, врачи и агрономы часто женятся на местных девушках-мордовках или выходят замуж за местных парней-мордвинов.

Тесному общению русских с мордвою во многом способствует также хорошее знание последней русского языка, который является для мордовского народа вторым языком. Эрзя и мокша, встречаясь друг с другом, разговаривают на русском языке, в смешанных эрзя-мокшанских семьях также разговорным языком является русский язык.

Хорошее знание русского языка у мордвы во многом зависит от школьного обучения. Мордовские дети, живущие за пределами республики, учатся в русских школах и изучают русский язык наравне с русскими детьми. Мордовские дети, живущие на территории республики в мордовских селах, обучаются до 4-го класса на мордовском языке, а затем преподавание всех предметов ведется по-русски. Родной мордовский язык (мокшанский или эрзянский) и мордовская литература преподаются как предмет, начиная с 5-го по 10 класс. На русском языке свободно говорит все мордовское население, живущее как на территории республики, так и за ее пределами. Хорошее знание русского языка в значительной степени повышает культурный уровень населения и способствует сближению мордовского народа с русским народом и его культурой.

А. Е. Алихова, Р. Ф. Воронина, А. В. Циркин

КЕЛЬГИНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

(Предварительное сообщение)

Второй год археологическая экспедиция Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики совместно с Мордовским государственным университетом[1] осуществляет стационарные раскопки древнемокшанского могильника Кельгинино, расположенного на южной окраине села Зарубкино (Торбеевский район МАССР).

Могильник открыт в мае 1963 года местным краеведом Смирновым Б. Е. и той же весной был обследован разведками А. С. Воскресенского. В целях получения сведений о хронологии и этнической принадлежности памятника А. С. Воскресенским был заложен раскоп, который дал интересный материал, позволяющий определенно отнести могильник мордве-мокше.

В течение июля 1963 года и июня 1964 года могильник был подвергнут всестороннему обследованию. Всего за два года раскопок было вскрыто 72 мужских и женских погребений и одно захоронение коня. Недостаток материальных возможностей не позволил развернуть обследование памятника в более широких масштабах.

Могильник расположен на правом возвышенном берегу речушки Чиуш в юго-западном конце села Зарубкино по обе стороны дороги Покасы—Зарубкино (таб. № 1). Северная граница могильника проходит по небольшому овражку, пересекающему с востока на запад населенный пункт. Западная граница — по крутому обрывистому краю второй речной террасы. Южной границей могильника служит песчаный карьер, расположенный в 300 метрах к югу от крайних домов села. По всей вероятности, разработки песчаного карьера со временем значительно разрушили южную часть могильника. Восточная граница ка-

---

[1] Экспедиция под руководством кандидата исторических наук А. Е. Алиховой работала в следующем составе: ассистента кафедры истории народов СССР Мордовского госуниверситета Ворониной Р. Ф., аспиранта Мордовского госуниверситета Циркина А. В., аспиранта МНИИЯЛИЭ Степашкина Ю. Б. и группы студентов-историков.

ких-либо внешних признаков не имеет. Однако, учитывая подъемный материал, который имеет в своем распоряжении экспедиция, эта граница, по-видимому, проходила в 350 метрах к востоку от речной террасы. Грунтовая дорога, проходящая по территории могильника, с течением времени углубляется, обнажая и разрушая погребения. Весной и особенно осенью дожди размывают могильник. Особую тревогу за судьбу могильника вызывают всевозможные постройки и земляные работы колхозников села.

Учитывая все это, экспедиция ставила перед собой задачу по возможности более полного обследования территории. В июне 1963 года экспедицией было заложено три раскопа II, III, IV (принимая во внимание, что заложенный А. С. Воскресенским раскоп получил первый номер, в дальнейшем мы придерживались последующей нумерации раскопов).

В июне 1964 года был заложен еще один раскоп — основной и второй — разведочный. Последний ставил целью уточнить северную границу могильника, к сожалению, не давший достаточно четких находок. Общая площадь могильника в очерченных нами границах занимает около 1200—1350 квадратных метров.

В процессе раскопок удалось выделить два типа захоронений. Первый—хронологически более ранний тип захоронений—относится к X—XII и первой четверти XIII века. Все ранние погребения могильника отличаются разнообразием погребального инвентаря и устойчивой южной ориентировкой. Женские захоронения лежат головой на юг в скорченном положении в позе спящей с руками, подведенными к лицу, как бы положенными под щеку (таб. 2, рис. 1). Мужские костяки, как правило, лежат в вытянутом положении на спине головой на юг лицом, обращенным либо в восточную, но чаще в западную сторону, имея при себе необходимый производственный инвентарь: нож, широколезвийный и узколезвийный топор, кресало, оселок, иногда копье, стрелы. В одном погребении № 4 (раскоп 2) при костяке был положен серп.

Второй тип захоронений относится к более позднему времени, а именно к XVI—XVII векам. Иногда поздние захоронения «прорезывают» ранние погребения. Инвентарь захоронений этого периода состоит из разнообразных вещей культурно-бытового назначения. Встречаются широколопастные сюлгамы, украшенные зернью.

В целом могильник относится к такому интересному и малоисследованному периоду XI—XII веков, когда у мордвы произошли крупные изменения в развитии производительных сил и складывании феодальных отношений. Население хоронило своих сородичей на указанном кладбище в течение продолжительного времени. Многочисленные рассказы местных жителей о находках различных предметов на улице села, пашне и на

огородах свидетельствуют о значительном количестве захоронений. Обнаруженные вещи на могильнике говорят о том, что мокша жила на указанной территории в течение продолжительного времени. Вещи и предметы, извлеченные из могил, дают возможность судить об уровне ремесла, идеологии и о социальной структуре общества.

Имеется основание предполагать, что жители, которым принадлежал могильник, в период татаро-монгольского нашествия в первой половине XIII века, избегая опустошений, покинули обжитые места, укрылись в глубине леса междуречья Вада и Парцы. Возможно, что население, жившее где-то поблизости от кладбища, было уничтожено или насильственно угнано ими в плен.

Кельгининский могильник интересен и тем, что он относится к переходному времени[1]. Ряд вскрытых погребений имеет вещи как предшествующей эпохи, так и более позднего времени. Особое внимание, на наш взгляд, заслуживают женские погребения, содержащие довольно большое количество украшений. Во многих могилах при покойнице находилось очень интересное и довольно сложное украшение косы-пулакерь. Пулакерь появляется у мордвы в начале X века и в отдельных случаях доживает до XVII—XVIII веков. Что касается нашего могильника, то данное украшение изготовлялось следующим образом: к косе прикладывали палочку со сложенной вокруг нее прядью волос, затем все это заключали в лубяной футляр, который стягивали ремнем, а поверх него плотно виток к витку обматывали бронзовой полоской шириной не более 3 мм. (таб. 6, рис. 4).

Подобный тип украшений очень характерен для мокши этого времени, и так же, как и другие вещи в эту эпоху, претерпевают значительные изменения.

Постоянной принадлежностью женских захоронений в Кельгининском могильнике являются присутствие у всех костяков височных привесок с грузиком на конце, серебряных налобных венчиков, гривен, браслетов со змеевидными головками, перстней, бус, всевозможных цветов и сюлгамы-застежки (таб. 5, рис. 1—5). Возникнув на рубеже первого и второго тысячелетий, могильник имеет погребения, в которых встречаются черты предшествующего периода. Доказательством этого может служить женское погребение № 26 (таб. 2, рис. 1), в котором костяк лежал вытянуто на спине, головой на юг, руки вдоль туловища, череп лежал основанием вниз, весь комплекс вещей (серебряный налобный венчик, железная гривна, височные привески, спиральные браслеты и другие предметы), дает нам основание отнести данное захоронение к X в. (таб. 6, рис. 1, 2, 5, 7).

[1] Одновременными этому памятнику являются Ефаевский могильник, раскопки Е. И. Горюновой, см. Арх. сборник № 1, Саранск, 1948 и Куликовский, раскопки А. Е. Алиховой, см. Советская Археология X, 1948.

К этому периоду относится другое женское погребение (см. таб. 2, рис. 2). Для него уже характерен новый обряд: костяк лежал в скорченном положении на боку, головой на юг со слегка согнутыми в коленях ногами. Комплекс вещей, обнаруженных при костяке, аналогичен комплексу вещей X—XII веков из Ефаевского и Куликовского могильников[1]. В данном погребении в числе вещей обращает на себя внимание древнемордовский косник, состоящий из ряда длинных бронзовых спиралей с подвешенными к ним на концах прорезными бубенчиками (таб. 10. рис. 1).

Почти во всех женских захоронениях Кельгининского могильника встречаются глиняные горшки, которые в большинстве случаев ставились в ногах, реже у головы или же на некотором расстоянии сбоку от костяка. По своей форме это низкие широкогорлые сосуды с выпуклыми плечиками, а также высокие сосуды баночной формы (таб. 12, рис. 1—2). Помимо указанной керамики, на могильнике встречаются сосуды, сделанные на гончарном круге.

Комплекс вещей в мужских захоронениях дает возможность проследить имущественное неравенство. В бедных погребениях при костяках найдено немного вещей. Почти во всех подобного рода погребениях встречаются железный нож, изредка сюлгама-застежка на вороте рубашки, железное кольцо на поясе для подвешивания огнива (таб. 9, рис. 6), с помощью которого высекали огонь, и железная трубочка, в которой хранили фитиль. Весь этот небогатый набор предметов, сопровождавших костяк, не оставляет никакого сомнения в том, что перед нами бедные захоронения. И таких захоронений на могильнике встречено немало, например, погребение 5, 8, 9, 11, 14, 27 и другие (таб. 4, рис. 1).

Наряду с бедными захоронениями, на могильнике обнаружено несколько богатых с чрезвычайно разнообразным набором украшений, предметов вооружения и хозяйственно-бытового инвентаря. Особый интерес в этом отношении представляет погребение № 12 и 22 (таб. 4, рис. 2). Костяки лежали на спине в вытянутом положении, головой на юг, руки вдоль туловища, череп лежал основанием вниз. При костяке были обнаружены следующие вещи: два ножа, в области головы с обеих сторон черепа помещались серьги в виде колечка, сделанные из серебра. В области поясных позвонков размещался пояс, украшенный серебряными бляшками с серебряной пряжкой (таб. 4, рис. 3, 4, 5). Бляшки орнаментированы красивыми розетками и концентрическими окружностями — изделиями южных мотивов, позволяющими думать о связях мордвы с далекими южными

[1] Е. И. Горюнова. Ефаевский могильник, Арх. сборник № 1, Саранск, 1948, стр. 112—114.
А. Е. Алихова. Куликовский могильник, Советская археология, X, 1948, стр. 280—284.

племенами. В области рук этого же костяка лежали два бронзовых браслета — один пластинчатый, а второй витой четверного плетения. Витые браслеты были широко распространены X—XII веках у соседнего с мордвой племени — вятичей. Вокруг костяка на различном расстоянии размещены необходимые производственные вещи: топор, огниво, стрелы, копье, оселки. По всей вероятности, перед нами довольно состоятельное захоронение, где найдены дорогие привозные вещи.

Подобных богатых погребений на могильнике встречено несколько, например, 4, 21, что безусловно говорит о зарождении у мордвы в XI веке имущественно обособившейся прослойки. Многие вещи, найденные в богатых захоронениях, относятся к числу привозных, и к мордве они проникли в результате оживленных торговых связей с далекими южными областями.

Большой интерес представляет также отдельное захоронение коня. Как показали раскопки, конь лежал в могильной яме на материке, головой на север с подогнутыми задними ногами. При дальнейшем исследовании оказалось, что лошадь была не взнуздана и удила были положены около нижней челюсти, копыта и некоторые кости передних конечностей отсутствовали. По всей вероятности, с убитого коня была снята шкура, натянута на колья и установлена над могилой хозяина. Упоминание о подобных случаях захоронений коней у мордвы встречаются в сообщениях восточных авторов и, в частности, у венецианского путешественника Джозефа Барбаро, предпринявшего путешествие в эти края в 1436 году[1].

Аналогичное мы встречаем в могильниках муромы, где обнаружены изолированное захоронение коня с вещами и с керамикой, или без всяких вещей с ориентировкой головой на север. Точно такая же картина наблюдается при захоронениях лошади в славянских курганах у с. Гнездово близ Смоленска. По-видимому, конское захоронение в Кельгининском могильнике — штрих, характеризующий проникновение славян в бассейн р. Парцы.

На примере Кельгининского могильника можно сделать и другие очень интересные выводы. Помимо социального расслоения материалы могильника дают возможность проследить зарождение и развитие ремесла, в частности литейного. В предшествующую эпоху у мордвы, главным образом женщины, занимались изготовлением украшений. Необходимым орудием труда в таком виде ремесла служили глиняные льячки (таб. 9, рис. 1). Большинство исследователей древностей Мордовского народа А. Е. Алихова, Е. И. Горюнова, А. П. Смирнов и другие считали, что вплоть до XI века литейным производством у мордвы в основном занимались женщины. Об этом, в частности,

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, том. I. Саранск, 1940, стр. 182—183.

писал в свое время исследователь Лядинского и Томниковского могильников В. Н. Ястребов, который отмечал о частых находках «глиняных ковшей», то есть льячек в женских захоронениях[1].

В Кельгининском могильнике мы имеем дело с совершенно новым явлением, когда льячки были положены в мужские погребения. Примером этому может служить в достаточной степени датированное мужское захоронение 23 (таб. 3, рис. 2). Костяк находился в положении, характерном для мордвы-мокши этого периода, то есть положенным на спину, головой на юг. При костяке были обнаружены следующие вещи: тяжелый массивный топор, у пояса железное кольцо, на одной руке перстень, у ног справа — ромбовидной формы стрелы, железный нож, в непосредственной близости от них — глиняная льячка. Аналогичный случай находки льячки прослежены при исследовании другого мужского захоронения 25 (таб. 3, рис. 1), у которого в области левой берцовой кости находилась льячка. По-видимому, в Кельгининском могильнике льячки не являлись принадлежностью исключительно женских захоронений, и находки их в мужских могилах указывают на переход литейного производства в руки мужчин. Возможно перед нами погребения мужчин ремесленников-ювелиров, но возможно, что эти вещи положены в могилу женой умершего. Здесь становится ясным, что идет процесс изменения роли женщин в хозяйственной жизни мордвы. При этом нужно отметить, что раскопки более позднего Ефаевского могильника показали, что находки льячек при женских костяках также были совершенно редкими[2].

Особенно показательны успехи мордвы в XI—XII вв. в области развития гончарного производства. Если раньше глиняную посуду делали от руки, причем это занятие было домашним женским ремеслом, то теперь гончарная посуда изготовлялась на гончарном круге (см. таб. 11, рис. 1—2). Применение гончарного круга позволило производить ее в большом количестве и быстрее. Массовое производство гончарной посуды было рассчитано на широкий круг потребителей, на сбыт. К сожалению, пока нет прямых данных, указывающих на существование ремесленных центров у мордвы. Между тем, как показывают раскопки Муранского могильника и ряда селищ в XIV веке, у мордвы, по всей вероятности, были ремесленные центры. Не исключено, что они могли существовать и в более раннее время.

Керамика, изготовленная на гончарном круге в данном памятнике, занимает весьма высокий процент по отношению к керамике, сделанной от руки, и составляет $^1/_3$ от всех найденных сосудов. Значительная часть обнаруженных на могильнике сосудов изготовлена на ручном гончарном круге из хорошо промешанной глины с очень незначительными примесями песка. По форме все сосуды имеют ярко выраженные венчики, хорошо профилированы (таб. 11, рис. 1—2). На могильнике найден в одном экземпляре сосуд с клеймом на дне. Очевидно, это знак собственности или, быть может, клеймо — мета ремесленника-гончара, изготовлявшего посуду на продажу. Здесь же встречен фрагмент гончарной керамики с линейно-волнистым орнаментом, очень близким к славянскому (таб. 12, рис. 2). Однако профиль венчика, состав теста сближает его с местной керамикой и заставляет предполагать, что перед нами случай подражания славянскому рисунку.

Большинство гончарной посуды из Кельгининского могильника представлено мисками. Но наряду с этим очень часто встречается и посуда горшковидной формы.

Кроме указанной выше керамической посуды, заслуживает внимания сосуд неместного производства. Для иллюстрации интересны два сосуда типа кувшинов с двумя небольшими кольцевыми ручками, расположенными по плечикам. Аналогичные типы сосудов встречены при раскопке Волжской Булгарии[1]. Находки булгарской керамики были сделаны А. Е. Алиховой и при исследовании ее Старосотенского могильника[2]. Однако булгарская керамика, обнаруженная на Кельгининском могильнике, несколько отличается по форме. Эти два сосуда заметно вытянуты, диаметр горла и донной части значительно меньше. В Старосотенском варианте шейка сосуда более узкая, вытянута и по форме больше напоминает тонкостенный кувшин, сделанный из хорошо промешанной глины, хорошего обжига, покрыты красной краской (ангобом).

Наличие большого процента гончарной керамики на указанном памятнике заставляет предположить о довольно значительном сдвиге у мордвы-мокши гончарного ремесла и о постепенном вытеснении из хозяйства лепной посуды. Сравнительно долгое бытование лепной посуды в мордовских древностях объясняется, по-видимому, ритуальным архаизмом. Этот процесс мы наблюдаем и в славянских курганах, где точно так же, наряду с гончарной посудой, в захоронениях IX—XI веков встречается и лепная посуда[3].

Находка булгарской керамики на могильнике позволяет говорить о достаточно широких торговых связях мордвы с Волжской Булгарией. Выше было отмечено, что в ряде погребений

---

[1] В. Н. Ястребов. Лядинский, Томниковский могильники. МАР 10. СПб. 1893, стр. 10.

[2] Е. И. Горюнова, Указанное сочинение, стр. 116.

[1] А. П. Смирнов. Волжская Булгария. ТГИМ, вып. XIX, М., 1951, таб. 6, р. 112.

[2] А. Е. Алихова. Старосотенский могильник. Арх. сбор. № 1, Саранск, 1948, таб. VII, рис. 83.

[3] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. Проблемы истории докапиталистических обществ № 11—12. М., 1934, стр. 45.

обнаружены привозные ремесленные изделия, также свидетельствующие о торговых связях мордвы с южными народностями. Доказательством этого могут служить серебряные и бронзовые поясные наборы. Например, 12, 22 погребения.

Мордва вела оживленные торговые связи не только с Волжской Булгарией и южными областями. Нередкими гостями в её землях были и русские торговцы. При раскопках могильника были обнаружены ремесленные изделия славянского производства. Например, часто в женских захоронениях попадаются шиферные и глиняные пряслица. Если глиняные пряслица изготовлялись на месте, то находки шиферных говорят о торговле с русскими. В настоящее время пока известен один район, где изготовлялись пряслица из розового шифера—это Среднее Приднепровье близ Овруча (таб. 9, рис. 3—4). Часто в женских захоронениях, наряду с пряслицами, встречаются витые и плетеные браслеты, а также широкосерединные так называемые «усатые» перстни. Витые бронзовые браслеты и перстни широко бытовали у соседей мордвы — вятичей и проникли к ней в результате оживленных торговых связей (таб. 5, рис. 7—8). Очень часто в набор шейных украшений входили бусы всевозможных цветов. Некоторые бусы такие, как посеребряные или сделанные из сердолика (таб. 6, рис. 6) и хрусталя, изготовлялись далеко за пределами мордовской земли.

Есть основание предполагать, что часть вещей распространенных у русских, попала к мордве в результате мирного проникновения сельского населения, убегавшего с насиженных мест от феодального гнета.

Возникает вопрос, какими путями могли проникнуть привозные вещи в бассейн реки Парцы, в этот сравнительно отдаленный район? Старожилы этих мест рассказывают, что некогда река Парца была полноводной рекой, по ней мокша вела торговлю со своими соседями. Имеются указания на то, что где-то южнее села Новое Бадиково (Торбеевский район МАССР) по речушке Ушинке существовал волок. По нему можно было проникнуть из реки Цны в реку Вышу, а из последней на реку Парцу. Этот волок имел, по всей вероятности, огромное хозяйственное значение для населения бассейна реки Парца. Сведения об этом волоке любезно представил в наше распоряжение местный краевед Б. Е. Смирнов, собирающий старинные легенды и предания. Насколько правдоподобна данная легенда о сквозном речном сообщении между Цной, Вышей, Парцей и Мокшей, судить пока трудно, но несомненно она заслуживает определенного внимания. Ясно, что мокша, обитавшая где-то поблизости от Кельгининского могильника, использовала этот очень близкий и удобный водный путь в торговых целях.

Подводя итоги нашим наблюдениям, необходимо отметить, что у мокши в XI—XII веках происходят изменения в религиозных представлениях. Появляется новый обряд захоронения

женщины в скорченном положении на боку в позе спящей. Совершенно отмирает обряд парного захоронения, пережитки которого продолжают существовать в виде символического погребения отдельных женских украшений (пулакери).

Материалы могильника показывают, что у мордвы-мокши в данное время произошли крупные сдвиги в развитии производительных сил. Особенно заметны стали успехи в развитии сельского хозяйства, что, разумеется, привело к формированию новых производственных отношений.

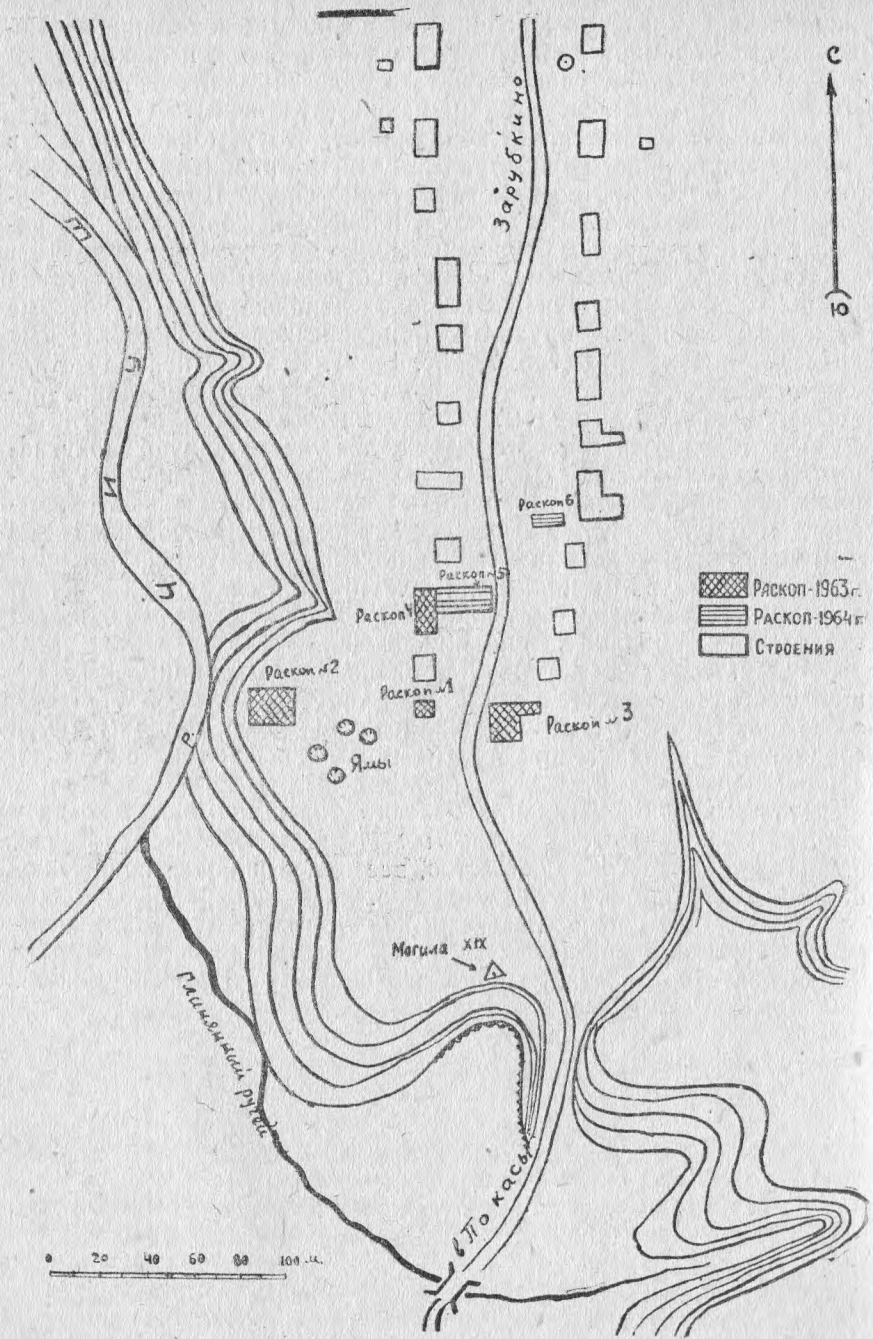
На смену старым малопроизводительным орудиям труда пришли более совершенные широколезвийные топоры, которые стали важнейшими орудиями при расчистке новых лесных участков под пашню (таб. 7, рис. 1—2). К этому периоду относятся находки сошников, что также указывает на высокий уровень земледелия у мордвы. Уходят в прошлое домашнее литье бронзовых украшений, которыми в предшествующую эпоху занимались только женщины. Редкие находки в женских погребениях льячек и факты обнаружения их в мужских свидетельствуют о появлении у мокши ремесленников-ювелиров.

Раскопки могильника также показывают успехи мордвы-мокши в гончарном производстве. Появляется ручной гончарный круг, который открыл широкие возможности производства посуды для продажи на широкий рынок.

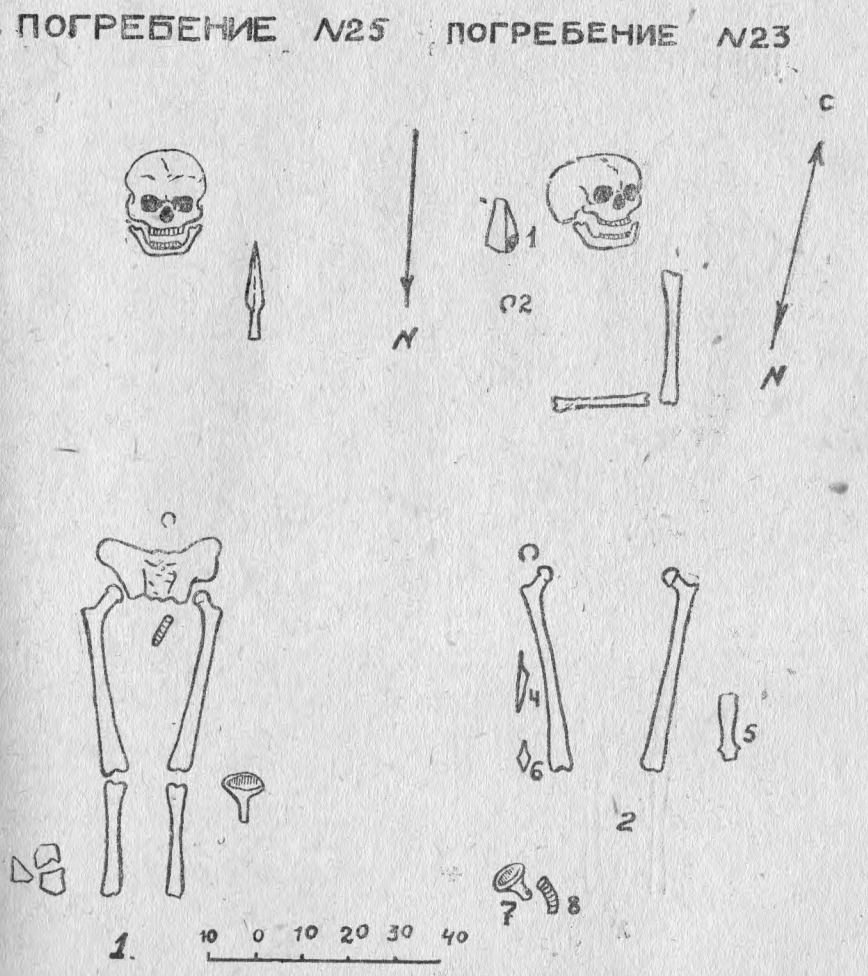
Присутствие на могильнике разнообразных привозных вещей говорит о достаточно широких торговых связях мордвы с соседями. При этом использовались наиболее удобные пути сообщения — речные, по которым мордва сбывала свои ремесленные изделия.

Кельгининский могильник относится к такой эпохе, когда у мордвы складываются элементы имущественного неравенства, зарождается классовое общество, все более и более подрывающее её родоплеменную организацию.

Последующие раскопки несомненно дадут материал, который позволит расширить знания по средневековой истории мордвы и, в частности, ее крупного племенного союза—мокши.

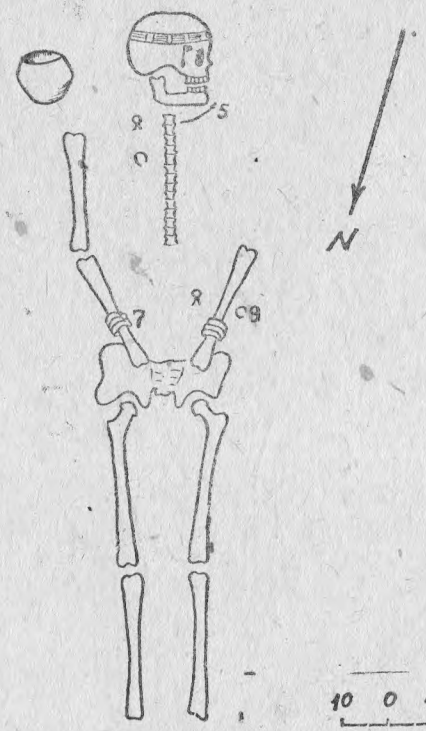


Таб. № 1. План Кельгининского могильника



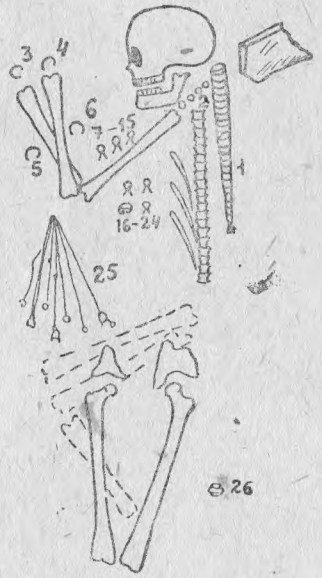
Таб. 3.

ПОГРЕБЕНИЕ №26

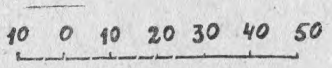


1.

ПОГРЕБЕНИЕ №21

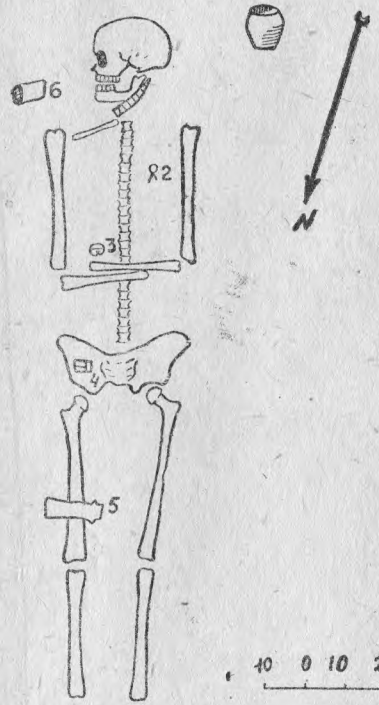


2.

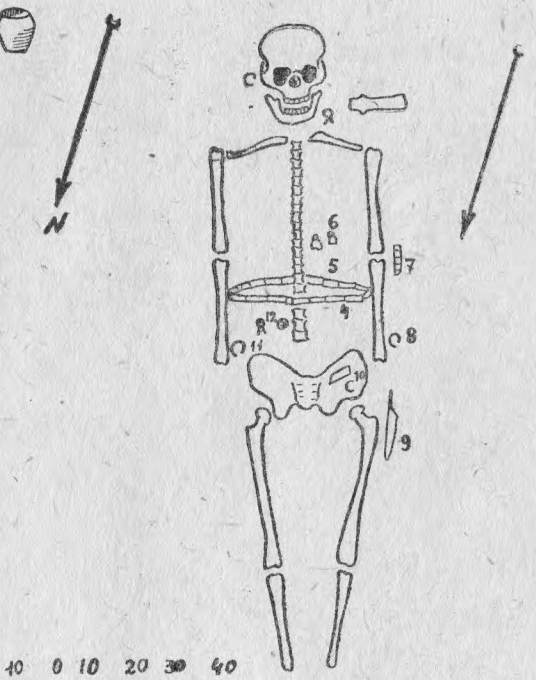


Таб. № 2

ПОГРЕБЕНИЕ №27



1



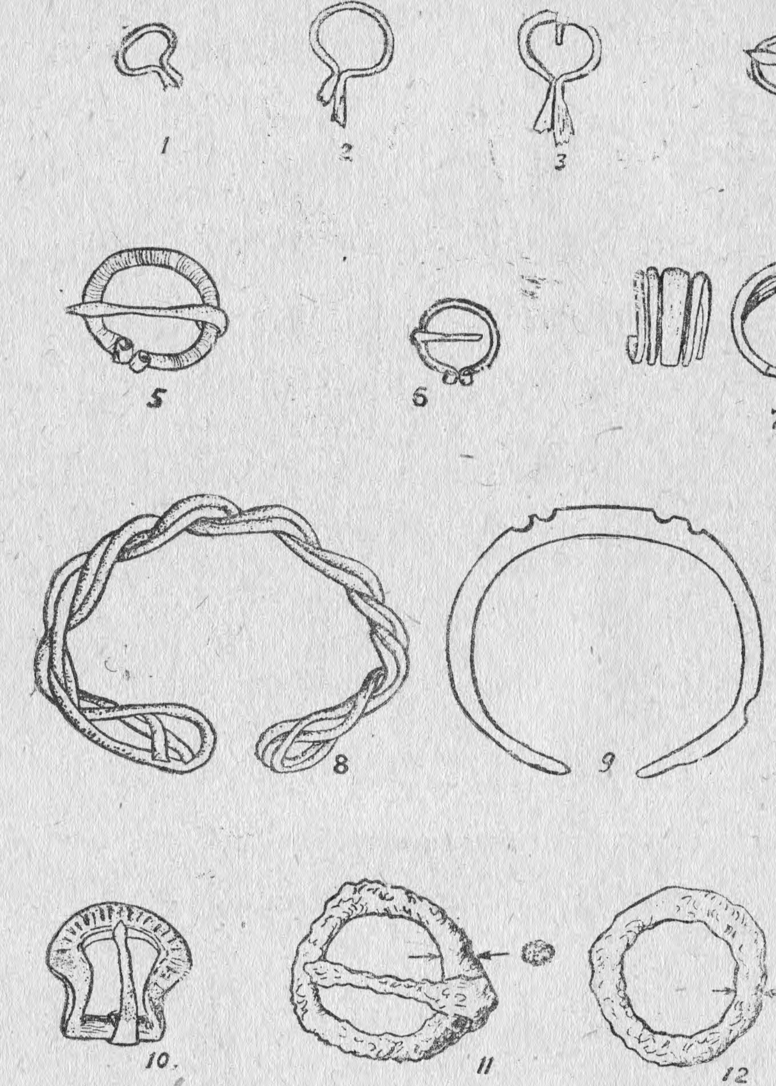
2

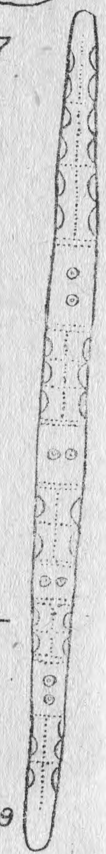
ПОГРЕБЕНИЕ №22

3

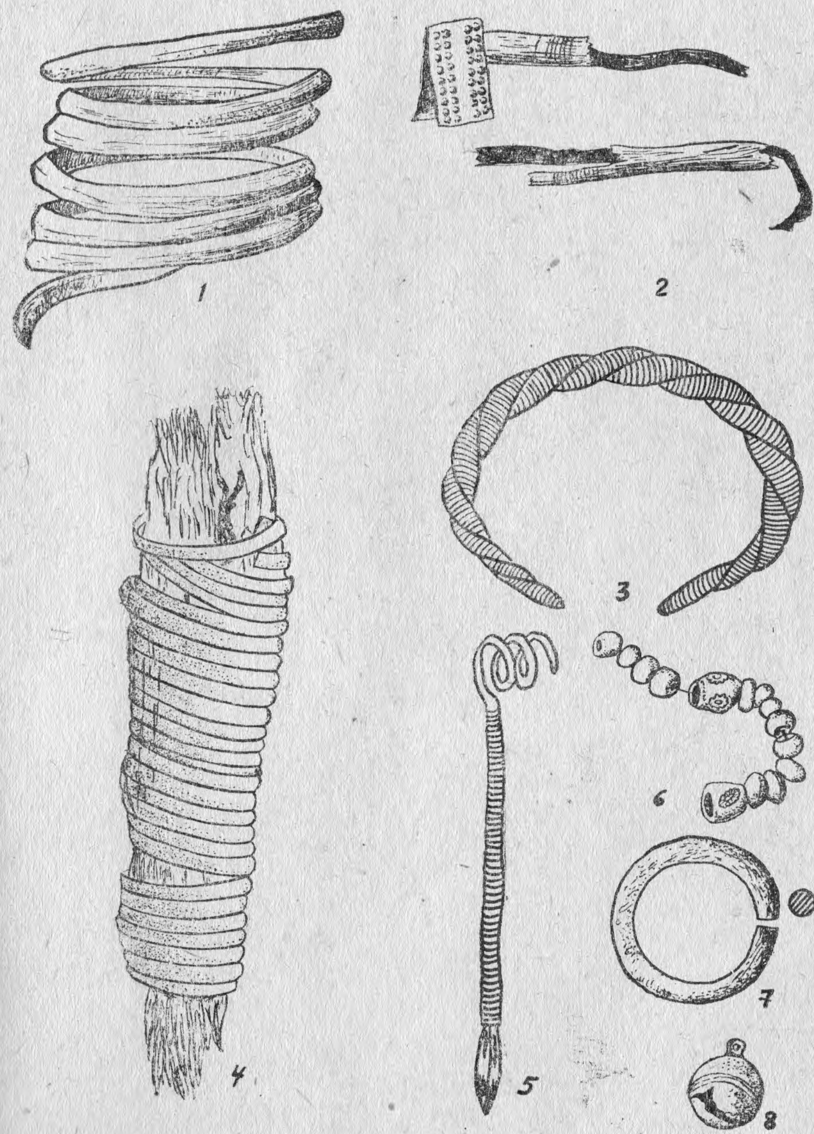
4 5 6

Таб. № 1 рис 1-2 погребения, рис 3, 4- бляшки от пояса, 5- пряжка, 6- украшения



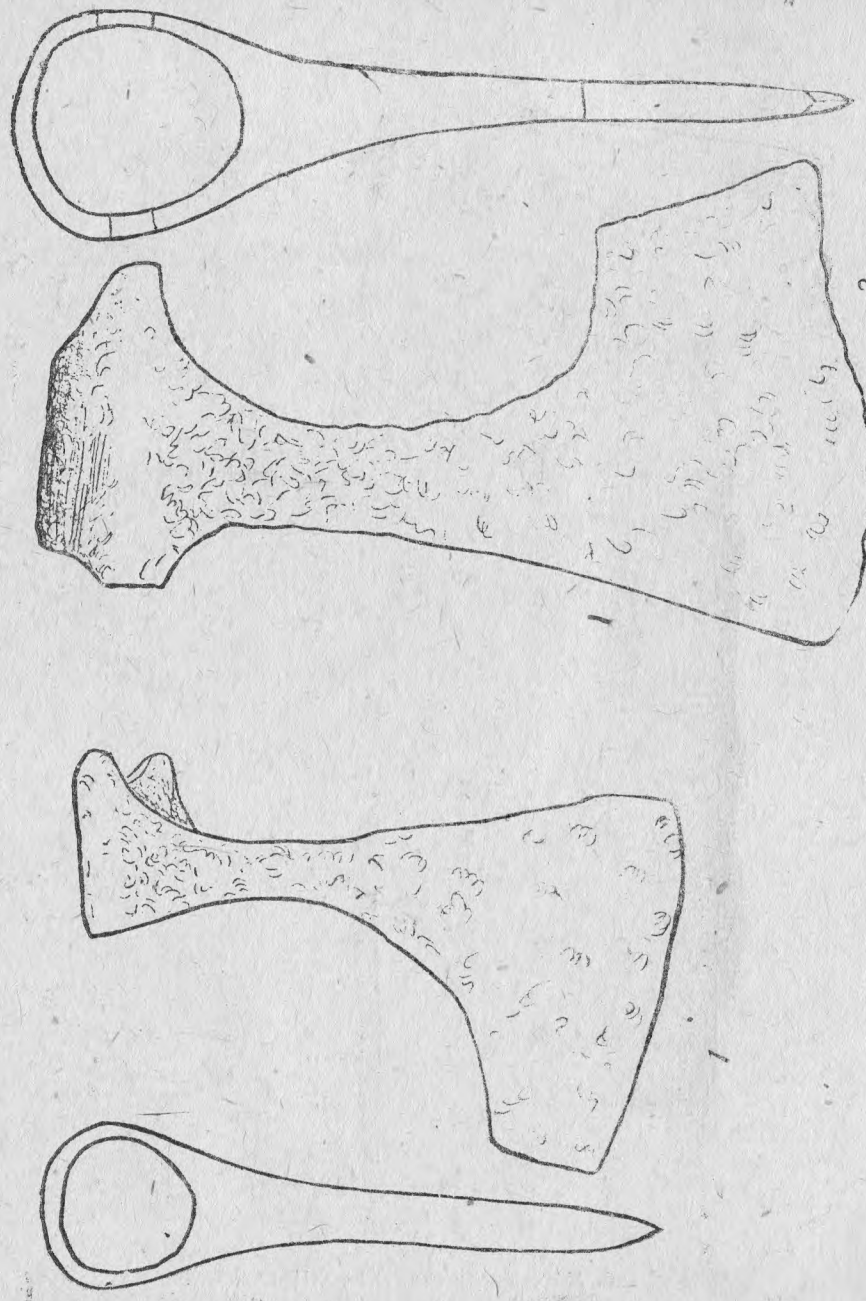


Таб №5, рис-1-6, сюльгамы-застеж
7- широкосерединный перстень, 8- витой
9- пластинчатый браслет, 10- мировец
пряжка, 11- железная пряжка, 12- 1.

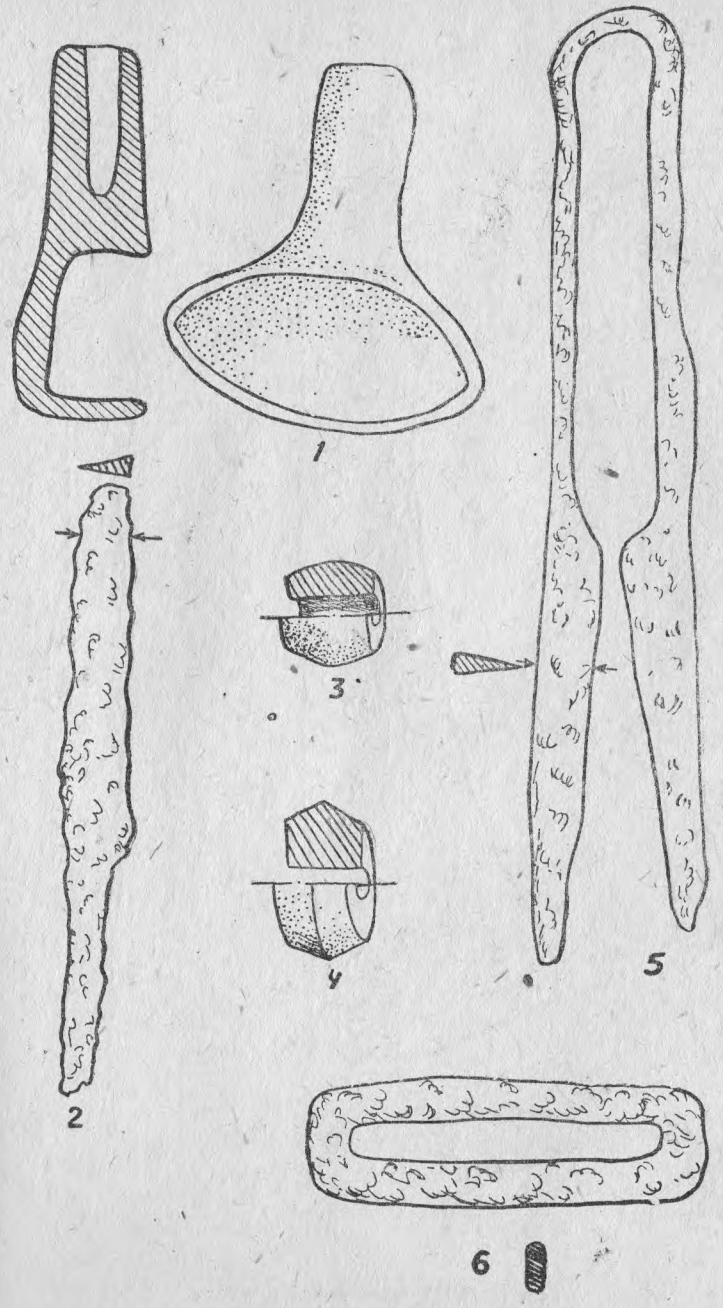


Таб. № 6. Украшения XI—XIII вв.

1—браслет, *2*—детали от налобного венчика, *3*—витой браслет, *4*—пулакерь, *5*—височная привеска, *6*—бусы, *7*—кольцо, *8*—бубенчик.

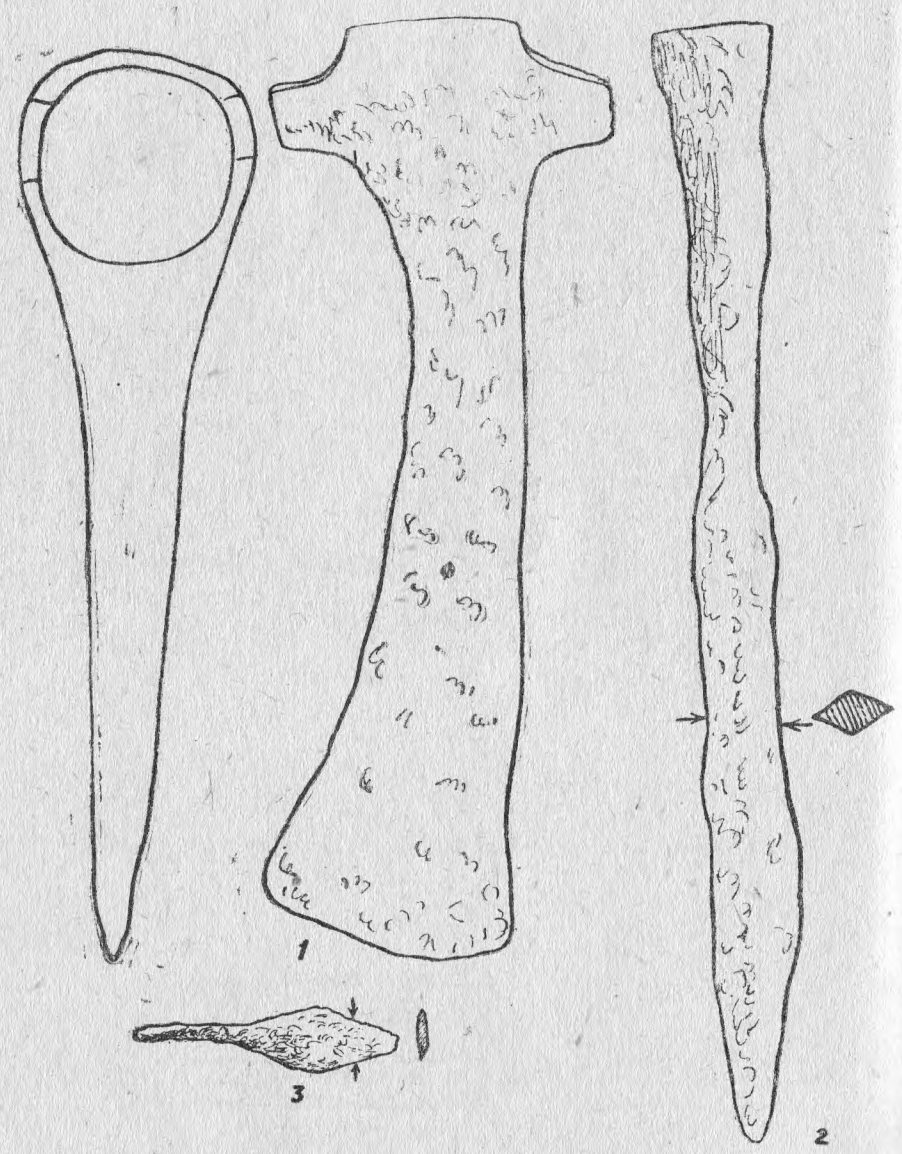


Таб. № 7. Топоры.



Таб. № 9. Хозяйственно-бытовой инвентарь.

1—льячка, *2*—нож, *3—4*—шиферные пряслица, *5*—ножницы, *6*—огниво.



Таб. № 8. Орудия труда и охоты.

1—бортные топоры, *2*—наконечник копья, *3*—наконечник стрелы.

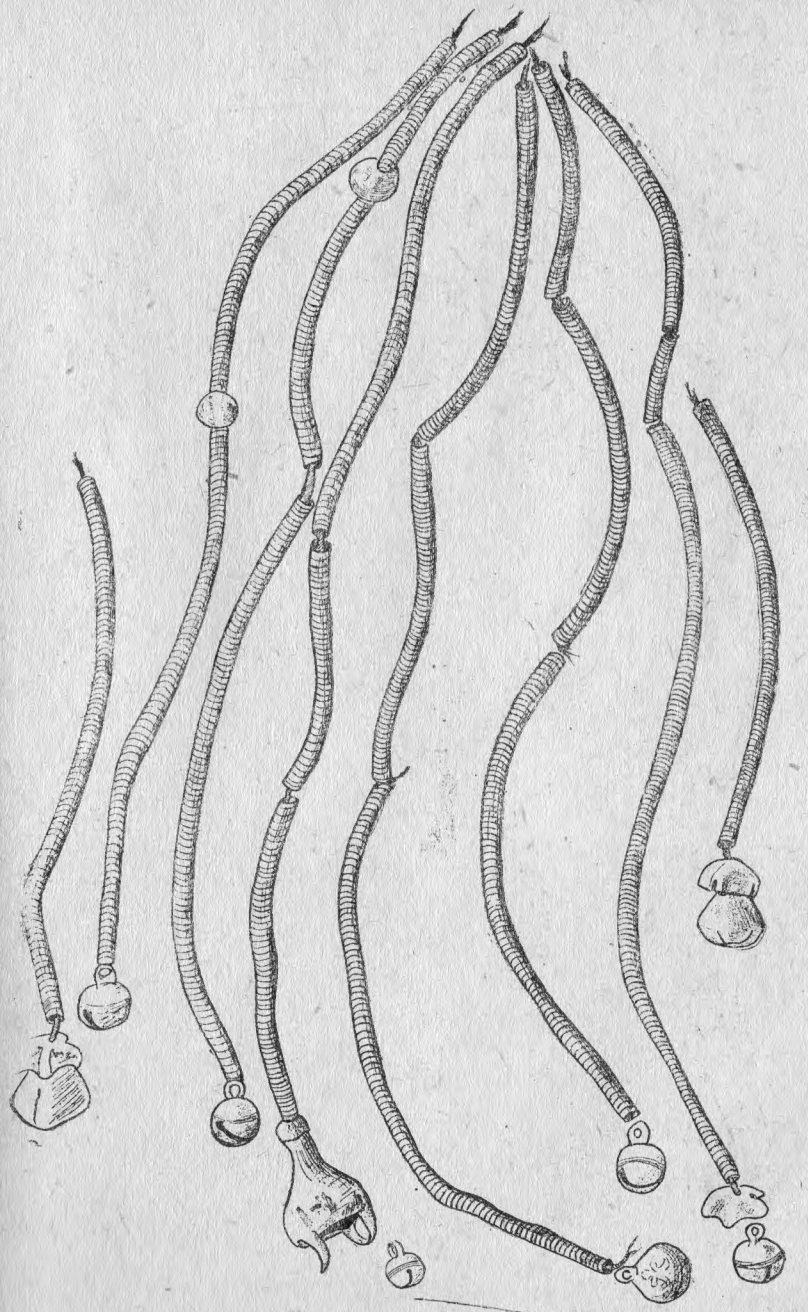
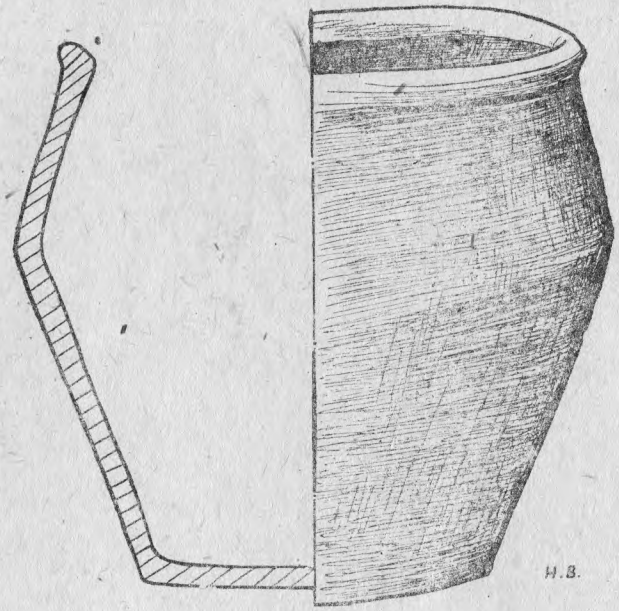
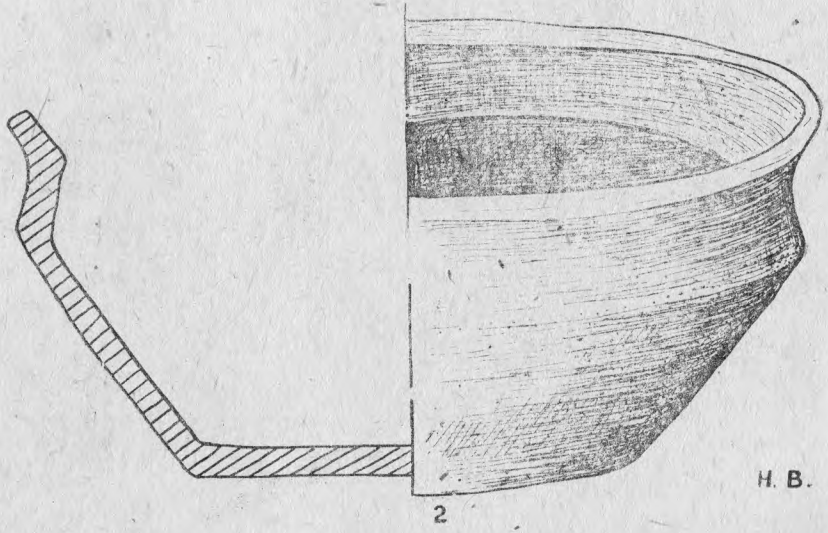
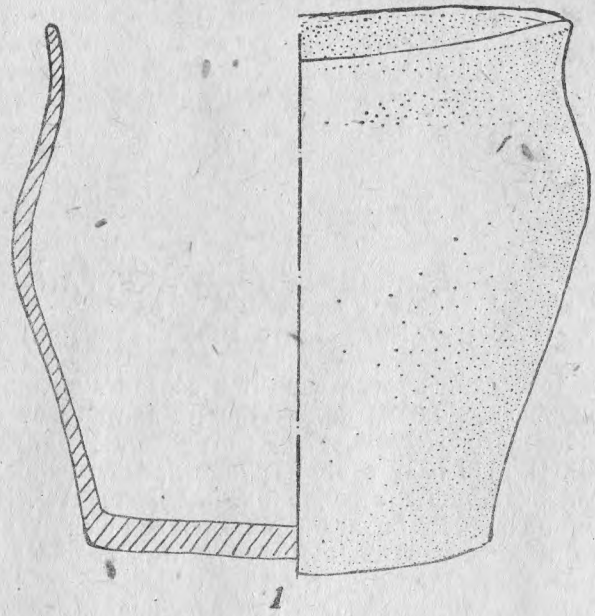


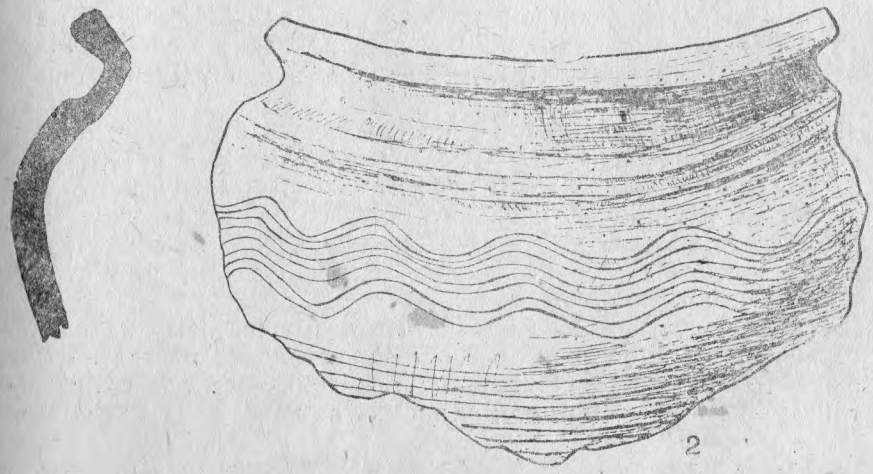
Табл. № 10. Косник.





Таб № 11, рис. 1—2. Гончарная посуда.





Таб. 12.
1—Лепной сосуд, 2—фрагмент сосуда со славянским орнаментом.

П. Д. Степанов

АНДРЕЕВСКИЙ КУРГАН

(Предварительное сообщение)

Андреевский курган входит в состав курганной группы, расположенной в одном километре к востоку от села Андреевки Ичалковского (бывш. Б.-Игнатовского) района Мордовской АССР. В 1946 году в этой группе насчитывалось 4 насыпи, а к настоящему времени сохранилось только две[1]. Курган № 1, который подвергся обследованию, находится в двухстах метрах влево от дороги из села Андреевки на село Чамзино на распаханном и засеянном поле.

В 1958 году, при рытье картофельной ямы, были разрушены несколько погребений, вещи из которых поступили в Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. В 1963 году были организованы раскопки кургана, продолженные в 1964 году.

Курган № 1 сильно распахан. Насыпь его была растащена ежегодной распашкой, и к моменту раскопки он имел диаметр 30×29 м при высоте 0,6 м. В южной половине его оставалась впадина от картофельной ямы, имевшая в длину 12 и в ширину 2 м.

В 1963 году при раскопке использовался бульдозер, работу которого нельзя признать удовлетворительной, а в 1964 году раскопки были продолжены ручным способом. Результатом было то, что в 1964 году пришлось большое количество земли переваливать с места на место. Полное удаление земли с территории кургана было невозможно в связи с тем, что курган находился на засеянном поле[2].

Насыпь кургана состояла из чернозема, который на прилегающем поле имел слой до 0,2 м. В нескольких местах насыпи были обнаружены значительные прослойки желтой грунтовой глины—выкиды из могил. Вся насыпь, а также и засыпка могил

[1] П. Д. Степанов. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. МИА, № 111. М., стр. 254.

[2] В экспедиции участвовали: Ю. Б. Степашкин — аспирант МНИИ, С. А. Басалаев и А. Ф. Грибанов — студенты Мордовского госуниверситета.

были в изобилье прорезаны норами землеройных животных, скелеты которых неоднократно находились при раскопке.

Каких-либо следов насыпей над впускными погребениями, как это отмечено А. А. Халиковым[1] при раскопке Писеральских курганов, в насыпи кургана № 1 не было обнаружено.

Грунтовые могилы, как правило, были забиты желтой грунтовой глиной с небольшими прослойками чернозема. Близ дна эта глиняная засыпка была очень сырой, что разрушительно сказывалось на костях и вещах.

Всего в кургане раскопками было вскрыто 50 могил. Вероятно, 4 могилы были разрушены в 1958 году при копке картофельной ямы.

Можно предполагать, что некоторые из впускных могил разрушены при распашке кургана. Таким образом, в кургане было, видимо, около 60 могил. При раскопке расчищено 56 захоронений.

Могилы в кургане были двух типов: грунтовые и в насыпи. Среди последних несколько могил было углублено в грунт, но не более чем на 0,4 м. Эти могилы отнесены нами к впускным.

Грунтовых могил вскрыто 12, остальные были впускные. Располагались могилы без особого порядка. Впускные часто перекрывали грунтовые. Грунтовые могилы располагались по периферии от центральной могилы вождя (рис. 1).

Размеры грунтовых могил различны. Длина колеблется от 6,6 м до 1,5 м, ширина от 4,5 м до 0,5 м, глубина от 3,0 м до 1,1 м. Выделяются могилы №№ 25, 38, 50, 54 своими размерами и особым устройством, что, вероятно, было обусловлено особым социальным положением умерших.

Впускные могилы более однородны по своему устройству, размерам и форме. Обычно это длинные, узкие и неглубокие могилы, в которых довольно тесно располагались костяки и вещи. При раскопке этих могил никаких могильных пятен не обнаружено. В тех случаях, когда впускная могила оказывалась над грунтовой, дно её было неровно и костяк заваливался верхней или нижней частью туловища. Это обстоятельство мы склонны объяснять тем, что впускные захоронения по времени были ненадолго позднее — засыпка грунтовых могил не успела еще достаточно осесть.

Общее число захоронений превышает число могил, так как некоторые из них имеют коллективные захоронения от двух до четырех костяков.

Как в грунтовых, так и в могилах в насыпи умершие лежали на спине в вытянутом положении. Преобладает северная ориентировка: на С-18, СВ-9, СЗ-7, ССЗ-1, ССВ-1. Южная ори-

[1] А. Х. Халиков. Труды марийской археологической экспедиции, т. II. Йошкар-Ола. 1962, стр. 116—138.

ентировка представлена несколькими случаями: Ю-7, ЮВ-1, ЮЗ-3. Головой на восток лежало всего 2 костяка. По ориентировке умершие в грунтовых могилах почти не отличаются от впускных.

В связи с очень плохой сохранностью костей, а иногда при полном их отсутствии классификация по полу и возрасту невозможна. Судя же по характеру вещей, можно выделить детские и женские захоронения. Преобладали захоронения мужчин-воинов. Следует отметить, что женские захоронения в большинстве случаев имели южную ориентировку, противоположную мужской.

Если конструктивно впускные могилы не имеют никаких особенностей, то грунтовые могилы имеют сложное устройство. Остановимся на описании устройства могилы № 25, которая занимала центральное место в кургане (рис. 2).

Могила № 25 по верхнему краю имела площадь около 70 кв. м. У дна площадь несколько сокращалась. Стенки могилы до высоты 0,76 м от пола были обложены деревом. Эта деревянная обкладка поддерживалась 5-ю вертикальными стойками с каждой длинной стороны. Узкие концы могилы также были обложены деревом, которое закреплялось стойками. На уровне древесной обкладки могила имела плечики шириной до 0,6 м. Выше плечиков стенки могилы были вертикальны, а ниже имели наклон в сторону пола. Площадь дна равнялась 6,4×2,88 м. Деревянная обкладка вдоль ЮВ стены находилась на расстоянии 0,6 м от стенки могильной ямы. Пустое пространство было забито глиной. У противоположной стенки деревянная обкладка примыкала непосредственно к грунту.

На дне могилы были обнаружены поперечные канавки, уходящие под костяки, шириной от 0,1 м до 0,3 м при глубине до 0,1 м — следы лежавших поперечных плах. В центральной части дна могилы оказались следы 6 ямок диаметром до 0,3 м при глубине 0,5 м — следы столбов, поддерживавших помост под центральным захоронением.

Дно могилы выше поперечных канавок было покрыто древесным настилом из плашек и коры. Ввиду того, что не было обнаружено остатков массивных бревен, мы считаем возможным говорить только о нетолстых плашках и коре. Таким же было и покрытие над умершими.

В могилах №№ 38, 50, 54 боковые плечики были также обнаружены.

Похоронный ритуал грунтовых и впускных захоронений был различным, хотя в вещах наблюдалась общность.

Умерших в впускных могилах клали на древесную подстилку в одежде и украшениях. Мужчине клали оружие, удила и ставили, преимущественно в ногах, глиняные горшки. Следов особого устройства могильных сооружений не прослеживается. Нет и следов особой обрядности при захоронении (рис. 3).

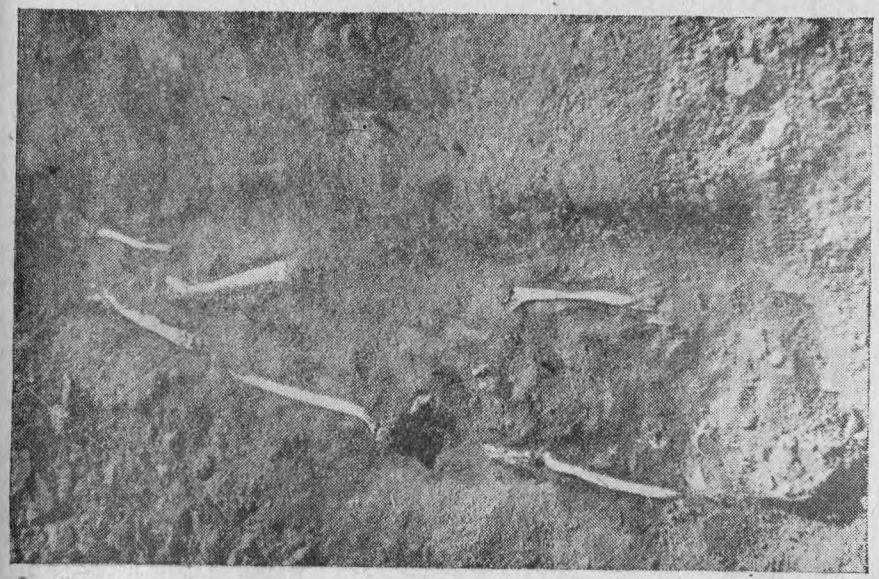


Рис. № 3. Впускное погребение № 24.

В грунтовых могилах налицо следы особой обрядности. Особо выделяется могила № 25, где захоронен племенной вождь. Умершего положили на невысокий помост в центре могилы. Положили ему: кольчугу, шлем, копье, сулицу, меч, кинжал и колчан со стрелами. Лежали слева от костяка и железные удила. Умерший имел богатое ожерелье из стеклянных золоченых бус с большой бусиной из темно-синего стекла с шишечками в центре. Пояс умершего был обшит «сапожками», литыми из бронзы. Ножны меча и кинжала были украшены бронзовыми плоскими бляхами с петельками на обороте.

Справа и слева от вождя были положены тела воинов-дружинников с оружием и в богатых одеждах. Лежали они непосредственно на дне могилы, то есть ниже помоста вождя. Можно предполагать преднамеренное их умерщвление (рис. 2).

В северо-восточном направлении от головы вождя за довольно широкой поперечной канавкой лежала группа отрубленных верхних человеческих челюстей с отверстиями для подвешивания вместе с плоскими бронзовыми бляхами. У самой стенки лежал конский череп и кости четырех конских ног. Лошадь была ориентирована головой к северо-западу. По аналогии с известными в истории случаями можно предполагать захоронение конской шкуры с черепом и конечностями.

В юго-западном конце могилы у самой стены лежал на спине костяк мужчины головой к юго-востоку. От центрального захоронения вождя этот костяк отделялся двумя канавками.

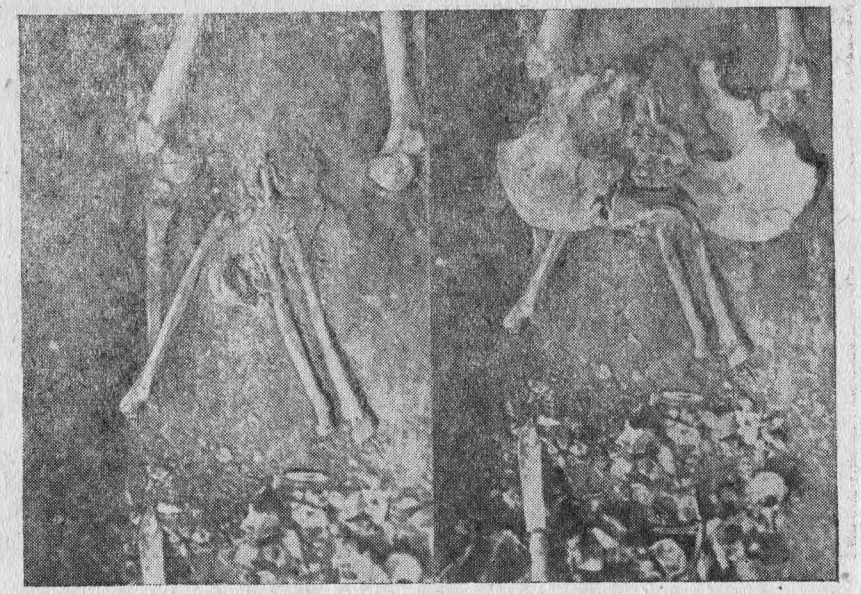


Рис. № 4. Детали расположения рук в погр. № 25/4.

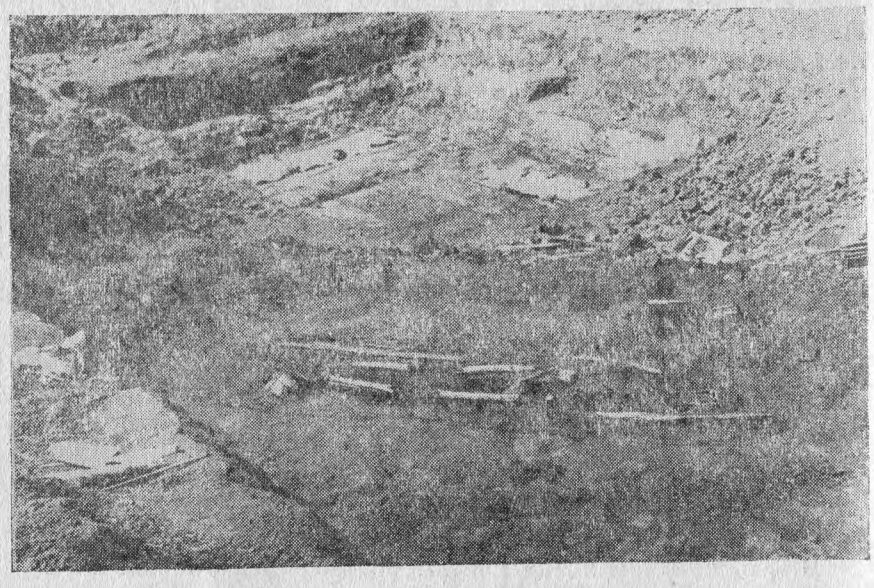


Рис. № 5. Впускное погребение № 29.

Костяк почти не имел никаких вещей, если не считать нескольких бус на шее, маленького ножичка, небольшой поясной пряжечки и нескольких наконечников стрел из кости. Кисти рук умершего находились под тазом и, по всей вероятности, были связаны (рис. 4—5).

Нет никакого сомнения в том, что могила № 25 содержала захоронение племенного вождя, которого в загробную жизнь сопровождали товарищи-дружинники и слуга-раб. Близки по характеру и отчасти по ритуалу захоронения №№ 37 и 50, но у них нет ни обширных могил, ни пышности похоронного ритуала.

Заслуживает особого внимания такое явление, как находка отрубленных человеческих верхних челюстей, повторившееся в погребении № 37. Здесь мы имеем явление, неизвестное в памятниках Западного Поволжья.

Захоронение слуги-раба можно предполагать и в могиле № 50, где основное погребение принадлежало также влиятельному лицу, может быть, одному из вождей.

* * *

Все раскопанные в кургане захоронения сопровождались различными вещами. Здесь мы имеем: оружие, орудия труда, части одежды, украшения, посуду, кости животных, амулеты.

Оружие было весьма разнообразно, но характерное для конных воинов. Были найдены мечи двух типов — двулезвийные и однолезвийные. Важно отметить, что в могиле № 25 у умерших находились мечи обоих типов, что говорит об их одновременном существовании. Всего мечей найдено однолезвийных 9, двулезвийных 4 — целых и в обломках.

Двулезвийные мечи оказались только в грунтовых могилах. В могилах впускных найдены только однолезвийные мечи. Рукояти у этих мечей обмотаны веревочкой или тонким ремешком, а в одном случае — неширокой бронзовой полоской. Навершия у однолезвийных мечей в виде рожек концами внутрь, иногда с шишечками (таб. I). Длина лезвия у этих мечей колеблется от 0,96 м до 0,7 м, ширина 0,04 м, толщина обушка 8 мм (рис. № 10).

Ближайшие аналогии этому типу мечей мы находим в Кошибеевском, Сергачском, Старш. Селиксенском, Армеевском, Борковском могильниках, в Писеральских курганах[1], в Пьяноборской культуре[2]. Однолезвийные мечи отмечены в Савроматских[3] и Сарматских[4] древностях. Датируются все перечислен-

[1] А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 128, кур. 2, погр. 4.
[2] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучений Пьяноборской культуры. Вопросы археологии Урала, вып. 4. Свердловск, 1962, стр. 25.
[3] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964.
[4] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением. Уч. Зап. Сар. госуниверситета, т. VI, в. III. Саратов, 1927.

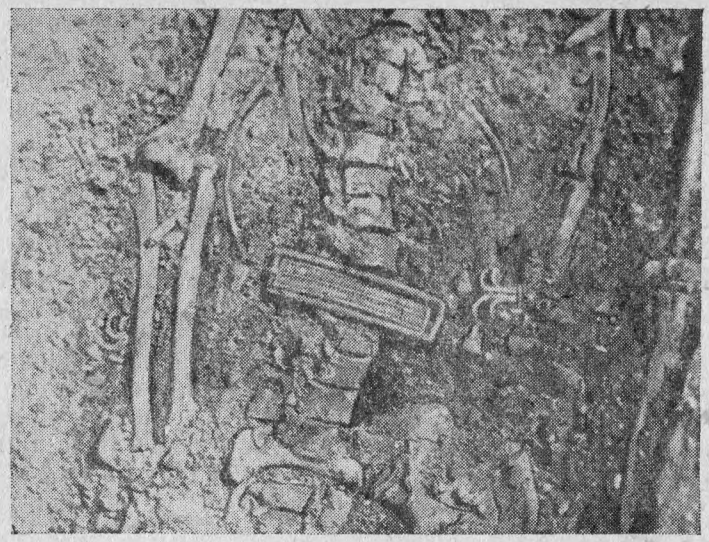


Рис. № 6. Деталь пояса в погр. № 25/2.

ные памятники от I века до нашей эры и до V—VII веков нашей эры. Наши мечи, бесспорно, ранние по времени, так как они находятся в захоронениях, датируемых ранним временем по другим вещам.

Двулезвийные мечи встречены в меньшем числе и только в грунтовых могилах. Эти мечи имеют длину 0,96 м, ширину 0,7 м. Лезвие мечей в разрезе линзовидное. Перекрестие прямое. Рукоять без навершия, за исключением погребения № 50, где конец рукояти оканчивается овальной пластинкой.

Мечи второго типа были найдены в Писеральских курганах[1], в Кошибеевском могильнике, в Пьяноборской культуре. В Сарматских древностях такие мечи были широко распространены. Время бытования их весьма продолжительно — за несколько веков до нашей эры и в течение нескольких же веков после начала нашей эры. Мечи как однолезвийные, так и двулезвийные имели деревянные ножны, которые окрашивались в красный цвет. Концы ножен у некоторых мечей были окованы железом или бронзой (табл. 1—1—2). В качестве украшения ножен применялись плоские бронзовые бляхи или бляшки.

Кинжалов в погребениях Андреевского кургана было найдено два — оба в грунтовых могилах. Кинжалы имели прямое перекрестие и кольцевое навершие. Длина кинжалов 0,45 м., ширина 0,04 м. Ножны у кинжалов были деревянные. В погребении № 25/1 на ножнах были прикреплены бронзовые бляхи (таб. 1—4, рис. 10).

[1] А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 128.

Найденный тип кинжалов является хорошим датирующим предметом, так как в Сарматских древностях он встречается в захоронениях II—I веков до нашей эры и I века нашей эры. Следовательно, и наши захоронения можно датировать этим временем.

В большинстве мужских захоронений были найдены остатки колчанов со стрелами (9 шт). Колчаны располагались обычно слева, вдоль бедра или голени. Колчаны делались из бересты, вероятно, имели форму цилиндра или овальную. Место соединения концов бересты зажималось в прорезе тонкой палочки, окованной затем бронзовыми и железными обоймами. Для подвешивания колчана в бересте около палочки делались прямоугольные вырезки. Длина колчана 0,4 м. Эта форма колчанов имеет аналогии в Писеральских курганах, где были найдены железные обоймы рядом со стрелами, не получившие правильного объяснения[1] (таб. 1—32).

В колчанах были найдены наконечники стрел — железные и костяные. Железные наконечники стрел были нескольких типов: трехперые и плоские «с жальцами», черешковые и плоские «с жальцами», втульчатые. Костяные наконечники были по преимуществу трехгранные черешковые. Они различались по размеру и способу устройства черешка. Есть несколько штук плоских, листовидных (таб. 1—II).

Наиболее древние трехперые черешковые наконечники найдены в погребении № 25/1, 2, 3 и в погребении № 50. Этот тип наконечников стрел в Сарматских древностях датируется не позднее II века нашей эры[2].

Наибольшее количество наконечников стрел относится к типу железных плоских, черешковых «с жальцами». Они отмечены во всех впускных захоронениях и в одном колчане погребения № 50. Этот тип стрел был широко распространен в Пьяноборской культуре в I—II веках нашей эры. Есть такие наконечники стрел в Кошибеевском и Сергачском могильниках, в Писеральских курганах, в Азелинской культуре[3] (таб. II).

Костяные наконечники стрел обнаружены как в грунтовых, так и в впускных погребениях, что свидетельствует об их продолжительном существовании. Подобные типы стрел отмечены в Сергачском могильнике, в Азелинской культуре. Есть они и в Сарматских древностях[4].

Вопрос о форме и величине лука остается открытым, так как не было найдено никаких остатков. Однако можно пред-

[1] А. Х. Халиков. Указ. соч., т. 26—6.
[2] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Уч. Зап. СГУ, т. XVII. Саратов. 1947, стр. 16.
[3] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, стр. 86, рис. 1.
[4] И. В. Синицын. Указ. соч.

Рис. № 7. Деталь украшения в погр. № 53.

полагать, что лук для стрел с трехперыми черешковыми железными наконечниками стрел был сложным, типа сарматского[1]. Стрелы же с плоскими железными черешковыми наконечниками «с жальцами» были и толще, и длиннее. Можно думать, что для этих стрел использовали простой длинный лук.

В двух захоронениях Андреевского кургана были найдены железные кольчуги. Они лежали в изголовье погребений № 25—1 и № 50. В настоящее время они представляют массу скипевшихся колец и не могут быть расправлены. Форму их восстановить невозможно (рис. 7).

Этот тип вооружения имеет аналогии в памятниках Азелинской культуры. Следует отметить, что после раскопок Андреевского кургана утверждение В. Ф. Генинга, что находка этого рода вещей в Азелинском могильнике V века нашей эры «является одним из ранних находок в Союзе» — не соответствует действительности. Дата нашего кургана примерно на 3—4 столетия более ранняя.

В указанных выше захоронениях были найдены также и шлемы из железных пластин. К сожалению, форму этих шлемов установить не удалось. Можно думать, что по форме они близки шлемам, опубликованным В. Ф. Генингом, но по времени более ранние.

Широко распространено было такое оружие, как копье. Всего найдено 21 наконечник копий. Они были нескольких типов, в том числе так называемые «сулицы». Все наконечники имеют

[1] П. Д. Степанов. Изделия из дерева в курганах Сусловского курганного могильника. Уч. Зап. СГУ, т. IV, вып. 3. Саратов, 1925, стр. 52—53.

Рис. № 8. Отрубленные человеческие челюсти в погр. № 25/1.

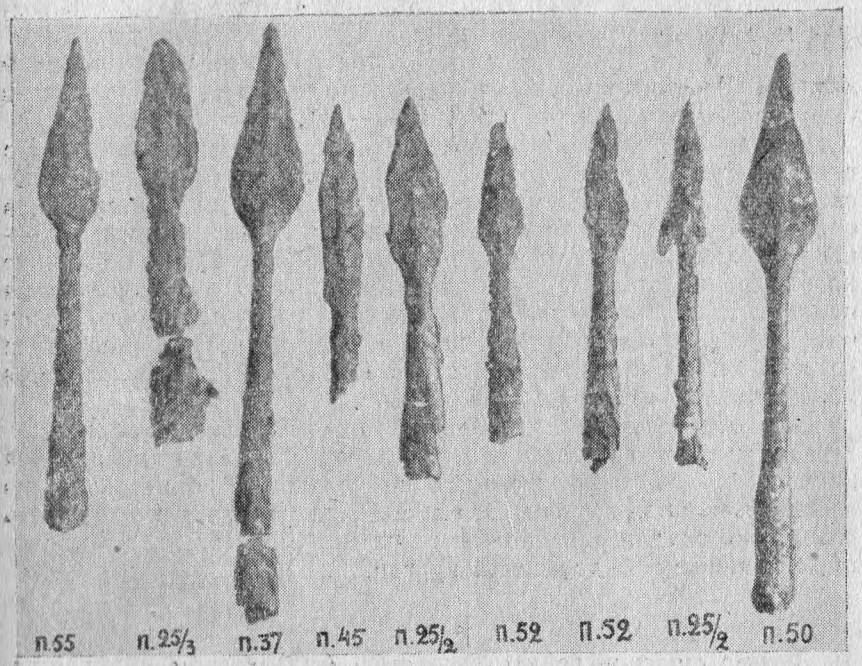


Рис. № 11. Наконечники копий железные.

Рис. № 9. Впускное погребение № 43.

длинную втулку, нижний край которой часто имеет кольцевое утолщение. В одном случае конец втулки был окован бронзой (таб. 1).

В двух захоронениях были обнаружены, неизвестные ранее, футляры на копьях, сделанные из белой бронзы (таб. 1—6, рис. 8 и 9). Находка этих вещей позволяет уточнить назначение аналогичных вещей, найденных в Пьяноборской культуре. В опубликованной работе эти предметы были определены как рукояти ножей.

Железные ножи были обязательной принадлежностью всех мужских погребений, но сохранность их часто очень плохая. Все же можно утверждать, что господствовали ножи с «горбатой спинкой» и широким лезвием. Аналогичные ножи были найдены в Кошибеевском и Сергачском могильниках (таб. 1—9—11).

В раздел вооружения следует отнести и конскую сбрую. Во всех мужских погребениях были найдены железные удила нескольких типов. Большинство имеет псалии в виде стержня, в средней части которого есть два выступа с отверстиями, а концы несколько утолщены. Один экземпляр псалий имел большие кольца по концам. В двух случаях обнаружена насечка на псалиях из серебра и золота. Между удилами грунтовых и впускных захоронений нет большой разницы. Подобного типа удила имели распространение в Пьяноборской культуре, в Писеральских курганах (таб. III).

Вся совокупность перечисленных предметов вооружения свидетельствует, что перед нами находятся представители военной организации племени, имевшей не только оборонительное, но и наступательное оружие. Это обстоятельство дает возможность говорить о стадии «военной демократии» (Ф. Энгельс) в племени, оставившем Андреевский курган.

* * *

Весьма многочисленны находки в Андреевском кургане частей одежды и украшений. Предметы этого рода могут быть

разбиты на группы: украшения головы, шейные, нагрудные, наручные, поясные и ножные.

К головным украшениям мы относим височные привески и накосники. Височные привески однотипны — спиральки из золотой или бронзовой проволоки в 2—4 оборота. Иногда у одного костяка находились бронзовая и золотая привески. Золотые привески находились как в грунтовых, так и в впускных погребениях. Аналогичные вещи известны в Писеральских курганах и в Сарматских древностях[1].

Накосники были обнаружены только в двух погребениях — в грунтовой могиле № 39 и в впускном погребении № 53. Накосники состояли из трех ремешков с нанизанными бронзовыми обоймами и в одном случае с привесками «гусиных лапок» — погребение 39, а в другом случае с привесками из граненых стеклянных бус — погребение 53. Накосники подобного типа встречаются в Пьяноборской культуре и в древнемордовских памятниках (таб. V—16).

Шейные украшения встречаются двух типов — шейные гривны и ожерелья из бус. Оба вида украшений имеют место как в женских, так и в мужских погребениях. Они встречены в грунтовых и впускных захоронениях (таб. V—2, 3).

Гривны найдены двух типов — из гладкого бронзового прута круглого сечения и из перевитого бронзового прута. Замки у гривен одинаковые — петля и крюк. Полные аналогии гривнам имеются в Пьяноборской культуре, в Кошибеевском и Сергачском могильниках[2].

Бусы от ожерелий весьма многочисленны и разнообразны. Находились они почти во всех погребениях. Преобладают стеклянные золоченые бусы разного размера — от мелких до крупных. Форма различна — круглые, чечевицеобразные, четковидные. Довольно значительно число глазчатых крупных бус. Найдена одна бусина из сердолика и кольцеобразная привеска из янтаря. Есть несколько цилиндрических пастовых рубленых бус красного цвета. Есть стеклянные бусы других цветов, в частности синие (таб. VI).

Все перечисленные виды бус встречаются в Пьяноборской культуре, в Сарматских древностях, в Писеральских курганах и в древнемордовских могильниках.

К числу нагрудных украшений мы относим широкие пластинчатые бронзовые застежки с рубчиком посредине и загнутыми в трубочку концами, проволочные бронзовые и железные сюлгамы, мелкие плоские сюлгамы, литые прорезные прямоугольные бляхи, фибулы.

Пластинчатые бронзовые застежки найдены преимущественно в впускных погребениях. Они различны по величине, но

[1] И. В. Синицын. Указ. соч., стр. 17 и 58.
[2] Древности мордовского народа. Таб. VII—11.

конструктивно одинаковы. Аналогии имеются в Пьяноборской культуре, в Сергачском, Кошибеевском, Б.-Таутовском могильниках. Все эти памятники датируются первыми веками нашей эры (таб. IV—1—4).

Что касается сюлгам разного типа, то как территория, так и время их бытования очень велики. Они встречаются и в Сарматских древностях.

В грунтовых могилах были обнаружены нагрудные литые прорезные прямоугольные бляхи. По форме и технике изготовления они соответствуют находкам в Писеральских курганах (таб. IV—21, 22, 24).

Особого внимания заслуживают находки фибул типа «Avcissa». Две из них взяты из разрушенных погребений, а две лежали in situ в погребениях №№ 36 и 53. Этот тип фибул известен от Италии до Приднепровья, Причерноморья и Северного Кавказа. Такая фибула была найдена при раскопках Троицкого городища в Подмосковье. Датируется фибула точно I веком нашей эры[1] (таб. VI—1, 2).

Особым богатством отличались пояса. Здесь и большие железные пряжки, и большие прямоугольные литые бронзовые в грунтовых могилах. Многочисленные «сапожки» одинарные и двойные, подвешенные на ремешках с нанизанными бронзовыми и железными обоймами или нашитые прямо на пояс. На пояса же нашивались довольно высокие бронзовые конуса с петлей с внутренней стороны. Видимо, к поясным украшениям следует отнести и «уточек», найденных в погребении № 54. К числу поясных украшений следует отнести большие, средние и малые плоские бляхи с петельками на обороте (таб. V—4—8).

Все указанные типы украшений поясов и форма самих поясов ближайшую аналогию имеют в Писеральских курганах[2] и в Пьяноборской культуре[3]. Такие же бляхи есть в Кошибеевском могильнике[4].

Исключительно в впускных погребениях обнаружены проволочные спиральные браслеты, концы которых имеют небольшую шишечку (таб. IV—29).

Во многих грунтовых и впускных погребениях найдены разного размера и типа железные и бронзовые пряжки. Они предназначались для застегивания одежды, пояса, обуви. Многие из них имеют оригинальную форму (таб. IV). Некоторые из них имеют аналогии в Писеральских курганах, в Пьяноборской культуре, в Кошибеевском и Сергачском могильниках, а также в Сарматских древностях.

Описанные выше многочисленные и разнообразные украше-

[1] А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. Сов. арх. № 1, М., 1964, стр. 192—193.
[2] А. Х. Халиков. Указ. соч.
[3] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, рис. 25—26
[4] Древности мордовского народа, таб. IX—15, № 16, 25.

ния свидетельствуют, что члены племени были достаточно богаты, а различное количество предметов украшения и других вещей дает нам право говорить об имущественном неравенстве членов первобытной общины.

Сопоставляя вещевой материал из впускных и грунтовых могил, мы обнаруживаем большое сходство некоторых вещей, вместе с тем такие вещи, как фибула «Avcissa», плоские бронзовые застежки, были найдены только в впускных могилах. Литые же прямоугольные прорезные пряжки и бляхи, пояса с конусами и «сапожками», плоские бляхи с петельками и некоторые другие вещи характерны только для грунтовых могил. При датировке кургана это обстоятельство нужно учитывать.

Погребения Андреевского кургана бедны хозяйственными предметами. Сюда следует отнести находку двух пряслиц, многочисленные горшки, деревянный ковшик, окованный бронзовой пластинкой, бронзовый кастрюлеобразный котелок аналогичный котелку из Сарматского захоронения II века нашей эры в Бережновском могильнике (раскопки И. В. Синицына), а также бронзовой чаши с поддоном (отломан в древности) италийской работы, время бытования которой относится ко II веку нашей эры (рис. 12)

Керамика, обнаруженная при погребениях преимущественно без орнамента, ручной работы, близкая городецкой. Только два сосуда имеют орнамент по краю шейки из защипов. Шейка у многих сосудов слабо выражена, дно широкое. Стенки примыкают к днищу под прямым углом. Можно предполагать, что большинство сосудов имеет ритуальное значение.

* * *

Вся совокупность данных: обряд захоронения, положение костяков, вещевой материал — имеет, как об этом сказано выше, аналогии в памятниках I—II веков нашей эры. Следует заметить, что факт перекрытия грунтовых могил впускными говорит за несколько большую древность грунтовых могил.

Сочетание «разновременных» вещей в одном памятнике, а иногда в одной могиле вызвали сомнение в правильности нашей датировки. Раскопки 1964 года, как нам кажется, дали дополнительные материалы для обоснования указанных дат (4 шт. фибул «Avcissa», два кинжала с кольцевым навершием, трехперые черешковые наконечники стрел и другие вещи).

В целом культурный комплекс Андреевского кургана следует рассматривать как сочетание компонентов: Пьяноборского, южного Сарматского, позднегородецкого, или древнемордовского, что одно и то же. Компонент Пьяноборский и Сарматский более силен в грунтовых захоронениях, вероятно, более ранних. Компонент же древнемордовский (Кошибеевский и

Сергачский) очень сильно выступает в впускных погребениях.

Мы являемся свидетелями формирования древнемордовского культурного комплекса, его первого этапа, который затем более отчетливо выступает в Кошибеевском и Сергачском могильниках. Перед нами наидревнейший памятник мордовского народа, вероятно, эрзянский, так как в нем есть различия с Старшим Селиксенским могильником, хронологически близким и, бесспорно, мокшанским. Дальнейшее изучение материалов кургана позволит уточнить этот вопрос.

Значение материалов Андреевского кургана весьма велико как исторического памятника первых веков нашей эры в Западном Поволжье, что дает возможность говорить об особенностях быта, о форме общественных отношений, об идеологии тогдашнего общества. По этим материалам можно судить о торговых и иных связях, о передвижениях племен и столкновениях с соседями. Исключительную роль играют эти материалы в решении проблемы формирования древнемордовской племенной культуры.

Велика роль этих материалов в установлении дат бытования ряда вещей — мы имеем в виду однолезвийные мечи, кольчуги и некоторые другие вещи. Эти материалы по-новому позволяют осмыслить назначение некоторых вещей из старых находок (рукояти ножей из Пьяноборского могильника, вещи из Писеральских курганов).

Стали нам теперь известны новые элементы похоронного ритуала — могила вождя, захоронение рабов или пленников, положение в могилу группы человеческих верхних челюстей вместе с клыками медведя и бронзовыми бляхами, служивших, вероятно, военными трофеями.

Необычайная близость андреевских вещей к писеральским находкам заставляет считать оба памятника, входящими в круг одной культуры, однако при племенном различии, судя по разной ориентировке умерших. В Андреевском кургане есть два захоронения с восточной ориентировкой, то есть с той же, что в Писеральских курганах. Этот факт следует рассматривать как указание на возможное тесное общение двух соседних племенных коллективов и одновременное их существование в течение какого-то времени. Не следует ли дату Писеральских курганов несколько отодвинуть?

Андреевский курган как вид археологического памятника представляет большой интерес. Создается такое впечатление, что перед нами по существу могильник, а не курган в обычном значении этого слова. Ведь ни одно из грунтовых захоронений не перекрывает одно другое, то есть все они сделаны до насыпки кургана. Насыпь же сделана, вероятно, сразу над всеми могилами. Впускные захоронения, хотя и сделаны в насыпи кургана, расположены так же, как располагаются погребения в позднейших рядовых могильниках.

Наличие в Андреевском кургане двух типов захоронений при явно более древнем характере захоронений в грунтовых могилах и вместе с тем при большой общности многих вещей в обоих типах погребений дает право высказать предположение или о двукратном пребывании здесь одного племени, или о разновременном пребывании здесь частей одного племени, или о пребывании двух различных, но родственных племен. Может быть, более правильным является тезис А. П. Смирнова о ранней и «непрерывной инфильтрации» племен Прикамья на запад[1], чем утверждения А. Х. Халикова: «Пьяноборское население в Западное Поволжье, очевидно, вышло одновременно, и причем крупным массивом и этот выход нельзя датировать раньше, чем конец II в. н. э.»[2].

Находка именно в впускных могилах вещей явно I—II вв. н. э. (фибулы типа «Avcissa», котелка сарматского типа, бронзовой чаши италийской работы и других вещей) говорит о более раннем появлении носителей Пьяноборской культуры в Присурье. Отсутствие в Андреевском кургане вещей, близких вещам Азелинской культуры,— наследнице Пьяноборской культуры, по словам В. Ф. Генинга, также свидетельствует в пользу более ранней датировки нашего памятника.

Открытие в непосредственной близости от Андреевского кургана древнего селища, несомненно той же культуры, и принадлежавшего тем, кто хоронил умерших в кургане, имеет огромное значение для решения проблемы этногенеза мордвы.

О том, что селище оставлено теми, кто насыпал Андреевский курган, весьма убедительно говорит находка на месте древнего селища вырубленной верхней человеческой челюсти со сверлинами для подвешивания. Ведь совершенно такие же человеческие челюсти со сверлинами для подвешивания найдены в погребении вождя № 25/1 и в погребении № 37.

Но на селище найдены вещи, бесспорно, Городецкой культуры — пирамидальное грузило. Керамика на селище также, бесспорно, позднегородецкая — грубая, лепная, без орнамента. Посуда, найденная в курганных захоронениях, также типично городецкая. Таким образом, можно говорить об обитателях селища как о племени Городецкой культуры. Вместе с тем этой этнической группе принадлежит Андреевский курган с явными чертами древнемордовской культуры. Можно с известным основанием сказать, что Андреевский курган — памятник Городецкой культуры. Но с не меньшим основанием можно говорить о его принадлежности к древнемордовской культуре. В этом особая ценность нашего кургана как исторического памятника. Наконец-то появились конкретные данные, которых давно искали, позволяющие установить прямую связь племен городецкой культуры с древней мордвой.

[1] А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья, стр. 103.
А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 137.

Большой интерес представляют находки Н. В. Трубниковой на некоторых городищах Чувашии ряда вещей, имеющих полную аналогию с нашими вещами из Андреевского кургана. На городище «Пичке Сорче» были найдены: плоские бронзовые бляхи, трехперые черешковые железные наконечники стрел, плоские черешковые железные «с жальцами» наконечники стрел, железные псалии с двумя выступами и отверстиями в них, горбатые ножи, бронзовые «сапожки», «гусиные лапки», золоченые бусы и другие вещи. Эти вещи близки находкам в Писеральских курганах. В том же культурном слое были в большом числе найдены пирамидальные грузила, грубая керамика позднегородецкого типа. Сосуды аналогичны по форме нашим из Андреевского кургана[1]. А. Х. Халиков говорит, что керамический материал этого городища является «типично позднегородецким»[2].

Возникает необходимость в исторической схеме для объяснения новых исторических фактов. Нам эта историческая схема представляется в следующем виде.

Несколько столетий назад от времени Андреевского кургана какая-то часть городецких племен продвинулась с южных пределов лесной зоны (из бассейна р. Оки) в лесные дебри Волго-Камья под давлением скифо-савроматских племен. Это могло быть связано с походом Дария (около 512 г. до н. э.), когда персы разорили землю будинов и дошли до р. Волги[3].

Часть населения возвратилась обратно и продолжала вести старый образ жизни, а часть задержалась на новых местах. Может быть, этим объясняется то, что мы в Западном Поволжье чаще всего имеем дело с памятниками Позднегородецкой культуры.

Эти обитатели городищ и селищ Присурья за ряд столетий жизни в новых условиях восприняли новые элементы культуры, изменили несколько форму общественных отношений («военная демократия»), усилились в военном отношении за счет вооружения новыми видами оружия и на рубеже нашей эры двинулись на свои старые места — на среднюю Оку, на верхнюю Суру. О продвижении на запад племен говорится в работах В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова, А. П. Смирнова.

Андреевский курган — яркое свидетельство мощного вооружения этой этнической группы тяжелым наступательным оружием конных дружин, длинными тяжелыми однолезвийными мечами. Вооруженные дружины обеспечили продвижение племени на среднюю Оку. Следы этого продвижения мы видим в

[1] Н. В. Трубникова. Раскопки городища Пичке Сорче в Чувашии. Учен. зап. Чувашского науч.-иссл. ин-та, в. XXV, Чебоксары, 1954, стр. 163—193.

[2] А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 137.

[3] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ. 1947, № 2, стр. 282.

находках на Чувашских городищах, в Писеральском кургане, в Сергачском могильнике (может быть, кургане подобном Андреевскому?), в Андреевском кургане, в Кошибеевском могильнике и, наконец, в Рязанских могильниках.

Новые памятники и новые исследования несомненно уточнят и пополнят конкретными данными предложенную выше схему.

ДНЕВНИК

раскопок кургана № 1 у села Андреевки Ичалковского (бывш. Б.-Игнатовского) района Мордовской АССР в 1963—64 гг.

Курган № 1 входит в состав курганной группы, расположенной к востоку от села Андреевки, по правую и левую стороны дороги на село Чамзино[1]. В настоящее время сохранились только две насыпи, остальные распаханы.

В 1958 г. при копке картофельной ямы были обнаружены и разрушены погребения (по рассказам, четыре погребения), при которых находились разные вещи. Учитель местной школы М. Н. Крючков собрал часть вещей и представил их в Мордовский научно-исследовательский институт[2]. Дирекция института в 1963 г. организовала раскопку кургана № 1.

Курган № 1 располагается на пашне, и благодаря ежегодной распашке насыпь его сильно растянута. Его приблизительный диаметр 30×29 м при высоте 0,6 м. В южной части была заметна впадина от картофельной ямы размером 12×2 м.

Раскоп был начат с южной части, где была впадина от картофельной ямы. Насыпь снималась при помощи бульдозера, работа которого была прекращена при появлении первых захоронений как в южной, так и в северной части кургана.

Насыпь кургана состояла из чернозема, и впускные могилы в ней не выделялись. В центральной части и в других местах были обнаружены большие «выкиды» желтой грунтовой глины, что свидетельствовало о наличии больших и глубоких могил. В 1963 г. была обнаружена только центральная могила (№ 25) на глубине 1 м от верха кургана на слое грунтовой глины. Остальные грунтовые могилы были обнаружены в 1964 г.

Как на поверхности кургана, так и в его насыпи в разных местах были найдены разные вещи. Видимо, все эти вещи попали в насыпь в результате копки картофельной ямы и ежегодной глубокой распашки, разрушившей некоторые погребения[3].

[1] П. Д. Степанов. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья. МИА, № 111. М., 1962 г., стр. 254.

[2] Были представлены: меч, бронзовая чаша, бронзовая фибула, крупная плоская бляха, пряжка и другие вещи.

[3] По рассказам колхозников, в поле, недалеко от кургана № 1, есть место, где выпахиваются кости человека. Проведенной разведкой аспирантом Ю. Б. Степанкиным установлено наличие не разрушенного кургана, а древнего поселения, с вещами, одинаковыми с вещами, найденными в кургане № 1.

Только у грунтовых могил хорошо выделялись контуры, размеры же впускных могил даны приблизительно. Глубина всех могил дана от верха кургана.

Под насыпью кургана шел слой погребенного чернозема, затем коричневый глеистый и на глубине 1 м от верха начинался слой желтой грунтовой глины.

Большинство впускных могил расположено выше слоя грунтовой глины. Часть из них перекрывает грунтовые могилы, а некоторые располагаются выше других впускных могил.

В связи с тем, что курган находился на засеянном поле, удаление земли за его пределы было невозможно. Применялся поэтому метод раскопки «вперевалку», что несколько затрудняло работу в 1964 г., особенно при раскопке грунтовых могил.

Ниже дается описание погребений, вскрытых в 1963 и 1964 гг.

Погребение № 1. Контуры могилы не прослеживаются. Приблизительная длина 1,7 м, ширина 0,5 м, глубина около 0,3 м. Могила находилась в поле кургана, и дно её находилось выше грунтовой глины.

В могиле находился костяк, лежащий на спине в вытянутом положении, череп смещен вправо. Ориентирован костяк головой к северу.

На левой височной кости найдены обломки спиральной бронзовой проволочной привески (распалась). Под нижней челюстью лежала стеклянная бисеринка темно-синего цвета, (рассыпалась). В ногах костяка стоял глиняный горшок. Длина костяка 1,35 м. Кости очень плохой сохранности.

Погребение № 2. Контуры могилы не прослеживаются, измерения сделать невозможно.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении. Ориентирован головой к северу с отклонением к северо-востоку. Верхняя часть костяка отсутствует: она разрушена при рытье картофельной ямы. На месте лежат только кости ниже таза.

На тазу, с правой стороны, лежал железный нож острием к центру таза. Справа же на тазу лежала железная кольцевая пряжка большого размера (распалась). В средней части таза лежала небольшая кольцевая железная пряжка (обломки).

Вдоль левого бедра снаружи лежат остатки берестяного колчана в виде палочки с чередующимися бронзовыми и железными обоймами (разрушен). Длина колчана 0,31 м. У нижнего конца колчана лежит бронзовая кольцевая рубчатая пряжка. Слева, против колена, за колчаном на расстоянии 0,13 м лежала бронзовая петлевидная привеска с расплющенными концами. Такие же 2 привески лежали промеж бедер. Может быть, это остатки украшения ремня?

Близ левой ступни лежали два железных плоских черешковых «с жальцами» наконечника стрел. Вероятно, они вывалились из колчана. На левой ступне оказалась кольцевая бронзовая пряжка с язычком. Такая же пряжка лежала на правой ступне. Это пряжки от обуви. На расстоянии 0,3 м от ступней стоял глиняный горшок.

Погребение № 3. Контуры могилы не прослеживаются.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой на север. Череп опрокинут и раздавлен. Кости плохой сохранности.

Слева от черепа на расстоянии 0,2 м стоял маленький горшочек дном вверх. Справа же за черепом лежал железный нож с горбатой спинкой, широкий, острием к черепу.

С внутренней стороны правой руки у локтя лежали обломки бронзовой пластинчатой застежки с язычком. Слева от левого бедра, с заходом на голень, лежали остатки колчана из бересты в виде палочки с пазом, в который были зажаты концы бересты. Палочка затем была заключена в обоймы попеременно бронзовые и железные. Левее колчана лежали остатки пояса с бронзовыми привесками по 4 штуки с каждой стороны. Привески состоят из проволочной петли с расплющенными концами и прямоугольных ремешков, заключенных в бронзовые пластинчатые обоймы с точечным орнаментом с наружной стороны. Наружная часть обоймы шире, а внутренняя уже, к ремешку они прикреплялись заклепкой. Над привесками и под ними сохранились следы луба или дерева.

Слева от бедра, против колена, лежала большая железная кольцевая пряжка с язычком (обломок). Слева от таза лежала бронзовая кольцевая пряжка с язычком и остатками ремня. Слева от бедра, против колена, лежала бронзовая кольцевая пряжка с язычком и остатками ремня.

Слева от левой ступни лежал железный плоский черешковый «с жальцами» наконечник стрелы. Здесь же лежал обломок неизвестного железного предмета. Слева от левой ступни лежала средней величины полупрозрачная бусина. С внутренней стороны правой ступни лежала железная кольцевая пряжка с язычком. В ногах костяка стоял глиняный горшок.

Погребение № 4. Могила в насыпи кургана у горизонта. Длина 2,5 м, ширина 0,9 м, глубина 0,75 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой на север. У костяка отсутствовали кости правой руки и часть грудной клетки.

Справа от головы лежал железный предмет неизвестного назначения (рассыпался). Слева от черепа также лежал неопределенный предмет из железа с бронзовыми обоймами (распался). Под нижней челюстью лежала бронзовая спиральная проволочная височная привеска (распалась). На шее находилась бронзовая перевитая гривна с замком, петлей и крючком. Когда-то гривна была сломана и затем соединена при помощи бронзовой проволоки. Ниже гривны на груди лежала бронзовая плоская застежка с иглой. На шее же находилось ожерелье.

У левого плеча лежала большая бронзовая сюлгама с насечкой на наружной стороне. На груди, в нижней части, лежал железный плоский черешковый «с жальцами» наконечник стрелы. На кисти правой руки находился бронзовый проволочный браслет в 2—3 оборота (сохранность плохая). На кисти левой руки находился такой же браслет.

На тазу, в центре, лежала железная пряжка (?), к которой примыкал бронзовый наконечник ремня, гладкий с обоймами с внутренней стороны. На животе лежала плоская бронзовая застежка с язычком (сохранность плохая). На животе же лежали две одинаковые кольцевые бронзовые пряжки.

Влево от кисти левой руки лежал берестяной колчан, от которого сохранились бронзовые обоймочки, куски ремня и плоские разложившиеся на воздухе тонкие бронзовые пластинки.

У левой и правой ступни лежали бронзовые проволочные фигурные пряжки, под одной из которых сохранились остатки кожи. В юго-западном углу могилы стоял горшок (раздавлен).

В полости таза на бронзовых пряжках наблюдались остатки древесного перекрытия, лежавшего вдоль костяка.

Погребение № 5. Форма могилы неясна. Находилась она в грунтовой глине. Была обнаружена при шурфовке. Ориентирована СЗ—ЮВ. В могиле костей не оказалось. В ЮВ конце в засыпке могилы было найдено несколько бусинок. В СЗ конце могилы была найдена железная пряжечка (распалась) и глиняный горшок. Здесь же, у стены, стоял вертикально кусок плахи длиной 0,25 м и толщиной 0,08 м. Глина около плахи была со следами обжига. В засыпке могилы были найдены: плоское глиняное пряслице и нагрудное бронзовое украшение в виде решетчатой пластинки.

Впечатление такое, что погребение разрушено.

Погребение № 6. Контуров могилы нет. Приблизительная длина 2,4 м, ширина 0,5 м, глубина 0,5 м.

В могиле лежал костяк в вытянутом положении на спине головой к югу с отклонением к ЮЗ.

На груди у ворота лежала плоская бронзовая застежка с язычком. С правой стороны, между рукой и тазом, лежал нож (плохой сохранности). На тазу лежала железная пряжка (распалась). На правой ступне находилась бронзовая кольцевая пряжка. В ногах стоял горшок (раздавлен).

Погребение № 7. Контуры могилы не прослеживаются. Длина 1,8 м, ширина 0,5 м, глубина 0,5 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к северу с отклонением к СЗ. Кости не сохранились. Слева от головы лежала бронзовая плоская застежка с язычком (половина). В полости живота находилась бронзовая плоская сюлгама. В ногах покойника, несколько выше дна, лежал кусок железного шлака.

Погребение № 8. Форма могилы не определена. На глубине 0,6 м обнаружены коронки зубов, рядом с которыми лежали остатки ожерелья из синих и золоченых стеклянных бус и мелких бронзовых полутрубочек и бронзовых обоймочек. В стороне лежала большая глазчатая бусина. К югу-востоку от зубов на расстоянии 0,5 м стоял глиняный горшок.

Погребение № 9. Контуры могилы не определены. Длина могилы 2,0 м, ширина 0,5 м, глубина 0,8 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к СВ. Кости рук отсутствуют, череп раздавлен. Вещей не оказалось.

Погребение № 10. Могила прямоугольной формы, ориентирована С—Ю с отклонением к В. Длина 2,1 м, ширина 0,9 м, глубина 0,9 м.

На высоте 0,2 м от дна могилы, в южном конце, лежали остатки раздавленного черепа. Все остальные кости отсутствовали. На расстоянии 0,7 м к ССВ от черепа на дне могилы стоял глиняный горшок, а на расстоянии 1,3 м стоял второй горшок. На расстоянии 0,25 м от второго горшка лежала бронзовая кольцевая пряжка. Между горшками на дне могилы лежала синяя стеклянная бусина. Около черепа и под ним найдены остатки ожерелья из 26 стеклянных золоченых бус. На дне могилы прослеживались отпечатки луба, а под ним — кое-где уголки.

Погребение № 11. На глубине 0,6 м в насыпи кургана обнаружен один череп без других костей. Контура могилы не было. Вещей не было.

Погребение № 12. Контуры могилы не прослеживаются. На глубине 0,4 м в насыпи кургана лежали кости рук — правое плечо, лучевая кость и обломки таза. Костяк был ориентирован головой к СЗ. К СЗ от плеча лежала крупная мозаичная бусина. У плечевой кости лежал бронзовый проволочный спиральный браслет, а под костью лежала большая плоская бронзовая бляха с отверстием, прикрытым маленькой бляшкой с петелькой с обратной стороны.

Погребение № 13. Контуры могилы не прослеживаются. На глубине 0,6 м в насыпи кургана лежала часть скелета до тазовых костей на спине в вытянутом положении головой к СЗ. Череп лежал несколько ниже других костей.

На шее костяка лежала бронзовая витая гривна с замком в виде петли и крючком. У левого плеча лежала бронзовая плоская застежка с язычком. Справа от правого плеча находился бронзовый проволочный браслет в 4 оборота. На груди лежала бронзовая кольцевая пряжка. В центре груди лежала подвеска в виде слабо конической трубочки из бронзы (распалась).

Погребение № 14. Контуры могилы не прослеживаются. Длина 2,1 м, ширина 0,7 м, глубина 0,7 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении

головой к северу. Череп лежал у восточной стенки, но нижняя челюсть находилась на месте.

За черепом справа лежал железный втульчатый наконечник копья, рядом с которым лежал еще какой-то неизвестный предмет из железа (распался). Под челюстью лежала железная кольцевая сюлгама. В ногах стоял глиняный горшок.

Погребение № 15. Контуры могилы не прослеживаются. На глубине 0,7 м. в насыпи кургана лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к СВ. Сохранились только некоторые кости.

На груди костяка лежала бронзовая плоская застежка с язычком. У левого плеча снаружи лежали бусы. У правой руки — бусы. В полости таза лежала железная пряжка (распалась). Здесь же лежал предмет, состоящий из ремешка с нанизанными на него 19 бронзовыми пронизками и 4-мя бронзовыми бусинами.

Погребение № 16. Контуры могилы не прослеживаются. Костяк лежал на спине головой к ССЗ. Кости очень плохой сохранности.

Под подбородком лежали 2 плоских черешковых «с жальцами» железных наконечника стрел. У правого плеча находилась бронзовая кольцевая пряжка. На тазу лежали железные удила плохой сохранности.

Погребение № 17. Погребение разрушено. От костяка сохранилась одна длинная кость и части черепа и к востоку от черепа лежали железные удила с псалиями (частично сохранились) и кольцевая бронзовая пряжка.

Погребение № 18. В ямке неопределенной формы в насыпи кургана оказалась кость коровы — позвонок, бронзовая сюлгама и раздавленный горшок.

Погребение № 19. Разрушенное. Найдена стеклянная золоченая бусина, умбоновидная бронзовая бляшка с петелькой на обратной стороне, обломок железного наконечника копья, кольчужные кольца (распались). Костей человека не было.

Погребение № 20. Контуры могилы не прослеживаются. Длина 1,6 м, ширина 0,65 м, глубина 1,1 м.

В могиле находился костяк, сохранившийся частично, лежавший головой к северу. Череп лежал на левом виске, лицом к востоку. Правое плечо лежало на месте, а локтевая и лучевая кости лежали под углом к плечевой. Тазовые кости были вывернуты так, что чашечки для бедряных костей были направлены вверх и внутрь. Остальные кости отсутствовали. Вещей не было.

Погребение № 21. Могила прямоугольной формы, ориентирована С—Ю. Длина 2,5 м, ширина 0,5 м, глубина 1,05 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к северу. Длина костяка 1,75 м.

Справа от черепа лежала втулка железного наконечника копья (сломано) и железный нож с горбатой спинкой. Слева от черепа находились удила с прямыми псалиями. Справа от черепа лежала также железная пряжка в виде петли, на которую подвешивали ремешки с железной же обкладкой.

На шее оказалась бронзовая проволочная гривна с замком петлей и крючком. На груди лежала плоская бронзовая застежка с язычком.

Справа от таза, у кисти правой руки, находился железный нож (длина 0,27 м) с деревянной круглой в сечении рукоятью, которая была обмотана бронзовой лентой (разрушена). Тут же лежала тоненькая бронзовая обойма от ножа. Слева от таза лежала железная пряжка той же формы, что и за черепом, рядом с которой находился прямоугольный конец ремня, заключенный в железную обойму.

Вдоль левого бедра и голени, рукоятью к ступне, лежал длинный железный однолезвийный меч в ножнах. Наконечник у ножен окован железом. Рукоять меча обмотана нитью или ремешком и окрашена красной краской. Навершие у меча в виде рожек с шишечками по концам.

Между мечом и костями ног лежал берестяной колчан, от которого сохранились частично бронзовые обоймочки. В колчане лежали железные плоские черешковые «с жальцами» наконечники стрел (9 шт.): один костяной трехгранный с черешком и один плоско-выпуклый листовидный с черешком. Здесь же найден обломок древка стрелы с сохранившимся черешком стрелы.

У левой ступни лежала кольцевая бронзовая привеска петлевидной формы с расплющенными концами. У правой ступни лежала бронзовая кольцевая пряжка, железная кольцевая пряжка и бронзовая петлевидная привеска с расплющенными концами.

В засыпке могилы, выше погребения, стоял кованый бронзовый котелок с железной душкой и железным крюком для подвешивания. В котле было найдено: обломок железного кольца, обломки деревянной чашки или ковша, кусок кожи и кость крупного животного со следами рубки топором.

В засыпке же могилы были найдены железные удила с очковидными кольцевыми псалиями и одна серебряная кольцевая пряжка.

Погребение № 22. Контур могилы не прослеживается. Длина могилы 2,3 м, ширина 0,6 м, глубина 0,7 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к северу. Череп и левая рука отсутствовали. Кости плохой сохранности.

За черепом слева лежал железный наконечник копья. На груди лежала небольшая бронзовая плоская застежка с язычком. У правого локтя с внутренней стороны лежала маленькая

бронзовая пряжка. На животе лежала кольцевая бронзовая пряжка с насечкой на наружной стороне.

На тазу справа лежал железный нож (распался). Вдоль левого бедра лежал однолезвийный меч длиной 0,9 м с обмотанной рукоятью и навершием в виде рожек. Меч находился в ножнах, конец которых имел железную оковку. Ножны были окрашены красной краской.

С внутренней стороны левого бедра лежала бронзовая кольцевая сюлгама. Промеж бедер находилась бронзовая пряжка с обоймой прямоугольной формы. В ногах стоял глиняный горшок.

Погребение № 23. На уровне древнего горизонта под насыпью кургана было обнаружено разрушенное погребение. Костяк полностью не сохранился. Остались непотревоженными: таз, обе бедряные и обе берцовые кости, часть поясничных позвонков. Костяк лежал в сильно скорченном положении так, что пяточные кости соприкасались с тазовыми костями. Костяк лежал на левом боку. Могила была ориентирована С-Ю.

На расстоянии 0,5 м к северу и на 0,3 м ниже указанных костей лежал раздавленный череп. Принадлежал ли он этому погребению, сказать трудно. Вещей при костяке не было.

Погребение № 24. Контур могилы не прослеживается. Длина 2,0 м, ширина 0,55 м, глубина 0,9 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой на восток. Правая локтевая и лучевая кости отсутствовали. Череп лежал на затылке. Кости плохой сохранности.

На шее и около черепа лежали бусы: стеклянные золоченые, крупные глазчатые. У левого виска найдена золотая спиральная височная привеска в 4 оборота. Такая же привеска из бронзовой проволоки лежала у правого виска (рассыпалась). На груди лежала плоско-выпуклая застежка из бронзы.

Погребение № 25. Большая грунтовая могила.

При снятии курганной насыпи в центре кургана были обнаружены большие «выкиды» желтой грунтовой глины. Один имел в длину 4 м, а остальные 1 м. Появились они на глубине 0,5 м от верха кургана. Наличие таких больших «выкидов» позволяло предполагать, что в центре находится большая могила.

Контуры могильного пятна появились только на уровне грунтовой глины. Пятно имело прямоугольную форму длиной в 6,6 м, шириной 4,5 м и было ориентировано СВ-ЮЗ.

На глиняной засыпке могилы было обнаружено три темных пятна: одно прямоугольной формы в ЮЗ конце (погр. № 26), одно в центре — неопределенной формы и третье — в СВ конце — треугольной формы. В 1963 г. было раскопано центральное пятно, давшее погребение № 25/1. Полностью могила была раскопана в 1964 г. Раскопки велись слоями по 0,2 м.

1-й слой, глубина от верха кургана 1,2 м. Засыпка из глины с вкраплениями чернозема. В СВ конце могилы черное пятно

уходит до глубины 1,25 м. Оно состоит из чистого чернозема. В слое не было никаких находок, кроме горшка, стоявшего на глиняной засыпке близ СВ конца.

2-й слой, глубина 1,4—1,45 м ничего не дал.

3-й слой, глубина 1,63 м. На глубине штыка вдоль стен могилы оказались плечики с остатками древесной или лубяной обкладки с белыми продольными полосами. Деревянная обкладка лежит наклонно в сторону дна. Отпечатки дерева появились на гл. 1,45—1,55 м и имели ширину 0,1—0,15 м. Засыпка могилы состоит из глины с небольшой примесью чернозема.

4-й слой, глубина 1,83 м. Плечики отчетливо выступили вдоль длинных сторон могилы. Обнаружилась древесная обкладка всех 4-х стенок могилы. Близ северного угла в могиле был обнаружен череп лошади, а вдоль СВ стены — кости ног.

5-й слой, глубина 2,05 м. После снятия слоя было приступлено к выявлению обкладки стен. Продольные стены были обложены древесным материалом, от которого не осталось ничего, кроме отпечатков на глине. Эти отпечатки имели вид чередующихся белых и черных полос шириной по 0,04 м. Белая масса напоминала мел или известь и сильно пачкала.

Через определенные промежутки, поперек продольных полос, на стенах обнаружены поперечные вдавления в глине — следы столбов или кольев. Однако и здесь не было обнаружено остатков гнилого дерева.

Около всех 4-х углов обкладка продольных стен изгибается: у СВ концов она идет после изгиба вверх, а у ЮЗ конца на конце ЮВ стенки она как бы заваливается в нишу. Обкладка стенок начинается на уровне плечиков и переходит затем в подстилку на дне.

Концевые стенки могильной ямы имеют продольную и поперечную обкладку. Здесь отчетливо наблюдаются отпечатки плах и вертикальных столбиков. Имеется как бы след лестницы из бревен.

На глубине 2,4 м оказалось дно могилы. При зачистке дна обнаружена обкладка того же типа, что и вдоль стен. Эта подстилка располагалась вдоль могилы. Под подстилкой обнаружены поперечные канавки, видимо, следы поперечных плах, уходящие под костяки. На дне же было обнаружено 6 ямок, расположенных симметрично — остатки столбов от помоста, на котором лежал вождь. В ямках оказались следы дерева на глубине 0,5 м от дна могилы.

При обследовании стенок могилы было установлено, что древесная обкладка была расположена на расстоянии 0,6 м от ЮВ стенки. Пустое пространство между стенкой могилы и обкладкой было забито глиной. Это обстоятельство позволяет думать, что обкладка была не из луба, а из плах или жердей. Вдоль СЗ стенки обкладка примыкала непосредственно к стенке могилы без подсыпки.

Площадь дна могилы несколько меньше могильного пятна: длина 6,4 м, ширина 2,88 м. На дне могилы находилось 4 погребения.

Погребение № 25/1. В центре могилы лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к СВ. Длина костяка 1,65 м. Костяк мужской.

Сверху костяк был покрыт, вероятно, широким лубом, окрашенным вдоль белыми полосами шириной 0,03—0,04 м. Луб покрывал также и все вещи покойного. От луба кости приобрели темно-коричневую окраску. Кости были все на месте, но имели плохую сохранность из-за большой сырости на дне могилы.

Прямо за черепом лежала свернутая кольчуга, на которой обнаружены остатки пластинчатого шлема, форму которого установить было невозможно. Справа от черепа лежал железный втульчатый наконечник копья, на пере которого был надет футляр из белого сплава с прорезями и двумя петлями. С обратной стороны футляр имел две поперечные перемычки. Рядом с копьем лежал железный втульчатый наконечник «сулицы». Здесь же лежали обломки железного предмета неопределенного назначения, может быть, части шлема.

На шее умершего находилось ожерелье из стеклянных золоченых бус двух типов с большой боченкообразной бусиной из синего стекла с шишечками, лежавшей в центре ожерелья. На груди лежала также железная кольцевая пряжка (распалась).

Справа, между кистью правой руки и тазом, находился железный кинжал в деревянных ножнах с прямым перекрестием и кольцевым навершием. Длина кинжала 0,45 м, длина рукояти 0,15 м, ширина клинка 0,06 м. Близ рукояти кинжала лежали зеленые стеклянные бусы (6 шт.) и бронзовые обоймочки. Под пальцами правой руки лежала бронзовая круглая плоская бляха с отверстием в центре. Между кинжалом и правой бедряной костью лежали 5 бронзовых плоских блях разного размера с петельками на обороте. Близ конца ножен кинжала обнаружена бронзовая ворворка изогнутой формы. Рядом с кинжалом находился железный нож с горбатой спинкой.

На тазу лежала бронзовая кольцевая пряжка. Слева и справа от нее на животе лежали украшения пояса — бронзовые литые с петельками «сапожки». Располагались они горизонтально и, вероятно, в таком положении были прикреплены к поясу при помощи неширокого ремешка, продетого в петельки.

Промеж бедряных костей, на уровне колен, лежали одна на другой две бронзовые плоские бляхи с петельками на обороте. На бляхах сохранились отпечатки грубой ткани. Бляхи лежали на деревянной подстилке, а ткань покрывала их сверху. Здесь же лежал бронзовый пустотелый шарик с отверстием.

Под древесной подстилкой обнаружены остатки досок толщиной до 2,5 см, лежавших поперек могилы (остатки помоста).

Слева от левого плеча и вдоль таза лежал железный однолезвийный меч с прямой рукоятью. Длина 0,75 м, ширина 0,03 м, толщина обушка 0,01 м. Слева от конца меча лежала большая бронзовая плоская бляха с петельками на обороте. Меч был в деревянных ножнах, конец которых был окован обкладкой из белого сплава. Слева от меча лежали обломки железных удил.

У левой ступни лежал колчан со стрелами, от которого сохранились только наконечники стрел: трехперые железные с черешком мелкие (19 шт.), костяные трехгранные с черешком (44 шт.) и 2 шт. с плоско-выпуклым пером черешковые. Здесь же находился деревянный круглый короткий стержень с углублением с одного конца.

Покойник лежал на деревянном настиле из досок, лежавших поперек могилы.

В изголовье умершего, на некотором расстоянии от кольчуги за двумя канавками от поперечных плах, лежали кучей человеческие отрубленные верхние челюсти в количестве 5 шт. Вместе с ними находились плоские бронзовые бляхи с петельками на обороте. Челюсти лежали преимущественно зубами вверх. Они имели по два просверленных спереди отверстия для подвешивания. Может быть, это трофеи умершего?

Погребение № 25/2. У СЗ стенки могилы на дне обнаружен костяк мужчины молодого возраста, лежащий на спине в вытянутом положении головой на СВ. Череп умершего лежал на одном уровне с погр. № 25/1. Костяк имел такое же покрытие, как и погр. № 25/1.

Слева от черепа лежал железный втульчатый наконечник копья, рядом с которым лежал такой же наконечник «сулицы».

На шее и за черепом обнаружены остатки ожерелья из стеклянных золоченых круглых и стеклянных синих бус. На груди лежала железная сюлгама.

На животе находилась продолговатая бронзовая фигурная пряжка, а несколько ниже её — остатки железной пряжки. По обе стороны от пряжек на животе оказались украшения от пояса — «сапожки» и бронзовые конуса с перекладиной внутри. «Сапожки», видимо, подвешивались на ремешках с нанизанными обоймами, а конуса прикреплялись к поясу при помощи ремешка, продетого под петельки. Здесь же найдена небольшая бронзовая бляшка с перекрестием и пятью выступами.

Справа от таза лежал железный нож, а слева под тазом найден точильный брусок прямоугольной формы с отверстием для подвешивания. На тазу же обнаружен камень от огнива.

Слева, вдоль левой руки и таза, лежал железный двулезвийный меч с прямым перекрестием и прямой рукоятью. Длина меча 0,83 м, ширина 0,05 м, длина рукояти 0,13 м. На мече лежала у самого перекрестия каменная бусина.

Справа от правого колена найдена железная пряжка. Вдоль правой голени справа лежал железный стержень, один конец

которого имел утолщение. Справа же от правой голени лежали остатки колчана в виде кучи наконечников стрел — железных трехперых черешковых (19 шт.) и костяных трехгранных черешковых (31 шт.).

На ступнях обеих ног обнаружены остатки украшения обуви в виде бесформенных железных пластинок.

Костяк сверху был покрыт вдоль нетолстыми деревянными дощечками. Костяк лежал на общей могильной подстилке. Канавки от поперечных перекладин проходили под костяком.

Рост умершего 1,8 м. Череп раздавлен, кости рыхлые.

Погребение № 25/3. У ЮВ стенки могилы слева от погребения № 25/1 лежал костяк мужчины средних лет на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Череп лежал на одном уровне с черепом погр. № 25/1. В положении костяка наблюдается одна ненормальность — левая нога коленом почти прикасалась к правой ноге, тогда как ступня лежит нормально. Можно предполагать хромоту умершего.

Справа от правой плечевой кости лежал железный втульчатый наконечник копья (сохранность плохая). Рядом с ним лежали обломки железных предметов (удила, стержень)?).

На нижней части груди находилась литая большая бронзовая пряжка в виде кольца с двумя конусовидными выступами. На животе лежала также железная пряжка от пояса. По обе стороны от неё лежали украшения пояса — «сапожки» (плохой сохранности). На тазу было много железной окиси от разложившихся предметов, может быть, обоймы от ремешков, на которые подвешивались «сапожки». Здесь же лежал кремень от огнива. Справа от таза лежал железный нож.

Слева от левого колена лежал железный двулезвийный меч с прямым перекрестием и прямой рукоятью. Длина меча 0,88 м, ширина 0,04 м (сохранность плохая). На меч был положен колчан, от которого сохранились наконечники стрел — трехперые, железные черешковые (25 шт), костяные трехгранные черешковые (2 шт).

Костяк был покрыт вдоль деревянными плашками и лежал на общей подстилке. Канавки от поперечных перекладов проходили под костяком. Кости плохой сохранности ввиду большой сырости на дне могилы.

Погребение № 25/4. Вдоль ЮЗ стенки, поперек могилы, лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к ЮВ. Обе руки покойного—лучевые и локтевые кости и кисти рук находились под тазом, что свидетельствует о том, что руки умершего перед захоронением были связаны за спиной.

На шее умершего обнаружено ожерелье из мелких бус. Справа на тазу лежал маленький железный ножичек, а слева — бронзовое поясное украшение в виде 4-х полушарий. Слева от левого колена лежали костяные наконечники трехгранных черешковых стрел.

Умерший был положен на подстилку, от которой остался черный слой. Под ступнями — коричневый перегной — остатки обуви.

От остальных захоронений в могиле этот костяк был отделен двумя нешироками канавками.

Кости коня. У самой СВ стенки в северном углу находился целый череп лошади с первыми шейными позвонками. К ЮВ, вдоль стены, у самого дна могилы были обнаружены бабки передних и задних ног, лежащие в анатомическом порядке. На месте были копыта.

На уровне могильных плечиков, на расстоянии около 1 м от СВ края могилы, на могильной засыпке, стоял глиняный горшок.

Погребение № 26. В засыпке могилы № 25 близ ЮЗ конца было обнаружено темное пятно прямоугольной формы, ориентированное СЗ—ЮВ. Длина 1,7 м, ширина 0,8 м. После раскопки оказалось, что в могиле захоронения нет.

Погребение № 27. Контуры могилы не прослеживаются. На глубине 0,81 м обнаружены некоторые кости человека — обломки челюсти, кость левой руки. Судя по этим костям, умерший лежал головой к северу.

Слева от челюсти лежали наконечники стрел — железные плоские черешковые, «с жальцами» (8 шт) и костяные трехгранные черешковые (6 шт). Рядом с ними находилась короткая костяная трубочка.

К юго-западу от плечевой кости лежала бусина из бронзы, а также бронзовая спиралька. Еще дальше к югу лежали железные удила с псалиями, имевшими серебряную насечку.

Мы предполагаем, что находки вещей, отмеченных в 1963 г., как погребение № 19, а в 1964 г., как погребение № 44, все относятся к этому разрушенному кем-то погребению.

Погребение № 28. Контуров могилы нет. Приблизительная длина 2,5 м, ширина 0,6 м, глубина 1,15 м. Могила в насыпи кургана.

В могиле оказался костяк, лежащий на спине в вытянутом положении головой к СЗ. Длина костяка 1,66 м. Кости плохой сохранности.

Справа от черепа лежала железная пряжка. На правой стороне груди находилась бронзовая пряжка (распалась). Справа от правого локтя лежал железный плоский черешковый «с жальцами» наконечник стрелы. На правой стороне живота лежала бронзовая проволочная пряжка. Слева от кисти левой руки лежали два камня от огнива.

Справа от таза находился нож (в обломках). Слева от левого бедра недалеко от наконечников стрел и удил лежала небольшая бронзовая пластинка. Здесь же лежали наконечники стрел: железные плоские черешковые «с жальцами» (обломки) и костяные трехгранные черешковые. Слева, против левого

колена, лежали железные удила с псалиями с золотой инкрустацией (в обломках).

На ступнях обеих ног находились бронзовые круглые пряжки. Около пальцев левой ступни лежала бронзовая пряжка (в обломках). В ногах костяка стоял глиняный горшок дном кверху.

В засыпке могилы найдены: железная пряжка с язычком, бронзовая обойма и бронзовый проволочный браслет.

Погребение № 29. Контур могилы не прослеживается. Приблизительная длина 2,3 м, ширина 0,5 м, глубина 0,9 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к северу. Кости плохой сохранности, череп в мелких обломках, нижняя челюсть на месте.

Слева от черепа лежал железный втульчатый наконечник копья. На шее умершего находилась бронзовая гривна из круглого прута с замком петлей и крючком. На правой стороне верха груди лежала железная пряжка (распалась). На животе находилась бронзовая литая круглая пряжка.

Справа на тазу лежал железный нож. Вдоль правого бедра и голени лежал железный двулезвийный мечь без перекрестия с прямой рукоятью. Длина 0,93 м, ширина 0,04 м. Около рукояти лежал «сапожок» и бронзовые обоймы—украшения рукояти меча. Налегая на мечь, лежал колчан из бересты с бронзовыми и железными обоймами. Длина колчана 0,4 м, ширина 0,1 м. В колчане находился один наконечник железный плоский черешковый «с жальцами» стрелы. Между мечом и голенью лежали обломки неизвестного железного предмета.

Промеж ступней лежала железная пряжка (распалась). Слева от левой ступни стоял горшок (раздавлен), над которым лежала железная пряжка. В конце могилы была найдена железная пряжка (распалась).

Погребение № 30. На глубине 0,8 м в насыпи кургана обнаружена правая берцовая кость, часть таза и зубы человека. Кости ориентированы СВ—ЮЗ. Вещей не обнаружено.

Погребение № 31. На глубине 0,8 м в насыпи кургана обнаружены кости обеих ног, лежащие ступнями к ЮВ. Других костей не оказалось. Около левого колена найдена одна стеклянная золоченая бусина. В ногах стоял глиняный горшок.

Погребение № 32. Длина могилы 2,5 м, ширина 0,7 м, глубина 1,4 м. Могила врезалась в засыпку грунтовой могилы в её северном конце. Ориентирована могила ССЗ—ЮЮВ.

В могиле лежал костяк мужчины на спине в вытянутом положении головой к ССЗ. Средняя часть костяка несколько провалилась вниз. Кости плохой сохранности, череп раздавлен. Длина костяка 1,6 м.

Справа от черепа лежал железный втульчатый наконечник «сулицы». Слева от черепа находилась железная сюлгама. Под нижней челюстью лежала крупная бронзовая пряжка, ни-

же которой на груди находилась бронзовая плоская застежка (рассыпалась). На шее было ожерелье из бус, в том числе была одна красная пастовая с глазками.

На средине живота лежала железная пряжка и другая в обломках. Справа на тазу находились обломки ножа. Здесь же лежали обломки железной привески в виде язычка с петелькой.

Под кистью левой руки были удила, а несколько ниже на тазу — бронзовая обойма. Против верха бедра — остатки колчана с наконечниками стрел: железные плоские черешковые «с жальцами» (4 шт) и один костяной трехгранный черешковый. Здесь же лежала небольшая трубочка из кости.

Вдоль левой ноги, под бедряной костью, рукоятью к ступне лежал железный однолезвийный меч. Рукоять меча имела навершие в виде рожек с шишечками на концах и была с обмоткой. Длина меча 0,78 м, ширина 0,026 м, толщина 0,008 м. У правого бедра и у правой голени находились железные пряжки.

В ногах стоял глиняный горшок, а за ним в конце могилы стоял деревянный сосуд, который был окован бронзовой пластиной с орнаментом мелкими шишечками, выдавленными с внутренней стороны. Пластинка к дереву прикреплялась при помощи бронзовых проволочных скобок. Сохранность сосуда чрезвычайно плоха, и восстановлению он не поддается.

В засыпке могилы были найдены: черная бусина с орнаментом и большая бусина из светло-зеленого стекла с шишечками и глиняный горшок. Может быть, эти вещи имеют отношение к грунтовому захоронению № 38—39?

Погребение № 33. Могила в грунте, прямоугольной формы, ориентирована С—Ю. Длина 2,2 м, ширина 1,0 м, глубина 1,3 м.

В могиле, в южной половине, оказались коронки детских зубов, рядом с которыми лежало ожерелье — 1 бусина большая из сердолика, 1 крупная стеклянная золоченая и 2 стеклянных синих. В северной части могилы стоял глиняный горшок. Погребение, вероятно, девочки, судя по инвентарю.

Погребение № 34. Могила в грунте, прямоугольной формы, ориентирована ССВ—ЮЮЗ. Длина 1,5 м, ширина 0,5 м, глубина 1,1 м.

В могиле оказались кости ребенка с молочными зубами, лежавшего на спине в вытянутом положении головой к ССВ. Длина костяка около 0,75 м.

Череп лежал на правом виске. Под черепом и на груди лежало ожерелье из бус стеклянных золоченых. Под черепом же обнаружены 2 золотых спиральных привески и шарик красного цвета.

Кости плохой сохранности и частично отсутствовали.

Погребение № 35. Контуры могилы неясны. Общая длина 2,5 м, ширина 0,6 м, глубина 0,9 м.

В могиле оказался костяк, лежащий на спине в вытянутом положении головой к В.

Справа от черепа лежал железный наконечник копья. На шее найдены обломки бронзовой шейной гривны. На груди лежала бронзовая плоская застежка с железным язычком. Рядом лежала железная сюлгама (сломана).

На животе найдена железная пряжка, а рядом с ней — обломки железного предмета. Около левой руки находились два камешка от огнива. В ногах стоял глиняный горшок, а под ним — обломки железных удил.

Длина костяка 1,6 м. Кости плохой сохранности.

Погребение № 36. Контуры могилы не прослеживаются. Погребение располагается параллельно и в непосредственной близости от погребения № 28 так, что края могил совпадают. Длина могилы 2,5 м, ширина 0,65 м, глубина 1,05 м. Ориентирована могила СЗ—ЮВ.

В могиле оказался костяк, лежащий на спине в вытянутом положении головой на СЗ. Длина костяка 1,6 м.

Справа от черепа лежал железный втульчатый наконечник копья. Рядом с ним лежала бронзовая пряжка и бронзовая обойма с привеской.

За черепом слева лежала кость коровы (лошади?). У левого плеча находилась бронзовая привеска с язычком. На верхней части груди лежала фибула типа «Avcissa». На груди же находилась плоская бронзовая застежка с язычком, а рядом с ней — прямоугольная бронзовая пряжка.

На левой стороне костяка, между ребер и костей левой руки, лежали остатки колчана с бронзовыми обоймами длиной 0,4 м. На нижнем конце колчана лежали 3 шт. железных плоских черешковых «с жальцами» наконечника стрел. Здесь же лежала привеска из бронзы с язычком и обоймочки от колчана. На левой стороне таза найдены обломки железной пряжки.

Справа от таза лежал нож, а рядом с ним — небольшая коническая бляшка с петелькой. На ступнях ног оказались бронзовые пряжки, а на правой ступне, кроме того, привеска из бронзы с язычком. В ногах стоял глиняный горшок.

Погребение № 37. Могила в грунте, прямоугольной формы, ориентирована СВ—ЮЗ. Длина 3,1 м, ширина 2,0, глубина 1,9 м.

В могиле находились два костяка. «Хозяином» могилы, вероятно, является костяк, лежащий вдоль ЮВ стороны (№ 37). Костяк лежит на спине в вытянутом положении головой к СВ.

Справа от черепа обнаружен железный втульчатый наконечник копья. За черепом лежали в куче 4 верхних человеческих челюсти, в которых для подвешивания спереди просверлено по два отверстия. Вместе с ними лежали также два клыка медведя со сверлинами для подвешивания и костяная привеска 4-угольной формы. Вещи имеют полную аналогию с погр. № 25/1.

На груди лежала бронзовая проволочная сюлгама, а на животе — круглая бронзовая пряжка. На левой половине таза лежал нож. На ступнях ног оказались две круглых бронзовых пряжки.

В изголовье, слева на уровне могильной засыпки, лежал конский череп, по одной линии с которым, но на дне, у самой стены могилы, оказались кости передних и задних ног коня в анатомическом порядке с копытами.

Погребение № 38. Грунтовая могила прямоугольной формы ориентированная С—Ю. Длина 4,2 м, ширина 2,2 м, глубина 1,8 м. По бокам могилы идут неширокие плечики. На дне могилы обнаружены поперечные канавки от перекладин, на которых находился древесный настил. В могиле оказалось два костяка.

Костяк № 38. Костяк взрослой женщины лежал на спине в вытянутом положении головой на север. Поперечные канавки проходят под плечевыми костями. Длина костяка 1,6 м. Кости плохой сохранности.

В головах умершей, за черепом, стоял глиняный горшок. Слева под черепом обнаружена спиральная золотая привеска. Аналогичная привеска оказалась справа от черепа. На шее лежало ожерелье из разных бус. На груди близ нижней челюсти находилась бронзовая сюлгама.

На животе лежала прямоугольная бронзовая прорезная бляха с 6-ю шишечками по краям. На правой стороне таза лежали бронзовые бусы (10 шт).

Погребение № 39. В ногах у погребения № 38 лежал костяк девушки на спине в вытянутом положении головой на ЮЮВ. Ноги покойницы находились справа от ног погребения № 38. Поперечная канавка и здесь проходила под плечевыми костями. Длина костяка 1,2 м. Зубы у костяка молочные.

За черепом у края могилы стоял глиняный горшок. Слева от черепа лежала спиральная бронзовая привеска (распалась). На шее находилось ожерелье из разных бус: стеклянных золоченых средних и мелких, чечевицеобразных и рубленого бисера голубого цвета и других.

На животе лежала бронзовая бляха с тремя умбоновидными выступами и круглая частью сверху (распалась). Ниже её, на животе же, лежала крупная бронзовая плоская бляха с 6-ю петельками на обороте. От этой бляхи вниз промеж бедряных костей лежал накосник, состоящий из 3-х нитей с нанизанными бронзовыми обоймами и 3-мя гусиными лапками на конце.

Костяк лежал на древесной подстилке, был сверху накрыт, вероятно, лубом.

Погребение № 40. Грунтовая могила прямоугольной формы, ориентирована СВ—ЮЗ. Длина 2,5 м, ширина 1,0 м, глубина 1,05 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к СВ. Большей части костей нет. Костяк женский.

Слева от черепа лежала золотая спиральная височная привеска с каплевидным грузиком. На ступне правой ноги обнаружены обломки бронзовой прямоугольной пряжки. Костяк лежал на древесной подстилке.

Погребение № 41. Это погребение находилось в одной могиле с погребением № 37.

Костяк располагался справа от костяка № 37 и лежал на спине в вытянутом положении головой на СВ.

На груди костяка лежала железная сюлгама(обломки). На левом бедре — железный нож. В ногах стоял глиняный горшок. Кости плохой сохранности.

Погребение № 42. Разрушенное. В насыпи кургана, над могилой № 37, лежал в южной части череп человека, около которого находились бусы. Рядом с человеческим черепом лежал конский череп от погребения № 37. На расстоянии 1 м к северу от человеческого черепа стоял глиняный горшок и лежала еще одна бусина. Предположительная ориентировка умершего головой к Ю.

Погребение № 43. Контуры могилы не прослеживаются. Приблизительная длина 2,0 м, глубина 0,7 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой к СЗ. У костяка отсутствовали кости правой ноги ниже колена. Вероятно, к этому погребению следует отнести находку 1963 г., отмеченную, как в погребении № 12.

Справа от правого плеча, рукоятью к черепу, лежал железный однолезвийный меч. Длина 0,73 м, ширина 0,028 м, толщина обуха 0,009 м. Рукоять меча была обмотана узкой бронзовой лентой. Навершие у меча в виде рожек с шариками на концах. Конец меча несколько загнут, вероятно, ударом лопаты. Длина костяка 1,65 м.

Погребение № 44. Разрушенное.

На глубине 0,7 м в насыпи кургана обнаружены: обломки черепа, около которого находилась бронзовая гривна, а под черепом лежала плоская бронзовая застежка с язычком. К ЮЮВ на расстоянии 0,4 м от черепа лежал бронзовый проволочный браслет, вероятно, с левой руки. Еще дальше к ЮЮВ стоял глиняный горшок. Других костей не найдено.

Погребение № 45. Грунтовая могила прямоугольной формы, ориентирована С—Ю. Длина 2,3 м, ширина 0,8 м, глубина 1,4 м.

В могиле находился костяк на спине в вытянутом положении головой к Ю. Левая нога упала коленом к правому колену, которое также было сдвинуто несколько вправо. Голени и ступни лежат левее.

Справа от черепа лежал железный наконечник копья с разрезанной втулкой. На шее было ожерелье из бус: стеклянных золоченых и синего бисера. На груди лежала плоская бронзовая сюлгама. В ногах стоял глиняный горшок. Длина костяка 1,5 м. Кости плохой сохранности.

Погребение № 46. Грунтовая могила прямоугольной формы, ориентирована ЮЗ—СВ. Длина 3,0 м, ширина 0,8 м, глубина 1,4 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой на ЮЗ. Длина костяка 1,6 м. Кости плохой сохранности.

Под нижней челюстью находилось ожерелье из бус: стеклянных золоченых, синих, круглых, чечевицеобразных. Одна бусина с выпавшей инкрустацией.

На левой стороне живота лежал обломок железной пряжки. Справа у таза находился нож с рукоятью, украшенной бронзовыми обоймами. Рядом лежал точильный брусок прямоугольной формы.

У правого колена справа лежала небольшая фигурная бляшка в виде кольца с 5-ю шишечками и насечкой. Ниже её лежала железная пряжка. Справа у правой голени найдены обломки железной пряжки. У левой ступни — железная пряжка. В ногах стоял горшок.

Погребение № 47. Могила грунтовая прямоугольной формы, ориентирована С—Ю. Длина 2,3 м, ширина 1,0, глубина 1,4 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой на С.

В изголовье, за черепом, стоял глиняный горшок. На шее была бронзовая проволочная гривна. На груди находилась плоская бронзовая застежка. На правой стороне груди лежали бусы, в том числе одна крупная с глазками, а также синий бисер. Ниже застежки на груди обнаружена бронзовая коническая привеска.

На животе лежала бронзовая пряжка от пояса. На обеих ступнях лежали бронзовые пряжки. Кости плохой сохранности, череп раздавлен.

Погребение № 48. В курганной насыпи на глиняной прослойке (выкид из соседней грунтовой могилы) лежали вещи без костей человека на площади 2,0 м×0,8 м. В СЗ конце стоял глиняный горшок, к ЮЮВ от него лежала плоская бронзовая застежка. К ЮВ на расстоянии 1,6 м от горшка лежали бронзовая гривна и два железных втульчатых наконечника копий. В засыпке взята бронзовая бляшка с петлей.

Погребение № 49. Контуры могилы не прослеживаются. В насыпи кургана на глубине 0,6 м лежали кости человека — обломки черепа и кости ног. Костяк лежал на спине в вытянутом положении головой к ЮЗ. Левая часть костяка лежала несколько ниже правой — провалилась в соседнюю могилу. Длина костяка 1,6 м.

Под черепом лежала бронзовая проволочная гривна. Под нижней челюстью находилась плоская бронзовая застежка. Не-

сколько ниже её на груди лежала бронзовая пряжка с насечкой.

Слева от таза лежала бронзовая обойма прямоугольной формы (плохой сохранности). Слева от левого колена найдена бронзовая крестовидная бляшка.

Слева от левой ступни и вдоль голени обнаружены следы железа и красная краска от ножен меча. В засыпке над могилой был найден обломок однолезвийного меча. Костяк имел древесное покрытие.

Погребение № 50. Грунтовая могила прямоугольной формы, ориентированная СВ—ЮЗ. Длина 4,0 м, ширина вверху 2,5 м, на дне—0,5 м. Глубина до плечиков 2,4 м, до дна могилы—3,0 м. При копке могилы строители на глубине 1,6 м вдоль ЮВ стороны оставили приступку. Затем продолжали копку и на глубине 2,4 м оставили плечики с обеих сторон. Вдоль СЗ стороны приступка шириной 0,3 м шла на всем протяжении могилы.

Обе стенки могилы от плечиков были обложены до самого дна деревом, как в могиле № 25. Стенки от плечиков до дна шли наклонно.

На дне могилы лежал на спине в вытянутом положении головой к СВ костяк мужчины длиной 1,7 м.

Непосредственно за черепом умершего лежала в свернутом виде железная кольчуга из мелких колец. На ней лежал пластинчатый шлем, который распался на отдельные пластины, и форму его восстановить не было возможности.

Справа от черепа и плеча лежал железный втульчатый наконечник копья. Слева же от черепа лежал колчан со стрелами. Сохранились наконечники: трехперые железные черешковые (3 шт), плоские железные черешковые «с жальцами» (1 шт), втульчатые (1 шт), костяные трехгранные черешковые (26 шт). Здесь же находилась бронзовая трубочка — рукоять от какого-то предмета.

На груди и под челюстью лежало ожерелье из бус: голубые чечевицеобразные, стеклянные золоченые, голубой рубленый бисер, пастовые с глазками. На груди же лежала железная сюлгама (сломана).

На животе обнаружена железная прямоугольная пряжка из длинных железных стержней (распалась). По обе стороны от неё на животе лежали поясные украшения — бронзовые «сапожки» и бронзовые конуса, железные пластинки. Все эти предметы располагались поверх таза и под ним.

У кистей обеих рук обнаружены бронзовые обоймы, а у кисти правой руки лежала железная петля.

Справа от таза обнаружены: нож, точильный брусок обычного типа, камень от огнива. Слева под тазом оказалась бронзовая выпуклая бляшка. Около таза справа лежала бронзовая трубочка, на которой сохранились отпечатки ткани.

Рукоятью на правой стороне таза лежал железный однолезвийный меч с прямым перекрестием и прямой рукоятью. Длина 0,93 м, ширина 0,03 м. Меч лежал от таза к левой голени и имел деревянные ножны, которые по той стороне, где находился обушек, были украшены нашитыми мелкими полушарными бронзовыми бляшками с петельками. На нижнем конце меча лежала большая плоская бронзовая бляха с отверстием, закрытым маленькой бляшкой с петелькой на обороте. Поверх бляхи сохранились остатки берестяного колчана длиной 0,5 м, шириной 0,15 м, в котором найдены наконечники стрел: железные плоские черешковые «с жальцами» (24 шт) и втульчатые.

Слева от середины меча лежала железная бляха, а ниже её — железная трубочка из проволочной обмотки, заканчивающаяся острием.

Слева от левого колена обнаружены два железных стержня, а между мечом и левым коленом лежали два железных предмета, напоминающие футляры для копий (распались).

Слева же от левой голени лежали железные удила, а ниже их — бронзовая бляшка с петлей, бляха полушарная железная и серебряный предмет в виде полушария, обломок прямоугольной пластинки и железная пряжка. У правой ступни найдена железная пряжка.

Справа от черепа умершего, на приступке, лежал череп коня. В засыпке могилы на глубине 1,4 м в головах умершего стоял глиняный горшок.

В ногах умершего, справа от него, ногами к нему, на приступке лежал второй костяк.

Погребение № 51. Костяк лежал на спине в вытянутом положении головой к ЮЗ. Костяк лежал на узкой приступке и был положен весьма небрежно — правая рука у него упала с приступки, правое бедро и таз лежали ниже остальной части. Левая рука была согнута в локте, и кисть лежала близ лица. Череп разбит. Длина костяка 1,5 м.

На шее костяка найдено ожерелье из мелких золоченых бус. Под поясничной частью костяка обнаружен след от поперечной плашки, на которой лежал костяк. Принадлежал костяк, возможно, рабу или рабыне по аналогии с погребением № 25.

Погребение № 52. Контуры могилы не прослеживаются. На глубине 1,2 м обнаружен костяк, лежащий на спине в вытянутом положении головой к Ю. Длина костяка 1,6 м. Кости сохранились частично.

В головах костяка на расстоянии 0,35 м, несколько в стороне, лежали два железных черешковых наконечника копий. За черепом стоял глиняный горшок.

Погребение № 53. Контуры могилы неясны. Сделана могила в засыпке грунтовой могилы № 54 и располагалась под могилой № 52. Приблизительная длина 2,1 м, ширина 0,7 м, глубина 1,4 м.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении головой на ЮЗ. Кости левой ступни, череп и верхняя часть туловища завалились влево. Длина костяка 1,6 м. Кости плохой сохранности.

За черепом стоял глиняный горшок. Под черепом найдена золотая спиральная височная привеска. Там же, в норе суслика, найден обломок бронзовой фибулы (римской). На груди лежала целая фибула типа «Avcissa», рядом с которой располагалось ожерелье из бус: стеклянных, золоченых, золоченого бисера, цилиндрических, из красной пасты, бус с глазками и привесок ромбической формы красного и синего цвета с глазками.

На животе лежала большая прямоугольная пластинчатая бляха с неглубокими ямками по углам. Ниже ее лежали группами бронзовые привески, состоящие из кружочка и двух стерженьков с насечкой, с петельками на обороте. Судя по положению, этот наряд можно считать принадлежностью пояса, т. к. такие же привески были обнаружены по бокам таза под кистями рук, но наряд мог быть связан и с головным убором, т. к. он лежал в непосредственной близости от накосника. На правой руке находился бронзовый проволочный браслет спиралевидной формы.

Ниже ряда указанных выше бронзовых привесок с левой стороны на тазу лежала плоская бронзовая бляха с отверстием и крышечкой с петельками на обороте. Бляха была позолочена. Под кистями обеих рук лежали небольшие бронзовые плоские бляхи (распались). Под большой бляхой находилась другая плоская бронзовая бляха, также позолоченая (?), от которой промеж бедер спускались два ремешка с нанизанными бронзовыми обоймами — накосник. Ремешки против колен заканчивались кистями из стеклянных зеленоватых граненых бус очень плохой сохранности.

На ступнях ног обнаружены бронзовые фигурные пряжки (плохой сохранности). У правой ступни найдена также петелька из бронзовой проволоки. В ногах костяка стоял глиняный горшок.

Погребение № 54. Грунтовая могила прямоугольной формы, ориентирована С—Ю. Длина 4,0 м, ширина 1,5 м, глубина 2,5 м. Могила имела с В стороны небольшой выступ. Стенки могилы от заплечика до дна были обложены деревом, как в могиле № 25.

В могиле лежал костяк на спине в вытянутом положении, головой на С. Оба конца могилы были свободны. Костяк имел длину 1,7 м. Кости плохой сохранности, череп раздавлен.

Справа от черепа находился железный втульчатый наконечник копья очень плохой сохранности — втулка совсем распалась. На перо копья был надет футляр из белого сплава, того же типа, что в погребении № 25. Рядом с копьем лежали удила

и уздечка с украшениями в виде бронзовых с выпуклинами в центре блях.

На груди и под черепом было найдено ожерелье из бус: стеклянных золоченых, четковидных, желтых пастовых и кольцевой привески из янтаря. У правого локтя лежал предмет неопределенной формы из железа. На левом локте лежала железная пряжка.

На животе находилась прямоугольная железная пряжка (распалась). Здесь лежала продолговатая прямоугольная бронзовая пряжка. Справа у таза лежал нож.

На правой ноге, на бедре и голени, лежал железный двулезвийный меч с прямым перекрестием и прямой рукоятью. Длина меча 0,75 м, ширина 0,05 м. Рядом с мечом справа лежал берестяной колчан, под которым находились: ворворка из дерева, бронзовое колечко, бронзовая бляшка, обойма — всё предметы, относящиеся к мечу и колчану. Недалеко от нижнего конца колчана лежали две бронзовые пряжки. В колчане обнаружены наконечники стрел: железные плоские черешковые «с жальцами» (8 шт), втульчатые (6 шт) и костяные трехгранные черешковые (9 шт).

Между колен лежали с остатками ремешков и обоймами для подвешивания две подвески из бронзы — «уточки».

Справа от правой ступни на расстоянии 0,2 м обнаружены две проволочные бронзовые в виде петли пряжки от обуви. В ногах стоял глиняный горшок.

Костяк имел древесную подстилку и покрытие.

Погребение № 55. Грунтовая могила прямоугольной формы ориентирована С-Ю. Длина 2,2 м, ширина 0,7 м, глубина 1,4 м.

В могиле оказался костяк, лежащий на спине в вытянутом положении головой к С. Кости сохранились только частично.

Влево от черепа лежал железный втульчатый наконечник копья. Под обломками черепа найдены стеклянные золоченые бусы. Справа у правого плеча стоял глиняный горшок.

В полости таза найдена железная пряжка (в обломках). Справа от таза лежал железный кинжал с прямым перекрестием и кольцевым навершием. Длина кинжала 0,5 м.

Погребение № 56. Грунтовая могила прямоугольной формы ориентирована СВ-ЮЗ. Длина 3,4 м, ширина 1,25 м, глубина 1,65 м. Могильное пятно появилось на глубине 1,3 м и имело в длину 3,7 м, в ширину 1,4 м.

В могиле оказался костяк мужчины, лежащий на спине в вытянутом положении, головой на СВ. От левого плеча через грудную клетку проходила нора зверя, который сместил часть костей и некоторые вещи.

Справа от черепа лежал железный втульчатый наконечник копья. У кисти правой руки найдена бронзовая бляшка-конус. Здесь же лежал железный нож.

Рядом с левым коленом обнаружены остатки колчана с костяными трехгранными наконечниками стрел.

У ступни правой ноги лежала железная пряжка и бронзовая бляшка. Тут же находилась смещенная с живота поясная продолговатая прямоугольная бронзовая пряжка. У левой ступни найдена бронзовая выпуклая бляшка. В ногах стоял глиняный горшок.

На уровне погребенной почвы с ЮВ стороны могилы на расстоянии 1,5 и 2,0 м стояли два глиняных горшка.

* * *

ИЗ ОТЧЕТА АСПИРАНТА Ю. Б. СТЕПАШКИНА

Справа от дороги из с. Андреевки на с. Чамзино на расстоянии 500 м от кургана № 2 и 11 м от дороги обнаружено древнее селище. На пашне была собрана керамика, пирамидальной формы глиняное грузило, отрубленная верхняя человеческая челюсть с двумя сверлинами в передней части, обломки зернотерки, кости лошади и овцы.

В заложенных шурфах и небольшой траншее была найдена также керамика и кости домашних животных. Культурный слой небольшой мощности.

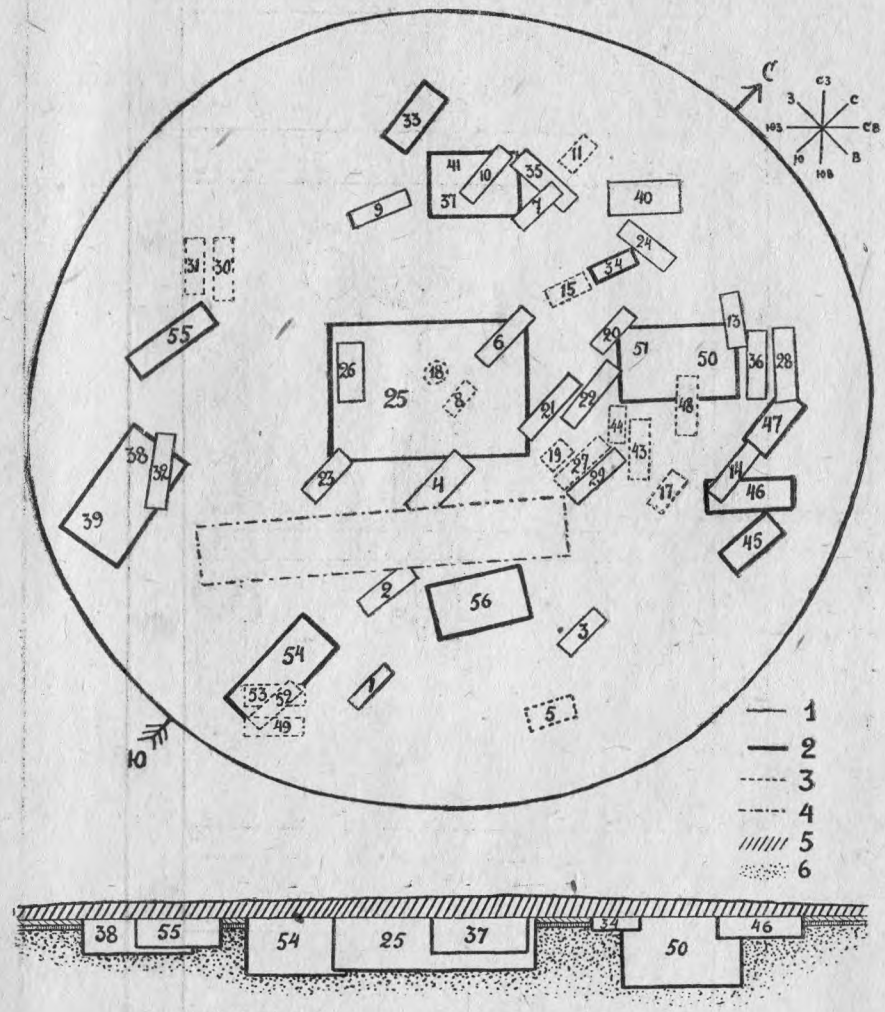


Рис. № 1. План Андреевского кургана № 1 и разрез.

1. Впускные могилы. *2.* Грунтовые могилы. *3.* Контуры могил условные. *4.* Место картофельной ямы. *5.* Насыпь кургана. *6.* Грунтовая глина.

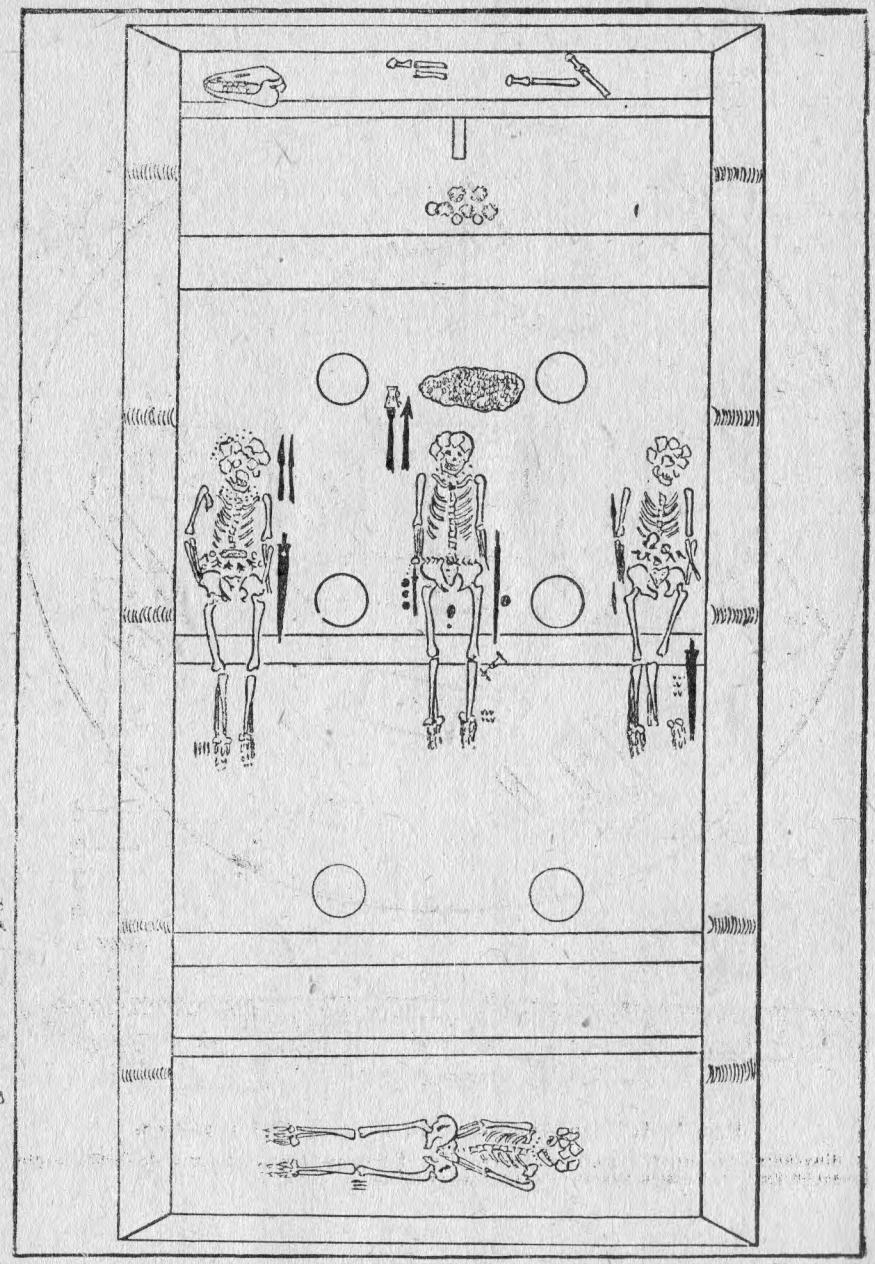


Рис. № 2. План могилы № 25 с погребениями.

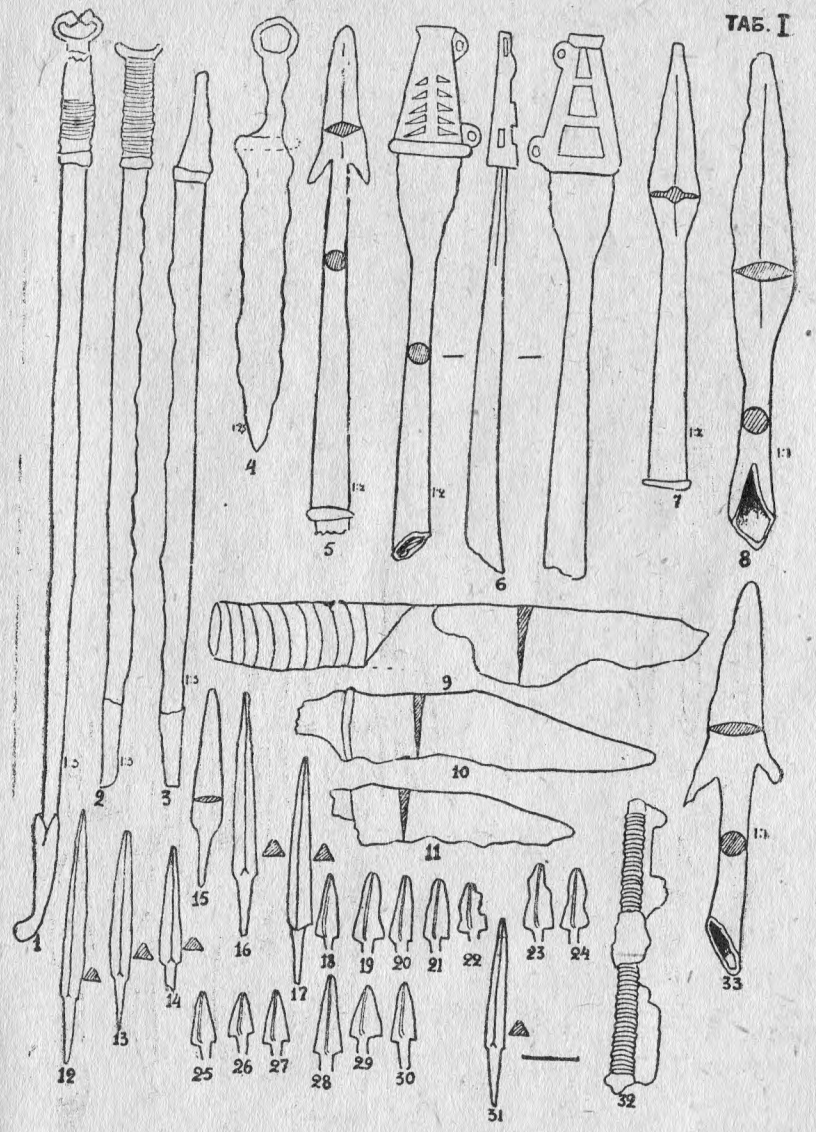


Таблица 1. 1—3—мечи однолезвийные

(1—п. 21, 2—разрушенное погребение, 3—п. 25|1). 4—кинжал (п. 25|1). 5—„сулица" (п. 25|1). 6—железный наконечник копья с футляром (п. 25|1). 7—железные наконечники копий (7—п. разрушенное погребение, 8—п. 14). 9—11—ножи железные (9,10—п. 21, 11—п. 2). 12—17—костяные наконечники стрел (12—п. 50, 13—п. 25|2, 14—п. 25|3, 15—17—п. 25|1.) 18—30—железные наконечники стрел (18—22—п. 25) 3, 23, 24—п. 50, 25—27—п. 25 (1, 28—30—п. 25|2). 31—костяной наконечник стрелы (п. 25|4). 32—часть колчана из бересты с бронзовыми и железными обоймами (п. 3). 33—„сулица" (п. 22).

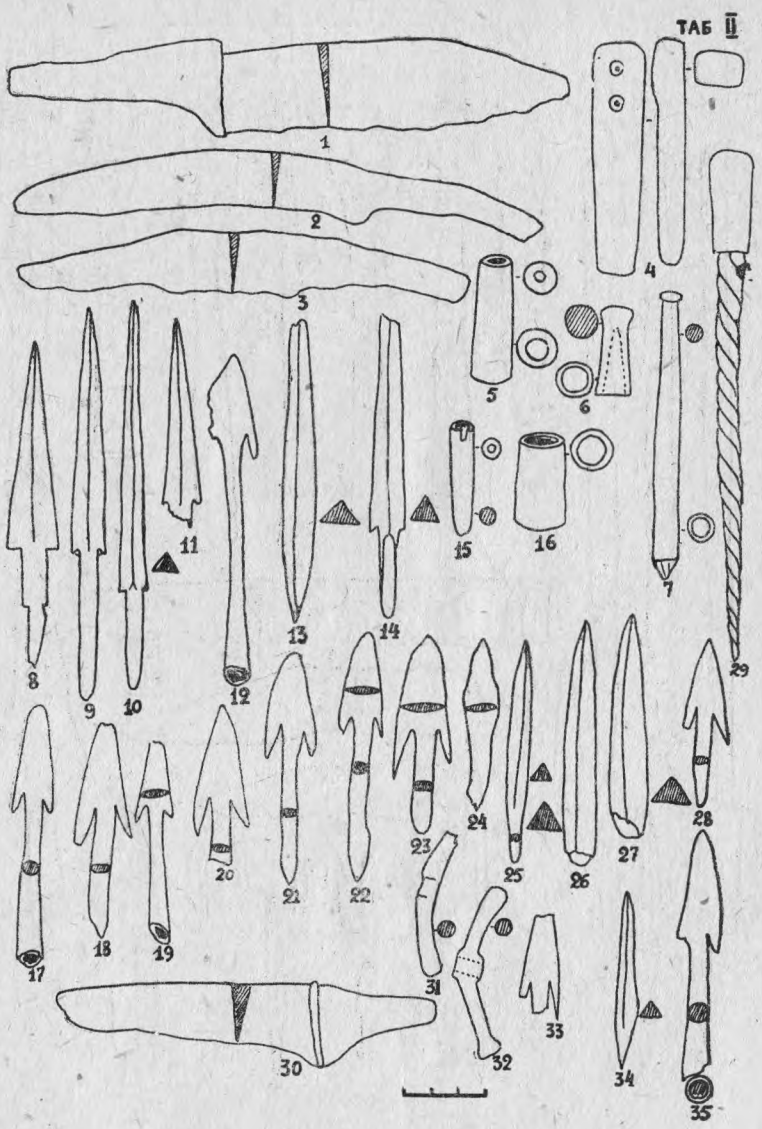


Таблица II.

1—3—ножи железные (1—п. 25|3,2—п. 41,3—п. 29). 4—точильный брусок (п. 54). 5—костяная трубочка (п. 27). 6—бронзовая рукоять (п. 50). 7—железная рукоять (п. 25). 8—14—наконечники стрел костяные и железные (8—12—п. 54, 13, 14—п. 28). 15—деревянный стержень с отверстием (п. 25|1). 16—костяная трубочка (п. 32). 17—28—наконечники стрел (17—19—п. 32, 20—п. 21, 21—п. 29, 22—25—п. 21, 26—28—п. 27). 29—железный стержень (п. 25|3). 30—нож железный (п. 25,1). 31—ворворка из дерева (п. 54). 32—ворворка из бронзы (п. 25|1). 33—железный наконечник стрелы (п. 50). 34—костяной наконечник стрелы (п. 56). 35—то же (п. 50).

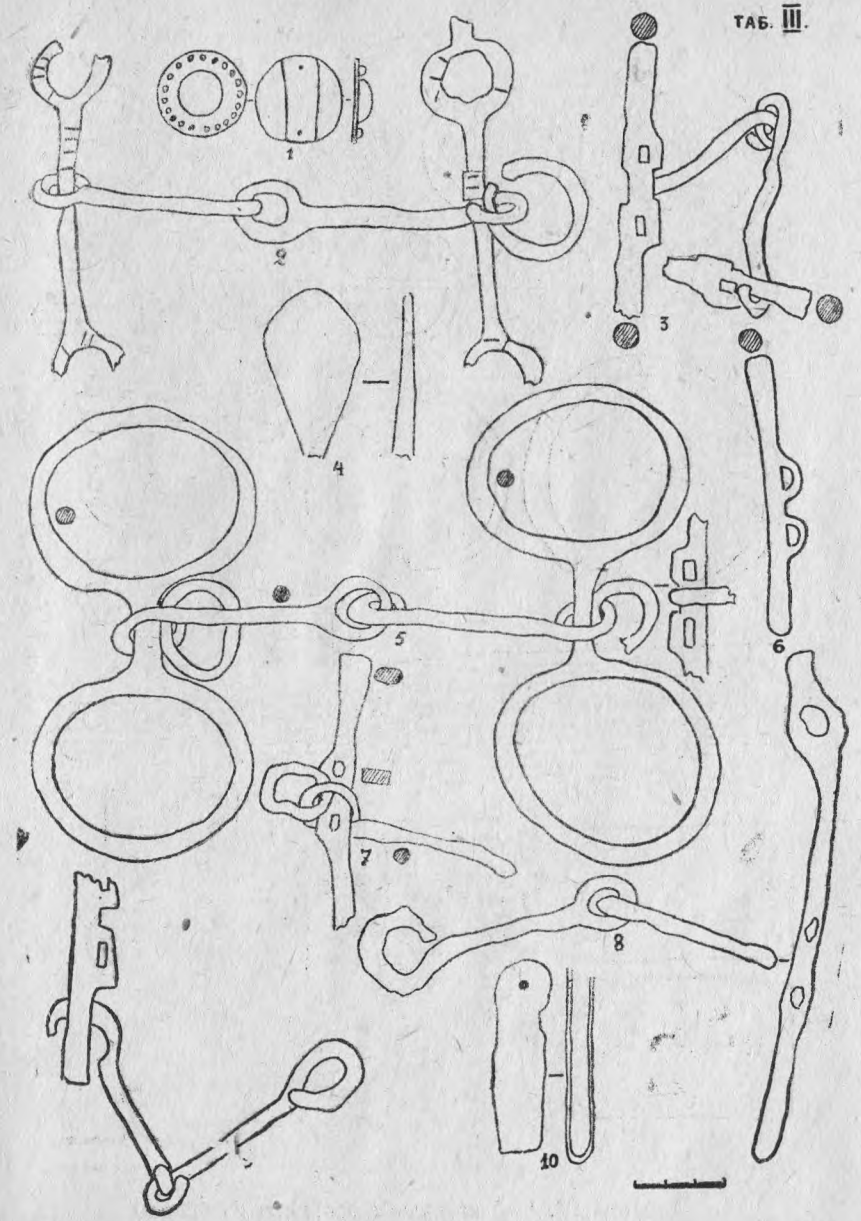


Таблица III.

1—бронзовые бляшки от уздечки (п. 54). 2—железные удила с золотой насечкой (п. 28). 3—удила (п. 35). 4—концы псалий (п. 54). 5—удила (п. 21). 6—псалий от удил из бронзы (разруш. погр.). 7—удила (п. 21). 8—удила (п. 17). 9—удила (п. 32). 10—бронзовая обойма от уздечки (п. 54).

ТАБ. IV.

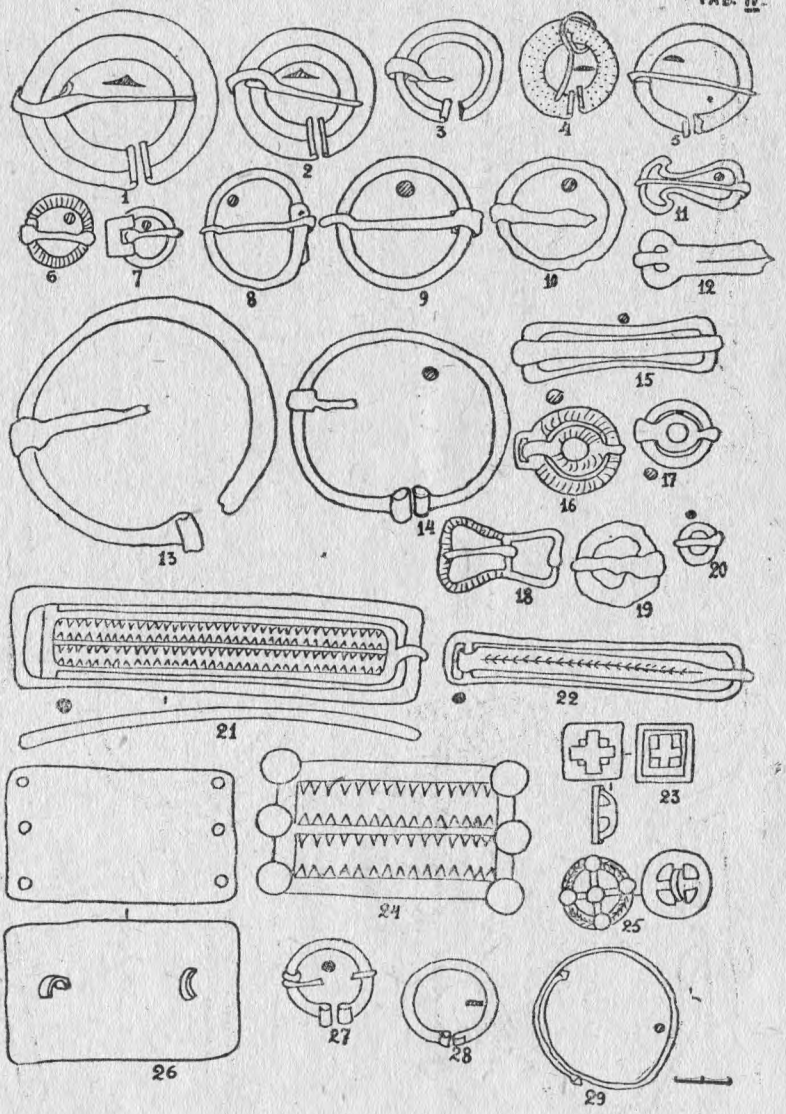


Таблица IV. 1—5 нагрудные застежки из бронзы

(1—п. 21,2—п. 6, 3—п. 4,4—п. 22,5 -п. 7). 6—12—пряжки (6—п. 2, 7—п. 7, 8—п. 4,9—разруш. погр., 10 -п. 21, 11—п. 4, 12—п. 55. 13,14—сюлгамы железные) 13—п. 25|2,14 п. 32). 15—22—пряжки (15 -п. 54, 16—п. 37, 1.—п. 54, 18—п. 36, 19—п. 56, 20—п. 32, 21—п. 25|2, 22—п. 56). 23—бронзовая бляшка (п. 49). 24 - нагрудная бляха из бронзы (п. 38). 25—бронзовая бляшка (п. 25|2). 26—нагрудная бронзовая бляха (п. 53). 27, 28—сюлгамы (27—п. 38, 28—п. 45.). 29—браслет бронзовый (разруш. погреб.)

ТАБ V.

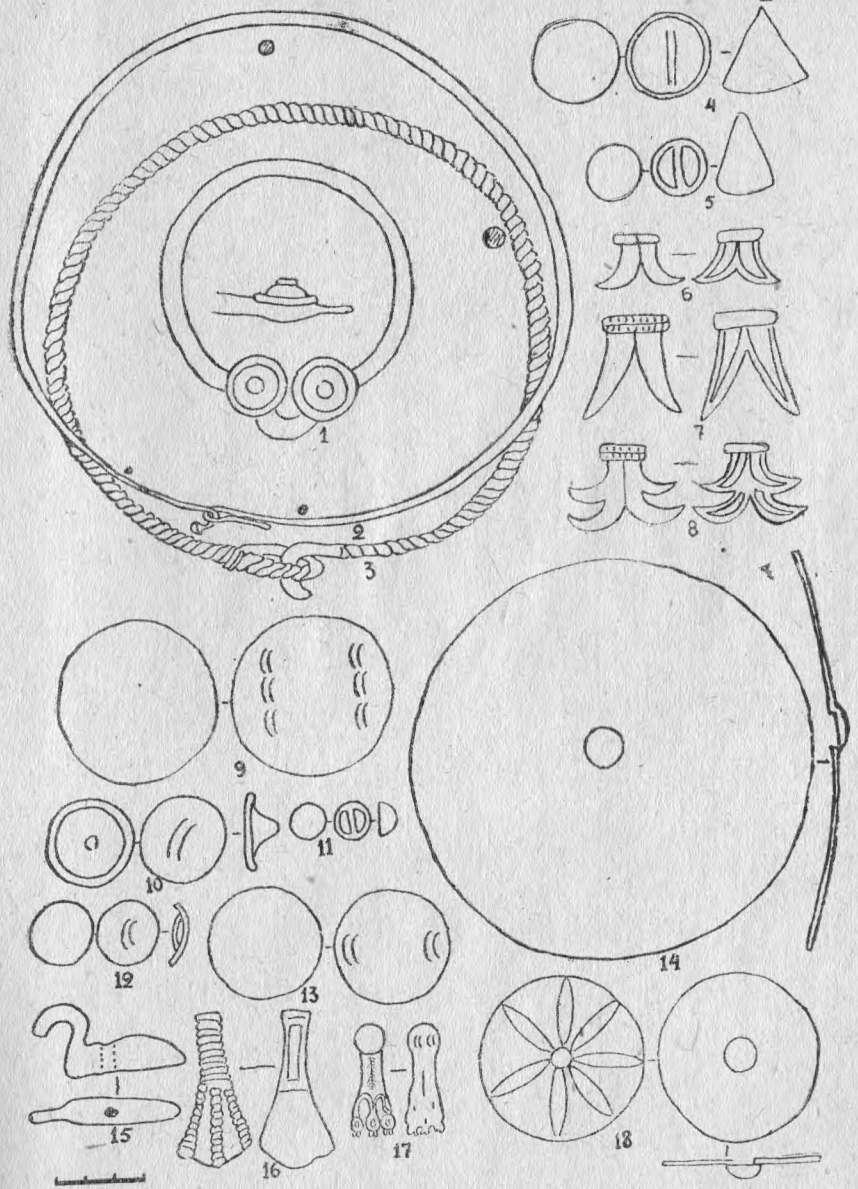


Таблица V. 1 поясная пряжка из бронзы

(л. 25|3). 2 - бронзо я гривна (п. 21). 3—бронзовая гривна (п.). 4—бронзовые конуса от пояса (п. 50.). 5 - бронзо е конуса от пояса (п. 25, 2). 6—бронзовые украшения „сапожки" (п. 29). 7—то же (п. 25|3). —то же (п. 50). 9- 14 бронзовые бляхи (9- п. 50, 10—п. 54, 11—п. 50, 12 п. 38, 13 - п. 56, 14—п. 50). 15—бронзовая привеска „уточка" (п. 54). 16—бронзовые привески косника „гусиные лапки" (п. 39.) 17—бронзовые поясные привески (п. 53). 18—бронзовая бляха (п. 53).

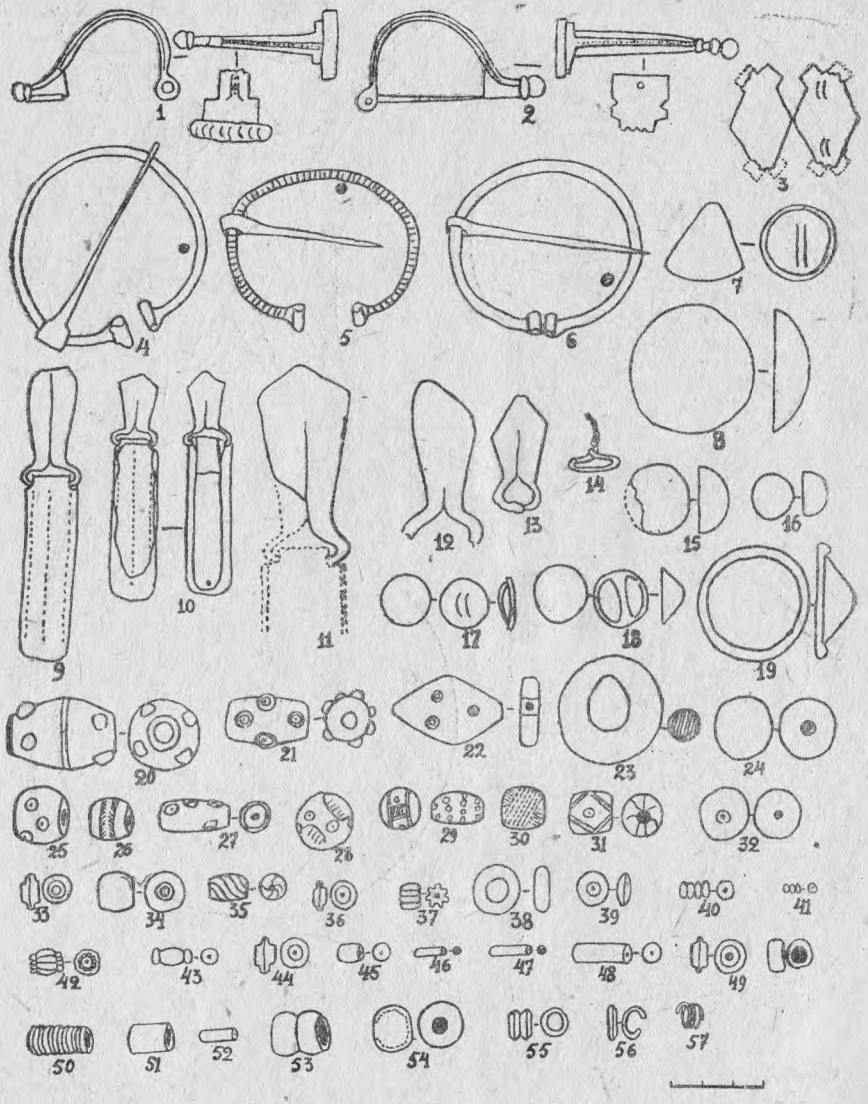


Таблица VI.

1—2 фибулы типа „Avcissa" (1—п. 52, 2—разруш. погр.). 3—ромбическая бляшка (п. 54). 4—6—сюлгамы (4—п. 14, 5—п. 4, 6—п. 22). 7—бронзовый конус (п. 19). 8—железная выпуклая бляха (п. 50). 9—14—петлевидные привески (9—п. 22, 10—п. 3, 11—п. 21, 12—п. 32, 13—п. 2, 14—разруш. погр.). 15—19—(15—п. 50, 16—п. 50, 17—п. 50, 18—п. 56, 19—п. 36). 20—49—разные бусы из ожерелий различных погребений. 50—56—бронзовые пронизи и обоймы из разных погребений. 57—золотая височная привеска (п. 24).

Таблица VII. Глиняные горшки из погребений.

1—п. 3, 2—п. 2, 3—п. 3, 4—п. 14, 5—п. 22, 6—п. 10, 7—п. 5, 8—п. 10, 9—п. 18, 10—п. 18, №№1—п. 1, 12—разруш. погр., 13—п. 22, 14—п. 25. (Бронзовая чаша из разрушен. погр., Бронзовый котелок из п. 21, кольчуга из погр. 25).

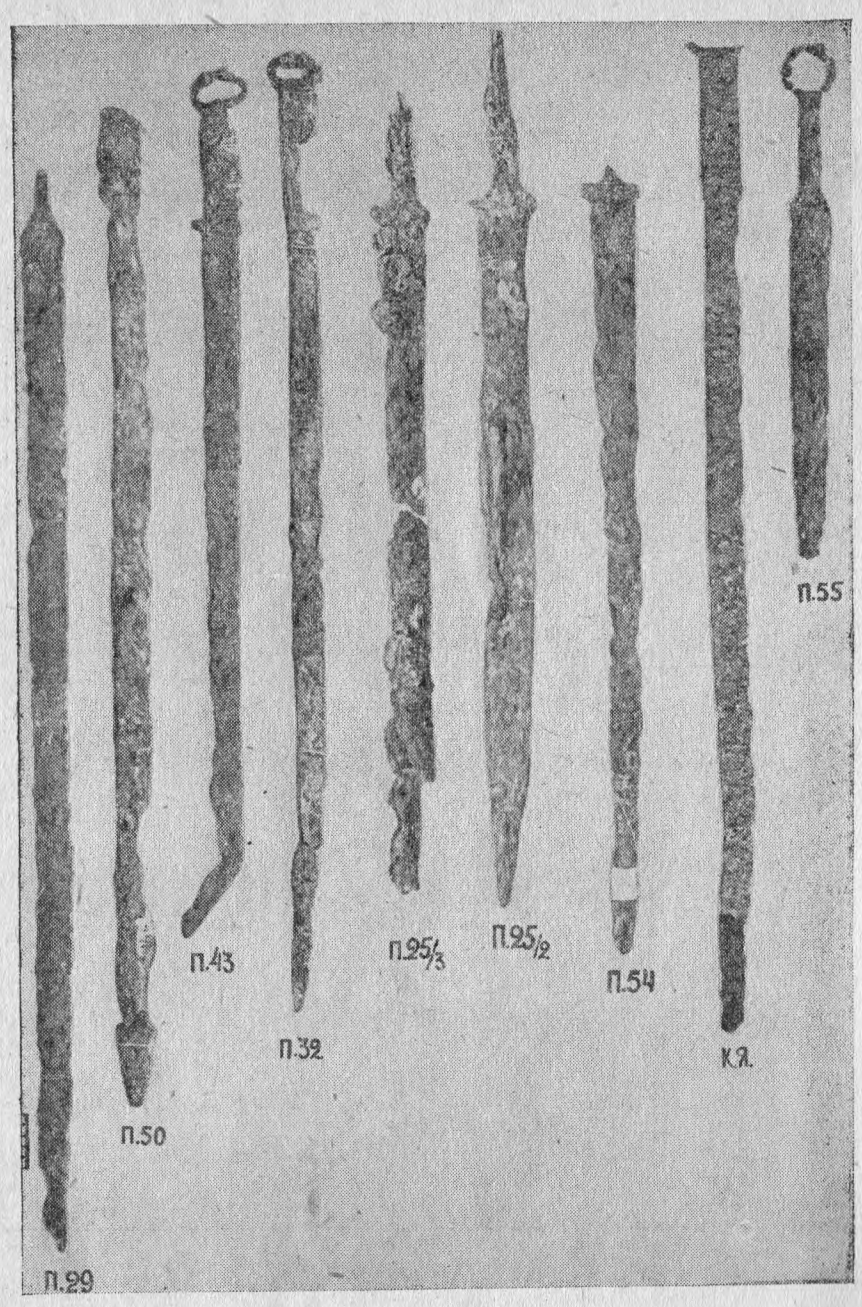
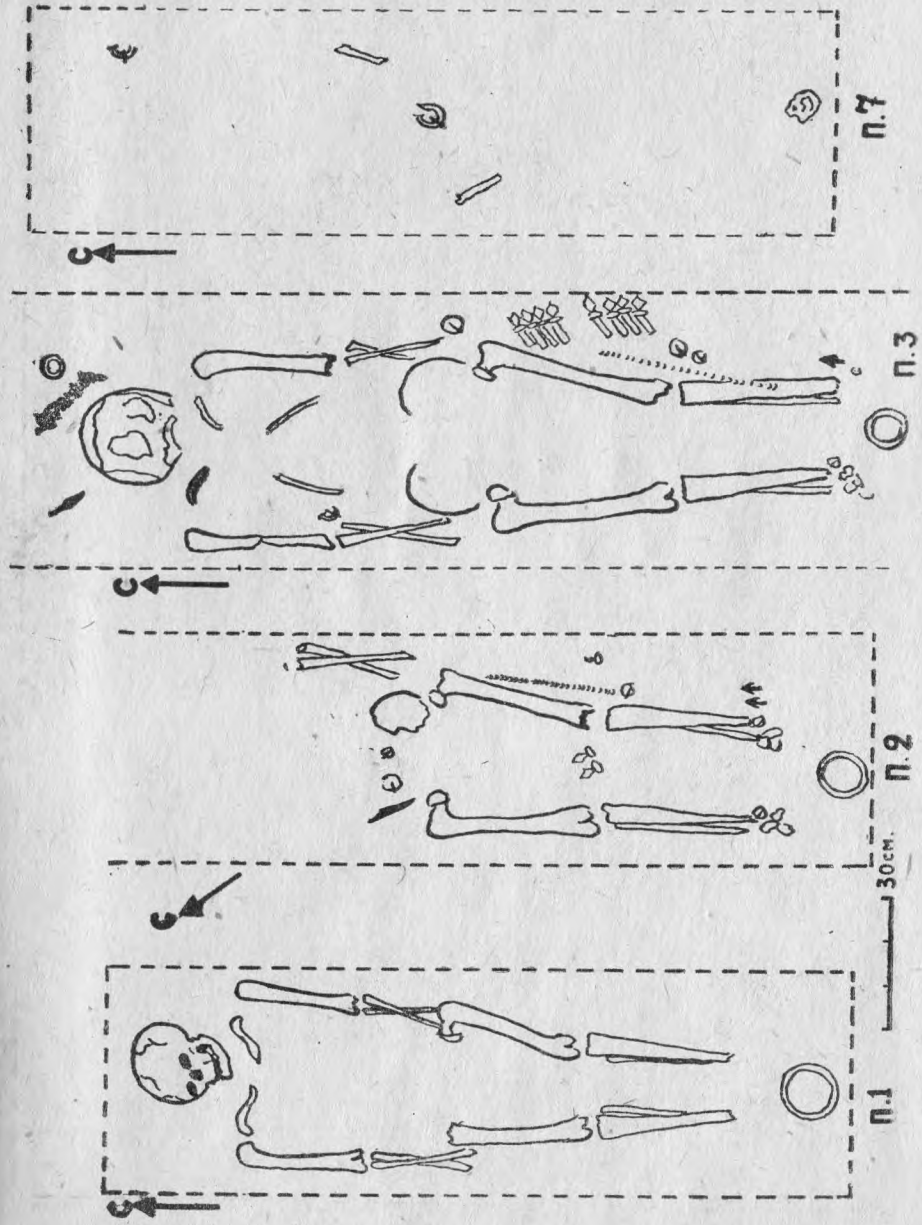
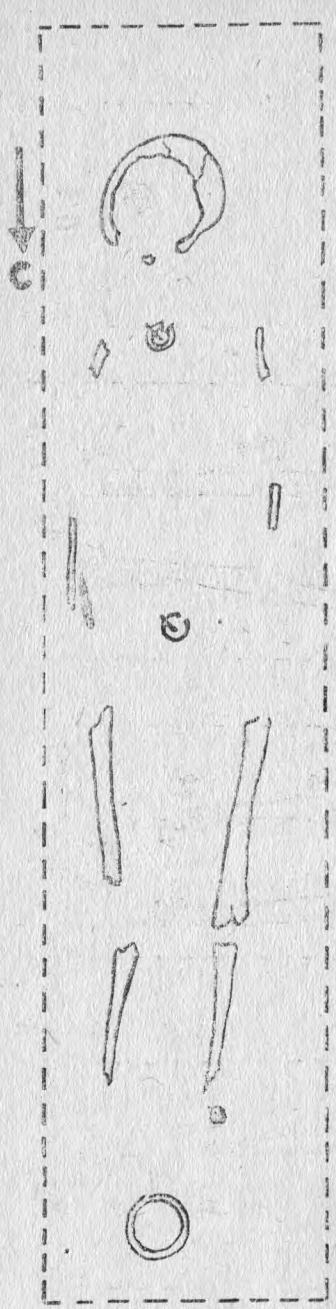
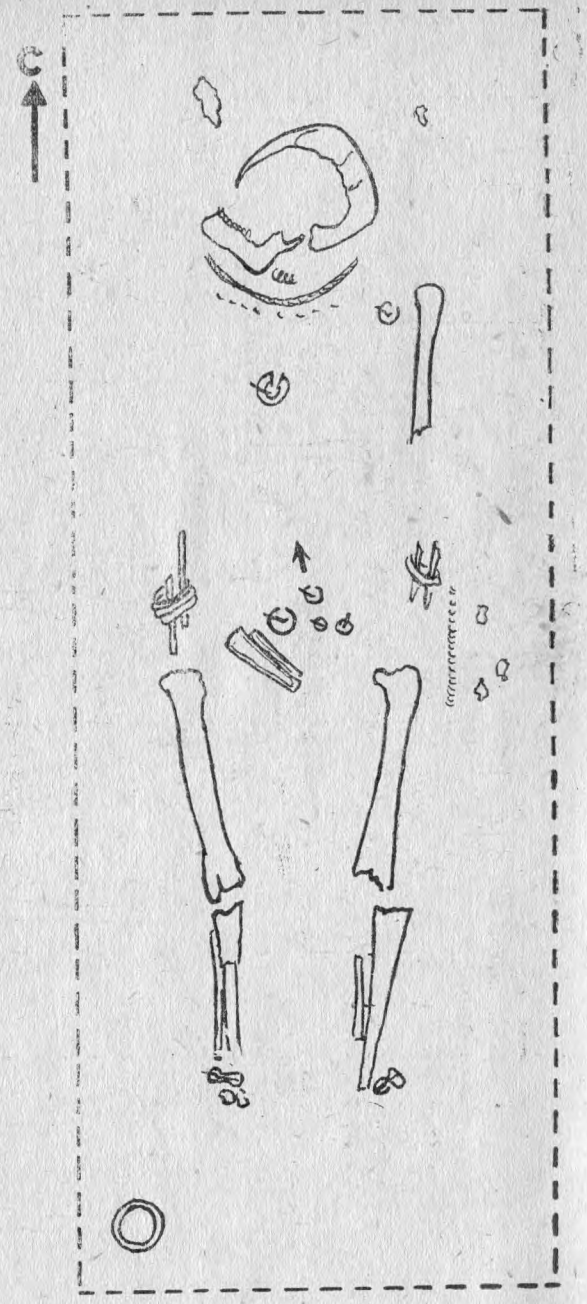


Рис. № 10. Мечи и кинжал.



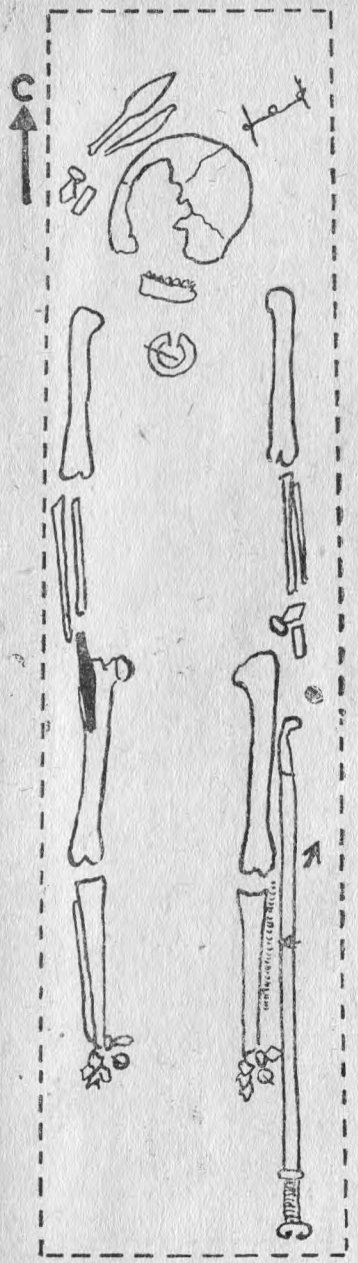


П. 6

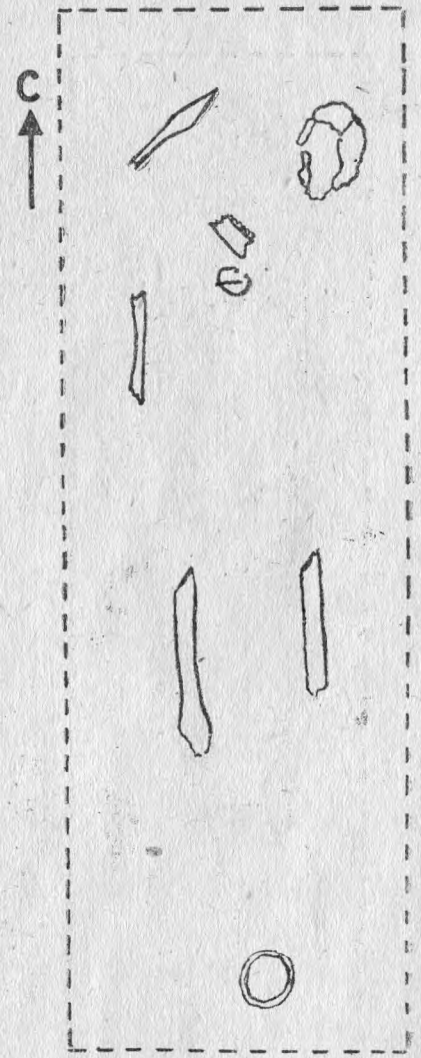


30 см

П. 4

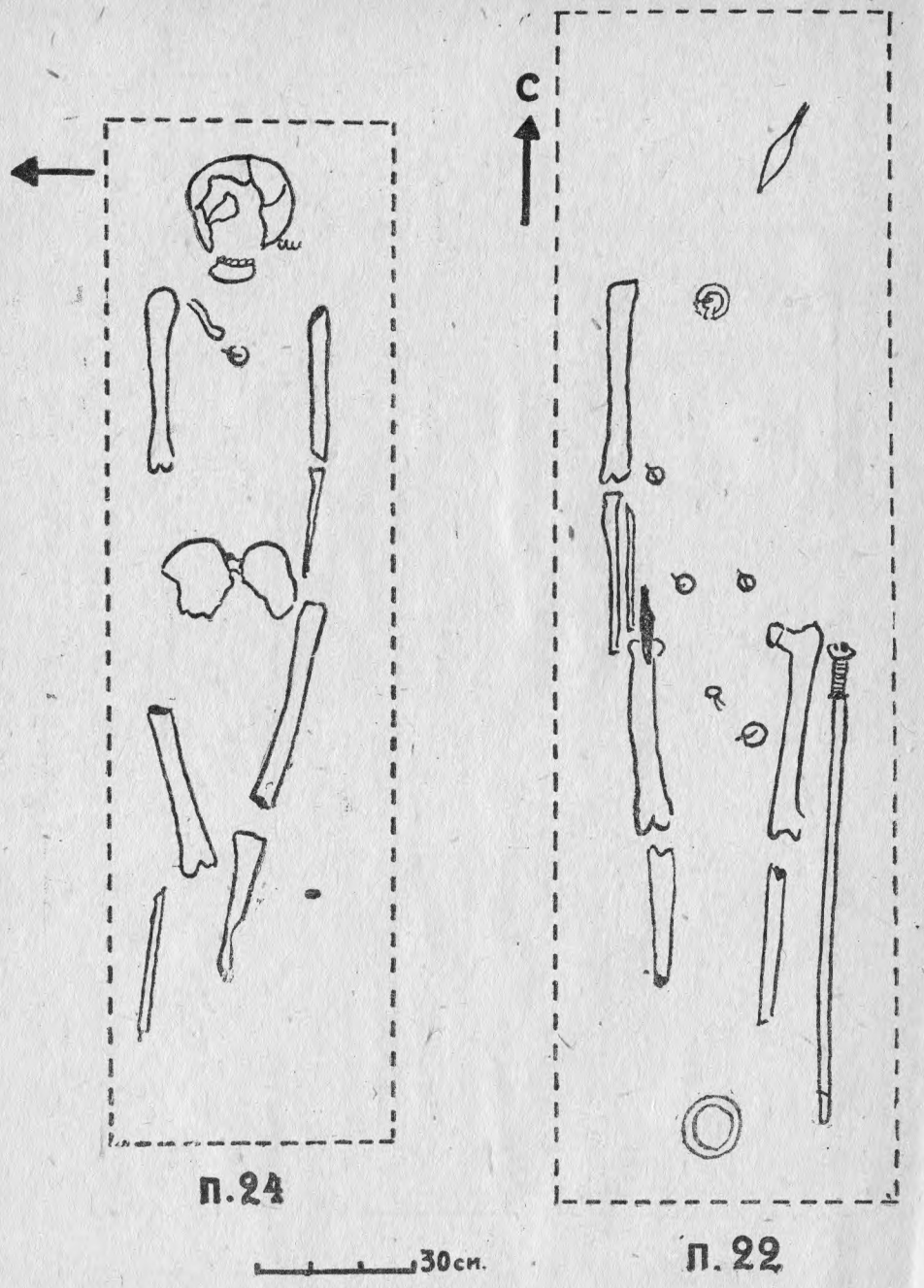


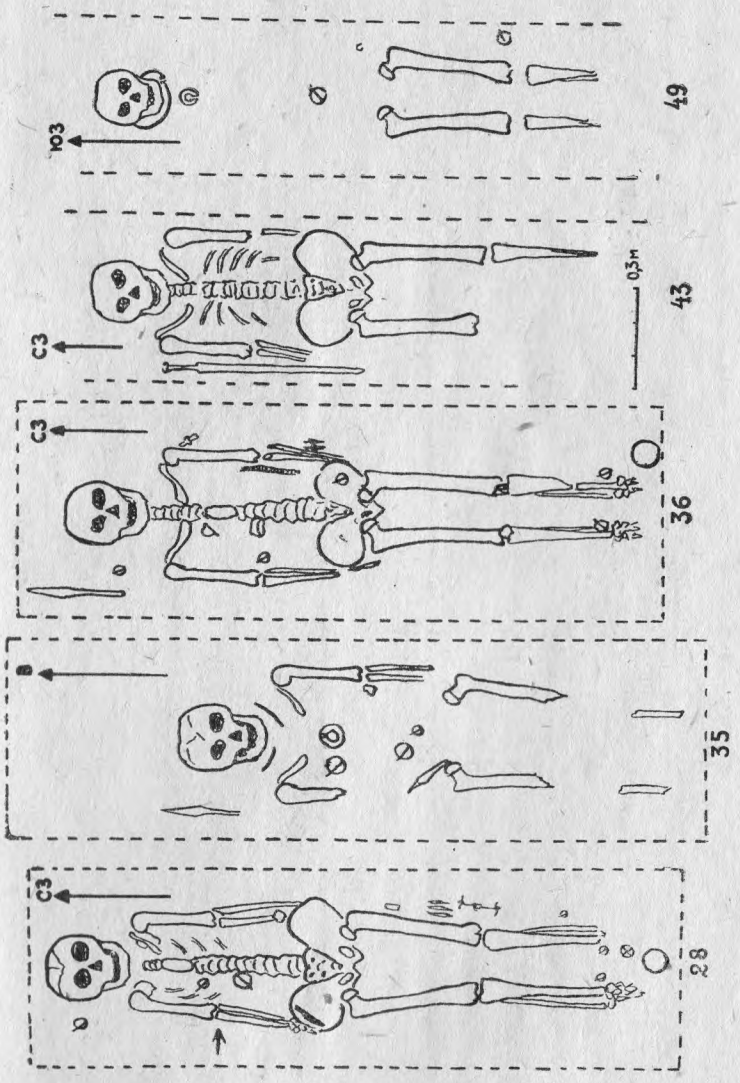
П. 21

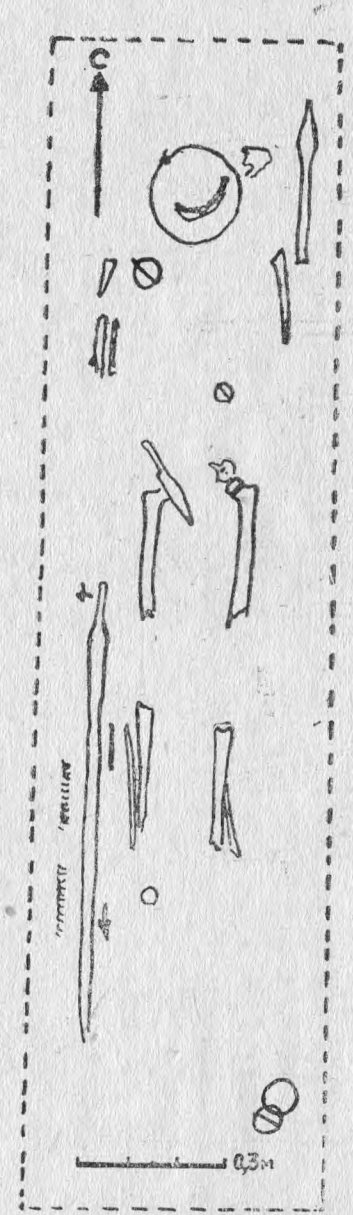


30 см

П. 14

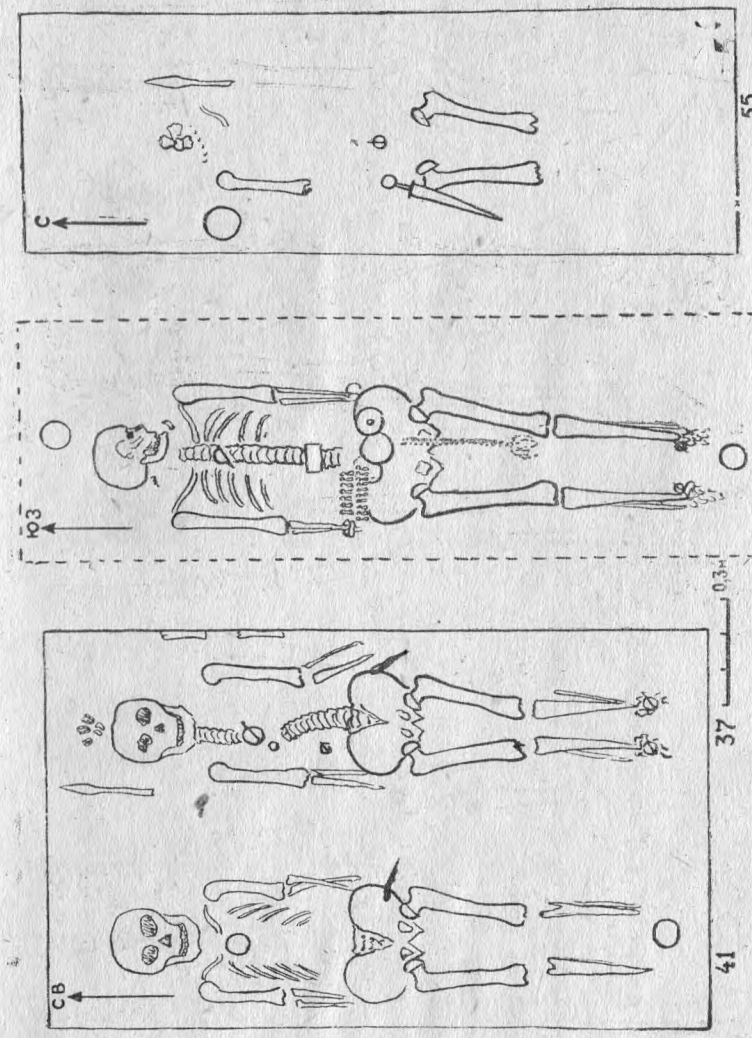

С
П. 24
П. 22
30 см.

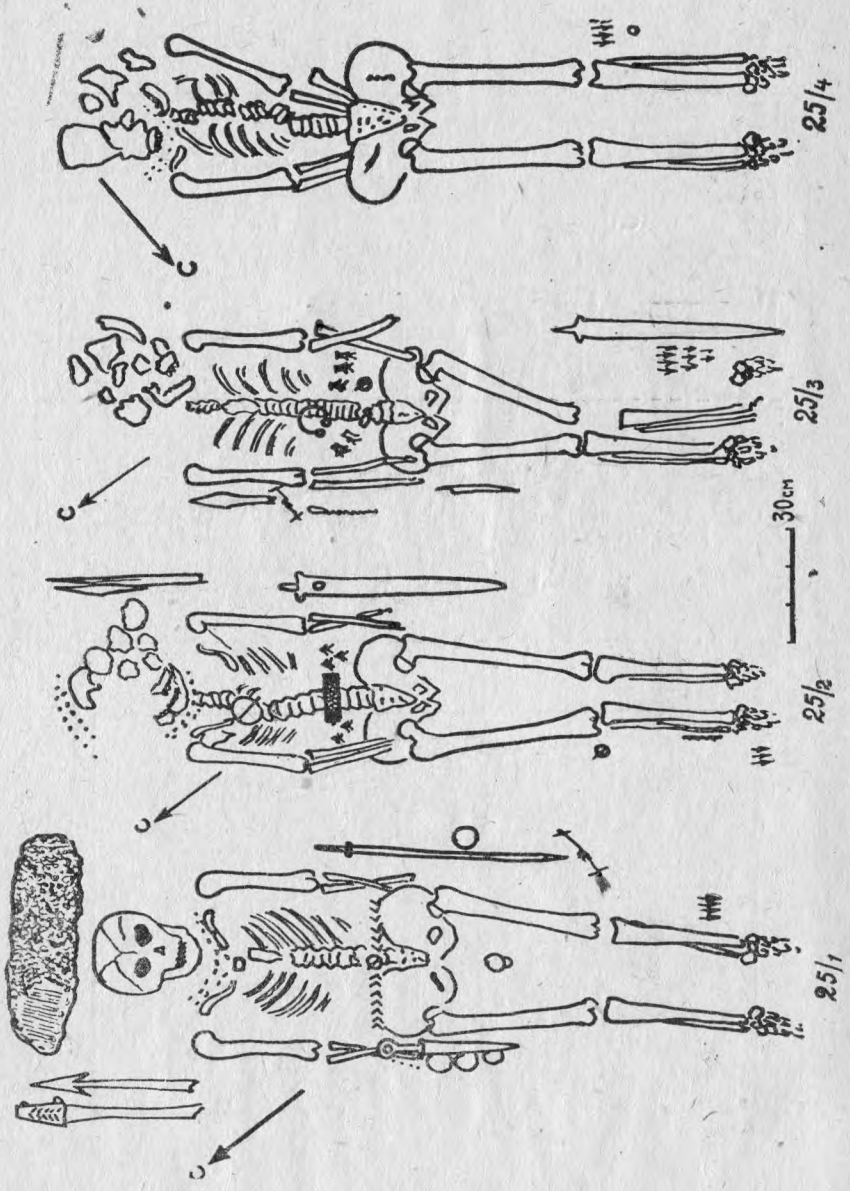

Ю3
49
0,3 м
С3
43
С3
36
35
С3
28

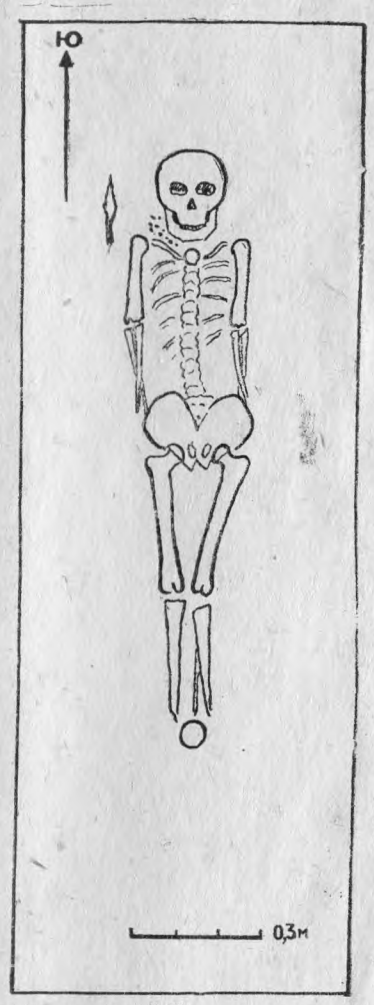


29

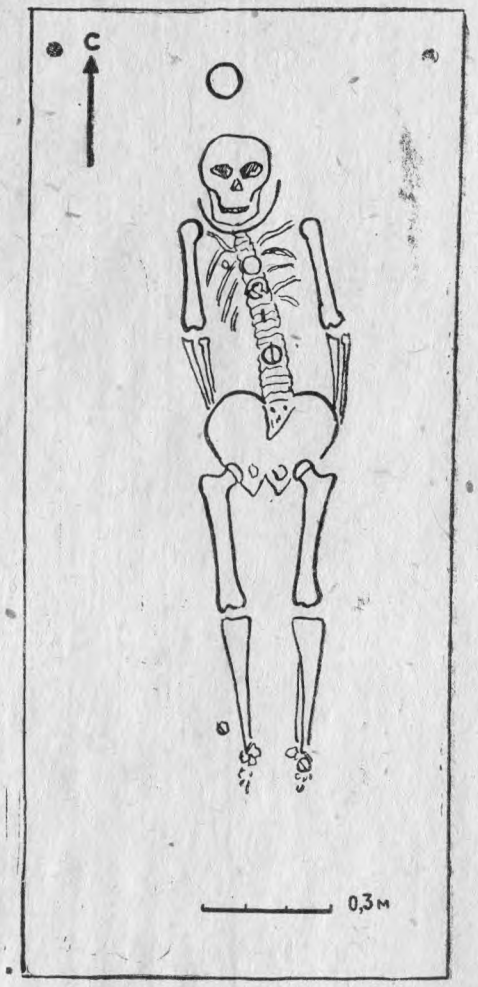
32



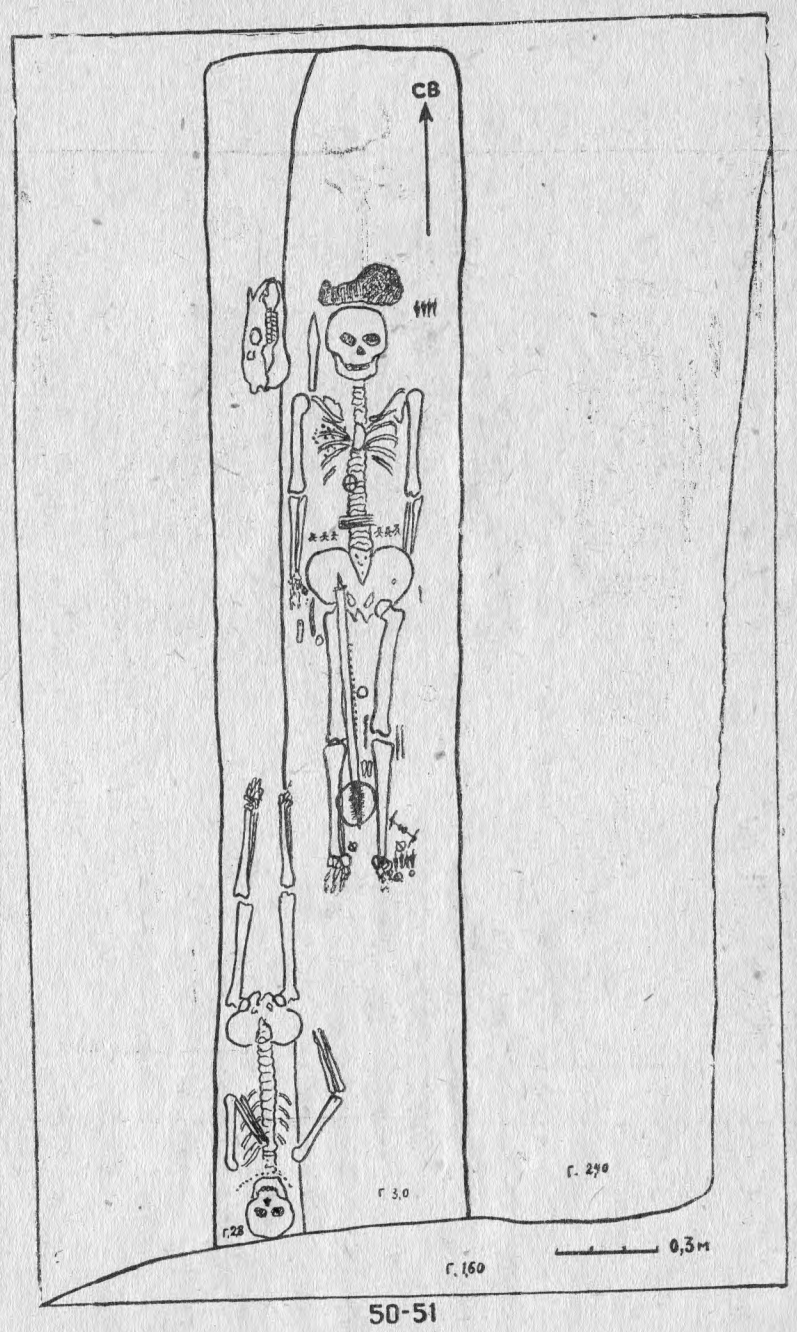




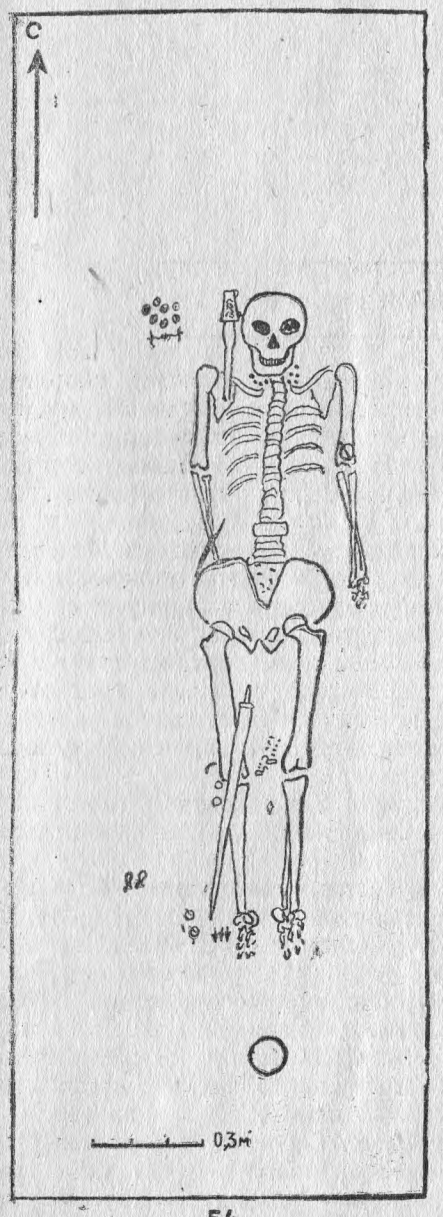
45



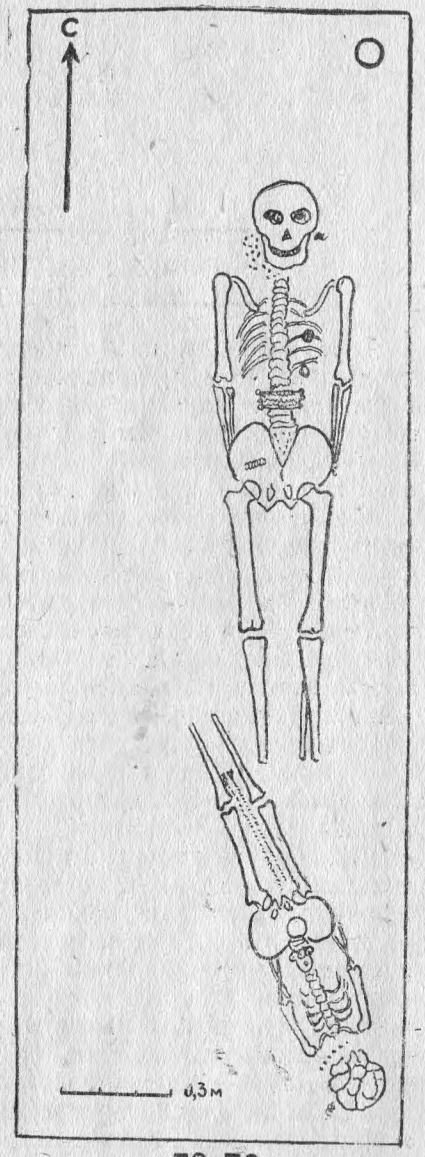
47



50-51



54



38-39

ПАВЕЛ ГЕОРГИЕВИЧ СОФИНОВ

9 мая 1964 г. после непродолжительной болезни скоропостижно на 48-м году жизни скончался видный ученый, доктор исторических наук, профессор Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Павел Георгиевич Софинов, который много сделал и для развития исторической науки в Мордовии, для роста её научных кадров.

Павел Георгиевич родился в 1915 г. в с. Ленинском Мечетенского района Ростовской области в семье крестьянина-бедняка. В 1930 г. комсомольская организация села выдвинула его на работу в окружную газету «Майкопская правда», где Павел Георгиевич стал редактором комсомольского отдела газеты. В 1932 г. он переезжает в Москву и начинает работать в многотиражке завода «Станколит» и в журнале «Интернационал молодежи». В эти годы он написал свою первую брошюру «Люди революции».

В 1933 г. П. Г. Софинов поступил в Московский историко-архивный институт, который окончил в 1938 г., получив диплом с отличием.

Еще будучи студентом, Павел Георгиевич проявлял большую склонность к научной работе. Он систематически сотрудничал в журналах «Красный архив», «Архивное дело», «Исторический журнал», «Борьба классов». На основании глубокого изучения архивных материалов им был опубликован ряд статей: «Кокандское восстание 1875—1876 гг.», «Государственный архив бывшей Российской империи», «А. С. Пушкин — исследователь пугачевского движения», «Внутренняя политика Александра III», «Крестьянское движение в конце XIX в.» и другие.

После окончания института Павел Георгиевич Софинов был командирован в качестве старшего научного сотрудника и зам. управляющего областным архивным управлением в г. Киров, где приступил к изучению жизни и деятельности Феликса Эдмундовича Дзержинского. Вскоре появляется его статья (в сб. «Кировский альманах», 1939) «Ф. Э. Дзержинский в Вятской

ссылке». Продолжая в дальнейшем изучение этой большой и важной темы, Павел Георгиевич написал книгу «Страницы из жизни Ф. Э. Дзержинского» (1956), в которой он впервые ввел большое количество важных и новых документов из жизни и деятельности этого выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства ленинского типа. Книга затем была переиздана на украинском, литовском, чешском, уйгурском и польском языках.

В 1939 году Павел Георгиевич был командирован в аспирантуру Московского историко-архивного института, которую окончил досрочно, и в сентябре 1941 года успешно защитил кандидатскую диссертацию. Темой дальнейшего исследования он избрал историю гражданской войны. С большим интересом Павел Георгиевич изучает архивные документы этого периода. В ряде журналов он публикует статьи: «Чехословацкий мятеж», «Листовки московской организации», «Защита Петрограда от немецких захватчиков в 1918 г.», «Роль южных районов в снабжении Советской республики продовольствием летом 1918 г.», «Пермская катастрофа и ликвидация её последствий» и др.

После окончания аспирантуры Павел Георгиевич был направлен в систему Главного архивного управления сначала ученым археографом, а затем начальником научно-издательского отдела.

Работая в Архивном управлении, Павел Георгиевич продолжал заниматься изучением многочисленных документов по глубоко интересующей его теме — истории гражданской войны. Итогом этой кропотливой и большой работы была его докторская диссертация «Борьба за Юг и Каспий в 1918 г.», успешно им защищенной в апреле 1948 г., когда ему было всего лишь 32 года.

Павел Георгиевич написал ряд глав «Истории гражданской войны в СССР» и был членом редколлегии 3-го и 5-го её томов.

Павел Георгиевич Софинов, являясь одним из больших специалистов по истории борьбы трудящихся Советского государства с иностранными интервентами и белогвардейцами в 1918—1920 гг., написал ряд исследований по истории гражданской войны, ставшими важным вкладом в развитии советской исторической науки.

Павел Георгиевич уделял много внимания и сил пропаганде наших архивов. Им написана большая работа «Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда СССР» (1945). Он был редактором путеводителей «Центрального Государственного архива Красной Армии» и «Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства». Эти работы до сих пор используются нашими историками.

Заслуживает большого внимания исследование Павла Георгиевича по археографии «Из истории русской дореволюционной

археографии» (1957), в которой он делает первую попытку показать в систематическом изложении основные этапы развития русской археографии в XVIII—XX вв.

С большим интересом и положительно была принята историками и широким кругом читателей книга Павла Георгиевича о славных советских чекистах в первые годы Советской власти «Очерки истории ВЧК» (1960), где Павел Георгиевич впервые дает систематизированный, богато документированный очерк деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии. Он освещает многогранную работу ВЧК под руководством Центрального Комитета партии, показывает ее неразрывную связь с трудовыми массами.

Его перу принадлежит также работа о славных боевых и трудовых подвигах комсомольцев в годы гражданской войны «Подвиги комсомольцев в годы гражданской войны» (1959).

Последняя его работа, вышедшая из печати буквально накануне его смерти, в апреле 1964 г.—«Исторический поворот» (Переход к новой экономической политике). В ней Павел Георгиевич рассказывает о причинах перехода к нэпу, о героическом штурме кронштадтской крепости, о первых успехах в восстановлении народного хозяйства страны.

В общей сложности Павел Георгиевич написал свыше 50 научных работ, которые являются несомненным вкладом в нашу советскую историческую науку. Все те, кто знает труды П. Г. Софинова, отдавали должное его большой эрудиции и разносторонности научных изысканий.

Павел Георгиевич был не только видным ученым-исследователем. С 1940 г. он вел большую преподавательскую работу. Вначале в Московском историко-архивном институте, затем с 1952 г. он был профессором кафедры истории СССР в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина. В 1949 г. он читал курс истории СССР советского периода в Карловском университете (Прага) и в Братиславском университете.

Павел Георгиевич много сил и энергии отдавал воспитанию преподавательских кадров для средней и высшей школы. Он воспитал много молодых ученых, которые работают ныне во многих вузах нашей страны. Он много внимания и сил уделял подготовке высококвалифицированных национальных кадров, в частности и для нашей Мордовии. Под его руководством успешно написали и защитили кандидатские диссертации ряд аспирантов Мордовии.

Профессор П. Г. Софинов оказывал немалую помощь и в разработке истории мордовского народа. Особенно действенным было его участие в создании 2-го тома «Очерков истории Мордовской АССР».

Павел Георгиевич, член КПСС с 1943 г., принимал активное участие в общественной и партийно-политической работе, выступал с лекциями по истории нашей ленинской партии и истории народов СССР. Он награжден орденом «Знак Почета», медалями «За победу над Германией», «В память 800-летия Москвы», «30 лет Советской Армии и Флота», «250 лет архивному делу СССР».

От нас ушел в расцвете своих сил большой исследователь и опытный воспитатель советской молодежи. Образ Павла Георгиевича Софинова — крупного советского ученого и педагога будет всегда жить в сердцах всех знавших его.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. Г. Сафаргалиев. Присоединение мордвы к русскому централизованному государству 3

А. Б. Кузнецов. К вопросу о борьбе русского государства за воссоединение западнорусских земель в начале XVI в. 26

А. В. Циркин. Мордовский элемент в погребальном обряде восточных славян 44

В. С. Ивашкин. К вопросу формирования мордовской социалистической интеллигенции (1917—1928 гг) 63

И. Е. Автайкин. Из истории мордовской печати 84

С. К. Котков. Борьба трудящихся Мордовии за подъем сельского хозяйства в начале нэпа (1921—1922 годы) 107

Т. И. Сандина. Из опыта Мордовской партийной организации по осуществлению ленинских принципов укрепления связи школы с жизнью 138

П. С. Ласкуткин. Трудящиеся гор. Рузаевки в борьбе за выполнение семилетнего плана 167

В. Н. Белицер. Сообщение о некоторых этнических процессах мордовского народа 177

А. Е. Алихова, Р. Ф. Воронина, А. В. Циркин. Кельгининский могильник. (Предварительное сообщение) 185

П. Д. Степанов. Андреевский курган. (Предварительное сообщение) 206

Павел Георгиевич Софинов 269

НИИ

ТРУДЫ

Выпуск XXVII

Серия историческая

Мордовское книжное издательство, 1965, 272 стр.

Редактор П. Коровин
Художественный редактор К. Марыжихина
Технический редактор В. Чижикова
Корректоры: В. Ионова, Н. Николаева

Сдано в набор 12/X 1964 г. Подписано в печать 12/II 1965 г.
Ю00013. Бумага 60×90 1/16. Печатн. листов 17. Учётн.-изд. листов 17,4.
Тираж 500 экз. Цена 1 руб. 14 коп. Заказ № 4717.

Книжное отделение типографии „Красный Октябрь" Управления по печати при Совете Министров Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.